ББК 81 Даг.

Рецензенты:

доктор филологических наук Б.Г.-К. Ханмагомедов
доктор филологических наук Н.С. Джидалаев

Н.Д. Сулейманов. Словообразование и структура слова в восточнолезгинских языках. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2000. 318 с.

Настоящая работа представляет собой опыт сравнительно-исторического исследования словообразования, а также структуры слова в восточнолезгинских (лезгинском, табасаранском и агульском) языках.

Все операции по выявлению словообразовательного механизма и определению морфемного состава слова в восточнолезгинских языках разворачиваются на общедагестанском фоне, что дает возможность разграничить факты, относящиеся как к общевосточнолезгинскому и пралезгинскому, так и общедагестанскому уровням.

Работа рассчитана на кавказоведов – научных сотрудников, преподавателей вузов и аспирантов, а также всех тех, кто интересуется вопросами исторического словообразования.

This work is the experience or the comparative-historical inquiry of the word formation and the word-structure in the East-Lezghin (Lezghin, Tabassaran and Agul) languages.

All the operations on the eliciting of the word-formative mechanism and the morphemic structure or the word in the East-Lezghin languages are investigated on the All-Daghestan background that gives an opportunity to differentiate the facts belonging to All-East-Lezghin and parent-Lezghin levels as well as All-Daghestan one.

The work is intended for the specialists of the Caucasian languages, members of staff of research institutes, teachers and post-graduate students as well as for the general public interested in the problems of the historical word-formation.

ISBN 5–297–00955–3

Памяти моих родителей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа выполнялась в отделе грамматических исследований Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук. Вначале предполагалось охватить вопросы, касающиеся исключительно словообразовательной проблематики восточнолезгинских языков*, но по мере всестороннего их изучения возникла необходимость рассмотрения и таких вопросов, как морфология слова, морфологический тип дагестанских языков. Исследование словообразования восточнолезгинских языков в данном (широком) контексте позволило углубиться в механизм словообразовательного процесса восточнолезгинских языков, провести в области словообразования типологические параллели с другими дагестанскими языками.

В работе использованы методы компаративистики, приемы сравнительной типологии и ареальной лингвистики. Благодаря методам компаративистики и сравнительной типологии слова распадаются на значимые части (корень/основа, деривационные аффиксы). Если приемы компаративистики путем сравнительного анализа позволяют выделить в структуре слова материально идентичные компоненты, то методы сравнительной типологии делают возможным сближение данных, которые не соотносятся материально, но совпадают по выполняемой функции,

Развернутые типологические исследования структуры слова на общедагестанском фоне дали возможность выделить ядерную морфему - корень - и определить ее связанный характер. Корень

---

* Лезгинский, табасаранский и агульский языки образуют восточнолезгинскую подгруппу - генетически самую близкую в лезгинской группе языков. Восточнолезгинская подгруппа могла выделиться из общелезгинского языкового состояния до начала I тысячелетия н.э., так как уже в начале I тысячелетия н.э. произошло обособление ингредиентов, образующих восточнолезгинское единство [см. Алексеев 1994:12].

распространяется префиксами и суффиксами или теми и другими одновременно, образуя словообразовательные модели. Ср., например, распространение корневой морфемы *-к1-* посредством различных аффиксов: префиксом: лезг. *ра-к* (←**ра-к1*) "дверь"; суффиксом: аг. *к1-ур* "дерево, саженец", лезг. *к1-ар* "скалка"; префиксально-суффиксальным способом: аг. *му-кк-ур (←*му-к1-ур)* "жердь, шест" таб. *га-к1-ул* "дерево".

Новая интерпретация языковых фактов становится основным принципом современной лингвистики [см. Кубрякова 1994: 5-14]. Нетрадиционно, по-новому трактуются многие лингвистические явления и в нашем исследовании. Такой подход к решению поставленной цели предполагает рассмотрение данных восточнолезгинских языков в общей языковой системе, что позволяет глубже проникнуть в природу исследуемых явлений. Поэтому многие вопросы словообразования восточнолезгинских языков рассматриваются в общедагестанском контексте.

Отдельные примеры встречаются в нескольких местах работы, что может создать впечатление о дублировании одних и тех же положений исследования, в действительности они служат строительным материалом для разных построений.

Автор монографии далек от мысли, что ему удалось в полном объеме осветить все поднятые в ней вопросы, но вместе с тем надеется, что сделанное в этой части как-то продвинуло общую проблематику исторического словообразования восточнолезгинских языков.

* * * * *

Работа издана за счет средств автора.

ВВЕДЕНИЕ

". . . язык умеет обойтись незначительными средствами и поразить своим богатством, так как он бережлив без скупости и исключительно щедр без расточительства"

Я. Гримм

Вопросы исторического словообразования - одна из неразработанных проблем в дагестанских языках, что объясняется недостаточным уровнем сравнительно-исторических исследований в этой области. Данная проблематика слабо изучена не только в рамках дагестанских языков, но и в кавказоведении в целом, что сравнительно недавно отметил Г.А. Климов. "Такой важнейший компонент этимологического исследования, как словообразовательный анализ – пишет он, – встречается у кавказоведов довольно редко" [1985: 17].

Вместе с тем предшествующий период развития дагестанского языкознания характеризуется накоплением значительного эмпирического материала, послужившего надежной базой для сравнительно-генетических исследований как в области фонетики, так и морфологии. Если до недавнего времени ощушалось отставание исследований в сфере сравнительно-исторического словообразования, то работы последних лет свидетельствуют о некоторых успехах в этом направлении. Однако ряд конкретных вопросов словообразования ждет более глубоких исследований, в частности, преодоления в них атомарного подхода и проведения развернутого анализа данных на фоне большого и разнообразного материала.

Это обстоятельство делает исследование сравнительно-исторического словообразования дагестанских языков, в том числе и восточнолезгинских, актуальным. Актуальность на-

стоящей проблемы вытекает и из того, что она представляет собой область, которая имеет свою специфику и отличается от соответствующей отрасли знаний языков иного строя. С этой точки зрения в работе будут освещены и некоторые вопросы, сопутствующие данной проблематике, которые не нашли адекватного отражения в специальной литературе или вовсе не ставились (см., например, такие вопросы, как роль корневой морфемы в словообразовательном процессе и ее связь с словообразовательными аффиксами, функциональное варьирование одной и той же морфемы и др.).

Первые сведения о словообразовании в дагестанских языках находим у П.К. Услара, см., например, его точку зрения на возможность выполнения классными показателями словообразовательной функции [Услар 1889: 83-84]. Значительно позже мысль о возможности выполнения деривационной функции показателями "родового признака" была четко выражена Л.И. Жирковым [1948 б: 21]. Этот, казалось бы, очевидный факт почему-то выпал из поля зрения последующих ученых, которые рассматривают указанные компоненты только в качестве классных показателей и отказывают им в возможности выступать в иных функциях. А между тем полифункциональный характер грамматических классов очевиден, так, при одной и той же корневой морфеме могут варьировать классные показатели, которые образуют оппозиционную пару по полу, например: ав. *ва-ц* "брат" *йа-ц* "сестра", дарг. *у-хъна (← *ву-хъна)* "старик" – *ру-хъна* "старуха". Как видно из примеров, классные показатели в данном случае играют роль деривационных аффиксов, которые, присоединяясь к одной и той же корневой морфеме, создают различные номинации. Способность языков (в данном случае дагестанских) совмещать в одном аффиксе формальный и деривационный признаки отметил Л.И. Жирков, объяснивший такое положение следствием "диффузности мышления" их носителей [Жирков 1948 б].

Первые деривационные разработки связаны с грамматическими исследованиями дагестанских языков, в которых, наряду с вопросами морфологии, получают освещение способы образо-

вания отдельных частей речи и выделяется некоторый инвентарь словообразовательных морфем [см. А.Бокарев 1949; Е.Бокарев 1959; Микаилов 1959; 1964; Гудава 1959; Магометов 1963; 1965; 1970 а; 1982; С.Абдуллаев 1954; Имнайшвили 1963; Муркелинский 1971; Мадиева 1965; 1980; Хайдаков 1975 и др.].

С середины 50-х годов словообразование становится объектом специального изучения. К этому времени относятся публикации, в которых деривационному анализу подвергаются числительные собственно цезского [Мегрелидзе 1955], а также на основе сравнения материалов цезских языков – словообразовательные модели числительных в указанной группе [Ломтадзе 1957]. В сравнительном аспекте исследуются словообразовательные суффиксы аварского и каратинского языков, выявляются способы именного и глагольного словообразования в аваро-андо-цезских языках [см. Магомедбекова 1959; 1987: 215-224; 1990: 66-80].

Определенный материал по словообразованию дагестанских языков содержат грамматические очерки в книге: "Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки". М.: Наука, 1967. Т. 4.

Вопросы словообразования в дагестанских языках находят освещение в связи с разработкой лексикологических проблем [см. Мусаев 1978; Азаев 1975]. Так, некоторые приемы, касающиеся семантических модификаций и выделения суффиксов, всецело относятся к области деривации. См., например, семантическую трансформацию слова *мучари* "кукурузный хлеб" и словообразовательную морфему *-ари*, образующую деривационную модель со словами *мухъи* "ячмень", *махIар* "голый ячмень" и др. в даргинском языке [Мусаев 1978: 54].

Словообразованию посвящена глава в монографии С.М. Хайдакова по лексике лакского языка [1961: 128-140], отражающая основные способы словообразования: суффиксальный, словосложение.

Заметное оживление в сфере словообразования дагестанские языков наметилось с 70-х годов. Словообразовательным операциям подвергаются как именные [Микаилов 1972; Абдусаламов 1974; А.Абдуллаев 1979; Маммаева 1981; 1990; Темирбулатова

1988 б; И. Абдуллаев 1990; Магомедова 1990 и др.], так и глагольные [Муркелинская 1980; Халилов 1980; З. Абдуллаев 1990; 1991; Маллаева 1989; И. Абдуллаев 1992 а и др.] структуры. Глагольному словообразованию посвящается одна из кавказоведческих сессий, проходившая в г. Майкопе [ТРНСИСИИКЯ 1990]. Значительное место в ее материалах занимают сведения из дагестанских языков. Частично данная проблематика находит отражение и в работе Восьмой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков [СППИКЯ 1983]. Различные аспекты словообразования дагестанских языков легли в основу одного из тематических сборников [ВСДЯ 1986].

Богатый материал, который может быть основой исследований в области словообразования, содержится в трудах по отраслевой лексике [см. ЕИКЯ 1975; ОЛДЯ 1984; ПОЛДЯ 1985; ПОЛДЯ 1986; ОЛДЯ 1988] и ономастике [см. Ибрагимов 1972; И. Абдуллаев 1972; ДО 1991 и др.]. Ценность данного материала заключается в том, что в научный оборот вовлекаются лексемы, не изучавшиеся ранее, и возрастает научная значимость генетических и историко-этимологических исследований, базирующихся на достоверных фактах, неотъемлемой частью которых являются отраслевая лексика и показания ономастики.

Иллюстрацией важности отраслевой лексики для сравнительно-исторических исследований может служить следующее. В статье И.Х. Аблуллаева и И.Ц. Маммаевой "Названия вьючных животных и связанных с ними понятий в лакском языке" для наименования "выкидыша ослицы и кобылы" приводится слово *к1вала,* а для "жеребая" - *к1валун бусса* [1988: 52]. Обе лексемы имеют общую основу *к1вал,* которая выделяется путем аппликации форм *к1вал-а* и *к1вал-ун,* что представляет собой чисто формальную процедуру. С семантической точки зрения требуется этимологический анализ, обязательным условием которого служит привлечение данных родственных языков. Так, при сравнении с материалами других языков оказывается, что и основа *к1вал* – производная, состоящая из корневой морфемы *к1в-* и словообразовательного аффикса *-ал.* Такое структурное

членение выявляется путем сопоставления лакского *к1вала* с даргинским *а-к1-ес* "родиться": как в лакском, так и в даргинском примерах морфема *к1* присутствует в словах, обозначающих понятия, которые связаны с процессом зачатия и искусственного (или естественного) разрешения от бремени, то есть с категориальным значением вербальности.

С другой стороны, морфема *к1* широко употребляется в словах с категориальным значением субстантивности. В дагестанских языках с предметным значением она выступает в ряде слов, обозначающих различного рода помещения, исходная семантика которых соотносима с общим понятием "вместилище"[1]: лезг. *к1вал* "дом, комната", крыз., буд. *к1ул* то же, ав. *бокь* "конюшня", "хлев", анд., ботл., год., багв. *бекьи,* чам. *бекь,* тинд. *бокьи,* кар. *бекье,* ахв. *бекьо,* хварш. *бул1у* "конюшня", гин. *бул1е* "дом", гунз. *бул1и,* беж. *мил1ор* то же. Для фонологического ряда *кь~л1~к1* сильная глоттализованная латеральная аффриката **кь* является исходной [см. Гигинейшвили 1977: 109].

Семантическая соотнесенность корневой морфемы *кь* с понятием "вместилище" мотивируется и следующими примерами: ав. *бакь-у-лъ* "внутри", "в середине", "между", анд. *бакь-у,* бот., год. *бакьу,* чам. *бакь-а*ⁿ, багв. *бакь-а,* тинд., кар. *бакьи,* дид., гин. *рол1о,* хварш. *лол1а,* беж. *ралъи* (тляд.), гунз. *ралъе* "середина", "половина" [Гудава 1979: 183].

Данный историко-этимологический этюд свидетельствует об открывающейся перспективе при использовании материалов отраслевой лексики и ономастики в сравнительно-исторических исследованиях, о расширении эмпирической базы, на которую они опираются.

Наконец, нельзя не указать на коллективный труд "Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков" [СИЛДЯ 1971], в котором собран и обобщен ценный материал. В данной

---

[1] В этом семантическом ряду уместно рассмотреть и фразеологическую единицу со значением "желудок" в дагестанских языках. Ср. лезг. *хуьйракзин к1вал* (ахт.) (букв. "(горячей) пищи дом"), арч. *куимуллин нокь* ("пищи дом"), ав. *кунил рокъ* ("пищи дом"), где ассоциативная связь компонентов с исходным значением * "*вместилище пищи*" прозрачна.

работе все лексические единицы подвергаются структурному анализу. Среди морфем выделяются и словообразовательные аффиксы. Иногда морфемное членение слова носит формально-структурный характер, что ограничивает содержательную сторону исследуемого объекта.

Определенный деривационный материал выявлен в "Сравнительно-сопоставительном словаре дагестанских языков" [Хайдаков 1973].

Исследования вопросов словопроизводства в лезгинских языках относятся главным образом к области синхронного описания, хотя в отдельных случаях имеются попытки исторического анализа словообразовательного процесса. Строго компаративные исследования в этой области единичны.

Первые сведения по словообразованию, как отмечалось выше, находим у П.К. Услара. Как отмечает Р.И. Гайдаров, в монографии по кюринскому (лезгинскому) языку [Услар 1896] он рассматривает "некоторые словообразовательные элементы и спобы в лезгинском языке, отмечаются лексико-грамматические группы слов, образующихся при помощи того или иного аффикса, делается попытка установить семантические границы отдельных словообразовательных моделей и т. п. " [Гайдаров 1966: 10]. В другой работе "Табасаранский язык" [Услар 1979] подробно на большом материале он анализирует словообразование отвлеченных имен существительных в табасаранском языке при помощи суффиксов *-вал* и *-шин* (с. 106-108). Отмечается взаимозаменяемость во многих случаях этих суффиксов. Указываются способы образования прилагательных от форм родительного падежа существительного (с. 120), наречия места и времени (с. 122-124), способы образования личных местоимений (с. 131), количественных (с. 151-152), порядковых (с. 157-158) числительных и др.

Вызывает недоумение, что у такого скрупулезного исследователя, каким является П.К. Услар, глагольные словообразовательные префиксы – преверба остались неотмеченными. Для него пространственные отношения в глаголах связываются с вспомогательными глаголами: *ава* "нахождение в пространст-

ве"; *гва* "нахождение около, при, *у*,"; *ква* "нахождение под"; *ала* "нахождение на"; *гала* "нахождение за" [см. Услар 1896: 108-118]. Таким образом, у П.К. Услара пространственные морфемы связаны с вспомогательными глаголами локальной семантики, сами превербы в чистом виде им не выделяются. Что же касается превербов в составе знаменательных глаголов, то они остались неотмеченными.

Некоторый деривационный материал по лезгинским языкам содержится в работах А.М. Дирра [1904; 1905; 1907; 1908; 1911; 1913]. В них выделяется один из основных ингредиентов глагола – превербы. Впервые приводится сравнительная таблица превербов табасаранского, агульского, рутульского и цахурского языков [Дирр 1913: 63].

Вклад в решение проблем словообразования лезгинского языка внесли работы, развернувшиеся в конце 30-х и начале 40-х годов по орфографии, терминологии, а также русско-лезгинский школьный словарь[2].

Вопросы исследования словообразования и диалектологии тесно взаимосвязаны. В процессе работы над диалектным материалом приходится на основе лексических сопоставлений выявлять черты общие и дифференциальные, а в области словообразования, как самой подвижной, перед диалектологом открывается широкий диапазон словообразовательных возможностей языка, сосредоточенных в его диалектах.

У истоков лезгинской диалектологии стояли такие известные языковеды, как А.Н. Генко, М.М. Гаджиев. Последующие исследования лезгинской диалектологии связаны с именами Р.И. Гайдарова, У.А. Мейлановой. Отметим наиболее крупные труды, в которых специальное место, наряду с фонетикой, морфологией, лексикой, отводится и словообразованию.

Одна из первых монографических работ по лезгинской диалектологии посвящается ахтынскому диалекту [Гайдаров 1961]. Словообразование в данном диалекте, в сравнении с литературным языком, имеет особенности и различия. Выделяется около

---

[2] Подробный анализ этих работ см. [Гайдаров 1966: 16-20].

тридцати морфем, имеющих фонетические различия. Но главное их отличие кроется в том, что одна и та же производящая основа в диалекте и литературном языке присоединяет разные словообразовательные суффиксы или эти различия распространяются как на словообразовательные суффиксы, так и производящую основу, образующие одну и ту же номинацию, например: ср. *хулухъэн* и лит. *хулербан, къубучи* "тот, кто смотрит за исправностью оросительной системы", *ччаттухъан* и лит. *ччаттун уст1ар, ракьун уст1ар* "кузнец" и т.д. [Там же: 67]. Рассматриваются и производящие основы, от которых при помощи тех или иных деривационных суффиксов образуются субстантивы. Здесь же рассматривается словообразование способом основосложения [Там же: 65-66].

В 1963 г. выходит в свет первое диалектологическое исследование, в котором обобщены материалы основных (шести) диалектов лезгинского языка: ахтынского, фийского, гюнейского, яркинского, курахского, кубинского [Гайдаров 1963]. Особую ценность в этой работе представляет сравнительный словарь по указанным шести диалектам лезгинского языка объемом 1500 слов. Значимость диалектического словаря невозможно переоценить, если учесть, что именно здесь выявляются словообразовательные ресурсы языка. Весь предшествующий этап научной деятельности Р.И. Гайдарова явился "прелюдией" к такому обобщающему исследованию, как "Лексика лезгинского языка" [Гайдаров 1966], в котором 70% общего объема занимают вопросы словообразования. На сегодня это единственный в дагестановедении фундаментальный труд по словообразованию и лексике отдельного языка. Хотя материальной базой работы выступает лезгинский литературный язык, в ней широко используются и материалы его диалектов, реже – близкородственных языков. Исследование написано в синхронном плане, привлечение данных диалектов и близкородственных языков вызвано необходимостью историко-этимологического анализа при объяснении словообразовательного процесса. Выделяются три способа словообразования или словопроизводства: суффиксация, основосложение, обособление. Каждый из указанных раз-

делов имеет ряд подзаголовков. Для нашего исследования имеют значение те положения данного труда, которые проливают свет на исторические факты языка. Такого материала в работе много. Весьма удачно проводится грань между заимствованным суффиксом *-ган* (аз.) и суффиксом *-ан* (аффикс причастия) с предшествующим согласным *г*, который исторически относится к основе.

Подробно описан деривационный суффикс *-хъан* [Гайдаров 1966: 67-70]. При освещении способа основосложения часто приходится проводить реконструкции, восстанавливая недостающие части слова (в случаях компрессии), а также подвергать этимологическим операциям сложное слово, см. *ххканек* "простокваша" ← *хук ягъай/яй* "окисленный; заквашенный" + *нек* "молоко" [Там же: 108]. Следует отметить, что значительное количество этимологических справок, которые несут важную историческую информацию, помещены в примечаниях. Многие слова, не получившие широкого распространения и встречающиеся в произведениях отдельных писателей, паспортизируются. И, наконец, самое главное – большинство вопросов, поднятых в работе, впервые находит положительное решение и системное изложение.

Вопросы теории словообразования лезгинского языка еще не ставились в специальной литературе. Этот пробел восполняется в исследовании "Основы словообразования и словоизменения в лезгинском языке" [см. Гайдаров 1991], где создается понятийный аппарат словообразования лезгинского языка, разрабатываются такие понятия, как "словообразовательная мотивация", "словообразовательная цепочка", "словообразовательное гнездо", "словообразовательный тип" и др. Словообразованию в лезгинском языке посвящены и другие его труды [см. Гайдаров 1988: 302-308].

Большой диалектологический материал по словообразованию содержится в "Очерках лезгинской диалектологии" [Мейланова 1964]. В работе рассматриваются способы образования имен и глагола в диалектах лезгинского языка, которые во многих случаях совпадают со способами образования в литератур-

ном языке, но в ряде случаев они расходятся [см. Мейланова 1964: 83-85; 96-98; 170-172; 209; 216 и др.]. Довольно полно исследованы вопросы деривации в области имен существительных и глагола в монографии по гюнейскому диалекту [Мейланова 1970: 101-108; 128-131]. Часто гюнейские формы с определенными словообразовательными суффиксами не имеют соответствующих эквивалентов в литературном языке *(хпnехъан* "овечий пастух"), некоторые номинации передаются разными лексемами *(гурмилаг – варданаг* "каменный каток для утрамбовки крыши") или образуются разными словообразовательными суффиксами *(нехирхъан – нехирбан* "пастух"), один и тот же суффикс может присоединяться к разным производящим основам (*гъварган – хемирган* "посуда для хранения дрожжей или куска кислого теста") [Там же: 104-105]. Имеются в работе элементы историзма при объяснении, связанных с обособлением некоторых форм, например, множественного числа и выполнение им деривационной функции: *гъуцар* "бог" *кьуьгъвер* "пашня", "вспашка" и др. [Там же: 105].

Некоторые вопросы лезгинского словообразования рассматриваются в трудах Б.Б. Талибова [см. Талибов 1958; Талибов, Гаджиев 1966].

Большой вклад в разработку словообразовательной системы табасаранского языка внес А.А. Магометов. В известном его исследовании "Табасаранский язык" значительное место отводится способам словообразования в сфере существительных, прилагательных, глагола, наречий [Магометов 1965: 141-151; 156-159; 217-224 и др.]. Много внимания в своих трудах он уделяет вопросам глагольного словообразования табасаранского языка [Магометов 1955: 359-415; 1956 а: 315-340; 1961: 227-239].

Отдельные стороны словопроизводства табасаранского языка отражены и в других работах [см. Ханмагомедов 1967; 1996: 55-56; Курбанов 1980: 154-159; 1981; 1990: 113-122 и др.].

Словообразовательные ресурсы агульского языка нашли свое место в монографии "Агульский язык" [Магометов 1970: 88-91; 158-166; 169-171 и др.].

Определенный материал по словообразованию агульского языка содержится в работе Р. Шаумяна "Грамматический очерк агульского языка" [1941]. Ценный словообразовательный материал по диалектам агульского языка можно почерпнуть из диалектологического словаря, приложенного к данному исследованию.

Некоторые вопросы рутульской деривации в области субстантивов, прилагательных, глаголов, наречий освещает Г.Х. Ибрагимов [1978: 63-68; 71; 157-158; 180-183; 186; 1980]. Им же разработаны проблемы словообразования в цахурском языке [1990].

В последние два десятилетия в связи с общей активизацией исследований бесписьменных языков появляются работы, затрагивающие отдельные стороны деривации.

Одна из глав кандидатской диссертации Д.С. Самедова по арчинскому языку посвящена словообразованию, в которой рассматриваются словообразовательные модели субстантива, глагола и наречия [1975: 3-11].

Обстоятельно и полно исследованы вопросы глагольного словообразования шахдагских языков [см. Хидиров 1964; 1981: 155-167; Мейланова 1977: 227-237; Алексеев 1983: 243-250; Ширинова 1997: 19-21]. Материал по глагольному словообразованию содержится и в грамматическом очерке, представленном в "Будухско-русском словаре" [Мейланова 1984: 183-201].

Имеются отдельные материалы и по словообразованию хиналугского языка [Кибрик, Кодзасов, Оловянникова 1972; Керимов 1980; 1986; Ганиева 1986: 121-126].

Вопросы словообразования лезгинских языков рассматривались с широким охватом материалов как лезгинской группы языков, так и других дагестанских [Гайдаров 1969: 112-116; Талибов 1969: 80-100; Сулейманов 1980 б: 202-209; 1988: 80-87; 1992 а: 108-130; 1993 б; Алексеев 1985: 108-123; 1988 а; Загиров 1986: 144-149; 1987 и др.].

В последние годы в дагестановедении оживилась работа в области отраслевой лексики, что отразилось и на лезгинских

языках. Данные по отраслевой лексике раскрыли перед исследователями целый спектр словообразовательных средств.

Если в синхронном описании словообразования дагестанских языков достигнуты определенные результаты, то сравнительно-историческое исследование вопросов словопроизводства, можно сказать, находится еще в начальной стадии. Имеются единичные работы, в которых, наряду с вопросами морфологии и лексики, решаются и проблемы словообразования [см. Алексеев 1985: 108-123; Загиров 1987: 122-131]. Что касается монографического компаративного исследования по словообразованию, то оно отсутствует. На этом основании проблема сравнительно-исторического изучения словообразования восточнолезгинских языков становится весьма актуальной и перспективной.

Как отмечалось нами выше, в дагестановедении исследований по словообразованию строго компаративного направления очень мало, а в имеющихся немногих работах почти не отражены приемы, используемые в новейших сравнительно-исторических исследованиях. Главное – не проводится принцип релятивной хронологии, учитывающий строгий отбор лингвистического материала, что делает реконструкции более надежными, а выводы – аргументированными [Сулейманов 1991 б: 116]. Данный вопрос является принципиальным и относится ко всем исследованиям, ориентированным на сравнительно-историческое изучение. Следование принципу релятивной хронологии требует от исследователя строгого отбора эмпирического материала, тотального его охвата. В связи с этим необходимо преодолеть атомарный взгляд на изучаемый объект, при котором изучение того или иного явления должно проходить в общей языковой системе. Рассматривая определенный языковой факт, необходимо выявить его хронологическую глубину, так как факты одного и того же языка или группы языков могут быть хронологически разного уровня. Многие примеры свидетельствуют о том, что привлечение ограниченного материала в сравнительно-исторических исследованиях может привести к неверным выводам. Так, например, ограничиваясь материалами лезгинских языков, в одном из своих публикаций, рассматри-

вающих направительные превербы, мы пришли к выводу о том, что "направительный преверб *ч* является новообразованием в агульском языке, развившимся в период после его диалектного дробления" [Сулейманов 1993 б: 161]. При более глубоком исследовании данного вопроса в связи с общим процессом формирования направительных морфем в дагестанских языках выясняется, что направительный преверб *ч* в агульском языке представляет собой не инновацию, а, напротив, является модифицированной как семантически, так и материально формой, дошедшей из общедагестанского состояния. Агульская форма *ч* через посредство палатализованного согласного *к'* развилась из общедагестанской неинтенсивной глухой латеральной аффрикаты **л1ъ*.

Это имеет место и в других работах. Нередко сравнительно-историческое исследование в частных ветвях дагестанских языков не выходит за пределы той или иной группы языков. Если исследование, скажем, относится к аварской группе, то соответственно для сравнения привлекаются языки этой группы, если – к лезгинской, то – языки лезгинской группы и т. п. В отдельных случаях эпизодически привлекаются и языки других групп, но сравнительный анализ при этом не проводится последовательно, выявляя системные связи рассматриваемых языковых явлений. В специальной литературе уже отмечалось, что "сопоставление языковых фактов, вырванных из контекста некоторой целостной системы, заранее ограничивает перспективы решения поставленной проблемы" [Климов 1974: 3].

Так, например, в одной из работ отмечается роль семантических преобразований в словообразовании лезгинских языков и приводятся формы слова "дедушка", которые имеют общую модель: лезг. *ч1ехи буба* (букв. "большой отец"), таб. *аьхю адаш*, аг. *х1адад (← х1а дад)*, рут. *кьухьды дид*, арч. *дозйа* (←**до1з дийа)* и др. На основе данного структурно-семантического сходства в образовании слова "дедушка" в указанных языках ставится вопрос об общелезгинском характере модели "большой + отец". Однако поиски данной словообразовательной модели за пределами лезгинской группы языков и ее распространение в

других дагестанских языках (ср. дарг. *хала дудеш*, ав. *к1удийав эмен*, анд. *воч1уха има* и др.) дают основание раздвинуть хронологические рамки до общедагестанского уровня.

Но имеются случаи, когда словообразовательные модели представляют собой всего лишь продукт восточнолезгинского состояния: лезг. *зул* "осень" → *зул-ухъ* "осенью" → *зулухъ-ди* "к осени"; таб. *чвул* "осень" → *чвл-ихъна* "к осени"; аг. *цул* "осень" → *цул-ихъ* "осенью" → *цулихъ-ди* "к осени".

Это подтверждается и данными других уровней языка. К примеру, довольно часто хронологическая глубина исследования отдельных вопросов сравнительно-исторической морфологии не переходит за черту восточнолезгинской языковой плоскости, что указывает на самостоятельное развитие морфологического инвентаря в этих языках после отторжения от самурского состояния.

Историческое словообразование дагестанских языков требует использования специальных методов исследования. При всем совершенстве приемов сравнительно-исторического языкознания остаются вопросы, которые требуют своего разрешения в рамках определенных языков, что вызывает необходимость создания частных методик. В этом смысле методы компаративистики, выработанные в недрах индоевропейских языков, могут обогащаться результатами исследований некоторых подгрупп / групп дагестанских языков.

ГЛАВА I.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИИ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ И МЕСТО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РЯДУ ДРУГИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Первые исследования по морфологии дагестанских языков связаны с трудами П.К. Услара [1889; 1890; 1892; 1896; 1979]. Морфология частей речи представлена им по образцу традиционной (классической) грамматики, восходящей к античной традиции. П.К.Услар распределяет словообразование по частям речи, аналогично оно распределяется и последующими учеными, изучающими морфологию дагестанских языков [Дирр 1908; Жирков 1941 и др.].

Говоря о формообразовании и словообразовании, необходимо отметить, что если первое учеными принимается единодушно в качестве объекта исследования грамматики, то относительно словообразования имеются различные точки зрения в отечественном языкознании. Многие ученые включают словообразование в сферу грамматики, при этом словообразование или растворяется в разделах о частях речи [Шаумян 1941; ГРЯ 1952 и др.] или дается в конце грамматики после описания форм образования частей речи [см., например, Алексеев 1985].

По-разному решается вопрос о месте словообразования в системе описания языка. Многие исследователи включают его в морфологию [Москальская 1956; ГОЯ 1963; Никитевич 1978; 1982], другие – в лексику [Исаченко 1954; Левковская 1960; Смирницкий 1956; ЛСАЯ 1959]. Некоторые из лингвистов отводят словообразованию специальное место и наравне с морфологией и лексикой дают как самостоятельный раздел [Абаев 1959; Немченко 1984: 9].

Проблема определения места словообразования в языкознании неадекватно решается и современными исследователями дагестанских языков. Во многих случаях в дагестановедении

ориентируются на установившуюся в отечественном языкознании точку зрения, согласно которой словообразование рассредоточено в морфологии по соответствующим частям речи [Микаилов 1959; Е.Бокарев 1959; Гайдаров 1961; Мадиева 1961; Магометов 1965; Магомедбекова 1967а; Мейланова 1971; Ибрагимов 1978; З.Абдуллаев 1993а; Курбанов 1995]. Словообразование представлено и в некоторых лексикологических работах. Широкое освещение оно получило в трудах Р.И.Гайдарова [1966] и В.М.Загирова [1987]. Словообразовательные аффиксы становятся объектом изучения в связи с рассмотрением проблем, связанных со структурой слова и определением морфемного его состава [Гайдаров 1991; СИЛДЯ 1971; Гудава 1959; 1979; Гигинейшвили 1977; И.Абдуллаев 1992а: 142-173]. Аналогичному рассмотрению они подверглись и в различных статьях.

Словообразование становится объектом самостоятельного исследования в трудах А.К. Абдуллаева [1981], З.Г. Абдуллаева [1993 б], С.З. Алиханова [1994].

Вопрос о месте словообразования среди других лингвистических дисциплин ни в отдельных языках, ни в дагестанских языках в целом еще не ставился. Вместе с тем решение его сопряжено с определенными трудностями по причине различного характера словопроизводства в различных языках. Так, определяя характер словообразования в русском языке, В.В. Виноградов подчеркивает: "В сфере изучения закономерностей и процессов морфологического и синтаксико-морфологического образования слов словообразование тесно сближается с морфологией, иногда как бы сплетается с ней. В кругу вопросов, связанных с изучением процессов лексикализации словосочетаний, а также процессов лексико-семантического образования слов, словообразование неотрывно от лексикологии" [Виноградов 1952: 152].

Данная концепция В.В. Виноградова легла в основу и некоторых новейших исследований в сфере словообразования [см. Марков 1968: 3-8; Николаев 1987: 4 и др.].

Иначе говоря, место словообразования зависит от структурной организации слов, образующих словообразовательные модели. Поэтому, как справедливо отмечает М.А. Кумахов, дан-

ный вопрос не может быть решен без учета структурного своеобразия одного языка или группы родственных языков [Кумахов 1964: 10]. При этом необходимо учесть, что в языке могут быть слова, образованные аффиксальным способом (и тогда необходимо говорить о включении словообразования в морфологию) и при помощи нулевой аффиксации – случаи конверсии (здесь необходимо вести речь также о включении словообразования в морфологию), и слова, образование которых связано с многозначностью, омонимией и лексикализацией синтаксических сочетаний (здесь необходимо говорить о включении словообразования в состав лексики).

Настоящее исследование не ставит перед собой цель решить все вопросы, касающиеся места словообразования в ряду других лингвистических отраслей, а пытается лишь коснуться тех сторон этой сложной теоретической проблемы, которые имеют отношение к морфемной структуре слова в восточнолезгинских языках, то есть все что касается морфологии (строения) слова в данных языках. Так как морфемы, являясь значимыми единицами языка, охватывают словоизменительные и деривационные аффиксы, возникает необходимость их комплексного рассмотрения как конститутивных единиц низшего уровня.

Значительные трудности при определении (выделении) словообразовательных морфем встречаются при диахроническом анализе структуры слова. Особенно это проявляется при вычленении препозитивных деривационных аффиксов в структуре именных основ. В этой позиции они, с одной стороны, связаны с пространственными единицами, с другой, – с грамматическими классами. В одном и другом случаях необходимо, очевидно, говорить о реинтерпретации пространственных аффиксов и классных показателей, то есть о переходе к указанным аффиксам словообразовательных функций. С другой стороны, не лишено аргументации и мнение, согласно которому они представляют из себя синкретические единицы, совмещающие в себе как функции показателей грамматических классов и локальных аффиксов, так и деривационных морфем. См., например, дифференциацию слов классными показателями по половому признаку и

значению. Это слова типа аварского *ва-с* "юноша, сын" и *йа-с* "девушка, дочь" или даргинского *у-зи* (← **ву-зи*) "брат" и *ру-зи* "сестра". Такое состояние для указанных аффиксов прослеживается не только в прадагестанский период, но и в пору восточнокавказского языкового единства. Здесь мы приближаемся к вопросу о морфологическом типе дагестанских (вообще) и восточнолезгинских (в частности) языков, а также о структуре слова в указанных языках (см. об этом ниже).

Наиболее продуктивными словообразовательными морфемами восточнолезгинских языков, участвующими в именах существительных в конечной позиции слова, являются сонорные согласные *л, м, н, р,* которые могут сопровождаться различными гласными.

-л: таб. *вуг-ел* "чесотка, шолуди", лезг. *ккв-ал,* аг. *уг-ал* то же (ср. аг. *уг-ас* "чесаться, зудеть", лезг. *кк-ун)*; таб. *мурхь-ул* "подпорка", аг. *мурхь-ил* (ср. лак. *мурхь* "дерево"); таб., аг. *т1-ил* "веревка", лезг. *ц1-ил,* а также лезг. *т1в-ал* "узел", аг. *и-т1-ул* (ср. аг. *и-т1-*, лезг. *ку-т1-* "привязать"); аг. *ч1-ал* "сорняк", таб. *ч1-ал* "плевел", лезг. *эч1-ел* "сорняк" (ср. лезг. *эч1-* "полоть", а также ав. *ч1а-р-*, лак. *ч1у-* то же); таб. *чч-ил* "ягненок", аг. *кк-ел,* лезг. *к1-ел (кк-ел),* где словообразовательный суффикс выделяется на основе сопоставления со словом с аналогичной корневой морфемой – таб. *мар-чч,* аг. *ма1р-чч* "овца"; таб. *би-т1-ал* "протекание" (ср. аг. *а-т1-* "поливать, наливать"); аг. *ъ'-ул,* таб. *уь-л* "хлеб" (ср. аг. *ъ'-ал-, ъ'-ут1-* "есть, кушать", лезг. *уь-т1-)*;

-м: таб. *шут1-ум* "щипок, щепотка", ср. аг. *шут1* "щипок";

-н: аг. *лих-ун* "работа", таб. *лаьх-ин* (ср. аг. *лих-*, таб. *лих-* "работать"); таб. *даьхъ-ин* "тень", лезг. *хъ-ен,* ср. аг. *аьхъ* то же;

-р: лезг., таб. *аф-ар* "пирог", аг. *ъ'уф-ер* (ср. лезг., крыз., буд. *фу,* рут. *хьыв* "хлеб"); лезг. *ттв-ар,* таб. *ву-д-ар* "зернышко" (ср. аг. *уд (←*ву-д)* "зернышко").

Не менее сложен вопрос о пространственных морфемах, участвующих в структуре имен существительных. В качестве суффиксов они входят в состав лексикализовавшихся форм локативных падежей, ср. лезг. *т1уб* "палец" – *туп1-ал* "на пальце" → *туп1ал* "кольцо", аг. *т1уб* "палец" – *т1уб-ул* "на пальце" →

т1убул "кольцо"; таб. *лик* "нога" – *лику-хъ* "за ногой" → *ликухъ* "ходули" и т. д.

В случаях, когда они выступают в роли словообразовательных префиксов, выделение их весьма затруднено. Субстантивы посредством словообразовательных аффиксов пространственной семантики в большинстве случаев образуются от глаголов. Так, к примеру, в лезгинском слове *курут* "сгусток крови" в качестве словообразовательного элемента выделяется префикс *ку-* на основе сопоставления данного субстантива с глагольной основой *рут-* "свертываться", имеющей широкие параллели в дагестанских языках. Количество подобных примеров можно продолжить.

ГЛАВА II

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

"... значение является первейшим условием лингвистического анализа"

Э.Бенвенист

Эти олова высказаны талантливым французским исследователем около 40 лет тому назад и явились реакцией на формалистический подход в решении лингвистических проблем и полное игнорирование семантики, которые господствовали в языкознании того времени. Современное языкознание постепенно возвращает себе утраченные позиции в области семантики. По справедливому замечанию О.Н. Трубачева, "Один из ... крупных возвратов ... мы имеем перед собой в наблюдаемом триумфе семантики в форме когнитивизма, этой в целом полезной концепции языковой картины мира, собственно, – плата за долгие годы формализма" [Трубачев 1999: 12].

Об отставании семантических исследований отмечалось в связи с единством формы и содержания: "Система, ... ставит перед исследователем проблему взаимодействия формы и содержания в самом широком смысле, между тем эта проблема почти совсем перестала изучаться в нашей науке". И далее: "Система обычно анализируется чисто формально, без учета или без достаточного учета тех содержательных категорий, которые организуются в языке самой этой системой" [Будагов 1976: 12].

К сожалению, формализм в языкознании не преодолен до настоящего времени. Вместе с тем современное языкознание уделяет большое внимание содержательной стороне лингвистических фактов и пытается найти (и здесь достигнуты определенные успехи) наиболее точные и совершенные методы для адек-

ватного описания языковых явлений, основываясь как на достижениях структурной лингвистики, так и компаративистики. "В современной лингвистике, – как отмечает Т.Р. Кияк, – особое внимание уделяется поискам объективных, наиболее точных методов изучения не только таких языковых явлений, которые связаны с планом выражения, но и таких, которые связаны с семантическими категориями" [Кияк 1988: 7].

Семантический аспект имеет важное значение при сравнительно-историческом исследовании дагестанских языков по причине моноконсонантного характера исторического корня в этих языках. При этом возникает необходимость расщепления слова на минимально значимые компоненты, что диктуется связанным характером исторического корня [Сулейманов 1996]. Большие возможности для этого имеют приемы, используемые при сравнительно-историческом словообразовании, которые позволяют выделить лексически значимые и формальные (формообразовательные) аффиксы.

С 60-х годов лингвистика постепенно возвращает утраченные позиции в семантике. В связи с интенсификацией семантических исследований выдвигаются новые задачи, направленные на комплексное изучение языковых явлений. Одна из них – обращение к показаниям археологии и этнографии, которые позволяют контролировать семантические реконструкции. Многие из процедур семантических реконструкций на кавказском материале оказываются малоэффективными или совершенно неприменимыми [Климов 1985]. Недостаточно или абсолютно неизученными в дагестановедении остались групповые реконструкции и словообразовательный анализ, что дало повод Г.А. Климову констатировать: "этимологические собрания по дагестанским языкам представляют собой совокупности, как правило, не связанных друг с другом лексем, в древности и тем более в исконности которых могут оставаться самые серьезные сомнения" [Климов 1985: 17].

Большое место в сравнительно-исторических исследованиях, в том числе и при структурном анализе слова и выявлении морфологически значимых компонентов, занимает метод семан-

тической типологии. Так, например, в основу образования ряда слов положен определенный признак, который характерен для объектов, вступающих в отношения производности: лезг. *мекь* "холод", аг. *мек1* то же в других языках может переходить в "лед" и дальше в "град". Или, см. например, имеющий широкие типологические параллели в дагестанских языках, семантический переход "холод, ветер" → "ревматизм".

Метод семантической типологии помогает восстановить первоначальное значение морфемы, которая может быть моносемантической или полисемантической. Ср. хотя бы полисемантический характер корневой морфемы *-ц-* в восточнолезгинских языках, архаически отразившийся в некоторых диалектах агульского языка: *ху уцас* "жать поле" и *хер уцас* "косить луг", где указанная морфема передает значения "жать" и "косить". В большинстве агульских диалектов морфема *-ц-* специализируется на передаче значения "косить", в значении "жать (колосовые)" выступает морфема *хь'-: ихь'ес*. Сопоставление восточнолезгинского материала с данными других дагестанских языков путем метода семантической типологии помогает определить, что и морфема *-хь'-* также являлась полисемантической и синонимичной морфеме *-ц-*, ср. дарг. *иршес* "жать" и *иршес* "косить". На этом основании устанавливается, что в прадагестанском состоянии данные значения выступали нерасчлененно и передавались синонимичными морфемами *ц-* и *-лъ-*. Ср. ав. *лъилъизе* "сжать (колосовые)".

В дальнейшем происходит дифференциация (специализация) этих значений: за глаголом с *лъ*-основой закрепляется/сохраняется значение "сжать (колосовые)", а за глаголом с *ц-* основой – "косить".

Историческое словообразование затрагивает все структурные компоненты слова: грамматические классы (при префиксальном словообразовании имени существительного, ср. дарг. *ухъна (←*в-ухъна)* "старик" и *р-ухъна* "старуха"), превербы (префиксальные словообразовательные компоненты при глаголах, а также в сложных именах, см. лезг. *т1ур* "ложка", *кут1ур* "половник"), корневые морфемы (при конверсии, ср. рут. *йиш-ин*

"жать" → *йиш* "жатва" и др.), суффиксы – грамматические классы (ср. таб. *жили* "мужской" → *жили-р* "мужчина", *хппи* "женский" → *хппи-р* "женщина") и т. д.

Во многих случаях происходит реинтерпретация определенных аффиксов. В связи с этим см. образование слова "лес" от производящей основы "дерево", осуществляемое посредством суффикса множественного числа: таб. *гьар* "дерево" → *гьар-ар* "лес" (то есть "множество деревьев"), см. также аналогичное образование слова "лес" в других дагестанских языках: анд. *реша* "дерево" → *реш-оби-л* "лес", чам. *вогьа* → *вогь-бе*, тинд. *рагьа* → *рагьа-би/рагьи-би* то же.

Развивая тему семантики, необходимо указать, по крайней мере, на два положения, имеющих фундаментальное значение. Это, во-первых, концепция о связанном характере корневой морфемы [см. Сулейманов 1996: 106] и, во-вторых, возможность выполнения одним и тем же аффиксом функций как корневой морфемы, так и словообразовательного и формообразовательного аффикса [Сулейманов 1993 а].

Теория корня в дагестанских языках является одной из сложных, что обусловлено моноконсонантным характером корневой морфемы[1]. В восточнокавказских языках увеличение числа моноконсонантных реконструкций корня происходит по мере продвижения от современного состояния к более отдаленной перспективе.

Нами выдвигается положение, согласно которому основы существительных с префиксальными аффиксами, материально совпадающими с живыми классными показателями, функционирующими в глаголах, прилагательных . . ., относятся к периоду синкретизма, когда субстантив и глагол не были дифференцированы. Свидетельства этому можно найти в ряде языковых фактов, ср., например, буд. *рах1адж* "мука" и крыз. *рах1адж* "молоть" и др. При такой интерпретации лингвистических данных выделение в основах слов, аналогичных лезг., аг. *руш*, таб.

---

[1] О моноконсонантном характере корня в дагестанских языках см. [Гудава 1959; СИЛДЯ 1971; Талибов 1969].

риш "девушка, девочка"; анд. *ваша*, дарг. *урши*, лак. *арс* "мальчик", предкорневых аффиксов – классных показателей элиминируется из общевосточнокавказского состояния.

Важность семантического компонента при реконструкции корня обнаруживается при сближении слов одного семантического поля. Так, общедагестанский корень *х*, представленный в глаголе "родиться" (ав. *гь-ав-изе*, чам. *ба-х-ина*, гунз. *а-хъ-а*, дарг. *бе-р-хъ-ес*, лезг. *х-ун*, уд. *ба-х-сун)*, обнаруживается во многих субстантивах, выражающих близкородственные отношения: лезг. *ва-х* "сестра", *ба-х* "мать, старшая сестра", *да-х* "отец, старший брат", тинд. *йа-гь-а* "девушка, дочь", чам. *йа-гь* "девушка, дочь" и др. Этот же корень находим в производных основах: лезг. *ст-х-а* "брат", *т-х-а* (ахт.) "отец", *х-ттул* "внук"; ав., цез. *гь-удул* "друг".

Более дальнюю – общевосточнокавказскую – реконструкцию корня можно вывести на основе сближения следующих семантически близких слов: лезг. *йа-ъ* "мать", *ппа-ъ* "бабушка" (курах.); чам. *ма-г1* "самец", "ребенок мужского пола", ав. *ма-г1-а* (анц.) "дядя"; чеч., инг. *во-1* "сын", *йо-1* "дочь". Ср. также ав. *г1-езе* "расти", *г1-ел* "поколение", а также производные основы: ав. *вац-г1ал* "двоюродный брат", кар. *вац-г1ал*, ботл. *вацца-г1ал*. Для правосточнокавказского состояния реконструируется моноконсонантный корень *г1* [Сулейманов 1994]. По мере приближения к прадагестанскому состоянию увеличивается количество моноконсонантных корней. И потому выделение исторического корня является сложной процедурой, требующей расщепления слова на значимые компоненты. В связи с этим можно привести следующую дефиницию: "Когда мы говорим, что корень того или иного глагола состоит из одного согласного звука или же комплекса согласных, то это не означает, что он когда-то имел самостоятельное функционирование и что из него в последующем образовались те или иные слова. Наоборот, мы придерживаемся того мнения, что корень существует не как исторически зарегистрированное состояние слова, а как стойкий, в некотором роде, каркас грамматически оформленных слов. Корень слова не существует сам по себе, а выводится в результате морфологиче-

ского анализа, т. е. выводится та часть основы лексической единицы, с которой связано вещественное, а не грамматическое значение слова" [СИЛДЯ 1971: 98]. Сказанное справедливо в общих чертах: очевидно, можно найти случаи, когда слово и корневая морфема (основа) совпадают, ср., например, реконструируемую для прадагестанского состояния форму слова "кровь" [Е. Бокарев 1961:81].

В связи с моноконсонантным характером корня в дагестанских языках встают и смежные вопросы, которые еще не нашли освещения в специальной литературе, но требуют безотлагательного решения. Это вопросы о соотношении корневой морфемы и фонемы, об идентификации корней при словопроизводстве, о путях семантических трансформаций и др.

Например, в деривации дагестанских языков непоследнее место занимает метафорический перенос значения, см. цах. *ваз* "луна, месяц" и употребление данного слова на основании сходства в значении "подкова". Очевидно, первоначально слово "подкова" сравнивалось с новой луной, имеющей форму дуги, а затем общее название луны переносится на "подкову". Такое развитие семантики слова "подкова" в цахурском языке имеет мотивированный характер (мотивировка прозрачна), и здесь не может быть возражений. Но бывают случаи, когда мотивировка деривата затемнена. И часто для выявления семантических связей между производящей и производной основами приходится проводить операции, направленные на идентификацию сопоставляемых корней (основ).

Еще пример. В восточнолезгинских языках "щипок", передается через *шут1* и *швут1*. От настоящей основы и образуются глаголы "щипать, ущипнуть": аг. *шут1 ик1ас*. В рутульском и шахдагских языках данная форма (*шут1*, *шут*) обозначает "клоп". Такой семантический переход "щипок" → "клоп" можно объяснить тем, что действия последнего производят эффект ущипывания, то есть человек испытывает боль.

Соотношение объектов, признаков, действий, состояний и др. по сходству – одно из наиболее частых приемов, лежащих в основе образования многих слов посредством аффиксов или

способом конверсии. См., например, образование прилагательного "теплый" при помощи адъективных суффиксов от субстантива "лето"/"весна": аг. *г1ул* "лето" → *иб-г1-аф* "теплый", лак. *гъви* "лето" → *гъу-л-исса* "теплый" и т. д.

Сравнительно-исторические исследования требуют более строгого разграничения языковых уровней, в противном случае анализируемые явления языка теряют взаимную связь и утрачивают причинно-следственные отношения. Всего этого можно добиться, используя метод относительной хронологии, так как "только с его помощью возможно получить целостное представление об эволюционных процессах в языке. При отказе от этого метода исследователь неизбежно замыкается в разрозненных и никак не связанных между собой и по преимуществу атомарных данных" [Казанский 1997:147].

В связи с сравнительно-историческим исследованием именной и глагольной морфологии возникает необходимость выяснения семантических и лексических связей восточнолезгинских языков. Более того, поиск семантических параллелей требует выхода на прадагестанский и даже на правосточнокавказский уровни. К примеру, поиски исходной семантики агульского слова *гирг-ен* "круглый" → "моток" и выделение адъективного суффикса *-ен* требуют привлечения материалов аварского, даргинского, лакского и других языков. При этом устанавливается, что слово восходит к глагольной основе "катить (ся)": ав. *гир-изе*, дарг. *гер-бик1ес*, лак. *ккур-у битлан*. (По всей вероятности, слово имеет звукоподражательный характер). Поэтому при компаративном исследовании важным является строгое разграничение хронологических уровней, рассматриваемых языковых явлений.

Еще бо́льшие трудности вызывают сложные слова. При сравнительно-историческом исследовании их структуры, помимо фонологических реконструкций слова в целом, приходится проводить реконструкции его частей, которые могут быть контаминацией отдельных слов.

Одну из ярких особенностей дагестанских языков представляет дифференциация значений слова на основе фонетической

корреляции, ср. аг. *ухас* "пить" и *ухъас* "сосать (грудь)"; лез. *нет* "вошь" и *нет1* "гнида".

Возвращаясь к вопросу о структуре именных основ или именной словообразующей модели, отметим, что они в восточнолезгинских языках имели несколько моделей. Наиболее типичная – это отмеченная в научной литературе для общедагестанского состояния модель "префикс + корень + детерминативный или словообразовательный суффикс" [СИЛДЯ 1971: 60]. Традиционно именные основы делятся на простые (непроизводные), производные и сложные. Исследование дагестанских языков свидетельствует, что простых основ в них очень мало: при проверке производными оказываются основы непроизводные с современной точки зрения, но при сравнительном анализе в них выделяются словообразовательные аффиксы или же они являются сложными основами.

При модели "префикс + корень + суффикс" префикс представляет собой показатель грамматического класса или пространственный формант.

Наличие классных показателей в составе именных основ (см. лезг., аг. *р-уш,* таб. *р-иш,* дарг. *р-ypce* и др.) представляет собой одно из древнейших языковых явлений, которое нашло отражение в кавказских языках [Рогава 1956: IX]. Замечание П.К.Услара о том, что категория грамматических классов пронизывает всю грамматическую систему большинства восточнокавказских языков [Услар 1896: 21], справедливо, ибо, как отмечает Г.В. Рогава, "категория грамматических классов человека и вещи была характерна для языка-основы иберийско-кавказской семьи языков, тогда как другие морфологические категории образовались в процессе дальнейшего развития отдельных групп этих языков" [Рогава 1956: IX].

Идея, выдвинутая А.С. Чикобава о моноконсонантном характере исторического корня в картвельских языках и его распространении при помощи префикса-классного показателя и детерминанта основы нашла дальнейшее развитие в трудах Г.В. Рогава, особенно в цитированной выше работе. Большой заслугой его является основополагающая установка, согласно которой

категория грамматических классов человека и вещи использовалась для выражения морфологических категорий лица, числа, падежа и словообразования, возникших после дифференциации языка-основы иберийско-кавказских языков. "Автор труда, – как пишет Г.В. Рогава, – пытался ... показать, в каких случаях эти древнейшие показатели грамматических классов человека и вещи, а также древнейшие детерминативные суффиксы были использованы в адыгских языках для выражения возникших позже морфологических категорий" [Там же].

Реинтерпретация классного показателя в дагестанских языках и его преобразование в аффикс множественного числа отмечались в специальной литературе [Муркелинский 1948; Ломтадзе 1953; Топуриа 1959; Мейланова 1962; Джейранишвили 1985 и др.].

Из современных лезгинских языков категория грамматического класса не функционирует в собственно лезгинском, агульском и удинском языках. В табасаранском четырехклассная система, как видно из специальной литературы, сведена к двухклассной – 1) класс разумных существ и 2) класс, куда входят все остальные имена [см. Магометов 1956а; 1962].

В тех языках, где на современном этапе категория грамматического класса не является действующей, при сравнительном анализе выделяются окаменелые префиксальные классные экспоненты в словах *р-агъ* "солнце", *й-угъ* "день", *й-уг* "молотьба", *р-аьхъ* "дорога", *й-укI* "аршин", *р-икI* "сердце", *й-ис* "год" [Гаджиев 1958]. Префиксальные экспоненты грамматических классов в именах выделяют и другие исследователи [см. Магометов 1970а; Алипулатов 1964].

Помимо аргумента, свидетельствующего о принадлежности вышеуказанных элементов к классным показателям, на основе соотнесенности их с живыми классными показателями в глаголах, где категория грамматических классов является действующей, выдвигается и второй аргумент. Он основан на выделении окаменелых префиксальных элементов в словах, входящих в определенные семантические группы и различающихся префиксальными элементами.

Интересный материал, указывающий на существование лексико-семантических групп, в которых слова различаются на основе чередований классных показателей, предоставляет исследователю даргинский язык. Ср., например, приводимую Л.И. Жирковым корреляцию *узи (←*в-узи)* "брат" – *р-узи* "сестра" – *б-узи* "брат животного" или *ухъна (← *в-ухъна)* "старик" – *р-ухъна* "старуха" [Жирков 1961].

Как указывает М.Е. Алексеев, в арчинском, рутульском, хиналугском, будухском и крызском языках имена характеризуются четырехклассной системой.

В первый класс входят имена, относящиеся к лицам мужского пола: "мужчина", "дедушка", "жених", "сын", "отец", "дядя (со стороны отца)", "дядя (со стороны матери)", "брат" и др. Сюда же относятся, как правило, имена типа цах. *гьыныш* "бог", крыз. *къог* то же.

Второй класс составляют имена, относящиеся к лицам женского пола: "женщина", "бабушка", "теща", "свекровь", "мать", "тетя (со стороны матери)", "дочь", "сестра" и т. п.

К третьему классу относятся имена, которые обозначают животных, а также отдельные неодушевленные предметы и явления: "баран (двух лет)", "ворона", "сметана", "корова", "кобыла", "бедро", "пиявка", "петух", "родник" и т. д.

В четвертый класс входят имена, обозначающие неодушевленные предметы и явления: "дно", "мята", "ресница", "малина", "песня", "соль", "палас", "ножницы", "мука", "колесо" и др., а также названия животных, чаще мелких насекомых и птиц [Алексеев 1985: 125 - 126].

Вопрос распределения имен по классам является проблемным в лингвистике. Если распределение имен, относящихся к различным существительным по 1 и 2 грамматическим классам строго выдерживается, то этого нельзя сказать об именах 3 и 4 грамматических классов. Предпринимались попытки выработки критериев распределения имен по грамматическим классам. Определяются критерии по семасиологическому [см. Талибов 1960] и логическому [Курбанов, Мельников 1964; Самедов 1975] принципам.

Чтобы понять принцип распределения имен по грамматическим классам, необходимо встать на точку зрения носителей того древнего языка, который восходит к общедагестанскому уровню, и не только. Любой язык или языковое состояние наряду с чертами, присущими ему на определенном отрезке и объяснимыми с учетом этого периода обладает и теми чертами, которые рудиментарно передаются от прошлого, более общего языкового состояния. Поэтому, чтобы понять механизм распределения имен по грамматическим классам, необходимо оперировать материалами не только дагестанских языков, но и более отдаленных языковых периодов. А также возникает необходимость проведения типологических исследований. По этой причине многие исследователи (Г.А. Климов, Л.И. Жирков, С.М. Хайдаков, Е.А. Бокарев и др.), которые занимались вопросами генезиса категории грамматических классов, выходили за пределы кавказского ареала и проводили типологические параллели с языками иной системы, где представлены аналогичные единицы.

Такие широкие типологические сопоставления, главным образом, вызваны стремлением нащупать систему, по которой группируются (организуются) имена по классам[2]. В основе этой системы могли лежать взгляд древнего человека на окружающий материальный мир, представления о пространстве и времени. И наконец, что является немаловажным, его представления о материальном мире не совпадали с представлениями современного человека, соответственно и языковые корреляции или система противопоставлений и единств также различались. Все исследователи единодушны в том, что первоначально (на заре зарождения классной системы) была двучленная корреляция – класс человека или разумных существ и класс всего остального. Такое членение не вызывает ни у кого возражения, и оно объясняется с логической точки зрения: человек, как часть мирозда-

---

[2] Об организации имен по грамматическим классам и реконструкции системы грамматических классов на правосточнокавказском уровне см. [Магомедов, Гаджиев 1995: 66 - 81].

ния и разумного начала, противопоставляется всему остальному. Эта классификация отражает древнюю философию человека.

Двухклассная система, как отмечалось выше, нынче представлена в северных говорах табасаранского языка, которая в южных говорах имеет тенденцию к затуханию [Магометов 1956 б]. Но было бы ошибочно полагать, что двухклассная система табасаранского языка отражает исходное языковое состояние, так как она является результатом упрощения трехклассной системы. Трехклассная, в свою очередь, возникла, в результате упрощения четырехклассной системы [Чикобава 1978:17].

Исходная двухклассная система состояла из одного грамматического класса личности, куда входили только мужчины *(в-)*. Второй грамматический класс личности (женщина) выделился позднее и является результатом реинтерпретации. Для вторичной двухклассной системы характерно использование классных показателей вещи (*д-* и его фонетических вариантов) для обозначения категории личности. Первичная трехклассная система предполагала один класс личности *(в-)* и два класса вещей *(б-, д-)*. Из этой трехклассной системы развивается четырехклассная система, в которой выделяются два класса категории личности *(в-, й-)* и два класса вещей *(б-, д)*. Вторичная трехклассная система включает два класса личности *(в-, й-)* и один, обобщенный, класс вещей *(б-)*.

Схематически это можно изобразить следующим образом:

Два класса: I кл. – личность
II кл. – вещь

Три класса: I кл. – личность *в-*
II кл. – вещь *б-*
III кл. – вещь *д-*

Четыре класса: личности два класса: I кл. – *в-*, II кл. – *й-*
вещи два класса: III кл. – *б-*, IV кл. – *д-*

Три класса: два – личности: I кл. – *в-*, II кл. – *й-*
один – вещи (*б-*)

Два класса: один – личности *(д-)*, один – вещи *(б-)* [Чикобава 1978: 19].

Относительно окаменелых грамматических классов в основах имен существительных в научной литературе высказывается мнение, что они выявляются в основах отглагольных субстантивов. В основы имен существительных грамматические классы перешли из глагола, но вместе с тем, в отличие от глагола, где они выполняют функцию связи между словами, в субстантивах не выполняют этой функции и потому постепенно с отмиранием ее окаменели [СИЛДЯ 1971:66].

Корневая морфема, как было сказано выше, исторически состояла из одного согласного.

Детерминативный суффикс следует за корневой морфемой. В качестве детерминативных суффиксов выступают обычно сонорные согласные. Необходимо отметить, что сонорные согласные являются самыми активными звуками в речи, и поэтому во всех языках мира их использование интенсивно. Этот фактор создает трудности при определении исконного характера слова в дагестанских языках. Во многих случаях проявляется и полисемантический характер детерминативных суффиксов, выраженных сонорными согласными.

Префиксальный аффикс по сравнению с суффиксальным считается древнее [см. Чикобава 1942]. И если верно, что для прадагестанского состояния характерной моделью имени является "префикс + корень + детерминативный суффикс", то модели "префикс + корень" и "корень + детерминативный суффикс" нужно считать вариантами первой. Все три модели в дагестанских языках могут быть реализованы в одном слове: "голова" – ав. *бе-т1-ер,* хин. *ми-к1-ир* (первая модель); дарг. *бе-к1,* лак. *ба-к1* (вторая модель); лезг. *кь-ил,* аг. *к1-ил,* таб. *к1-ул* (третья модель). Или еще ср. лезг. *рук* "лес" при таб. *йаркур (←*йарукур).* В случаях, когда в языках представлены редуцированные варианты моделей ("префикс + корень" и "корень + детерминативный суффикс"), трудно установить: существовала или отсутствовала в них полная модель, если отсутствующие части развернутой модели в них не восстанавливаются на основе внутренней реконструкции.

Не последнюю роль при реконструкции слова или словоформы играет ударение. Можно найти достаточно примеров, где префикс-классный показатель при словоизменении, оказавшись в безударном положении, выпадает, ср. лезг. *йис* "год" и мн. ч. *сар*, но таб. *йис* то же и мн. ч. *йисар* или таб. *йук1* "сердце", эрг. *к1а*, род. *к1ан*, дат. *к1аз*; аг. *йирк1в* "сердце", дат. *к1валас/йирк1уралас*.

В односложных словах (типа СГС, где С – согласный, Г – гласный) при словоизменении в связи с выпадением префиксальной части они значительно меняют фонетический облик. Это обстоятельство неоднократно вводило в заблуждение исследователей, которые данные словоизменительные формы считали супплетивными.

Необходимо отметить, что дагестанским языкам присуща высокая степень фузии. Хотя в специальной литературе о типологическом строе дагестанских языков и сказано как об агглютинативном с элементами фузии, но на практике это своеобразие дагестанских языков, особенно при компаративных исследованиях, не всегда учитывается. Преобразование слова усложняет задачу исследователя. Во многих случаях трансформ значительно расходится с исходной (исторической) формой, и исследователь прилагает большие усилия для того, чтобы "вещь в себе" сделать "вещью для нас". Возникает необходимость выработки специальных приемов и методов, направленных на объективное описание языкового материала, или же включения в научный оборот дополнительного материала, который дал бы возможность по-новому осмыслить языковые факты. При исследовании словообразования восточнолезгинских языков совершенно с новых позиций рассматривается структура слова и возможность вычленения из его состава значимых компонентов. Так, в лезгинском слове *чкка* "место" только при тщательном и глубоком анализе, основанном как на сравнительном, так и на структурно-семантическом методах, можно выделить две корневые морфемы (основы) *ч* и *кка*, которые сохранились от самостоятельных двух слов с одним и тем же значением. Ср. цез. *мочи* "место", арч. *ма-ч1* то же и уд. *га (← *гагь)* "место". Исходя

из вышеизложенного можно сказать, что объект исследования вместе с затрагиваемыми вопросами сами диктуют какие следует приемы анализа выбрать. Поэтому справедливо, когда утверждается, что "реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого ее определяют" [Бенвенист 1965:434].

Контаминация – одно из распространенных явлений в дагестанских языках. Интересно в этой связи провести семантическую типологию. Например, в восточнолезгинских языках в наречиях-послелогах известны случаи дублирования корневой морфемы локальной: аг. *кl'-ан (← *кк'-ан)* "дно" – *кl'-ана-кк'* "внизу", лезг. *кl-ан – кl-ани-к* соответственно. При этом необязательно, чтобы дублирующиеся морфемы абсолютно совпадали по содержанию и материально: они могут быть синонимичными, ср. ав. *гъ-ор-кь* "под, внизу", где *гъ* и *кь* совпадают по своему значению, но не совпадают по форме [Сулейманов 1992 а: 122].

Скомпонованные части сложного слова могут быть самостоятельными словами, как это, например, представлено в аг. *гlал-а-шуй* (соб. аг.), *х'ул-а-шуй* (кер.) "гость", *гlал-а-хьир* "гостья", где *гlал (←*гъ'ал ← *гъ'ул), х'ул* "гость" (ср. аг. *гlал-ар* "гости") и *шуй* "мужчина, муж". Ср. лезгинское *гъуьл/хуьл* "муж", которое соотносится с агульским *х'ул (← *гъ'ул)*; в лезгинском, очевидно, слово *гъуьл* является табуистическим.

Слово может быть сконструировано и из двух самостоятельных основ, первая из которых является полным словом – субстантивом, а вторая – глагольной основой. Сращенные части образуют сложную конструкцию с переносным значением, то есть значение слова не вытекает из значений частей, составляющих его: аг. *хал-джик* (фит.) "веник" *(хал* "дом, комната" и *джик-ас* "подметать").

Языкам, как известно, свойствен принцип экономии. И потому при образовании новых грамматических и лексических (в случаях деривации) значений в восточнолезгинских языках используются имеющиеся средства и не создаются новые. В про-

тивном случае язык оброс бы многими аффиксами и стал бы громоздок и неуклюж, труден для общения и восприятия.

Имеющиеся в языке грамматические средства обретают новые значения, становясь многозначными. Выбор аффикса для выражения новых грамматических и словообразовательных функций происходит не случайно (хаотически), а имеет строго избирательный характер. Например, слово "кольцо" в восточнолезгинских языках образовано при помощи пространственной морфемы *-л* со значением "на чем-либо": лезг. *тупI-ал (←*тIуб-ал)*, аг. *тIуб-ул*, то есть производное слово получает мотивировку посредством словообразовательного суффикса *-л*.

Наиболее часто в качестве детерминативного суффикса употребляются сонорные согласные *л, н, р,* восходящие к разным источникам. Чаще они отмечаются в именах существительных, образованных от глаголов.

Как считает М.Е. Алексеев, "среди суффиксов имен существительных в пралезгинском языке были продуктивны *л, р, н,* служившие для образования имен обычно абстрактного значения от глаголов" [Алексеев 1985:108]. В качестве примеров приводит:

с суффиксом *-л*: лезг. *тIвал* "узел", аг. *итIул*, рут. *йатIал*; лезг. *тIал* "боль", аг. *иттал*, рут. *йаьддал;* лезг. *къвал* "дождь", аг. *угъал*, рут. *гьугъвал,* уд. *агъала;* лезг. *ишел* "плач", таб. *ишал,* рут. *йаьшаьл;* лезг. *эчIел* "сорняк", таб. *ачIал,* аг. *чIал,* уд. *ил;* лезг. *кквал* "зуд, чесотка", таб. *угал,* аг. *угалар* (рут. *гар);*

с суффиксом *-р*: лезг. *ахвар* "сон", буд. *ахур;* лезг. *хер* "рана", крыз. *хыр;* лезг. *хъвер* "смех", крыз. *хъур,* буд. *хъур;* рут. *ухур* "нитка", цах. *ухара,* буд. *хири;*

с суффиксом *-н:* лезг. *ццан* "пахота", таб. *изан,* буд. *йизен,* рут. *йир-зан;* лезг. *кьун* "спица вязальная", рут. *лукьун,* цах. *вукьна,* крыз. *кьун,* буд. *кьун;* таб. *ахин* "постель", аг. *ахун; крыз. хьын* "трава" буд. *хьын* и др.

Многие суффиксы, которые в настоящее время являются непродуктивными и представляют собой на современном этапе окаменелые компоненты основы, в некоторых из современных языков являются живыми суффиксами масдара или суффиксами отглагольных имен. Это *-н, -л, -р, -б.*

ГЛАВА III

СТРУКТУРА СЛОВА И МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ВОСТОЧНОЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКОВ

Структура слова и его составляющие компоненты не могут получить объективного освещения без выяснения морфологического типа языка или подгруппы языков, подвергаемых анализу.

Общие, наиболее универсальные черты, характеризующие кавказские языки таковы: "Морфологический тип всех групп кавказских языков должен быть охарактеризован как агглютинативный (с явлениями полисинтетизма в абхазо-адыгских языках и элементами фузии в нахско-дагестанских). Существенной общекавказской чертой словоизменения и словообразования, особенно в историческом плане, является префиксальный строй" [Е. Бокарев, Климов 1967: 10].

Таким образом, дагестанские языки, в том числе и восточнолезгинские, классифицируются как агглютинативные с элементами фузии, а словоизменение и словообразование в них характеризуется как префиксальное. Вместе с тем, как показывают исследования в сфере морфологической типологии, ни в одном языке тот или иной морфологический тип не выражается в чистом виде. В процессе эволюции языка подвергается изменениям и его морфологический тип [Десницкая 1963: 231]. Например, изменение морфологического типа славянских языков шло от синтетизма к флексии. Деление языков на аморфные (или изолирующие), агглютинативные и флективные в истоке своем обязано тезису о стадиальном переходе аморфного типа через агглютинативный в флективный тип языка. См., к примеру, утверждение О. Есперсена о том, что путь развития языков лежит от синтетизма к аналитизму. Последующие работы в этой части не подтверждают данный тезис. Еще раньше Бодуэн де Куртенэ отрицал эволюционизм морфологической классификации, согласно которому процесс прогресса лежит от самой несовершенной аморфности (изоляции) через более совершенную агглютинацию к самой совершенной флексии. Здесь, как полагал он,

возможны и обратные процессы — переход от флексии к агглютинации [Бодуэн де Куртенэ 1904:94]. Отсутствие у морфологической классификации исторической перспективы и возможности исторически интерпретировать типы, привели А. Мейе к отрицанию научной целесообразности такой классификации.

Несмотря на это, классификация языков остается в силе. Считается, что "традиционная, наиболее распространенная морфологическая классификация языков (деление языка на флективные, агглютинативные и аморфные) до сих пор полностью сохраняет научную ценность" [Яхонтов 1965: 93] и как методический прием признается полезной и необходимой [Скорик 1965: 226]. Как отмечает Т.С. Шарадзенидзе, "Несмотря на ряд серьезных недостатков, в особенности в интерпретации морфологических типов, она все-таки оказалась полезной с точки зрения типологических исследований и ныне восстановлена в своих правах" [Шарадзенидзе 1980: 98].

Вся трудность определения морфологического типа того или иного языка заключается в невозможности указания четких критериев, определяющих тот или иной тип. Нередко у разных ученых один и тот же язык получает разные классификационные характеристики, что свидетельствует о различных тенденциях, которые совмещают в себе языки. Выдвигаются различные критерии при определении морфологического типа языка. Одни из них основываются на количественном подсчете тех или иных признаков морфологического типа, которые преобладают в том или ином языке [Greenberg 1960]. Статистический подсчет различных признаков, который предлагает Гринберг, не может решить проблему. Наиболее верным, очевидно, можно считать мнение, согласно которому "структурная модель каждого языка определяется не столько наличием в каждом из них большего или меньшего процента элементов агглютинации, фузии и т. п., но тем, как эти элементы качественно соотнесены, в каких грамматических категориях и как осуществляется их синтез" [Десницкая 1965: 106].

Другая проблема, которая непосредственно смыкается с первой, – это генеалогическая классификация языков. Вопросы

соотношения и взаимодействия генеалогической и типологической классификаций в специальной литературе поднимались неоднократно. Здесь отмечаются различные мнения: некоторые из исследователей ставят под сомнение типологическое сравнение родственных языков, в то время как другие не отрицают возможность такого сравнения. В наиболее сконцентрированном виде вторую точку зрения можно представить следующей дефиницией: "При любом решении вышеуказанной проблемы ясно, что понятие "языковой тип" вполне совместим с генеалогической классификацией, приверженцы которой по существу стремились выделить типологические признаки праязыка (или языка-основы) для данной семьи языков" [Ярцева 1980: 26].

Из вышеизложенного следует, что морфологическая классификация представляет собой проблему, связанную с историей языка, так как невозможно проследить тенденции без динамики развития самого языка. В восточнолезгинских языках представлены агглютинативные и полисинтетические черты, в них же имеются и элементы фузии. Очевидно, немаловажным является дифференциация характерологических и типологических черт[1]. При лингвистической характерологии выделяются для изучения особенности того или иного языка на основе общего языкознания в синхронном плане. "Отличительный признак лингвистической характерологии состоит в том, что она вводит в лингвистический анализ понятия значимости и синхронных соотношений. Если задача описательной грамматики – представить полный набор всех формальных и функциональных элементов, существующих в данном языке на данной стадии его развития, то лингвистическая характерология имеет дело только с важными и существенными особенностями данного языка в данный момент времени, анализирует их на базе общей лингвистики и старается выяснить отношения между ними" [ЛСПШ 1964: 253]. Типологическое же исследование требует сопоставления тех признаков, которые имеют общий таксономический характер.

---

[1] О разграничении характерологии и типологии в лингвистике см.: [Климов 1980: 11; 1983: 3; Климов, Алексеев 1980: 4].

Одной из особенностей собственно лезгинского языка является дифференциация форм номинатива и эргатива в личных местоимениях (ср. ном. *зун* "я", но эрг. *за; вун* "ты", но эрг. *на*), что не является характерным для других языков восточнолезгинской подгруппы. С точки зрения лингвистической характерологии эта черта лезгинского языка выделяется как наиболее яркая особенность при синхронном его изучении. В агульском языке недифференцированное употребление нарушено лишь в керенском диалекте, который граничит с лезгинским языком (ном. *зун* "я", эрг. *заш*; *вун* "ты" – *ваш*), что противопоставляет данную локальную единицу остальным диалектам агульского языка. Если рассмотреть данный языковый факт с позиции типологии языков, то обнаружится, что такое состояние присуще не только лезгинскому языку и керенскому диалекту агульского языка, но и другим как близкородственным, так и более отдаленным в генетическом плане дагестанским языкам. Исторически формы номинатива и эргатива не различались, их дифференциация является вторичным [Чикобава 1948: 14-15]. Такое состояние (неразличение форм номинатива и эргатива) из современных языков сохранилось на крайне противоположных полюсах дагестанского ареала: на северо-западе – в андо-цезских (ботлихский, годоберинский, гинухский, бежтинский, гунзибский) и на юго-востоке – в лезгинских (табасаранский, цахурский, крызский, будухский, удинский) языках.

Характер изоглосс свидетельствует, что дифференциация форм номинатива и эргатива у различных местоимений 1 и 2 лица происходила на базе унификации склонения, разграничивающего формы номинатива и эргатива. См., например, замкнутый ареал собственно лезгинского и рутульского языков, где в отличие от других окружающих их языков лезгинской группы личные местоимения различаются в номинативе и эргативе.

В агульском языке исходное состояние (недифференцированное употребление) нарушено лишь в керенском диалекте, граничащем с собственно лезгинским ареалом [Сулейманов 1991: 90].

Во всех восточнолезгинских языках в качестве вопросительной частицы, которая употребляется с глаголами, выступает *-н(и)*: лезг. *йан?*, таб. *вун?*, аг. *вун?*, "есть?", "суть? " В агульском языке она сохранилась на северной периферии (кошанский диалект, цирхинский и фитинский говоры), в других локальных единицах представлена частица *-в*: *аркьайав?* "делаешь? " Эти две частицы *(-н* и *-в)* восходят к двум хронологическим уровням.

Первая из них – к самурскому уровню, кроме восточнолезгинских языков, частица *-н* распространяется также в рутульском *(-ми ← -ни)* и цахурском *(-не)* языках. Не исключено, что данный аффикс является продуктом общелезгинского состояния, ср. арч. *-ра (←*-на?)*: *ун вехъира?* "ты придешь? "

Вторая вопросительная частица *(-в)* своим присутствием во многих локальных единицах агульского языка обязана процессу конвергенции, возникшему под влиянием языков иной группы, с которыми агульский язык контактирует. Данная частица представлена в соседних даргинском и лакском языках. Вероятным источником, из которого агульский заимствовал аффикс *-в*, является даргинский язык [Сулейманов 1993 а: 179].

Таким образом, использование приемов ареальной лингвистики в современных компаративных исследованиях на основе характера протяженности изоглосс позволяет те или иные языковые явления, распространяющиеся в смежных и отдаленных друг от друга языках, квалифицировать как инновации или архаизмы.

Иными словами, чтобы выявить типологические признаки определенной группы/подгруппы языков, необходимо установить как отдельные (индивидуальные) черты того или иного языка, так и общие (типические), характерные группе языков. С другой стороны, черты, характеризующие языки какой-либо генетической группы, могут быть универсальными, распространяющимися на человеческий язык вообще. "Каждый конкретный язык, – пишет В.М. Солнцев, – наряду с другими свойствами несет в себе типические черты, позволяющие отнести этот язык к данному, а не к другому типу. Типические черты в своей совокупности служат эталоном или критерием, по которому

можно определить место того или иного языка в типологической классификации. В языке нетипичными свойствами в соответствии со сказанным, с одной стороны, являются свойства, присущие всем человеческим языкам без исключений, то есть подлинно универсальные свойства, а с другой стороны, – индивидуальные свойства, присущие только данному языку.... Таким образом, в каждом языке можно обнаружить три группы свойств – универсальные, типические и индивидуальные" [Солнцев 1978: 35-37]. Вместе с тем необходимо констатировать, что путь, который пролегает между теоретическими установками и практической их реализаций, может быть долгим и извилистым. В некоторых языках эти установки вовсе не способны реализоваться. Достаточно отметить, что типологические исследования в дагестановедении почти не проводились, если не считать обобщающую работу "Структурные общности кавказских языков" [1978]. К сожалению, усилия предпринятые Л.И. Жирковым в 20-40 гг. и направленные на семантико-типологическое исследование дагестанских языков[2], не получили своего продолжения.

Возвращаясь к вопросу об индивидуальном, типическом и универсальном в языке, необходимо отметить, что безошибочное выделение указанных черт возможно при взаимодействии генеалогической, типологической и ареальной классификаций языков. Первая объясняет сходства, обусловленные процессом дивергенции праязыка; вторая способна раскрыть сходства, имеющиеся при изоморфизме языков одного типа; третья основана на конвергентных явлениях языков, объединенных общим ареалом [Климов 1980: 6-7]. Совершенно очевидно, что при типологической классификации языков диахронический компонент исследования становится неотъемлемой ее частью. Например, факты ареальной лингвистики не могут обрисовать реальную картину без исторической их интерпретации. Для подтверждения этого положения приведем данные из восточнолезгин-

---

[2] См., к примеру, его тонкие наблюдения при сопоставлении глагольной связки, базирующиеся на содержательно-типологических основаниях, в аварском, даргинском и лакском языках, а также соотнесение их с идентичными глаголами в чеченском и удинском языках [Жирков 1935: 160-164].

ских языков, анализируемых нами. Морфологическая система агульского языка входит в общую систему восточнолезгинских (шире – самурских/лезгинских) языков, которая распадается на более мелкие подсистемы (диалекты или говоры), взаимодействующие как между собой, так и с общей системой.

Общая морфологическая модель агульского языка испытывает трансформацию в основном на периферии данной языковой области, подвергаясь влиянию соседнего языка. В тех случаях, когда отсутствует непосредственный контакт с другой языковой областью, но имеются общие с нею морфологические схождения, необходимо считать, что здесь представлены рудименты общеисторического языка, из которого вышел агульский [Сулейманов 1989 а: 77].

В керенском диалекте и хпюкском говоре – южной периферии распространения агульского языка – расхождения с другими диалектами и говорами в области морфологии являются результатом влияния лезгинского языка. так, например, подавляющее большинство диалектов и говоров в именах существительных с согласным исходом во множественном числе присоединяют аффикс *-бур (-вур)*, в хпюкском говоре и керенском диалекте – *-йар,* который распространен в лезгинском языке. В керенском диалекте, как и в лезгинском языке, представлен вигезимальный счет счисления, в то время как в других диалектах и говорах – децимальный. Путь параллельного употребления децимального и вигезимального счета счисления продвигается на север и завершается в области кошанского диалекта, граничащего с табасаранским языком, где представлен децимальный счет. На этом основании можно утверждать, что агульский язык так же, как и табасаранский, образует десятичный ареал.

Двадцатиричная система, которая распространена в керенском диалекте и хпюкском говоре, представляется нам явлением поздним[3] - результатом влияния лезгинского языка, с которым граничат данные локальные единицы. Основным доводом в

---

[3] Ср. противоположное мнение: [Шаумян 1941: 54; Магометов 1970 а: 97; 1970 б].

пользу выдвинутого нами положения может служить то обстоятельство, что ареал двадцатиричной системы распространяется на ту часть территории, население которой в прошлом имело культурно-экономические связи с лезгинами, продолжающиеся и по сей день. В керенском диалекте двадцатиричная система ярко выражена в юго-восточной части (то есть в точке соприкасания с лезгинами), и по мере продвижения на запад (в области, граничащей с собственно агульцами) усиливаются черты децимальной системы счисления. Можно с уверенностью сказать, что к моменту распада общевосточнолезгинского языкового состояния в агульском, как и в табасаранском, уже сложилась децимальная система. Двадцатиричная система представлена в лезгинском зыке, но здесь стройную парадигму нарушает числительное "сорок", которое сконструировано по десятичной системе (из числительных "четыре" и "десять") [Шаумян 1938].

Чтобы проследить эволюцию системы числительных необходимо (выходя за пределы восточнолезгинского ареала) последовательно изучить дальнейший путь продвижения изоглосс. Это требует диахронического анализа: важны не столько рассмотрение самих изоглоссных явлений, сколько их историческая интерпретация. "Ограничиваться при типологической классификации синхронным подходом, то есть установлением и описанием наблюдаемых фактов так же неправомерно, как неоправданно вообще научное изучение языков сводить к их описательному анализу. Недостаточно знать, какие типы языков выявляются с точки зрения того или иного критерия. Необходимо интерпретировать типологическую классификацию, в частности, выяснить, чем объясняются сходства и расхождения между языками, представленными в классификации. Эти вопросы невозможно решать без исторического подхода" [Шарашенидзе 1971: 8].

Известно, что вигезимальная система предшествовала децимальной. В дагестанских языках представлены обе системы, из которых последняя превалирует над первой. Кроме того, имеются языки со смешанной системой счисления, образуя зоны деформации. Это обстоятельство дает повод говорить о том, что

и в общедагестанском состоянии двадцатиричная система была уже разрушена.

Ареальные исследования количественных числительных в дагестанских языках свидетельствуют о том, что очаг децимальной системы зародился на северной периферии (аварский, андийский языки). Это вызвало полную замену двадцатиричной системы десятичной, свидетельством чего является строго последовательный характер децимального счета в этих языках. Дальше указанный процесс распространился на центрально-дагестанские (даргинский, лакский), а также арчинский языки. Импульсы настоящей инновации через даргинский и лакский языки достигли области самурских (цахурский, рутульский, табасаранский и в меньшей степени лезгинский) языков [Сулейманов 1991: 90].

Последовательно вигезимальная система представлена на полярно противоположных полюсах дагестанского ареала: северо-западе – цезские языки (собственно цезский, гинухский, хваршинский (собственно хваршинский диалект) [Гудава 1980: 194] и на юго-востоке – лезгинские (будухский, крызский, удинский), а также хиналугский языки.

Последовательно десятичная система отсутствует в лезгинских языках: числительное "двадцать", которое образует простую основу, препятствует этому. В языках последовательно десятичной системы числительное "двадцать" образует сложную конструкцию, которая состоит из простых числительных "два" и "десять", ср. карат. *к1еац1ада (к1еда* "два" и *гьац1ада* "десять"). Интересно, что в языках, где названия пальцев рук и ног совпадают, как отмечено в специальной литературе представлен последовательно вигезимальный счет счисления, и, наоборот, там, где они различаются, – децимальный счет счисления [см. Эдельман 1975: 34].

В диалектах агульского языка ни одна из двух систем не представлена в чистом виде. С одной стороны в вигезимальную систему не вписываются числительные *йахц1ур* "сорок", как было отмечено выше, а также "сто". А с другой, в локальных единицах с десятичной системой в числительных "шестьдесят", "во-

семьдесят" имеет место параллельное употребление форм децимальной и вигезимальной систем. Десятичная система осталась нерасшатанной в северо-западной периферии агульского языка (кошанский диалект, цирхинский говор). Если быть более корректным, то необходимо отметить, что и здесь она выдержана недостаточно строго, так как в числительном "двадцать" представлена простая основа, а следовало бы ожидать сложную, состоящую из "два" и "десять" (*кьʻуцIур), как например, в аварском: *кIиго анцI* (келеб.).

На самой северной оконечности керенского диалекта – в ричинском говоре представлен смешанный счет, где двадцатиричный преобладает над десятичным. В десятках "тридцать" (конечно, и "сорок"), "пятьдесят" здесь еще удерживается десятичный счет (*хьимцIур, гIафцIур*), далее счисление продолжается по вигезимальной системе. В бедюкском говоре эти числительные вытесняются соответствующими числительными вигезимальной системы, и потому здесь имеется параллельное употребление: *хьимцIур/къанна ицIуд* "тридцать", *гIафцIур/цагъц-Iурна ицIуд* "пятьдесят", дальше счет продолжается по двадцатиричной системе.

В табасаранском языке десятичная система также не имеет последовательного характера. В той части табасаранского языка, где он граничит с лезгинским языком, десятичная система переходит в двадцатиричную [Сулейманов 1991 а: 90].

Как было отмечено выше, при разграничении архаизмов и инноваций большое значение имеют приемы ареальной лингвистики. Не менее важную роль они играют и при определении конвергентных явлений, которые "столь же историчны, как и, например, процессы дивергенции" [Климов 1980: 22]. Все это может иметь место при рассмотрении отдельных изоглосс. При анализе какого-либо морфологического явления как системы возникает необходимость рассмотрения пучка изоглосс и проведения дополнительных процедур. Здесь могут быть задействованы как явления архаизмов и инноваций, так и конвергенции. Каждое из указанных явлений может быть выявлено при после-

довательном проведении принципа относительной хронологии и тотальном охвате языкового материала.

Если идти от "современности к древности" в исследовании превербной системы восточнолезгинской подгруппы языков, то необходимо, очевидно, указать на наиболее типические черты данных языков. Например, общим для них является наличие пространственных превербов *л-* "на", *хъ-* "за", *к-* "в непосредственной близости, слиянии", *кк-* "под", *в-(г-)* "рядом, возле", *ъ-* "в полом пространстве" которые повторяются и в именах существительных в качестве серийных показателей. В лезгинском языке морфема *ъ* в связи с ослаблением смычной артикуляции выпадает, но ее следы можно обнаружить в некоторых диалектных материалах, где происходит лексикализация грамматической формы с указанным аффиксом в субстантиве (см., например, *ппнаъ* "естественное укрытие под скалой для скота от солнечного зноя, дождя и других природных стихий" в речи села Судур (кубинское наречие). См. также гипотетически восстановленную форму с гамзой (*ъ*) для собственно лезгинского языка на основе сравнительного анализа системы местных падежей в восточнолезгинских языках в специальной литературе [Ханмагомедов 1958: 20].

Из восточнолезгинских языков полная парадигма с восемью морфемами пространственной ориентации сохранилась в агульском языке. К вышеуказанным морфемам здесь присоединяются *гь* "перед" и *гъ*'*(гl)* "между". В табасаранском языке происходит незначительное изменение этой парадигмы: показатели *в (→ ф → хь) и гь (→ хь)* под воздействием фонетических изменений переходят в *хь*.

В лезгинском языке эти формы, а также форма на *кк* в именах существительных передаются аналитически. Интересно отметить, что они состоят из имени существительного в родительном падеже и формы слова, которое стоит в одной из парадиг-

матических форм (по Л.И. Жиркову – послелога)[4]. Это слова *ппаттав (ппаттаг), къвалав (къвалаг)* (*ппад* "бок, сторона", *къвал* "бок") *вилик* "перед" (*вил* "глаз"; *вилик*, то есть "перед глазами"), *к1аник (←*к1аникк)* "под".

Как следует из примеров, слова по своей семантике близки пространственным морфемам, на что обратил внимание Л.И. Жирков. "В большинстве случаев ... послелоги оформляются как форма местного падежа и при том именно того из местных падежей, который по своему значению выражает отношение, наиболее близкое к тому, какое выражено в реальном значении данного имени-послелога" [Жирков 1948 а: 81]. Имеют место случаи, когда в таких словах-послелогах исторически выделяются префиксы, являющиеся фоническими вариантами конечных морфем: *к1-ан* "дно" и *к1ан-и-к* (← **к1ан-и-кк*) (*и* здесь – аффикс эргатива, к которому присоединяется серийный показатель *-кк*) или морфемами, близкими по своему значению: ср. лезг. *къен* "внутренность" и *къен-е(-ъ)* "внутри" (ср. ттакже аг. *г1-ан* "внутренность" и *г1ан-а-ъ* "внутри").

В именной парадигме лезгинского языка не представлена морфема *-г1* "между, среди". Местный падеж со значением "между, среди" в лезгинском языке передается только описательно: он образуется от формы родительного падежа существительного при помощи послелога *арада* "в промежутке" (*ара* "промежуток"), например: *хперин арада* "между овцами", "среди овец". В тех случаях, когда для передачи местного значения имеется серийный показатель, в лезгинском возможно параллельное употребление как синтетической, так и аналитической форм. Наряду с *цла-хъ* "за стеной" можно сказать и *цлан къулухъ*, вместо *цла-л* "на стене" и *цлан винел* и т.д.

Помимо этого, в лезгинском языке встречается и омонимия серийного показателя *-к*. Фонетически в *-к* совпали два серийных показателя – *-к* "на вертикальной плоскости", "в соприкос-

---

[4] Как отмечает С.Б. Юзбекова, глагольно-именные словосочетания с объектным именем в родительном падеже, как правило, выступают в послеложной конструкции [Юзбекова 1994: 10].

новении" и *-к* "под чем, ком-либо". Ср. *цлак халича ква* "на стене висит ковер" и *цлак раг ква* "под стеной находится скала". Черты аналитизма в этом случае явно берут верх над чертами синтетизма, что является инновацией в лезгинском языке[5] Данный процесс перешел и на смежный с лезгинским языком говор агульского языка, но здесь он получил менее широкое распространение, чем в лезгинском. Интерес в этом плане представляет локатив на *-гь* "перед, впереди", который по диалектам и говорам агульского языка наряду с синтетической формой имеет и аналитическую. Развитие последней получает распространение в южной периферии, и по частотности употребления можно определить очаг зарождения данного процесса. Чаще аналитическая форма, в сравнении с керенским диалектом, применяется в хпюкском говоре. В керенском диалекте аналитическая и синтетическая формы употребляются параллельно, но с преимуществом первой: *баб т1агарин удигь/т1агаригь гъузунайа* "мать стоим перед окном". В фитинском говоре также представлены обе формы, но здесь напротив – употребление синтетиченской формы доминирует над аналитической: *баб агъузуна т1агаригь-/т1агаран инагь* то же. В собственно агульском и кошанском диалектах аналитическая форма вовсе не представлена: соб.аг. *баб т1агаригь гъузунайа* (тп.).

Замена синтетической формы локатива на *-гь* аналитической, широкое распространение данного процесса на южной периферии агульского языка, пограничной с лезгинским, отсутствие синтетической формы в парадигме склонения лезгинского языка, ее компенсация аналитической, идентичной той, что

---

[5] Отнесение лезгинских аналитических форм к вторичному явлению вытекает хотя бы из того, что еще Е.А. Бокарев серийные показатели *–л, -хъ, -кк/-к, -а/-аь, -в/-ф/гь* возводил к общелезгинскому состоянию, а последние четыре – к общедагестанскому [см. Е. Бокарев 1960]. Дальнейшие исследования в этой области свидетельствуют о том, что все восемь пространственных показателей *-л-, -ъ-, -в- (← *-лълъв-), -к-, -хъ-, -къ' /-гъ'-, -гь-, -кк- (← *-кь-)* – восходят к — пралезгинскому состоянию [см. Алексеев 1985: 49].

При более дальней реконструкции указанных морфем возникает вероятность возведения их – за исключением серийного показателя -ъ- – к прадагестанскому уровню [Сулейманов 1993 а: 107].

представлена в агульском, дают основание говорить об экспансии ее в агульский из лезгинского.

Параллельное употребление синтетических и аналитических форм наблюдается и в табасаранском языке: *хулакк/хулан кIанакк* "под домом", *хулахъ/хулан кьяляхъ* "за домом" [Ханмагомедов 1967: 550].

Параллельное употребление аналитических и синтетических форм известно и другим дагестанским языкам, ср., например, лак. *вацIлул чIарав* "около леса" и *вацIлу-чIа* "у леса" [Хайдаков 1983: 188].

При анализе системы местных падежей в рамках восточнолезгинских языков обращает на себя внимание некоторая ущербность парадигмы направительных падежей, которая отмечается в отдельных локальных единицах агульского языка и в лезгинском языке. Здесь направительные падежи образуются от локативов путем присоединения форманта *–ди*. В гехюнском диалекте и ричинском говоре агульского языка локативы и направительные падежи и не дифференцированы, и в этом случае локативы совмещают и функции направительных падежей. Возьмем для сравнения материалы собственно агульского диалекта и ричинского говора: соб.аг. *хIуч хIуппаригIди* (напр.) *гIихьуне* "волк напал на овец" (букв. "волк бросился между овцами"), рич. *хIуч хIуппаригI* (локат.) *гIихьуне* [Сулейманов 1990: 73]. В цирхинском говоре направительные формы развились в части серий. Ср. *цалихъди* (напр.) *хъачагIвари уй малар* "скот заходил за стену" и *цаликк* (локат.) *ккичушуни илан* "змея уползла под стену". В кошанском диалекте, а также в некоторых говорах собственно агульского диалекта возможно параллельное употребление форм локатива и направительного падежа, например: кош. *гаг халади/халаъ хинав* (арс.) "отец пошел домой".

В лезгинском языке, подобно кошанскому диалекту, а также некоторым говорам собственно агульского диалекта, дифференцированные и недифференцированные формы локативных и направительных падежей в отдельных сериях конкурируют между собой.

Рассматривая данный факт в пределах лезгинского и агульского языков, скорее всего можем придти к выводу о том, что здесь сталкиваемся с разрушением системы направительных падежей.

Однако рассмотрение данного вопроса в широком контексте, введя в орбиту сравнительно-типологического исследования материалов всех дагестанских языков, позволяет установить, что развитие форм собственно направительных падежей в указанных языках представляет собой позднее явление. Исторически пространственные и направительные значения выражались синкретически, функции локализации и направления не были дифференцированы, как это представлено в гехюнском диалекте и ричинском говоре агульского языка. В цирхинском говоре такое состояние сохранилось в некоторых сериях, в других зарождаются собственно направительные форманты.

Типологические сравнения показывают, что многие дагестанские языки повторяют исходное состояние (неразличение форм локативных и направительных падежей), см., например: год. *лълъенил1и* "в воде" и "в воду", тин. *рогьил1и* "в лесу" и "в лес". Бежтинский и гунзибский языки также передают локативные и направительные значения при помощи показателей локативов [см. Исаков, Халилов 1980: 73].

Морфологическая нерасчлененность отдельных форм локативных и направительных падежей наблюдается и в лезгинском языке. Как полагает У.А. Мейланова, в подобных случаях направительне падежи в лезгинском языке заменяются местными (локативными) падежами [Мейланова 1961: 206]. В действительности происходит обратный процесс – замена локативных падежей направительными. Имеет место расчленение этих значений по языкам, когда в одних отмечаются локативные значения, в других – направительные. См., например, в отличие от других лезгинских языков, у показателя *-л* "на" направительного значения в удинском языке [Е. Бокарев 1960: 49], а также использование аффикса *-к* ("в соприкосновении, в слиянии") в роли направительного падежа в арчинском языке [Алексеев 1988: 20]. Или дифференциация локативного и направительного зна-

чений у одной из серий, как это представлено в серии на *-ла* "на" в багвалинском языке [Магомедбекова 1961: 126].

Путь развития направительных падежей, отмеченный в аварских диалектах отражает общую тенденцию перехода дагестанских языков от синкретизма к дифференциации локативно-направительных значений. Эта тенденция, очевидно, была намечена в прадагестанском состоянии. Диалектные материалы аварского языка дают основание считать формирование собственно направительных падежей инновационным явлением. В некоторых диалектах аварского языка формирование собственно направительного показателя в сериях является живым процессом. По свидетельству Исаева М.Г., в тлянадинском говоре анцухского диалекта в речи старшего поколения отражается архаическое состояние, при котором для 1-й и 5-й серий употребляется локатив вместо направительного падежа. Общая же тенденция в аварских диалектах указывает на зарождение в сериях направительного форманта *-хху* [Исаев 1975: 12].

Большое значение для реконструкций (в данном случае морфологических) имеют косвенные данные, позволяющие путем определенных операций последовательно проводить отслоение языковых явлений и хронологически их разграничивать.

Рассмотрим один из таких примеров из восточнолезгинских языков. Направительный падеж серии на *-ъ* "в, внутри", вместо обычного форманта *-ди*, оформляется *-з(-с)*, который Е.А. Бокарев назвал "общенаправительным внесерийным падежом"[6]. В юго-восточном ареале распространения агульского языка вместо предполагаемого направительного форманта *-ди* (что имеет место в других сериях) встречаются форманты *-с*, *-стти* (← *-*сди*), идентичные лезгинским *-з* и *–зди*, табасаранскому *-з*. Характеризуя формант *-стти* в агульском языке. Р. Шаумян пытается возвести его к *-ди* [Шаумян 1941: 24].

Можно с уверенностью констатировать, что показатели *-зди/-стти* представляют собой сращениями форм *-з* и *-ди*, *-с* и -

---

[6] Показатель -з(-с) выступает и в дательном падеже. "Полное совпадение форм дательного падежа и аллатива" мы наблюдем и в других дагестанских зыках [см. Е.Бокарев 1948: 63].

ди, последняя под воздействием предшествующего глухого *с* ассимилировалась и перешла в *-тти*.

Ср. наречный аффикс *-ди* в агульском языке, который под влиянием предшествующего согласного может оглушаться и переходить в *-тти*: *йагъди* "денно, целый день", но *истти* "целый, круглый год". Юго-восточный ареал агульского языка поделен формами направительного падежа серии на *-ъ*: гибридная *-стти* характера его южной части (керенский диалект) *-с* – восточной (хпюкский говор). Путь продвижения последней лежит на север (некоторые говоры собственно агульского диалекта, фитинский говор). В табасаранском языке, как и в подавляющем большинстве лезгинских диалектов, представлен показатель *-з*. В отдельных говорах собственно агульского диалекта отмечается тенденция употребления как собственно направительного форманта *-ди*, так и форманта *-с*, форманта локатива *-ъ*: речь села Кураг: *зун теврин халас/хала(ъ) ушугуна, ти хурай уй* "когда я ходил к ним домой, он читал"; речь села Яркуг: *адини геда хулаъ/хулади пуни дадас*: "*Агь, да, йаг1а зун ц1уппиди къаравул акьуни*" "пришел сын домой и молвил отцу: Ах, отец, сегодня я крепко (то есть бдительно) караулил".

Лезгинский ареал в зависимости от локализации форм направительного падежа серии на *-ъ* можно разделить на западную (ахтынский, докузпаринский, курахский, яркинский диалекты) и восточную (кубинское наречие и гюнейский диалект) зоны. В западной находит распространение форма на *-з* и восточной на *-зди*[7]. Ср. курахский диалект: *к1вализ фена* "отправился домой" и кубинское наречие: *к1вализди фена* то же.

В агульском и лезгинском языках на основе направительного падежа серии на "в, внутри" отмечаются два пути развития направительных падежей. Вначале в агульском (лишь на юго-восточной окраине), лезгинском и табасаранском языках образуется "общенаправительный внесерийный падеж" *-з(-с)* со значе-

---

[7] Л. Ельмслев, исходя из системы языка, априорно восстановил для лезгинского форму направительного падежа на *-зди* [Hjelmslev 1937], которую позже обнаружил М.М. Гаджиев в кубинском наречии лезгинского языка.

нием "в, внутри", а затем развивается собственно направительный формант *-ди*, общий для всех серий. Такая последовательность находит отражение в гибридной форме *-з-ди, -с-тти* (← *-*с-ди*), где элементы, составляющие ее, расположены в той последовательности, в какой развиваются направительные падежи. Эти два пути составляют разные хронологические уровни в восточнолезгинских языках. Такая хронологическая последовательность дает право полагать, что в историческом прошлом для данной подгруппы языков была характерна система местных падежей, которые наряду с локативными функциями выполняли и функции направительных падежей. Такая картина в настоящее время представлена в гехюнском диалекте и ричинском говоре агульского языка. Эта модель местных падежей повторяет общедагестанское состояние (см. выше). Затем в сфере направительных падежей получает развитие "общенаправительный внесерийный падеж", который также судя по фактам, является продуктом общедагестанского уровня. И, наконец, формируется собственно направительный формант *-ди*, который представляет собой инновацию в сфере восточнолезгинских языков.

Таким образом, пространственно-временной континуум предполагает тотальный охват диалектного материала и историческую интерпретацию языковых фактов, в противном случае все схождения будут сходиться к конвергенции [ОЯ 1973; Гаджиева 1988: 183].

Помимо указанных морфем с пространственной семантикой, которые укладываются в парадигматический ряд (за исключением *-с* – "общенаправительного внесерийного падежа") и реконструируются для общелезгинского состояния, имеются и такие, которые представляют собой продукт индивидуального развития одного из восточнолезгинских языков. По крайней мере, на сегодняшний день нет свидетельств, которые указывали бы на их распространение и в других языках. Это касается суффикса *-ч*, который в качестве направительного форманта выделяет М.Е. Алексеев [1988] в словах наречного типа *ми-ч* "сюда", *ти-ч* "туда". Ему синонимичен формант *-ди*, ср. диалектное

варьирование в агульском языке: *гьин-ди?*, *гьани-ч* "куда? ". В лезгинском ему соответствует *-из*: *гьин-из?*

Ряд языковых фактов в лезгинских языках свидетельствует об остаточном явлении. Эти факты представляют сбой всего лишь отдельные звенья общей цепи, из которых с определенной долей вероятности восстанавливается система. Рассматривая синтагматические отношения между субстантивом и глаголом, можем установить соотношения морфем, которые дублируют друг друга. При этом мы опирались на примеры, относящиеся к пространственным морфемам, ср. лезг. *кьиле-л а-л-а* "находится на голове", аг. *кIили-л а-л-диа*; лезг. *раккары-г г-ава* (ахт.) "находится у дверей", аг. *раккари-в ф-айа (← в-айа)*; наиболее последователен в этом плане агульский язык: *цили-хъ хъ-айа* "находится за стеной", *цилари-гI гI-айа* "находится между стенами", *хула-ъ ъ-айа*, "находится в комнате, дома", *ракка-гь гь-айа* "находится перед дверью", *цили-кк кк-ейа* "находится под стеной", *цили-к к-ейа* "находится на стене (в вертикальном положении)". Отталкиваясь от этого, предполагаем, что эти соотношения могут иметь место и среди направительных морфем. Направительный падеж должен соотноситься с превербом, обозначающим "к ориентиру", а исходный – с превербом, обозначающим "от ориентира". И действительно, в некоторых локальных единицах лезгинского языка (кубинское наречие, докузпаринский диалект, курушский смешанный говор) обнаруживаем соотношение направительного преверба с исходным падежом: *зун кIваля-гъ э-къ-ечIна* "я вышел из дома" [Сулейманов 1980б: 208]. Серийный показатель *-гъ* и преверб *къ-* являются вариантами одной и той же морфемы. Вероятным источником, к которому они восходят является фарингализованный *гъ*ʿ, выступающий в функции пространственной морфемы со значением "между, среди". Такая координация морфем (*гъ – къ*) существовала в прошлом в лезгинском языке, которая могла быть нарушена с формированием в субстантивах собственно исходного аффикса *-й*, ср. лезгинское литературное *зун кIваля-й э-къ-ечIна*. Форма на *-гъ* была вытеснена конкурирующей формой исходного падежа на *-й*. Последняя могла развиться из *д, ср.

участие данного форманта в роли направительного преверба в восточнолезгинских языках: аг. *ъа-д-икас* "выгнать", но *ъа-ч-икас* "загнать".

Остаточной представляется и структура числительного "четыре" в лезгинских языках, которое образуется от числительного "два" посредством префиксальных аффиксов: лезг. *кьвед* "два" → *кьуд* (←**йа-кьуд*) "четыре", таб. *кь'ув* → *йа-кьув*, аг. *кь'уд* → *йа-кьуд*, рут. *къ'вад* → *йу-къуд*, цах. *кь'ор* → *йо-кьур*, крыз. *кьвад* → *йу-кьуд*, буд. *къад* → *йу-къуд*, арч. *кьве* → *еб-кь*, ср. также хин. *кIу* "два"→ *ун-кIу* (← **ум-кIу*) "четыре". Префиксальный способ словообразования широко используется в дагестанских языках, ср. лезг. *тIур* "ложка" и *ку-тIур* "половник", аг. *тIул* "прут" и *ку-тIул* "куст", а также буд. *къа-гIадж* "носки", арч. *йа-хв* "фундамент", *би-лъв* "глубокое место реки", цах. *йи-цIа* "хлеб", лак. *бу-тIа* "веревка, привязь", *му-рхь* "дерево" и т.д. Таким образом, префиксальный способ словообразования числительных является составной частью деривационной системы дагестанских языков и входит в общую модель языкового континуума.

Исследование пространственных падежей в именах существительных нельзя считать завершенным без соотнесения серийных показателей с морфемами подобной семантики в других частях речи. Выше отмечалось, что восемь серийных показателей, представленных в субстантивах, материально и функционально повторяются в глаголах. Из восточнолезгинских языков они сохранились лучше в агульском и табасаранском, особенно – в первом. В лезгинском языке они не представляют той строгой парадигмы, как в агульском. Если в субстантивах пространственные аффиксы выступают в роли формообразующих морфем, то в глаголе они являются еще и словообразовательными[8]. Проиллюстрируем это на материале агульского языка: *хула-ъ* "дома", *хула-хъ* "за домом", *хула-л* "на, сверху дома", *хула-гь* "пе-

---

[8] По справедливому замечанию З.И. Керашевой, "Семантика глаголов, образованных посредством, например, превербов, заранее частично предопределена, так как синкретичные форманты обладают унифицированными облигаторными значениями" [Керашева 1990: 63].

ред домом", *хула-в* "возле дома", *хула-кк'* "под домом", *хула-к'* "на доме (на вертикальной поверхности)", *хулари-гl* "между домами". В глаголах они выступают в препозиции: *ъ-айа* "находится в чем-нибудь", *хъ-айа* "находится за чем-нибудь", *ал-диа* "находится на чем-нибудь", *гь-айа* "находится перед чем-нибудь", *ф-айа* "находится возле чего-нибудь", "в тесном соприкосновении, слиянии", *гl-айа* "находится между чем-нибудь".

Помимо пространственных превербов здесь представлены и направительные, образующие две пары корреляций:

по горизонтали – *-ч-* "к ориентиру" – *-д-* "от ориентира";

по вертикали – *-д-* "вниз" – *-гъ-* "вверх".

Примеры: аг. *ъ-ч-авес* "войти" – *ъа-тт-вес* (← **ъа-д-вес*) "выйти"; *ъа-д-аавес* "спускаться (в полое пространство) " – *ъа-гъ-вес* "поднявшись, войти в полое пространство".

Обычно, пространственные превербы предшествуют направительным.

Таким образом, представлены восемь пространственных и четыре направительных превербов, которые, присоединяясь к определенному глагольному корню, образуют стройную парадигму. Практически путем последовательного присоединения к одному и тому же корню пространственных и направительных превербов можно образовать парадигматический ряд, охватывающий 72 глагола. Это становится возможным благодаря синтетическому характеру глагольной структуры, что значительно расширяет деривационную базу языков.

Если количество 72 умножить на количество видовременных и других видов глагола, то цифра составит более трех тысяч единиц. Возвращаясь к синкретизму глагольных превербов, необходимо отметить, что с формальной стороны они являются объектом морфологии, а с содержательной (семантической) – словообразования. С семантической точки зрения в структуре глагольной основы сложные превербы конструируются таким образом, что значение одного преверба соединяется со значением другого и образующееся таким способом значение представляет из себя единый семантической сплав [Сулейманов 1993 б: 157-158].

Глаголы с превербами имеют следующую структуру: "пространственный преверб + направительный преверб + корневая морфема + глагольное окончание", см., например, аг. *ъа-чи-к-ас* "загнать скот" (где *ъ* – пространственный преверб, *а* – гласный-сателлит, *ч* – направительный преверб, *и* – гласный-сателлит, *к* – корневая морфема, *ас* – окончание инфинитива).

Содержательная структура настоящего глагола *(ъачикас)* составляется из следующих сем: *ъ* "внутри" + *ч* "к определенному объекту" + *к* "корневая морфема" (значение которой отдельно не вычленяется) + *ас* "аффикс с общим категориальным значением вербальности". Важное значение для исторических исследований имеет выделение корневой морфемы в слове. В дагестанских языках, где корень слова наращивается различными аффиксами, выделение его сопряжено со значительными затруднениями, обусловленными необходимостью определения функции каждого компонента в слове. Стержнем слова, его семантическим ядром является корень, в нем уже заложен смысловой потенциал. Сам по себе корневой элемент не обладает определенным значением, лишь наращиваясь префиксальными и суффиксальными компонентами, он приобретает конкретное значение. Проиллюстрируем данное положение материалом дагестанских языков. Одним из способов словообразования в дагестанских языках является способ образования слов при помощи классных показателей. При одном и том же корне имеются варьирующиеся классные показатели, которые образуют корреляцию по полу, например: ав. *ва-ц* "брат" – *йа-ц* "сестра", *ва-с* "парень, мальчик, сын" – *йа-с* "девушка, девочка, дочь". Анализ диалектных материалов и в группе лезгинских языков позволяет обнаружить след семантической оппозиции, выражающейся посредством экспонентов классных показателей, например: аг. *ру-ж* (соб. аг.) "девушка, девочка, дочь" – *ба1-ж* (кош.) "мальчик, сын", таб. *ру-ш* – *ба-ж* (сев.) соответственно [Сулейманов 1988: 83].

В именах существительных самой минимальной структурой является СГС[9]. В тех случаях, когда представлено СГ, то нужно думать о выпадении конечного согласного, ср.лезг., буд. *фу* "хлеб", где он восстанавливается при словоизменении: лезг. *фу*, но мн.ч. *фуъ-ар* (ср. речь села Хлют: *фыъ* "хлеб") и рут. *хьыв*, крыз. *фуй*. Данная структура (СГС) может быть осложнена префиксом-классным экспонентом: хин. *п-шаь*. Какая же из форм является более древней? Очевидно, можно считать такой структуру $СГ_{кп}$ - $СГ_{к}$ - $С_{дс}$ (где $С_{кп}$ – классный показатель, $СГ_{к}$ – корень, $С_{дс}$ – деривационный суффикс), которую, основываясь на данном хиналугского языка можно реконструировать следующим образом: **быхьыв*. См., например, структуру слова "голова" в дагестанских языках, где представлены следующие три модели:

$СГ_{кп}$ - $С_{к}$ (дарг. *би-к1*, лак. *ба-к1*);

$СГ_{к}$ - $С_{с}$ ($С_{с}$ – суффикс; лезг. *кьи-л*, таб. *к1у-л*, аг. *к1и-л*);

$СГ_{кп}$ - $СГ_{к}$ - $С_{с}$ (ав. *бе-т1е-р*, цах. *ву-к1у-л*, хин. *ми-к1и-р*).

Из этих моделей исходной, очевидно, можно считать первую. В одних в связи с утратой классной функции префиксами они выпадают (лезгинский, табасаранский, агульский), в других префиксы сохраняются (аварский, цахурский, хиналугский).

Наипростейшей глагольной структурой является форма повелительного наклонения 2 л. ГС: аг. *ухь!* "стань! " Простейшей инфинитивной структурой служит $С_{к}$ - ГС, где заключительная часть (ГС) обозначает категориальность: лезг. *хьун* "стать, становиться", таб. *хьуз* (*шуз*), аг. *хьас*. Корневой морфеме может предшествовать классный показатель, и тогда структура выглядит следующим образом: $СГ_{кп}$ - $С_{к}$ - ГС: лезг. *ругун* "варить (ся), кипеть"; аг. *руьхьес*. Префиксальная часть может подвергнуться метатезе: таб. *урхьуз* то же. Имеется и другая структура, в которой префиксальная часть, выраженная классным показателей, заменяется превербом. Символически это изображается следующим образом: $СГ_{п}$ - $С_{к}$ - ГС (где $СГ_{п}$ – преверб): таб. *хъугъуз*

---

[9] Принятые сокращения: С – согласный, Г – гласный.

"верить" аг. *хъугъас*. В лезгинском языке префиксом является окаменелый классный показатель или как след его сохраняется огласовка: *йигъун (агъун)* "верить". При сложных превербах глагольная структура осложняется направительным превербом, при этом, как было указано выше, обычно, пространственный преверб предшествует направительному: $СГ_{пп}$ - $СГ_{нп}$ - $С_к$ - ГС (пп-пространственный преверб; нп – направительный преверб): лезг. *гекъечIун* "выйти из-за чего-нибудь", "взойти (о небесных светилах)", аг. *фагъучIас* "взойти (о небесных светилах)". В табасаранском языке между сложным превербом и корневой морфемой инфигируется еще и классный показатель ($СГ_{пп}$ - $СГ_{нп}$ - $С_{кп}$ - $С_к$ - ГС): *гьудубчIвуз* "взойти (о небесных светилах)".

В табасаранском языке, где функционируют классные показатели, при присоединении преверба к глаголу с префиксом, классным показателем, обычно последний не сохраняется: ср. *йи-тIуз* "связать", "перевязать", но *или-тIуз* "перевязать сверху", *ки-тIуз* "привязать к чему-либо", *кки-тIуз* "запрячь" и т.д. [Магометов 1965: 221]. Наряду с этим, встречаются случаи, когда при наличии префикса-классного показателя прибавляется и преверб: хан. *гъи-виджуз, гъи-риджуз* "обернуться" (*в, р* – классные показатели) [Магометов 1965].

В агульском языке во многих случаях окаменелые классные показатели выполняют роль деривационных аффиксов, ср., например, структуру $СГ_{пп}$ - $СГ_{нп}$ - $С_к$ - ГС:

алаттахъас "снять одежду", "освежевать" (тушу животного),

хъаттахъас "сложить, сбросить ношу со спины",

фаттахъас "высыпать",

ъаттахъас "высыпать из чего-нибудь",

ккеттахъас "убрать из-под чего-нибудь" и др.

и структуру $СГ_{пп}$ - $СГ_{нп}$ - $С_{кп}$ - $С_к$ - ГС:

алаттархьас "соскочить с чего-нибудь", "сбиться со счета", "сбиться с пути",

хъаттархьас "отстать", "отцепиться", "отсоединиться",

фаттархьас "выпасть из рук",

ъаттархьас "выскочить (из полого пространства)",

ккеттархьас "выскочить из-под чего-нибудь", "освободиться от наказания".

Категория грамматического класс в настоящее время в агульском языке, как и в лезгинском, не является действующей. Исторический путь, пройденный агульским языком, в отношении категории грамматического класса, идентичен пути, пройденному табасаранским языком, где исторически были представлены четыре грамматических класса. Ныне в табасаранском языке они сведены к двум. Это грамматический класс человека (или разумных существ) (1 класс) и класс неразумных существ и вещей (2 класс) [Магометов 1962: 161]. Глагол, который выполняет большую коммуникативную функцию в предложении, особенно хорошо сохранил экспоненты грамматических классов. В агульском языке они занимают предкорневую позицию и выступают в качестве префиксальных и инфиксальных элементов.

Если проследить эволюционный путь экспонентов грамматических классов, то во многих случаях обнаружится, что они утратив свои функции грамматических классов, активизируют или актуализируют иные (словообразовательные) функции. Так, к примеру, в глаголе агульского языка окаменелые грамматические классы могут выступать в функции каузатива, что выявляется при корреляции глагольных основ посредством противопоставления предкорневых элементов *й ~ р*, ср. *кейхьас* "сбросить по вертикали", но *керхьас* "упасть по вертикали"; *гlайхьас* "сбросить (между кем, чем-нибудь) ", *гlархьас* "провалиться (между кем, чем-нибудь)" [Сулейманов 1989 б: 161]. В данном случае *й ~ р* образуют корреляцию по тому, как основы глагола выражают участие деятеля в действии или же оно происходит самопроизвольно. В обоих случаях действие совершается в одном направлении.

Посредством классных показателей можно выразить и корреляцию глагольных основ, которые различаются меду собой противоположным направлением действия, но в обоих случаях происходит активизация ("каузативизация") глагольной основы. В этом случае один из членов корреляции в агульском языке является ущербным. Морфологически он получает выражение в

виде нулевой морфемы *ш* ~ *й*: *хъихьас* "положить (за кем, чем-нибудь)" (ср. таб., хан. *хъавхьуз), хъайхьас* "ссять, убрать (сзади, например, ношу со спины)". Оба члена этой корреляции могут быть противопоставлены глаголу, в основе которого выделяется инфиксальный *-р-* – окаменелый классный показатель. Такой глагол, в отличие от первых, выражает произвольное действие: *хъархьас* "спадать (сзади, например, пиджак с плеч) , отцепиться".

Встречаются и такие каузативные основы, у которых отсутствуют коррелятивные пары: аг. *да-кьас* "качать", *тту-ттас* (← **ду-ттас*) (*тту-ттанас*) "трясти", "встряхивать", *ру-к1ас* "копать", *ди-вас* "тянуть", "дергать", "курить".

Здесь же встречаются по диалектам и метатезированные формы, такие, как соб.аг. *аку-р-анас*, куш. *ар-квас* "мазать", "белить", формы, где формант каузатива оставил след в предшествующем гласном в виде долготы: соб.аг. *алаакьас* "брить (голову)", ср. деепричастную форму несовершенного вида *ала-р-кьай*, где всплывает формант каузатива *-р-*; соб.аг. *алаатас* "вылить, слить", ср. цир. *ара-й-звас*; *-й* – формант каузатива.

Полифункциональный характер одних и тех же морфем (в данном случае *р*) породил в специальной литературе различные мнения. Так, относительно инфиксального *-р-* в агульском языке А.А. Магометов пишет, что исторически в агульском языке различались основы длительного и недлительного вида; критерием их разграничения мог служить элемент *р*, который выступает в некоторых диалектах, ср. гех. *акьас* "делать, сделать", деепр. наст. вр. *аркьари,* но деепр. прош. вр. *акьуна.* Правда, об этом А.А. Магометов высказывается очень осторожно, так как имеются случаи, когда и в основе деепричастия прошедшего времени встречается *р*: *алархьас* "падать (с чего-нибудь)" – деепр. наст. вр. *алархьари* – деепр. прош. вр. *алархьуна.* В этом случае, как верно отмечет автор, не приходится говорить о видоразличительной функции *р* [Магометов 1970 а: 162].

Р.М. Шаумян, рассматривая инфиксальный *р* с функциональной точки зрения, склонен считать его остатком классного показателя [Шаумян 1941: 103]. Как видим, имеются две точки

зрения в отношении элемента *р*. Обе позиции представляются правомерными. Дело заключается в хронологической последовательности функционирования этих категорий: сначала зарождается грамматический класс, затем актуализируется сема с длительным видом. С другой стороны, возможен и синкретизм, при котором *р* совмещал обе эти функции. Такое толкование вполне укладывается в общую концепцию, которая учитывает способность морфем пространственной семантики выступать как в функции словоизменительных, так и словообразовательных, и корневых морфем [Сулейманов 1992].

В этой связи возникает необходимость при диахроническом рассмотрении вопроса разграничить явления, относящиеся к категории грамматического класса, и другим грамматическим явлениям. С функциональной точки зрения, как видно из вышеизложенного, одни и те же материальные элементы способны выражать грамматический класс, пространственную ориентацию, активизацию глагольной основы, дюративность (длительность протекания действия или процесса). Очевидно, единственным надежным критерием при разграничении этих процессов являются такие методические приемы, которые обладают объяснительной силой. Одним из эффективных способов такого разграничения является способ, примененный впервые Н.С. Трубецким и именуемый методом "фонологических оппозиций". Данная методика, приложенная и к другим языковым уровням, – в данном случае применяется в сфере морфологии – дает также положительные результаты, что было продемонстрировано выше в отношении каузатива и пространственных превербов.

На оппозиционном методе построена корреляция пространственных и направительных морфем. Ср. корреляции "перед" (*гь*) – "сзади" (*хъ*); "на" *(л)* – "под" (*кк*). Помимо них, имеются и такие, у которых нет этих пар: *ъ* "в, внутри", *гъ* "между", *в (г)* "рядом, возле", *к* "в сплошной массе, в тесном контакте"; "на наклонной поверхности".

Метод противопоставления особенно эффективен при определении оппозиционных пар в сфере направительных превербов. Происходит разделение пространства на две плоскости: го-

ризонтальную и вертикальную, и в соответствии с этим строгое распределение направительных превербов по двум осям.

Горизонтальная плоскость: "к ориентиру" – "от ориентира".

Вертикальная плоскость: "вниз" – "вверх".

Примеры приводятся из агульского языка, где сохранилась стройная система указанных превербов:

ъачавес "зайти" – *ъаттвес* (← **ъадвес*) "выйти (по горизонтали),

ъадаавес (← **ъадайвес*) "спуститься (в полое пространство)" – *ъагъавес* "подняться в полое пространство" (по вертикали).

Такая модель распределения направительных превербов по двум плоскостям в пространстве распространяется в лезгинских, а также в даргинском языках, что образует общелезгинско-даргинскую морфологическую изоглоссу: дарг. *сабиций* "положить" (действие направлено к ориентиру) – *бидций* "положить" (действие направлено от ориентира); *кабиций* "положить" (действие направлено сверху вниз) – *гьабиций* "положить" (действие направлено снизу вверх)[10].

Если идти в ретроспективном направлении и произвести обратную реконструкцию, то обнаружится, что в основе вышеуказанной четырехчленной модели лежит двучленная модель "к ориентиру/вниз" – "от ориентира/вверх", представленная в шахдагских языках. См. дефиницию о том, что в крызском языке направительные превербы *гl* и *къ* "указывают на движение предмета в горизонтальном и вертикальном направлении" [Хидиров 1964: 5]:

гlавчl! *"войди!"* – *къавчl!* "выйди!"; *гlаьшаь!* "иди вниз!" – *къаьшаь!* "иди вверх!".

В прадагестанском состоянии существовала иная корреляция морфем с пространственной семантикой. Здесь складывается двучленная корреляция на базе пространственно-направительных морфем: "под чем-нибудь/вниз" (**кь*) – "на чем-нибудь/вверх" (**кьl*) [Сулейманов 1992а]. На основе одних пре-

---

[10] Примеры извлечены из работы: [Магометов 1983: 196].

вербов невозможно реконструировать настоящую модель. Для такой реконструкции требуется привлечение материалов других частей речи, содержащих морфемы с идентичной семантикой.

Одной из центральных проблем дагестанского языкознания является проблема соотношения серийных показателей имен существительных и глагольных превербов. Серийные показатели получают широкое распространение во всех дагестанских языках, что же касается глагольных превербов, то интенсивность их функционирования различна. Строгий парадигматический ряд выдержан в системе местных падежей, в отношении же превербной системы строгость парадигмы нарушена. Более ущербной она выглядит в аваро-андо-цезских и лакском языках. Данное обстоятельство породило в специальной литературе мнение об отсутствии пространственных морфем в глагольной структуре названных языков. Это положение, приписывающее указанным языкам развитую систему местных падежей и отсутствие превербов, поддерживается и некоторыми зарубежными учеными. Так, например, К.-Х. Шмидт при генетической и типологической реконструкции кавказских языков восточнокавказские (ВКЯ) характеризует как языки, в которых единственными выразителями пространственных отношений выступают местные падежи. Далее делается заключение, что "в ВКЯ развитие превербов сначала происходит в хронологической плоскости самурского (лезгинского – Н.С.) языка-основы, то есть еще не имело силы для ВК языка-основы" [Шмидт 1972].

Данные дагестанских языков показывают, что превербы исторически являются достоянием не только лезгинских языков, а представляют собой продукт общедагестанского состояния. Ср. материалы дагестанских языков, в которых налицо направительные превербы, указывающие направление "вверх":

ав. *т1-авохъжи* "встать", гунз. *гь-ээрич1а* "подняться", беж. *гь-оолал* "поднять", лак. *л-ахъ бан* "сделать высоким, поднять", дарг. *гь-ерицци* "встать", рут. *л-аьч1ун* "подниматься", цах. *ыл-хъач1ус*, аг. *гъ-айшас*, лезг. *къ-арагъун*, таб. *гъ-адагъуз* "брать", буд. *къ-урзар* "встать", крыз. *къ-аьч1идж* "расти", уд. *л-айсун* "подниматься", см. также чеч. *т1-едаала* "подняться", инг. *т1-*

авала, а также направительные превербы, указывающие на движение "вниз":

ав. *гъ-инабизе* "стряхивать, стряхнуть", гунз. *г-ича* "литься", беж. *г-итӏал* "лить" (ср. также *лӏ-ухолал* "повесить, задушить"), лак. *учӏан* (←**в-учӏан*) "спуститься", дарг. *г'-еризес* "упасть", "свалиться", рут. *с-аьчӏун*, цах. *г'-ичӏес*, аг. *адайчӏвас* "спускаться", лезг. *эв-ичӏун*, таб. *ул-ду-чӏвуз* "слезать", буд. *гӏ-аьшаьдж* "спускаться", см. также чеч. *х-ерца* "падать".

Не во всех языках показатели локативных падежей и превербы материально совпадают. Если в одних языках, в таких, как табасаранский, агульский, показатели локативных падежей и пространственные превербы целиком совпадают, то в других языках, например, в даргинском, они не повторяются полностью. Система местных падежей сложилась в канун распада общедагестанского состояния, о чем свидетельствует довольно стройный парадигматический ряд по языкам. В области превербов представлена разветвленная система – результат формирования ее на более раннем этапе, следы которой ведут к периоду общевосточнокавказского единства.

С формальной (материальной) стороны реконструкция пространственных морфем может осуществлена приемами компаративистики (в ее классическом варианте), что же касается их содержательной стороны, то она должна подвергаться типологическому исследованию, являющемуся естественным продолжением сравнительно-исторических исследований, их синтезом [Серебренников 1958: 28]. При типологической реконструкции выявляются тенденции, заложенные еще в период общедагестанского состояния и продолжающиеся параллельно развиваться в языках-потомках.

Направительные морфемы с точки зрения их происхождения и формирования как системы в дагестанских языках еще не подвергались сравнительно-историческому исследованию. Накоплен значительный материал по отдельным языкам, подгруппе или группе родственных языков, который вместе с дополнительными фактами может послужить базой для реконструкции морфем с направительной семантикой в дагестанских языках.

При этом важным представляется рассмотрение направительных морфем в семантико-этимологическом аспекте. В свете новых данных, привлекаемых для реконструкции указанных морфем, устанавливается, что они не везде материально совпадают, а это свидетельствует о позднем формировании дифференциации направительных и пространственных значений, сложившейся уже в период после распада общедагестанского состояния.

Весь механизм формирования направительных морфем связан с семантическими преобразованиями аффиксов, имеющих пространственно-направительное значение. Анализ материала показывает, что пространственные и направительные превербы, реконструируемые на общедагестанском уровне, в итоге восходят к пространственно-направительным морфемам: на прадагестанском уровне у морфем с пространственной ориентацией не было членения на пространственные и направительные значения, точнее говоря, в указанных морфемах потенциально были заложены пространственные и направительные семы. Имеющиеся расхождения в превербных системах современных дагестанских языков – результат как фонетических, так и семантических модификаций. В другом случае эти различия вызваны образованием собственно направительных морфем, которые являются продуктом позднего образования, относящегося к периоду после распада общедагестанского состояния на родственные группы [Сулейманов 1992а: 112].

Существенным моментом в истории дагестанских языков представляло явление синкретизма. Исследование данного процесса на дагестанском материале открывает широкие перспективы для освещения многих вопросов, ранее не получивших своего удовлетворительного решения. В этой связи, как указывалось выше, общедагестанский синкретизм проявляется в том, что, несмотря на материальные расхождения морфем с пространственной ориентацией в дагестанских языках, просматривается общая тенденция – способность их во многих случаях выражать как пространственные, так и направительные значения. Универсальный характер данного явления верифицируется

материалами разных групп дагестанских языков в сфере местных падежей, пространственных наречий, глагольных превербов и указательных местоимений с пространственными морфемами. Например, в лезгинских языках, преверб с вертикальной ориентацией "наверху/вверх", который соотносится с субстантивным серийным показателей *-л* "на горизонтальной поверхности", имеет параллели и в наречиях, и указательных местоимениях, см. рут. *л-аъ* "наверху", буд. *алл-аха* "наверху", *алл-ахан* "наверх", аг. *л-е* "тот, находящийся выше", буд. *л-аха*. В удинском языке указанная морфема в наречии выражает пространственное и направительное значения: *ал-а* "наверху", "наверх".

Подобно удинскому наречию, синкретизм распространяется в системе превербов лезгинских языков: рут. *л-ихьес* "класть, положить (на кого, что-нибудь)" – пространственное значение, *л-аьч1ун* "подниматься" – направительное значение. В цахурском языке преверб *л-*, как и в рутульском, "указывает направление движения вверх или на горизонтальную поверхность" [Ибрагимов 1990: 123]: *ал-изарас* "навалиться" – пространственное значение; *ал'-алас* "расти", "подняться" – направительное значение; уд. *л-ахсун* "класть, положить" (на кого, что-нибудь)", *л-апсун* "одеваться" – пространственное значение, *л-айсун* "подниматься" – направительное значение. Преверб *г'-*: цах. *г'-едачес* "стелить" – пространственное значение, *г'-еч1ес* "спускаться" – направительное значение.

Нерасчлененное выражение пространственно-направительного значения морфемой *л* имеет место и в глагольной структуре лакского языка, ср. *л-аххан* "одеться" и *л-ахъ бан* "поднять, сделать более высоким". Но здесь она не соотносится с морфемой подобной семантики в других частях речи.

Недифференцированное выражение пространственно-направительного значения превербом повторяется и в языках шахдагской подгруппы: крыз. *къ-итаьдж*, буд. *къ-усу* "положить (на кого, что-нибудь)" и крыз. *къ-узридж*, буд. *къ-урзар* "встать".

В будухском языке данный преверб соотносится с морфемой вертикальной семантики, выступающей в составе наречия *къ-ал* "вверх".

В аваро-андо-цезских языках серийные показатели имен существительных с значением "на чем-нибудь" и "под чем-нибудь" повторяются в наречиях "наверху"/"наверх", "над" и "внизу"/"вниз", "под": ав. *столал-да* "на столе" – *т1ад* "наверху", "наверх", *ганч1и-кь* "под камнем" – *гъ-ор-кь* "внизу", "под"; гин. *истоли-кьо* "на столе" – *кь-ере* "наверху", "над"; беж. *хо-кьа* "на дереве" – *кь-одо* "наверху", *бочкали-л1* "под бочкой" – *л1-ийо* "внизу"; гунз. *мара-кь* "на горе", "на гору" – *кь-одо* "наверху"; ботл. *руши-кьи* "под деревом" – *гьи-кьи* "под"; год. *базар-ла* "на базаре", "на базар" – *гьи-ла* "над", *руши-кьи* "под деревом", "под дерево" – *гьи-кьи* "под"; кар. *байдан-кьа* "на площади" – *ка-ъа* "наверху"; ахв. *ингвари-кьи* "под хлебом" – *гьи-кьи* "под".

Яркой особенностью морфологической структуры слова дагестанских языков является способность одной и той же единицы выступать в функции корневого, словообразовательного и словоизменительного аффикса. Эту триаду, обычно, образуют единицы с пространственной семантикой. Генетическая связь между словообразовательными и словоизменительными аффиксами с пространственной ориентацией прозрачна и нашла отражение в научной литературе, *что же касается попыток идентифицировать корневые морфемы с словообразовательными и словоизменительными аффиксами указанной семантики, то они совершенно не предпринимались.* В дагестановедении локальные аффиксы (превербы в глаголах и послелоги в именах) обычно увязываются с пространственными наречиями и указательными местоимениями. Такое соотношение, в принципе верное, не решает проблемы, так как при аппликации (наложении) соотносимых форм у пространственных наречий и указательных местоимений остается некий "остаток". Этот "остаток" представляет собой наречное или местоименное значение, которое не соотносится с превербами и послелогами (серийными показателями). Поэтому при определении генетической основы превербов и серийных показателей речь не может идти об отдельной части

речи (местоимении или пространственном наречии), необходимо говорить о семантическом инварианте, с которым по значению соотносятся пространственные морфемы, извлекаемые путем структурно-семантического анализа из различных частей речи (глагола, существительного, местоимения, наречия). Исходной субстанцией для указанных единиц могла служить корневая морфема с таким значением, из которого способна кристаллизоваться и актуализироваться сема с определенным пространственным значением.

Превербы с вертикальной ориентацией во многих случаях в дагестанских языках являются самостоятельными моноконсонантными конями с определенной, конкретной семантикой. Находясь в препозиции у глаголов и образуя с ними синтетические единицы, они лишь формально (следуя традиционной индоевропеистике) считаются префиксальными компонентами. В действительности же глаголы с превербами представляют собой синтетические образования, где происходит инкорпорирование глагольной основы с корневой морфемой-превербом. Такие глаголы являются по сути сложными образованиями, первый компонент которых выражает пространственное, а второй – вещественное значения слова. Значения указанных глаголов складываются из суммы значений составляющих компонентов. Проиллюстрируем это на материале агульского языка, где производная конструкция "корневая морфема с направительной семантикой + глагол" дает сумму этих значений, например: *агъ* "вверх" + *вес* "идти" *агъвес* "идти вверх", то есть "подниматься". Эти глагольные формы могут наращиваться еще и пространственными морфемами, например: *ал-гъа-вес* "идти вверх (на что-нибудь)" (например, подняться на крышу), *г1а-гъ-вес* "идти вверх (между чем-нибудь) " (например, между домами), *ъа-гъ-вес* "идти вверх" (в полое пространство) (например, в пещеру) и т.д. Таким образом, характеризуемые моноконсонантные корневые морфемы (превербы) представляют собой единицы с определенной пространственной семантикой.

На современном этапе характеризуемые единицы выступают в основном в качестве словообразовательных аффиксов (пре-

вербов) и суффиксов (серийных показателей). Но сохранились некоторые свидетельства, указывающие на возможность их употребления в качестве корневой морфемы: ср. аг. *гъ(в)-ад* "потолок", таб. *гъ(в)-аъ* (юж.), *къ-уй* (сев.), лезг. *къ-ав*, лак. *ма-гъ-и* "потолок", "крыша", аг. *хула-гъ* (*хал* "дом", "комната", эрг. *хула*), где морфема *-гъ-/-къ-* (← **-къгъ-*) выступает в роли корневой морфемы и деривационного суффикса. Ср. также материалы даргинских диалектов, в которых пространственная морфема так же, как и в агульском языке выступает в деривационном значении: *хъал* (кубач.) "дом" *хъал-ч* (акуш.) "крыша".

Несомненный интерес представляет употребление в глагольных и субстантивных основах дагестанских языков в качестве корневых морфем латеральных **кьI* и **кь*, этимологически связанных с формантами вертикальной ориентации.

Еще в общедагестанском состоянии для выражения значения "нахождения на чем-нибудь" параллельно существовали две формы **кьI* и **лIъ*. Во многих аваро-андо-цезских и некоторых лезгинских языках они обнаруживаются в словах "надеть", "одежда" в качестве корневой морфемы: **кьI*: ав. *ре-тI-ине* "одеть", *ре-тI-ел* "одежда", анд. *бо-кьI-* (диал. *бо-л-, бо-ъ-*), ботл. *ба-ъ-у- (ра-ъ-алIи* "одежда"), год. *ба-л-и*, тинд. *ба-л-е*, багв. *ба-л-а*, кар. *ба-кьI-а* "одел", цез. *ш(в)е-кьI-а* "одеть", *ше-кь-у* "одежда", гин. *ше-кь-у* "одежда", хварш. *ши-кь-а* "одеть" (инх. *ши-кь-у* "одежда"), гунз. *ши-кь-а* "одеть", рут. *ва-л-ыг* "одежда;

**лIъ*: беж. *лъ-ицIо*, аг. *к-унар* "одежда", беж. *лъ-ицIал* "надеть" (например, пальто). Ср. беж. *йо"со-лъ*, аг. *цили-к* "на стене" (на вертикальной поверхности), где выделенные аффиксы выступают в роли пространственных морфем с указанным значением. В других случаях они служат деривационными аффиксами:

**кьI*: лак. *л-аххан* "надеть", "натянуть", *л-аххийа* "одежда", лезг. *ал-укIун* "надевать", рут. *л-ыъын*, цах. *ал-аъас*, аг. *ал-икIас*, таб. *ал-ахъуз* "одевать", "надеть".

**лIъ*: дарг. *ч-егьес* (← **к'-егьес*) "одеть", "надевать".

Настоящие корневые морфемы (**кь* и **лIъ)* преобразовались: один в аффикс с пространственно-направительной семан-

тикой, другой – с пространственной. Период общедагестанского состояния характеризуется тем, что еще не было пространственной дифференциации значений "на горизонтальной поверхности" и "на вертикальной поверхности". Эти значения совмещались в значении "нахождение на чем-нибудь", на что указывают данные дагестанских языков. В подавляющем большинстве дагестанских языков морфема *кьӀ передает как пространственное значение "на горизонтальной поверхности", так и направительное с вертикальной ориентацией "вверх", см. например, рут. *л-ихьес* "класть (на что-нибудь) " и *л-ачӀун* "подниматься". Морфема *лӀъ* соотносится с морфемой *кьӀ* по линии пространственной семантики: дарг. *ч-ебихьес* (← **к'-ебихьес*) "класть (на что-нибудь)", но в отличие от *кьӀ* она имеет и значение "на вертикальной поверхности". Это обстоятельство свидетельствует о происходящем в указанный период семантическом распаде, который приводит к образованию двух значений – на горизонтальной и вертикальной поверхности, распределяющихся между морфемами *кьӀ* и *лӀъ*.

См. также употребление корневой морфемы *кь* в аваро-андийских языках, соотносимой с серийным показателем ("под"), пространственным и направительным превербами ("вниз", "под"):

кь: ав. *кь-ибил*, анд. *гьи-кь-ем*, ботл. *гьи-кь-им*, год. *гьи-кь-им*, тинд. *гье-кь-аб*, багв. *гье-кь-ем*, кар. *гье-кь-ебе*, ахв. *е-кь-е* "корень" [Гудава 1979: 187].

Выше отмечалось, что имеются отдельные слова – имена существительные, в которых корневыми морфемами выступают единицы с пространственным значением "между" и "под", например: аг. *гӀ-ан*, лезг. *къ-ен* "внутренность, чрево"; аг. *кӀ'-ан*, лезг., таб. *кӀ-ан* "дно". Указанные корневые морфемы широко применяются в глагольной и именной парадигме: аг. *кк'-ихьас* "постелить", *кк'-акьвас* "сесть (под чем-нибудь)"; *цили-кк'* "под стеной"; лезг. *кк-ава* (ахт.) "находится (под чем, кем-нибудь)", *цла-к* (← *цла-кк*) "под стеной"; аг. *гӀ-айӀчвас* "выйти (между кем, чем-нибудь)"; *хӀуппари-гӀ* "между овцами"; лезг. *э-къ-ечӀун* "выйти (между кем, чем-нибудь)" и т.д.

Начальные корневые морфемы в словах "внутренность" и "дно" могут еще раз суффигироваться, переводя слова из категории предметности в категорию пространственности: аг. *кI'-ана-кк'*, лезг. *кI-ени-к*, таб. *кI-ана-кк* "под". Дублирование (повторение) корневой морфемы с пространственной семантикой в качестве суффикса в наречных словах известно и другим дагестанским языкам, см. гунз. *кь-одо* "наверху", *кь-одо-кь* "поверху". Ср. также ав. *гъ-ор-кь* "внизу"; "под", где слово скомпоновано из двух самостоятельных корневых морфем – *гъ* "внизу" + *кь* "под".

Слово "внутренность, чрево" оформляется суффиксом *-ъ* "в, внутри", близким значению префиксальной морфемы: лезг. *къ-ене* (? *къ-не-ъ*), аг. *гI-ана-ъ*. Данные имена существительные (*кIан, къен*) лишены полного набора пространственных парадигматических форм, присущих другим субстантивам. Их парадигматические формы ограничены одной серией местных падежей: лезг. *кIеник, кIеникди, кIеникай*; аг. *кI'анакк', кI'анакк'ди, кI'анакк'ес*; лезг. *къене, къенез, къняй*; аг. *гIанаъ, гIанаади (← *гIанаъди), гIанаъас*. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что категориальный признак (отнесение пространственных морфем к наречиям-послелогам или указательным местоимениям), который ставится в основу при определении генезиса пространственных морфем, не решает проблему происхождения указанных морфем. Так, в одних языках интересующие нас морфемы представлены в наречиях, например: дарг. *к-а* "вниз", *гь-а* "вверх", рут. *л-аъ* "наверху", *с-аъ* "внизу", уд. *а-л-а* "наверх", "наверху", *а-къ-а* "вниз", "внизу", буд. *къ-ал* "по (вверх) ", *гI-ал* "по (вниз) ", в других – в указательных местоимениях, см., например, таб. *гъ-уму* "тот (наверху) ", выявляются и в глагольных структурах. Но имеются языки, в которых указанные морфемы хотя и представлены в глаголах, но не засвидетельствованы в наречиях или указательных местоимениях. Ср. крыз. *къ-аьшаьдж* "подниматься", но *вараьн* "наверх"; *гI-ашхар* "прийти (сверху вниз) ", но *ацаьн* "вниз".

Таким образом, тезис о том, что генетической основой для морфем с пространственной ориентацией служат наречия и ука-

зательные местоимения, не выдерживает критики. Если говорить о такой базе, то речь может идти о едином источнике для дагестанских языков – корневой морфеме с пространственной семантикой.

Чтобы понять природу той или иной структурной единицы, необходимо провести более глубокий анализ. Без представления (видения) соответствующей исторической перспективы исследуемого языкового явления невозможно дать ему объективную оценку. В лезгинском языке, как и в агульском, представлена модель, члены которой коррелируют:

"к ориентиру" (*гь-)* – "от ориентира" (*къ-)*

"вниз" (*в-)* – "вверх" (*къ-)*.

Но, в отличие от агульского языка, в лезгинском левая часть настоящей модели составлена из морфем, которые материально связаны с соответствующими морфемами отдельных лезгинских языков:

гь-атун "попадать" (во что-нибудь) – *акъ-атун* "выходить, выскочить"

ав-атун "провалиться (во что-нибудь)" – *акъ-атун* "появляться, выступать".

Без сравнительного анализа и глубокой реконструкции, при которой в орбиту исследования включаются материалы всех групп дагестанских языков, этот факт можно было бы объяснить как инновацию. Но при ближайшем их рассмотрении следы указанных морфем обнаруживаются и в других дагестанских языках, более отдаленных от лезгинской группы. См., например, участие морфемы *в-* с идентичным значением в глагольной основе аваро-андийских языков: ав. *вортизе* "падать", анд. *вуккуду*, чам. *вукула* "падать". В кубачинском диалекте даргинского языка она участвует в глагольных основах с пространственным (локальным) значением "под" [см. Магометов 1983: 199]. Если учесть синкретизм направительных и локальных морфем, то нетрудно догадаться об их едином источнике происхождения. Кроме того, ср. в этом ряду цахурский послелог *ав* "под", отмеченный А. Дирром [см. 1913: 24], который соотносится с превербом *в-*.

Морфема *гь-* тоже выступает в глагольных основах в качестве преверба в даргинском и андийских языках, но, в отличие от лезгинского языка, имеет противоположное значение: дарг. *гьакъий* "принести снизу вверх"; анд. *гьирцIоллу* "поднимать", тинд. *гьеччалилIа*, чам. *гьинзалла* "поднимать".

Правая часть лезгинской модели ("от ориентира" – "вверх"), собственно, является одной из частей двучленной модели, представленной в шахдагских языках – "к ориентиру/вниз" и "от ориентира/вверх": крыз. *гI-ачIаьдж*, буд. *гI-ачIи* "войти" / крыз. *гI-аьш-*, буд. *гI-ашхар* "спуститься" – крыз. *къ-аьчIидж*, буд. *къ-ечIи* "выйти" / крыз. *къ-узридж* "встать", буд. *къ-ашхар* "подниматься".

В табасаранском языке и в кошанском диалекте значения направительных превербов "от ориентира" и "вверх", представленных в правой части лезгинской и шахдагской модели, передаются морфемой *къ/гъ*:

таб. *гъ-ахуз* "относить" / *гъ-удуджвуз* "встать";

аг. (кош.) *ъа-къ-ахис* "выйти" / *гъ-ахис* "подняться".

Таким образом, правая часть модели, передаваемая направительной морфемой *къ/гъ*, является общей для восточнолезгинских и шахдагских языков. Отдельные ее осколки прослеживаются в рутульском и цахурском языках, см., например, выражение спирантом *гъ* в них направительного значения "от ориентира":

рут. *аь-гъ-аьчIун*, цах. *и-гъ-ечIес* "выйти".

Другой фрагмент этой корреляционной пары с самостоятельным значением представлен в большинстве агульских диалектов: *а-гъ-вес* "идти наверх". Это значение, объединяясь со значением "от ориентира", выраженным в глаголах рутульского и цахурского языков, составляют один из членов двучленной модели шахдагских языков. Учитывая направление и характер изоглосс – полная модель, представленная в шахдагских (крызский и будухский) языках, по мере продвижения к северо-западу все более разрушается и от нее сохраняются отдельные фрагменты (большинство агульских диалектов, рутульский и цахурский языки) – можно с большой долей достоверности сказать, что

очагом зарождения данной модели ("к ориентиру/вниз" – "от ориентира/вверх") направительных превербов является область шахдагских языков. Эта модель, судя по языковым данным, имела распространение и в других самурских языках.

Левая часть лезгинской модели ("к ориентиру" и "вниз") представляет собой разрозненные фрагменты модели, распространенной в подавляющем большинстве диалектов агульского языка и в даргинском языке:

"к ориентиру" – "от ориентира" (действие направлено по горизонтали), "вниз" – "вверх" (действие направлено по вертикали).

Ср. аг. *ъа-ч-икас* "загнать" (например скот) – *ъа-д-икас* "выгнать"

а-д-айч1вас "спуститься" – *а-гъ-уч1ас* "взобраться"

Дарг. *с-абищий* "положить" (ближе) – *би-д-ищий* (← **д-ибищий*) "положить" (подальше)

к-абищий "положить" (вниз) – *гь-абищий* "положить" (вверх).

Очевидно, под воздействием четырехчленной корреляции морфем направительной семантики, представленной в даргинском языке, в самурских языках двучленная модель подверглась деформации. В одних случаях, она вызвала полную смену (как в агульском языке) двучленной модели на четырехчленную, в других, произошло смешение этих моделей (как в лезгинском, табасаранском языках).

В шахдагских языках левая часть модели "к ориентиру/вниз", наряду с *г1-*, получает и иную материальную основу – *с-*: буд. *с-урхъу* "держать", *с-ерц1и* "наполнить" (движение направлено к ориентиру) / крыз. *с-аьг1аьдж* "бросить", буд. *с-озу* "доить" (движение направлено вниз).

Отдельные члены этой изоглоссы распределены между даргинским, цахурским языками, с одной стороны, и рутульским, с другой: дарг. *с-асес* "взять", *с-абаэс* "дойти (сюда) "; цах. *с-архьвас* "вернуться" (обозначает движение, направленное к ориентиру) / рут. *с-аьч1ис* "спускаться" (обозначает движение, направленное вниз).

Обобщая материалы данного фрагмента работы, можем заключить, что в шахдагских языках формируется двучленная модель "к ориентиру/вниз" – "от ориентира/вверх", которая в некоторых самурских языках перестраивается в четырехчленную модель, основанную на корреляции по двум плоскостям – по горизонтали и вертикали: "к ориентиру" – "от ориентира" и "вниз" – "вверх". Последняя модель распространяется в даргинском и агульском языках, лезгинский от указанных моделей взял различные части: от двучленной шахдагской – "от ориентира/вверх" и от четырехчленной – "к ориентиру" – "вниз".

Вместе с тем картина будет неполной, если не учесть и те случаи, когда морфемы с направительной семантикой не образуются регулярно и потому не носят системный характер. Не менее актуальны в этой связи диалектные данные. Из восточнолезгинских языков направительные превербы имеют системный характер и образуют четырехчленную модель в агульском, но в полном объеме это представлено не во всех диалектах.

Семантическая модификация пространственной морфемы *къ "от ориентира/вверх" в самурских языках.

Таблица № 1 "от ориентира/вверх"

Общесамурское состояние	Шахдагские языки	Лезгинский язык	Табасаранский язык	Агульский язык (кош.)
***къ**	*къ*	*къ/гъ*	*къ/гъ*	*къ/гъ (гl)*

Таблица № 2 "от ориентира"

Рутульский язык	Цахурский язык
гъ	*гъ*

Таблица № 3 "вверх"

Агульский язык
къ/гъ

Учитывая характер указанной изоглоссы в самурских языках, можем констатировать, что настоящая модель направительных превербов с двучленной корреляцией "к ориентиру/вниз" – "от ориентира/вверх" возникла в шахдагских языках, оттуда проникла в другие самурские языки. Это, очевидно, произошло до распада самурско-шахдагского единства. В даргинском ареале возникает четырехчленная модель, основанная на корреляции "к ориентиру" – "от ориентира" и "вниз" – "вверх". Эта модель получает распространение и в восточнолезгинских языках (агульском, табасаранском), непосредственно граничащих с даргинским. Что приводит к разрушению двучленной модели.

Четырехчленная модель целиком вытеснила двучленную в агульском языке (в большинстве говоров и диалектов), в лезгинском сохранилась правая часть двучленной модели, левая часть же построена по четырехчленной модели. С материальной (фонетической) и морфологической точек зрения здесь в основном представлены три хронологических уровня: самурский (*къ*, *гъ*), общесамурско-даргинский (*с*), общедагестанский (*в*, *гь*).

В дальнейшем исследовании темы о нерегулярных образованиях в отдельных языках важно акцентировать внимание на том факте, что именно нерегулярные образования в сравнении с регулярными представляют ценный материал для исторических изысканий. В языке они носят реликтовый характер. Так, например, если в шахдагских языках, наравне с рутульским и цахурским, у морфемы *с* еще удается реконструировать такие значения, как "к ориентиру" и "вниз", в лезгинском и агульском данная морфема обнаруживается в очень ограниченном количестве лексем. Лезг. *ац-укьун* (← **ас-укьун*) "сидеть", ср. рут. *ас-укьун* то же[11]. Данная морфема прослеживается и вне глагольных основ, ср. аг. *ай-с* (кер.) "вниз", *ц-унк1* (соб.аг.) "корточки"; лезг. *ас-к1ан* "низкий" и др.

---

[11] Синонимичная морфема в данной глагольной основе употребляется в кошанском диалекте агульского языка, см. варианты *й-* и *в-*, синонимичные *с-*, в говорах указанного диалекта: *ай-кьвас*, *ав-кьвас* "сесть" (движение направлено вниз); *й-* (← **д-*) восходит к восточнолезгинскому уровню, *в-*, как указывалось выше, восходит к общедагестанскому.

Здесь мы вплотную подходим к очень важной проблеме в дагестановедении, связанной с процедурой реконструкции. Ряд имен существительных, обозначающих животных, образуется при помощи различных словообразовательных средств как суффиксальных, так и префиксальных. Не всегда отношения производящего и производного слов имеют очевидный (прозрачный) характер, как например, в образованиях: таб. *жерд* "бычок старше двух лет" → *жерд-укь* "бычок до двух лет", таб. *кlари* "теленок до одного года" → *кlари-хъ* "новорожденный теленок", лезг. *кlера-х* (хлют.), аг. *кlеру-хъ* (фит.) "теленок до одного года".

Часто для установления отношения производности приходится проводить сравнительно-этимологический анализ. Нередко сопоставления выходят за рамки имеющихся на сегодняшний день реконструкций, что требует привлечения дополнительного материала. В связи с этим в общедагестанских реконструкциях необходимо различать две ступени реконструкций – ближнюю и дальнюю. Потребность в этом возникает в связи с некоторыми данными, которые не согласуются с традиционной установкой о регулярных соответствиях и потому остаются неохваченными исследованиями. Речь идет о языковых фактах, которые имели место далеко до распада общедагестанского состояния, но следы которых прослеживаются в современных дагестанских языках.

Так, например, в слове "ягненок" в специальной литературе сравниваются формы, корневая морфема которых восходит к интенсивной глоттализованной латеральной аффрикате **кь*. Из современных дагестанских языков она сохранилась в аваро-андийских и арчинском языках (ав. *кь-егlер*, ахв. *кь-ейе*, арч. *кь-ал*), в других, как полагают, представлены ее рефлексы: *лl* (цез. *лl-еди*), *чl*, *кl*, *кк*, *чч*, *г*, абруптивный *кь* (лак. *чl-и*, лезг. *кl-аьл*, таб. *чч-ил*, аг. *кк-ел*, рут. *г-аьл*, цах. *г-ев*, хин. *кl-у*, уд. *кь-ал*).

В этом ряду соответствий отсутствует дарг. *му-кь-ара* "ягненок", что объясняется переходом общедагестанского латерального **кь* в *ъ* и *г*, но не абруптивный *кь*, как в удинском языке. В действительности же абруптивный *кь*, как рефлекс обще-

дагестанского латерального *кь наряду с другими рефлексами широко представлен в дагестанских языках. Ср. лезг. *кь-ар* (гюн.) "годовалый ягненок", *йи-кь-ар* (хлют.) "баран от одного года до двух лет", крыз. *ви-кь-ер* "ягненок от нескольких месяцев до года", которые семантически и материально соотносятся с уд. *кь-ал* и дарг. *му-кь-ара*.

Такое положение, очевидно, можно объяснить тем, что латеральный *кь рефлексировал до распада общедагестанского состояния.

С другой стороны, имеется и иная вторичная словообразовательная модель, у которой корневая морфема семантически и материально также соотносима со словом "ягненок": аг., рут., цах. *ур-г* "ягненок от нескольких месяцев до одного года". Ср. рут. *г-аьл*, цах. *г-ев*.

Поэтому представляется, что для сравнительно-исторического исследования важна фиксация, если не всех, то по возможности основных рефлексов праформы в рамках сравниваемых языков.

О важности диалектных материалов для реконструкций можно судить из следующего. Сравнительно-историческое исследование морфем с вертикальной ориентацией требует идентификации их в дагестанских языках, что часто наталкивается на значительные трудности. Так, местный падеж с значением "нахождение предмета под чем-нибудь" в дагестанских языках имеет разные формы которые в специальной литературе возводятся к *кь [см. Dumezil 1933; Е. Бокарев 1958; 1960: 48; Гигинейшвили 1976: 35-36; 1977: 110] – форме, реконструируемой для общеаваро-андо-цезского и пралезгинского [Алексеев 1988: 179; 1985: 49], а также общедаргинского состояния: ав. *-кь*, чам. *-кь*, год. *-кь*, ботл. *-кь*, ахв. *-кь*, багв. *-кь*, тинд. *-кь*; цез. *-л1*, гин. *– л1*, беж. *-л1*, гунз. *-л1*, хварш. *-л1*; дарг. *-гу* (кубач.), *-ъу* (урах.); арч. *-кь*, лезг. *-кк*, таб. *-кк*, аг. *-кк*, цах. *-к*, крыз. *-к*, буд. *-ч* (← *–*к*).

Из лезгинских языков исходная форма сохранилась в арчинском языке.

Если исходная форма, обозначающая "нахождение предмета под чем-нибудь", реконструируется на общедагестанском уровне и не вызывает возражений, то надежные реконструкции показателя с значением "нахождение предмета на чем-нибудь" отмечаются лишь в пределах общеаваро-андо-цезского уровня [Гудава 1979: 146-147], с одной стороны, и общелезгинского [Е. Бокарев 1960: 49; Алексеев 1985: 49-50], с другой. Это *-кьI* для общеаваро-андо-цезского уровня и *-л* общелезгинского:

**кьI*: ав. *-тIа* (анц.), *-кIа* (кус.); анд. *-кьI*, *-ъа*, кар. *-кьIа*, ахв. *-кьIа*, *-тIа*; гунз. *-кь*, беж. *-кьа*, гин. *-кьо*, цез. *-кь*;

**л*: лезг. *-л*, таб. *-л*, аг. *-л*, рут. *-л*, цах. *-л*, уд. *-л*, арч. *-т* (← *-*л*) [Е. Бокарев 1960: 49].

До сих пор не предпринимались попытки свести вместе указанные показатели (**-кьI* и **-л*) и на их основе реконструировать общедагестанскую форму **кьI*. Такая реконструкция становится вполне реальной, если учесть, что в аваро-андийских языках чередования *кьI ~ тI ~ л* носят вполне закономерный характер. В аварском языке "*тIа* на севере и *-ла* на юге имеют одни и те же функции" [Микаилов 1964: 42] и с фонетической точки зрения компонент *-л-* в данном случае является рефлексом *-тI-* [Там же: 201].

В современных андийских языках локальная морфема *-кьI* дает разнообразные рефлексы [Гудава 1964: 133]. Ср. диалектные модификации в аваро-андийских языках: ав. *-тIа* (анцух., батлух.), *-ла* (андал.), *-тIа*, *-ла* (карах.); анд., год., багв., тинд. *-ла*, ахв. *-тIа* [Микаилов 1959], а также анд. *гьикьIа* (диалектные *гьила*, *гьиъа*), ботл. *гьеъа*, чам. *гьилай* (гиг.), *йах* (гак.) "на" [Гудава 1979:146].

Кроме того, данные пространственные морфемы с той же семантикой, что и в именах существительных, повторяются в префиксе глагольной структуры, см., например, ав. *тIа-бохъизе* "вставать", лезг. *ал-ажун* "снимать, сдирать (кожу, шкуру)", аг. *ал-ихьас* "поставить (на что-нибудь)", цах. *ал-изарас* "навалиться" ...Это может служить дополнительным аргументом, подтверждающим единый источник всех вышеуказанных форм – слабую глоттализованную латеральную аффрикату *кьI*.

Вышеизложенное свидетельствует о важной роли в лингвистических реконструкциях диалектного материала, который позволяет делать сближения, обладающие доказательной силой. Поэтому при реконструкциях мы руководствуемся теоретическими (методическими) установками, согласно которым между исходным состоянием и конечным результатом языковой эволюции существует цепь последовательных изменений, так как между праформой и трансформом лежит зона переходов, делающая их сближение вероятным. Эти переходы, проиллюстрированные диалектными материалами аваро-андийских языков, придают реконструкциям более достоверный характер. Ср. *кьI ~ л*, основанный на чередованиях (*кьI ~ тI ~ л*), которые наблюдаются в диалектах аварского и андийских языков.

Обычно при фонетических реконструкциях дается предполагаемая праформа под знаком астериска, к которой возводят конечные результаты – рефлексы настолько расходятся, что выводимые формулы фонетических соответствий требуют дополнительной мотивировки.

"Одной из наиболее характерных черт современного языкознания является ... резкое возрастание объема содержательно ориентированных типологических исследований, отражающих пристальное внимание лингвистов к семантической стороне языка" [Климов 1983: 3]. До недавнего времени в лингвистике господствовал формальный подход в исследовании языковых фактов. Недооценка возможностей их содержательного истолкования в исследованиях приводила к "тупикам" в языкознании, так как "лингвистика слишком много места уделяла изучению структуры в чистом виде; теперь ей предстоит вернуться к структурно-субстанциональной точке зрения на язык" [Солнцев 1977: 10].

В дагестановедении еще не преодолен формальный подход к исследованию вопросов сравнительно-исторической фонетики и морфологии. Яркой иллюстрацией его может служить совершенное игнорирование в некоторых трудах семантической стороны исследуемого объекта. Так, в одной из работ путем фонетических операций лезгинское *бах* "мать", "старшая сестра" че-

рез посредство *бав* (→ *багь*) возводится к *баб*, в то время как в лезгинском *бах* увулярный спирант *х* выступает в качестве корня. Ср. слова с данной корневой морфемой, которые объединяются в одну семантическую группу, выражающую близкородственные отношения: *ва-х* "сестра", *да-х* "отец", "старший брат", *ст-х-а* "брат", *т-х-а* (ахт.) "отец", "старший брат" и др. И, наконец, эта основа (корень) представлена в глаголе "родить (ся)", которая является производящей для указанных субстантивов. Наряду с лезгинскими языками (лезг. *х-ун*, таб. *х-уз*, аг. *х-ас*, рут. *уl-х-ун*, цах. *у-х-ас*, крыз. *х-уйиз*, буд. *х-осу*, уд. *би-х-сун*), она встречается и вне языков лезгинского ареала, ср. дарг. *бер-хъ-ес* "родить (ся)", ав. *гь-авизе*, чам. *ба-х-ина*, ботл. *ма-х-и*, год. *ба-х-и*[н], гунз. *а-хъ-а*.

Возвращаясь к вопросу о морфологическом типе языка, можем сказать, что общее положение, при котором дагестанские языки рассматриваются как агглютинирующие с элементами фузии, подтверждается. Вместе с тем, если рассмотреть данный вопрос в диахроническом плане, то обнаружится: чем больше времени разделяет нас от исторического прошлого дагестанских языков, тем больше в них аналитические черты уступают синтетическим. При этом можно согласиться, что "синтетизм и аналитизм не проявляются в языках в чистом виде, всякий язык представляет собой сочетание в определенном соотношении синтетических и аналитических форм. С развитием языка синтетические формы и конструкции могут заменяться аналитическими, которые, в свою очередь, могут превращаться в синтетические. В языках постоянно формируются образования аналитического типа, поскольку сочетание слов является наиболее простым и прозрачным (мотивированным) способом номинации. Такие образования могут в дальнейшем вытеснять синтетические формы или превращаться в синтетические структуры" [ЛЭС 1990: 451]. Ср. лезгинские языки, где аналитические и синтетические образования перемежаются: лезг. *кlвалах вун* → *кlвалахун* "работать", *кlел авун* → *кlелун* "читать", аг. *лихун акьас* → *лиханас* "работать", таб. *лихуз* то же; лезг. *кьил агъуз* "спуск" (*кьил* "голова" + *агъуз* "вниз"), таб. *исклул* "спуск" (*ис*

"вниз" + *к1ул* "голова"), аг. *ахттк1ил (ахтт* "вниз" + *к1ил* "голова").

Во многих случаях употребление аналитических и синтетических форм в дагестанских языках не упорядочено: одно и то же слово у разных авторов может быть употреблено по-разному. Так, например, табасаранское слово "вниз" употреблено как аналитическая конструкция (П.К. Услар). В других случаях это связано с постепенным переходом от аналитизма к синтетизму, при котором отдельные части синтезирующихся слов подвергаются фузии.

В работе П.К. Услара "Табасаранский язык" слово со значением "отвести, удалить" дается в двух вариантах: *ккара п1ув* и *ккараув* [Услар 1979: 762]. Следовательно, в речи села Ханаг, когда П.К. Услар проводил исследование, эти формы конкурировали, и можно прогнозировать, что вторая форма возьмет верх. В первой уже наметились следы разрушения, где вспомогательный глагол потерял инициальный гласный (*ккара п1ув* ← *ккара ап1ув*), что и привело к следующей трансформации: *ккара ап1ув → ккара п1ув → ккарап1ув → ккараув*. Идентичная картина представлена и в кошанском диалекте агульского языка, граничащем с табасаранским ареалом.

В этой связи возникает возможность считать инфинитивные окончания в дагестанских языках выветрившимися формами вспомогательных глаголов или, по крайней мере, попытаться выяснить: какова вероятность их восстановления на основе имеющегося материала. Подобные попытки применительно к аварскому материалу предпринимались еще в середине 30-х годов 20-го столетия [Жирков 1935].

Современная компаративистика опирается на комплекс приемов, которые усиливают сравнительно-исторический компонент исследования. Новейшие работы в этой области, помимо методов и традиционной (классической) компаративистики, успешно используют приемы сравнительной типологии и ареальной лингвистики. Комплексное использование их помогает глубже проникнуть в сущность языковых явлений. Поэтому при генеалогической классификации типологические схождения в

области близкородственных языков помогают исследовать и те общие тенденции, которые были заложены еще в праязыковом состоянии, и увидеть более глубокие корни, связывающие родственные языки [см. Алексеев 1984: 90]. И если генетическая классификация решает "тактические" задачи лингвистики, то ее "стратегические" задачи призвана решать типология.

ГЛАВА IV

СТРУКТУРА СЛОВА И СЛОВОПРОИЗВОДСТВО В ВОСТОЧНОЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКАХ

В дагестанском сравнительно-историческом языкознании одной из сложных проблем является выявление структурных компонентов основы. Это обусловлено тем, что основа в дагестанских языках не так прозрачна, как в других языковых семьях, что связано с рядом причин, основными из которых являются: связанный характер корня, утрата многими структурными компонентами основных своих функций и сращение их с корневой морфемой, выпадение структурных компонентов.

Общее мнение, которое установилось среди исследователей относительно структуры именной основы в дагестанских языках, сводится к модели: "префиксальный компонент-окаменелый классный показатель + корень + детерминативный или деривационный суффикс" [см. СИЛДЯ 1971: 60; Алексеев 1991: 7].

В специальной литературе в пралезгинском именном корне выделяют следующие структуры: СГС (**йакь* "мясо", **ликьв* "орел" и т.д.), СГСГ (**сыва* "гора", **рокьа* "дверь" и т.д.), СГСГС (**мохор* "грудь, **вокь1ул* "голова" и др.); в тех случаях, когда два согласных находятся рядом, один из них – сонорный: СГСС (**мелцц* "язык", **меркьв* "лед" и т.п.), СГССГС (**мурккул* "веник", **паркькьул* "лопух" и т.д.) [Алексеев 1988а: 16].

При сравнительном анализе лезгинского материала обнаруживается, что вышеуказанные структуры являются не корневыми, а представляют собой единицы более высшего уровня – основы, в которых выделяются предкорневые или посткорневые элементы. Возьмем из указанных структур самую простую СГС. Так, ряд имен, входящих в круг слов, которые выражают близкородственные отношения ("брат" / "сестра", "сын" / "дочь"), имеют общую корневую морфему и дифференциация значений у них морфологически выражается предкорневыми компонентами, см., например, ав. *ва-ц* "брат" /*йа-ц* "сестра", *ва-ш-а* "сын", "мальчик"/*йа-ш-а* "дочь", "девочка". Выделение у указанных

слов общих падежных аффиксов и префиксальных элементов-классных показателей было осуществлено Л.Б. Панеком [1954].

Усматривают генетическую связь корневой морфемы *-ш-* в словах "мальчик", "девочка" с картвельской глагольной основой в слове "рождать (ся)" [Иллич-Свитыч 1965: 335].

В глаголе, как полагают, преимущественно встречается корневая структура СГСГ [см. Алексеев 1988а: 16].

Следуя традиционному делению, в восточнолезгинских языках можно выделить непроизводные (простые), производные и сложные основы.

Простые основы. Простые основы – это такие, которые не делятся на составляющие части и совпадают с корневой морфемой. Они имеют структуру:

СГ: лезг. *кьве-д* "два", таб *кь'у-в*, аг. *кь'у-д*; лезг., таб., аг. *къа-д* "двадцать" и т.д.;

ГС: лезг. (ахт.), таб., аг. *ул* "глаз";

СГС: таб. *джакь*, аг. *джакьв* "воробей"; лезг. *рак*, таб., аг. *ракк* "дверь";

СГСС: таб. *жард*, аг. *йард* "бычок (от 1-го года до 3-х лет)";

СГСГС: лезг. *чуьхвер* "груша", таб. *джехер*, аг. *джихер* то же.

Производные основы:

СГСГС: лезг. *тупп-уч1 (← *т1уб-уч1)*, аг. *т1уб-уч1* "веретено"; таб. *к1ари-хъ*, аг. *к1еру-хъ* "годовалый теленок";

СГС: лезг. *кк-ел* (ахт.), *к1-ел* (гюн.), таб. *чч-ил*, аг. *кк-ел* "ягненок"; лезг. *къв-ал* "дождь"; лезг. *къ-ул* "очаг", аг. *гъ-ул* "ниша в стене", ср. цах. *гъ-ул* "окно";

СГССГС: таб. *жахвр-ан* "грабли"; аг. *т1авкьв-ач* "неряха";

СГСГСГС: аг. *руцар-аг* "волчок";

ГСГС: аг. *ул-уд* "нора, дыра";

ГССГСГСГС: аг. *урчар-ихъ-ан* "пастух (телят) ";

ССГСГС: лезг. *хпп-ехъ-ан* "овцевод";

СГСССГСГС: таб. *марчч-ли-хъ-ан* "овцевод" и др.

Сложные основы:

СГСГС: аг. (соб.аг.) *кьур-уц* "палка, загнутая на конце для помешивания зерна в печи для выпечки хлеба" (*кьур* "зерно" + *уц-* – глагольная основа от *уц-ас* "жарить");

СГСГССГС: лезг. *руфун-ккал* "обжора" (*руфун(ин)* "живота" + *ккал* "корова")

СГССГС: таб. *кь'уб-ракк* "двустворчатая дверь" (*кь'уб* "два" + *ракк* "дверь")

СГССГ: таб. *мах-ц1а* "лихорадка" (*мах* "темное слово" + *ц1а* "огонь")

ГССГС: таб. *ис-к1ул* "спуск" (*ис* "вниз" + *к1ул* "голова")

ГСГС: лезг. *и-кьван* "столько, настолько" (*и* "этот" + *кьван* "столько")

ГСССГС: аг. *ахтт-к1ил* "спуск" (*ахтт* "вниз" + *к1ил* "голова")

СГСГСГС: аг. *хьили-к1ес* "околеть" (ср. таб *хьилу* "околелый" + аг. *к1ес* "умереть") и др.

В восточнолезгинских языках, если имена подпадают под агглютинативный строй, то глагол имеет тяготение к полисинтетическому типу. Многие слова образуются способом прилеп, ср. модель "наречие + имя существительное": таб. *ис-к1ул* "спуск", *дзи-к1ул* "подъем" (где *ис* "вниз", *дзи* "вверх" и *к1ул* "голова") и "имя существительное + имя существительное": таб. *бай-риш* "ребенок обоего пола" (*бай* "мальчик", *риш* "девочка") и т.д.

Этот ряд агглютинативных образований могут продолжить следующие модели:

"числительное + имя существительное": таб. *кь'уб-ракк* "двустворчатая дверь". В лезгинском языке эта номинация образуется описательно: *кьве хилен рак* (букв. "двух створок дверь"). Табасаранское *кь'убракк* ("две + дверь") могло развиться в результате эллипсиса из такого же словосочетания, что и в лезгинском.

"имя существительное + глагол": аг. *хал-джик* (фит.) "веник" (где *хал* "дом, комната", *джик* – глагольная основа от глагола *джикас* "подметать").

Нередко отдельные элементы основы стираются, и агглютинативный тип приобретает черты фузии: при сцеплении в модели "имя существительное + имя существительное" у второго компонента выпадает префиксальный согласный *й*: таб. *шар-иишвур* (← **шар-йиишвур*) "ртуть". Первый компонент *шар* обозначает "вода", второй *йиишвур* – "золото". Модель имеет параллели и в других дагестанских языках, ср. ав. *лъама-месед* "ртуть", дарг. *шин-муте* (по диалектам имеет и метатизированную форму *мургье-шин*), лак. *хьуьму муси* то же.

От слов, в результате сцепления которых выпадают суффиксальные и префиксальные части, сохраняются корневые морфемы: аг. *аш-к1ин* "вдова, вдовец". Слово образовано от корневой морфемы *(а)ш-*, лежащей в основе слов *ш-уй* "муж" и *хь-ир* " жена" (ср. таб. *ш-ив* " жена"), и причастной формы от глагола *к1ес* "умирать".

В табасаранском языке слово *ач1ни* (← **ак1ни*) "вдовец, вдова", вернее "вдовый" представляет собой "лексикализованный фонетический вариант причастия от глагола *йик1уб* "умирать" [Загиров 1981: 10]. При этом, если в агульском языке выразителем лица выступает корневая морфема *(а)ш-* с обобщенной семой "женщина - мужчина" (*ашк1ин* "вдовец, вдова"), то в табасаранском функцию лица выполняют слова *дишагьли* "женщина" и *жилир* "мужчина" (*ач1ни жилир* "вдовец", *ач1ни дишагьли* "вдова").

В ряде случаев сложные слова являются результатом семантической контаминации. Ср., например, аг. *ку-т1ул* "ветка" при лезг. *кул* "ветка" и *т1вал* "прут", аг. *т1ул* "прут".

Модификации слов могут быть настолько значительными, что основы, входящие в сложное слово, претерпевают существенные изменения. В табасаранском и агульском языках в слове *кь'учал* "подпорка" вторая основа *-чал* утратила компонент *-х-*, что обнаруживается при сравнении с лезгинским *кьвечхел* (← **кьве-чихел*) "развилка". Слово состоит из *кьве (д)* "два" и *чихел* "ветка, ветвь". Префиксальный *ч-* в слове *чихел*, очевидно, является морфемой с значением "нахождение на вертикальной плоскости" и восходит к *к'-*.

На основе лезгинского материала можно говорить о контаминированных формах в других лезгинских языках. Так, в основе образования рут. *кIварч*, цах. *кIварч, кIорч* "копыто" лежат лезгинские формы *кIвач* "нога" и *кIур* "нога, копыто". К приведенным словам по своей форме и семантике близки рут. *кванчI* "лапа" и арч. *квач* то же. Особняком в этом ряду стоит агульское слово *муркI (← *мурукI)* "копыто, нога", которое является метатезой от *мукIур*.

Структура имени в восточнолезгинских языках невозможно понять без учета одного важного (с исторической точки зрения) момента. Мы имеем в виду способность восточнолезгинских языков к удвоению основ посредством синонимичных морфем: аг. *тI-ин-кI* "капля", ср. таб. *ли-тI-ин* то же, арч. *кI-ен-тI (← *тI-ен-кI)* "капля", буд. *тI-и-кI*, уд. *кI-а-тI* то же. Ср. также ав. *тI-ен-кI-и* (чадаколоб.), чам. *тI-ан-кI*, тинд. *гьан-кIв-а*, инх. *мы-тI*, гин. *му-тI*, беж. *кI-а-кI-а, кI-ан-тI*, гунз. *кI-а-кI-а*, дарг. *кI-у-тI*.

В связи с этим ср. редуплицированные основы, в которых сращиваются морфемы, абсолютно синонимичные между собой. Они и материально, и по значению ничем не отличаются: аг. *тI-ал-тI-ам* "родимое пятно"; *з-уьле-з* "селезенка", лезг. *цц-или-з (← *з-или-з)* то же, рут. *з-или-з*, уд. *з-и-з-ам*; лезг. *цц-а-з (← *з-а-з)* "шип, колючка", таб. *дз-а-дз-а* (дюб.), *з-а-з* (канд.) то же, аг. *з-а-з;* лезг. *кI-у-кI* "вершина, макушка", *кк-у-к* (ахт.) (← *кI-у-кI), аг. *кI-у-кI*, таб. *кI-а-кI*, ср. ав. *тI-о-гь* "вершина, макушка", дарг. *кь-а-р-бекI* "макушка", лак. *кьа-бакI* то же; лезг. *ккур-ккур* "колокольчик", аг. *гур-гур* "колокол"; лезг. *тI(в)-е-тI* "муха", аг. *тI-у-тI* то же, ср. также цах. *тI-о-тI*, крыз. *тI-ы-тI*, буд. *тI-у-тI*; лезг. *к-е-к* "ноготь", аг. *к-ир-к* то же.

Фузия или выветривание во многом зависит от дистрибуции согласных: в случаях, когда на стыке морфем согласные встречаются с вибрантом, редукции не происходит, см., например: аг. *тIуб-руц* "вертушка" (слово скомпоновано из *тIуб-* "палец" и *-руц-(ас)* "вертеть"). Не происходит выветривания основы и при встрече губно-губного смычного и хрипящего спиранта: аг. *чиб-хар* "двоюродный брат, двоюродная сестра" (слово сконст-

руировано при помощи *чи (б)* "сестра", "брат" + *-хар* "причастие от глагола *хас* "родить (ся)", а также спиранта *ф* и абруптивной аффрикаты *ц1* : лезг. *йиф-ц1айар* (ахт.) "посиделки" (где *йиф-* "ночь" и *-ц1айар* "огни") и др.

Посредством сложения основ имени существительного и причастия образовано также в цирхинском говоре агульского языка слово *махлукан* "напильник" *(мах* "железо" + *лукан* – причастие от глагола *лукес* "пилить").

Многие субстантивные основы представляют собой конструкции, состоящие из цельного слова и корневой морфемы. Некоторые из слов наращиваются еще детерминативными/словообразовательными суффиксами. К ним относятся такие слова, как аг. *ц1у-ф-ул* "очаг" (*ц1а* "огонь" + *-ф-* (← **фар*) "яма" + *-ул* "детерминативный суффикс); аг. *джуб-ах, джуб-рах* "металлический скребок для очистки квашни от теста". Слово делится на две морфемы благодаря тому, что в хпюкском говоре агульского языка *джуб* употребляется самостоятельно и обозначает "корыто, квашня", вторая морфема *-ах* является редуцированным фрагментом слова "лопата", которая в форме *реххин, реххен* встречается в андийских языках.

Слова "тесть" и "теща" в агульском языке образованы по модели "адъектив + субстантив": *хьиджар-баб* "теща" ("весенний + мать") и *хьиджар-дад* "тесть" ("весенний + отец"). Интересно отметить что в научной литературе ошибочно первое слово в лезгинских словосочетаниях *йаран диде* "теща", *йаран буба* "тесть" переводят как родительный падеж от *йар* "возлюбленный, возлюбленная". В действительности же как и в агульском (*хьиджар*), оно обозначает "весенний", а *йаран диде* и *йаран буба* переводятся соответственно "теща" и "тесть". Если бы первый компонент лезгинского словосочетания относился к *йар* "возлюбленный, возлюбленная", то родительный падеж имел форму *йардин*, а не *йаран*.

Многие субстантивы образуются от форм местных падежей при помощи суффикса *-н*: аг. *мухуригь-ан* "фартук", "передник", *урчарихъ-ан* "пастух телят", *ккелархъ-ан* (← *ккеларихъ-ан*) "пастух ягнят", *ибурихъ-ан* "серьга", *рагІухъ-ан* "мельник", *х1урагІ-*

ан "праздношатающийся", *г1урчахъ-ан* "охотник", лезг. *гъуьрчехъ-ан* то же.

Исторически указанные основы структурно представляли собой "форму косвенной основы имени существительного + пространственная морфема + адъективный или причастный суффикс": *мухури + гь + ан*, *ибури + хъ + ан*, *гъуьрче + хъ + ан*, лезг. *йиппа + г + ен* "серьга" и прочее. Сюда входили слова, которые обозначали род деятельности человека, предметы домашнего обихода, украшения и др.

Префиксальные гласные в качестве словообразовательных аффиксов – редкое явление в восточнолезгинских языках. В агульском производные слова *адад* "дядя" и *абаб* "тетя" образованы от производящих слов *дад* "отец" и *баб* "мать" при помощи префикса *а-*.

Р.И. Гайдаров, который заложил научные основы лексикологии лезгинского языка и разработал многие теоретические вопросы словообразования, в сложных именных основах выделяет четыре способа: 1) сращение; 2) сложение; 3) редупликация; 4) смешанный способ – редупликация, сопровождаемая аффиксацией [Гайдаров 1991: 29-31].

Сращением он называет сложное слово, генетической основой которого выступает словосочетание. В таких сложных словах, как отмечает Р.И. Гайдаров, "сохраняется не только морфемный состав, но также и синтаксическая связь синонимичного словосочетания" [Там же]. В качестве примеров приводятся следующие слова: *яргъируш* "радуга" восходит к словосочетанию *ягъид рушан киф* "коса дочери яги"; *ягъи* – мифическое существо); *Ц1ийиварз* (имя женское) (*ц1ийи* "новый" и *варз* "луна"); *руфункал* "обжора" (букв. "живота корова"); *кьаркьулув* "летучая мышь" (*кьаркьу* "кожаный" и *лув* "крыло"). Сюда же входят и такие имена собственные, как *Ц1арухва* (букв. "старший сын"). Такие (сложные) основы отмечаются фиксированным расположением компонентов и единым ударением, которое обычно падает на первый компонент.

Значение производного слова равно уточненному или конкретизированному значению второго слова, или же сложное слово носит метафорический характер.

В отличие от сращения, сложное слово – сложение, которое состоит из одинаковых частей речи, а подчинительная связь или совсем отсутствует, или первое слово выступает как приложение к определяемому. Здесь, как и у сращения, порядок компонентов не меняется, но в отличие от него ударение может падать и на первый компонент, и на второй: *гьарай-эвер* "шум, веселье, галдеж" (*гьарай* "сильный крик" и *эвер* "призыв"), *кхьин-ч1урун* "грамота" (*кхьин* "писать", *ч1урун* "стирать, вычеркивать"); *мез-гъвел* "умасливание (*мез* "язык", *гъвел* "крошка"), *балк1ан-къван* "лошадь-камень" – название большого отдельно лежащего камня (*балк1ан* "лошадь", *къван* "камень") и пр.

Выделяются три вида редупликации: а) собственно редупликация; б) "ложная"; в) смешанная (сопровождается аффиксацией).

Редупликация характеризуется тем, что повторяющиеся слова или формы слова образуют новые слова, которые имеют собственное значение: *ч1ар-ч1ар* "едва заметно (о дыме)" (*ч1ар* "волосок"); *ккуз-ккуз* "в горячем виде" (*ккуз* – деепричастная форма от глагола *ккун* "жечься").

При ложной редупликации к первому компоненту подбирается рифмующееся слово, которое не имеет в языке самостоятельного употребления: *ккуьлуь-шуьлуь* "мелочи", *шурт1-п1урт1* "пререкание".

Смешанный тип редупликации характеризуется тем, что при повторяющихся основах используются суффикс, префикс, инфикс, флексия, союзная частица *-ни*: *к1вал-ба-к1вал* "поквартирно" (*к1вал* "квартира", *-ба-* "суффикс"); *гзафни-гзаф* "больше всего, чаще всего" (*гзаф* "много, *-ни-* "частица") и др. [Гайдаров 1991: 29-31].

В табасаранском языке отвлеченные имена существительные образуются от прилагательных при помощи суффикса *-шин*. Последний является причастной формой от глагола *хьуз* "стать, становиться". Словообразовательную модель данных существи-

тельных можно представить в следующем виде "имя прилагательное + причастие": *мани-шин* "теплота", *(мани-* "теплый" + *-шин), гергми-шин* "округлость" *(гергми-* "круглый" + *-шин), марцци-шин* "чистота" (*марцци-* "чистый" + *шин), мечIишин* "темнота (*мечIи-* "темный + *шин), учIру-шин* "острота" (*учIру-* "острый" (о пище) + *шин), ицци-шин* (*ицци-* "вкусовой" + *шин), цIару-шин* "пестрота" (*цIару-* "пестрый" + *шин), цIейи-шин* "новизна" (*цIейи-* "новый" + *шин), укIу-шин* "синева" (*укIу* "синий" + *шин), ири-шин* "краснота" (*ири-* "красный" + *шин*).

Субстантированные прилагательные со структурой "имя существительное + причастие" образуют "названия лиц по характерному внешнему признаку" [Магометов 1965: 149]:

сумплар-хъайир "усач" (*сумплар-* "усы" + *-хъайир* "имеющий"),

муджри-ккадрур "безбородый" (*муджри-* "борода" + *– ккадрур* "не имеющий"),

муджри-ккайир "бородач" (*муджри-* "борода" + *-ккайир* "имеющий"),

хел-хъттур "безрукий" *(хел-* "рука" + *-хъттур* "не имеющий"),

чIарар-алдрур "безволосый" (*чIарар-* "волосы" + *-алдрур* "не имеющий"),

чIарар-алир "волосатый" (*чIарар-* "волосы" + *-алир* "имеющий"),

ибкттрур "безухий" (*иб-* "ухо" + *-кттрур* "не имеющий"),

лек-ккадрур "безногий" (*лек-* "нога" + *ккадрур* "не имеющий") и т.д.

Значительное место в сложных словах занимают композиты, в которых выделяются следующие модели:

соединительные композиты (composita copolativa): "имя существительное + имя существительное":

дзавар-джилар "мир" (*дзавар-* "небеса" + *-джилар* "земли"),

кIулар-чиркар "голова, ноги и внутренности животного" (*кIулар-* "головы" + *-чиркар* "ноги и внутренности животного"),

х'уйар-гатар "собаки-кошки",

х'уйар-джанаврар "собаки-волки",

авйар-бавар "родители" (*авйар-* "отцы" + *-бавар* "матери");

"имя прилагательное + имя существительное":

ах'и-т1ув "большой палец",

биц1и-т1ув "мизинец" (*биц1и-* "маленький" + *-т1ув* "палец"),

кь'ала-т1ув "средний палец" (*кь'ала-* "средний"),

кириджвни-т1ув "указательный палец" (*кириджвни-* "облизываемый"),

ах'и-бав "бабушка" (*ах'и-* "большая" + *-бав* "мать").

"Словообразование в агульском языке, – отмечает А.А. Магометов, – в принципе совпадает со словообразованием в табасаранском и лезгинском языках" [Магометов 1970 а: 88].

Многие имена существительные образуются от прилагательных при помощи отвлеченного суффикса *-вал/-вел*; модель "имя прилагательное + суффикс отвлеченных имен существительных". Суффикс *-вал/-вел* соответствует русским отвлеченным суффиксам *-от-*, *-ств-* и др.

Примеры: *идже-вел* "доброта" (*иджеф* "хороший"), *биц1и-вел* "малость" (*биц1иф* "маленький"), *илле-вел* "мужество" (*иллеф* "самец"), *чу-вел* "братство" (*чу* "брат"), *чи-вел* "сестринство" (*чи* "сестра"), сюда же относятся и заимствованные слова типа *финдигар-вел* "хитрость" (*финдигар* "хитрый"), а также сложные слова, основы которых исторически представляли собой самостоятельные лексемы: *г1ал-а-шуй-вел* "гостеприимство" (*г1алашуй* "гость" ← *г1ал* "гость", *-а-* "инфикс", *шуй* "мужчина, муж").

Ряд имен существительных образует модель "имя существительное + сложный суффикс *-хъ-ан*" (о суффиксе *-хъ-ан* см. выше). Данные существительные в подавляющем большинстве своем являются названиями по профессии. Если быть более точным, структура описываемых имен существительных представляет собой "имя существительное в эргативном падеже + сложный суффикс *-хъ-ан*": *х1уппа-хъан* "пастух овец" (*х1уб* "овца", эрг. *х1уппа*), *г1урча-хъан* "охотник" (*г1урч* "охота, дичь", эрг. *г1урча*), *ма1рччли-хъан* "пастух овец" (*ма1рчч* "овца", эрг. *ма1рччли*) и т.д.

При помощи экспрессивных суффиксов образуется ряд имен существительных, которые обозначают лиц с определенным физическим изъяном или недостатком. Здесь возможны следующие модели:

а) от субстантивов в именительном падеже при помощи суффиксов:

-ач: *кьуркI* "парша" → *кьуркI-ач* "паршивец, паршивый", *кIентIв* "губа" → *кIентIв-ач* "губастый" (субстантированное прилагательное);

-ич: *хъ'унтI* "сопля" > *хъ'унтI-ич* "сопляк, сопливый";

-ехв: *кучIел* "ложь" > *кучIл-ехв* "лжец";

-рахI: *гучI* "страх" > *гучI-рахI* "трус" и т.д.;

б) от глагольной основы посредством суффикса *-рикI*: *ъ?аш-ас* "плакать" > *ъ?аш-рикI* "плакса";

в) от основы прилагательного при помощи суффикса *-т*: *гугле-д* "левый" > *гугле-т* "левша" и др.

По модели "имя прилагательное + имя существительное" образуются этнонимы. Второй компонент таких этнонимов обозначает "мужчина", "женщина"; *авар-шуй* "аварец" (*авар-* "аварский"), *авар-хьир* "аварка"; *йаркка-шуй* "яркинец, лезгин" (*йаркка-* яркинский, лезгинский), *йаркка-хьир* "яркинка, лезгинка"; *буркьун-шуй* "даргинец" (*буркьун-* "буркунский, даргинский"), *буркьун-хьир* "даргинка"; *хавхан-шуй* "табасаранец", *ухан-хьир* "табасаранка"; *йахул-шуй* "лакец" (*йахул-* "лакский") *йахул-хьир* "лачка"; *рутул-шуй* "рутулец" (*рутул-* "рутульский"), *рутул-хьир* "рутулка", *цIахур-шуй* "цахурец" (*цIахур-* "цахурский"), *цIахур-хьир* "цахурка".

Модель "имя существительное + имя существительное" характерна для названий, которые обозначают выходцев из того или иного населенного пункта. Как и в предыдущей модели, второй компонент обозначает *-шуй* "мужчина", *-хьир* "женщина": *буршагъ-шуй* "буршагец" (*Буршагъ* "село Буршаг"), *буршагъ-хьир* "буршагка"; *гехъуьн-шуй* "гехюнец, житель села Буркихан" (*Гехъуьн* "село Гехюн/Буркихан"), *гехъуьн-хьир* "гехюнка, жительница села Буркихан"; *тпигъ-шуй* "тпигец" (*Тпигъ*

"село Тпиг"), *тпигъ-хьир* "тпигка"; *гъваъ-шуй* "гоинец" (*Гъваъ* "село Гоа"), *гъваъ-хьир* "гоинка" и др.

Значительное место в образовании сложных слов в агульском языке занимают композиты. Среди них выделяются структуры "имя существительное + имя существительное" (соединительные композиты):

дадар-бабар "родители" (*дадар* "отцы", *бабар* "матери"), *завар-джилар* "мир, Вселенная" (*завар* "небеса", *джилар* "земли"), *к1илар-т1уръ'ар* "голова, ноги и внутренности зарезанного животного" (*к1илар* "голова", *т1уръ'ар* "ноги"), *ирк1вар-лек1ер* "легкие" (*ирк1вар* "сердца", *лек1ер* "печени").

Соединительные композиты могут иметь и структуру "имя существительное + соединительный союз + имя существительное": *хьир-на-шуй* "супруги" (*хьир* "жена" + *на* "и" + *шуй* "муж")...

Структурные типы определительных композитов:

"имя существительное в родительном падеже + имя существительное в именительном падеже": *улин къарк* "веко" (*улин* "глаза", *къарк* "кора, скорлупа"), *гъурагъилдин хъ'ухъ'аф* "желток" (*гъурагъилдин* "яйца", *хъ'ухъ'аф* "желтый", "желток"), *хъ'ахъ'уран улуд* "ноздря" (*хъ'ахъ'уран* "носа", *улуд* "дыра"), *багнишин чарккв* "медвежонок" (*багнишин* "медведя", *чарккв* "детеныш"), *ъ'ач1ин урк1* "подмышки" (*ъ'ач1ин* "подмышки" (род.), *урк1* "яма").

В композитах прилагательные также выступают в качестве определения: "имя прилагательное + имя существительное в именительном падеже":

х1а-дад "дедушка" *(х1а (ф)* "большой", *дад* "отец"), *х1а-баб* "бабушка" (*х1а* "большая", *баб* "мать"), *х1а-т1уб* "большой палец" *(т1уб* "палец"), *тукарин хварч* "букет" (*тукарин* "цветов", *хварч* "связка"), *куман ул* "дымоход" (*куман* "дыма", *ул* "глаз"), *хангрушдин чил* "паутина" (*хангрушдин* "паука", *чил* "сеть") [Магометов 1970 а: 91].

Большой вклад в разработку вопросов, связанных с выявлением границ между сложным словом и смежными с ним языковыми единицами, а также в разграничение словообразователь-

ной модели и морфемной структуры слова внес М.А. Кумахов. Им впервые поставлена и решена одна из основополагающих проблем – классификация сложных слов в адыгских языках [Кумахов 1964].

Традиционно сложные слова делятся по синтаксическим признакам. Такая классификация идет от немецких младограмматиков, в основу которой положено взаимоотношение между компонентами сложных слов. С учетом этой классификации в описательных грамматиках и специальных исследованиях по вопросам словообразования в различных языках сложные слова обычно делятся на подчинительные (Determinativ komposita) и сочинительные (Kopulativ komposita). Подчинительные или определительные сложные слова образованы по принципу подчинения, то есть один из компонентов уточняет значение другого. Сочинительные сложные слова образованы по принципу сопоположения компонентов.

Как верно отмечает М.А. Кумахов, "Деление сложных слов на подчинительные и сочинительные имена, ставшее в... лингвистической литературе уже общепринятым, не отражает ни словообразовательной структуры, ни лексико-грамматической природы сложных слов. Кроме того, нужно отметить, что перенесение в лексику чисто синтаксических терминов, в особенности термина "подчинение", не является вполне оправданным..., между компонентами сложного слова нарушаются синтаксические связи, характерные для словосочетания" [Кумахов 1964: 105].

В дагестанских языках проблема разграничения сложных слов и смежных с ними языковых единиц, а также словообразовательных структур и морфемного состава слова остается нерешенной, вызывающей у исследователей ряд трудностей. Главная из них – отсутствие критериев, направленных на урегулирование слитного и раздельного написания слов в дагестанских языках, что создает много затруднений, связанных с подачей материалов в лексикографических работах, фразеологических единиц и др.

В словообразовании восточнолезгинских языков большое место занимают адъективные морфемы *-н, -л*. Многие мена су-

ществительные образуются от глагольной основы/корня посредством указанных суффиксов. Слово "вязальная спица" в лезгинском и табасаранском языках оформляются разными словообразовательными суффиксами – историческими показателями адъектива/причастия: лезг. *кьу-н*, таб. *кьа-л*. Производность данных слов обнаруживается при сопоставлении с глаголом "шить": лезг. *цу-кь-ун*, аг. *ду-кь-ас*. Собственно, производящей основой служит корень *(-кь-)*. Ср. также таб. *дуркьар* "ткацкий станок".

А вот пример, где субстантив образуется при помощи аффикса масдара: лезг. *am1-ун* "межа", аг. *am1-уб* то же. Более корректным будет сказать, что в лезгинском языке слово образовано способом конверсии, то есть при помощи нулевого аффикса: лезг. *am1ун* "резать" → *am1ун-∅* "межа", аг. *am1ас* → *am1-уб*. Таким образом в лезгинском языке формы инфинитива и масдара совпадают.

Исторический адъективный суффикс выступает в роли словообразовательного форманта в агульском слове *гилге-н* (хп., кв.) "клубок, моток", ср. настоящую основу (*гилг-*, *гирг-*, *ккиркк-*) в глагольных формах дагестанских языков.

В ряде случаев редуплицированные имена существительные образованы при помощи удвоения глагольного корня: таб. *къ-акъ* (дюб.), *гъ-агъ* (канд.) "ноша, вьюк", аг. *къ-акъ* (соб.аг.), *гъ-агъ, г1-аг1* (кош.) то же. Ср. аг. *акъ-ас* (кош.) "брать".

В некоторых случаях редуплицированные основы осложняются еще и адъективным /причастным суффиксом: уд. *хъ-ахъ-ан* "ноша, вьюк".

С другой стороны, можно предположить, что здесь имеем не редупликацию глагольного корня, а ассимиляцию морфемы *хъ-* со значением "за, позади" под влиянием корневой морфемы, ср. аг. (соб.аг.) *къ-акъ* "ноша, вьюк", но *хъ-ахъас* (← **хъ-акъас*) "взять (ношу, вьюк) на спину".

Положительные результаты при исследовании структуры слова можно получить, распределяя анализируемый материал по семантическим гнездам. К примеру, в слове "внук, племянник" в восточнолезгинских языках можно выделить две морфемы благодаря тому, что в этом ряду привлекаются и слово "правнук",

названия "детенышей животных". В лезгинском *хттул* "внук, племянник", таб., аг. *хттул* то же можно выделить префиксальный компонент *х(у)-* благодаря тому, что имеется слово, которое относится к данному семантическому ряду с общим компонентом *–ттул:* лезг. *п-ттул* "правнук". В этом же ряду можно привести таб., аг. *му-дур* "козленок", арч. *мо-тол* то же, рут. *мытыл* то же. В будухском языке префиксальный элемент выпал: *тил* "козленок".

В одном семантическом гнезде описываемых языков находятся слова "козявка", "грязнуля", "грязь". В лезг., таб. *кьар* "грязь" и лезг., таб. *кьуруш* "грязь", аг. *кь'аруш* то же, близких по своему значению можно выделит суффиксы *-ар, -уш*. Очевидно, первый из них – исторический адъективный суффикс и слово первоначально являлось субстантированным прилагательным и обозначало "грязное". Суффикс *-уш* имеет негативный оттенок. Ср. с указанным суффиксом слова типа лезг. *кьакьаш* "грязнуля" и др.

Удвоенная основа лезг. *кьа-кь* "козявка" также связана с вышеуказанными словами. Корневая морфема *-кь-* выступает с общим значением "грязь, грязное, муть ... ", см. участие данной корневой морфемы в словах "мутный", "грязный", "бурый".

Слово *кьакь* выступает производящей основой для слова "грязнуля", которое образуется при помощи негативного суффикса -аш: *кьакь-аш.*

Анализ сложных основ показывает, что соединяются в одно целое большей частью слова-основы, которые близки или синонимичны по своему значению. На базе сложения этих основ образуется новое слово, близкое по своей семантике с основообразующими словами.

При помощи сложения слов ("имя существительное + имя существительное") образовано сложное "браслет": таб. *ку-лих,* аг. *ку-лехар*. Благодаря сравнению с материалами других (не восточнолезгинских) языков данное слово можно разложить на два компонента – на *ку-* "рука" (в самих восточнолезгинских языках это общедагестанское слово – ср. лак. *ква* "рука", уд. *ки1* "рука" и др. – самостоятельно не употребляется и встречается как со-

ставная часть сложных слов) и *-лех/-лих*; второй компонент в форме *лаьх* самостоятельно употребляется в цахурском языке и имеет значение "браслет" [Алексеев, Загиров 1992: 11]. В агульском языке модель "имя существительное + имя существительное" осложняется суффиксом множественного числа и превращается в модель "имя существительное + имя существительное + словообразовательный суффикс".

Словообразование и морфемное членение слова при сравнительно-историческом исследовании объекта дополняют друг друга, и потому их рассмотрение изолированно часто становится невозможным. Так, например, лезгинское *кьацIун* "испачкаться, замараться" делится на две основы: *кьа-* и *цI-*. Такое деление становится возможным благодаря сравнению со словами, близкими по своей семантике. Это – лезг. *кьа-лу* "мутный", таб. *кьа-лу* "грязный", с одной стороны, и аг. *тIа-кь (в)-анф* "грязный" – с другой стороны.

Основа *цI-* в лезгинском языке выделяется при сравнении слова *кьацIун* "испачкаться, замараться" с лезг. *куьцIуьн* (куб.) в том же значении. Но в отличие от *кьацIун* во втором слове основой служит целиком комплекс *куьцI-*. Только морфемный (покомпонентный) анализ позволяет выделить в нем деривационный префиксальный *куь-* – пространственный преверб. Ср. также таб. *ке-цI-уз* "испачкаться, замараться", аг. *ке-цI-ас* (цир.), *ке-цI-ис* (кош.) то же.

Сравнение агульского слова *кIаш* "палка", лезгинского *кIаш* "молот, кувалда" с лезгинскими *лаш* "посох" дает основание в указанных словах выделить две морфемы в каждом: *кI-* и *-ш* – в первом и *л-* и *-ш* – во втором, так как подставляя то *кI*, то *л* мы получим два слова с неизменным *ш*. При дальнейшем сравнении поиск значения морфемы *кI* приводит к тому, что она обнаруживается в семантически близких (к *кIаш*) словах, таких, как лезг. *кI-ар* "скалка", аг. *кI-ур* "дерево, саженец", лезг. *кIар-ас* "дерево" и др.

Ничего существенного узнать о семантике префиксального *л-* в слове *л-аш* не удается. Можно только привести сложные слова, в которых одним из компонентов является *лаш*, ср. лак.

к1а-лаш "древесный уголь". Возможно, *л-* представляет собой пространственный преверб, а *-ш* – корневую морфему, которая выступает в дагестанских языках в ряде слов, связанных с названием "дерево" – "лес". Если последнее верно, то *к1аш* – сложное слово, образованное посредством присоединения семантических дуплетов. Реконструированную модель слова можно представить в следующем виде: "основа имени существительного + основа имени существительного".

Ряд имен существительных в восточнолезгинских языках образован от глагольной основы при помощи словообразовательного суффикса *-н/-л* (исторического причастного суффикса), ср. лезг. *цц-ун* "пахать, сеять" → *цц-ан* "пахота"; таб. *уз-уз* "пахать, сеять" → *из-ан* "пахота"; аг. *уз-ас* → *из-ан* то же [Талибов 1969: 84], лезг. *къ-ун* "падать (об осадках), дождить" → *къв-ал* "дождь"; аг. *угъ-ас* → *угъ-ал*; аг. *дикьв-ас* "шить" → *дикь-ум* (←**дикь-ун*) "шов"; лезг. *цц-ун* → *цв-ал* то же.

В восточнолезгинских языках многие имена существительные являются непроизводными, и основы таких субстантивов на материале лезгинских языков не мотивированы. Однако данные других языковых групп дают возможность выделить основообразующую и словообразовательную морфемы. Ср. аг. *хьухь-ал* "варежка, перчатка", *тир-еб* (кер.) "ветер", в которых выделяются корневые морфемы *хьухь-*, *тир-* и деривационные аффиксы -*ал*, *-еб* на том основании, что в аварском языке представлены глаголы *хьухь-изе* "вязать" и *тир-изе* "вертеться". Первый суффикс (*-ал*) является историческим показателем причастия, и слово *хьухьал* этимологически обозначает "вязанное". Второе *тиреб* представляет собой форму масдара, которая не осознается как таковая и обозначает "вертящийся".

Общая модель прилагательных в восточнолезгинских языках представляет собой историческую основу субстантива или историческую причастную форму, наращенную адъективным суффиксом.

В табасаранском языке, где категория грамматического класса является действующей, в качестве суффиксов адъектива выступают: у имен разумных (или человека) - *-ур (-ир)* и *-уб*

(-иб) у неразумных существ и вещей (южный диалект); *-ур* и *-ув* соответственно – северный диалект [Магометов 1965: 151].

В агульском языке прилагательные оформляются окаменелыми классными показателями и в зависимости от диалектов в финале имеют: *-ф* (собственно агульский, керенский, гехюнский диалекты, хпюкский и цирхинский говоры), *-д, -р* (кошанский диалект), *-т* (фитинский говор)

В прилагательных лезгинского языка не сохранилось следа грамматических классов. При самостоятельном употреблении прилагательное (субстантированное) принимает суффикс *-ди*: *къацу – къацу-ди* "зеленый", *гъвечӀи – гъвечӀи-ди* "маленький", *элкъвей – элкъвей-ди* "круглый" и др.

Однако и в лезгинском языке в редких случаях встречаются окаменелые показатели грамматических классов, как, например, в словах *чӀул-ав* "черный" и производном от него *чӀул-ав* "головная (болезнь злаковых растений)". В этой связи ср. аг. *кӀареф* "черный" → *кӀареф* "головня".

При атрибутивном использовании классные показатели в табасаранском и агульском языках опускаются: аг. *джагварф* "белый", *джагвар хал* "белый дом", таб. *лизи хал* "белый дом", *лизи хулар* "белые дома", *лизи инсан* "белый человек", при *лизи-б, лизи-р, лизи-дар* (для класса человека и неразумных существ). В табасаранском отмечаются и случаи согласования. "Исключение составляют только два прилагательных, которые в этой функции согласуются с существительным в классе и числе – *ужур* "хороший" и *уччвур* "красивый"; *ужуб хал* "хорошая комната", *ужур кас* "хороший человек", *ужудар хулар* "хорошие комнаты", *ужудар касар* "хорошие люди", *уччвуб хал* "красивая комната", *уччвур кас* "красивый человек", *уччвудар касар, хулар* "красивые люди, дома" [Ханмагомедов 1967: 551].

В атрибутивной функции прилагательные в восточнолезгинских языках имеют сходные показатели. При образовании адъективов от имен существительных в лезгинском и табасаранском языках часто прибавляются суффиксы *-и/-ы, -у/-ы /-уь*. В агульском им могут соответствовать *-е, -а, -у*. Суффиксы по языкам и диалектам чередуются:

лезг. *лацц-у* (гюн.), *лацц-ы* (ахт.) "белый" (*лаз* "белая глина", "белок яйца");

таб. *лидз-и* (дюб.), *лиз-и* (канд.) "белый";

аг. *лез-еф* "овца белой масти" (полчено от адъектива *лезеф* "белый" при помощи нулевой аффиксации).

лезг. *хъип-и* (← *хъиб-и*) "желтый" (*къиб* "желток"), аг. *хъ'ухъ-е* то же.

лезг. *йар-у* "красный", таб. *ир-и* (дюб.), *уьр-у* (канд.), аг. *ир-е* то же, ср. лезг. *йар* "заря, зарево";

таб. *укI-и* (дюб.), *укI-у* (канд.) "синий", ср. таб. *укI* "трава", аг. *ъ?укI* то же;

лезг. *верцц-и* "сладкий", аг. *итт-е*, ср. лезг. *вирт* "мед", аг. *уьтт* то же;

лезг. *йаргъ-и* "длинный", таб. *йарх-и*, аг. *йирх-е* (бурш.), *йарх-е* (рич.), *йарх-и* (фит.), ср. лезг. *йаргъ* "длина";

таб. *къакъ-и* (дюб.), *гъагъ-и* (канд.) "тяжелый", аг. *гъегъ-е* (бурш.), *къикъ-е* то же, ср. *къакъ* "тяжесть, поклажа".

В некоторых основах имен прилагательных прослеживаются исторические суффиксы причастий (адъективов). Такие основы наращиваются вторичными суффиксами. Например, в дюбекском говоре табасаранского языка в слове *уркьули* "глубокий" при сравнении с материалами других лезгинских языков выделяется суффикс *-ул-*. Ср. аг. *уркI-е* "глубокий", а также производящую основу – имя существительное *уркI* "яма, впадина", лезг. *кIвар*. Слово *уркI* является метатезированной формой *уркI* (← **рукI*). В связи с этим ср. глагол *рукIас* "копать, рыть". Таким образом, прилагательное "глубокий" образовано от основы имени существительного *уркI* (← **рукI*) при помощи адъективного суффикса *-е*. Последнее, в свою очередь, образовано от глагольной основы при помощи нулевого суффикса: аг. *рукI-ас* "копать, рыть" → *уркI* (← **рукI*) "яма, впадина" (ср. русское *рыть* → *рыт-вина*) → *уркI-е* "глубокий".

При определении производящей основы обращает на себя внимание, на наш взгляд, примечательное обстоятельство. Некоторые из имен прилагательных, образованных от глагольных основ, как и их производящие основы сохраняют префиксы –

живые классные показатели. Например: таб. *а-р-ц1-у* (класс неразумных существ и неживой природы), *ац1-у* (канд.) (класс человека) "полный, сытый", аг. *ац1*-у, лезг. *ац1-ай* "полный, сытый". Лезгинская форма является причастием, восходящей через промежуточную форму *ац1-ар* к *ац1-ад*, ср. аг. *ац1-ар* (бурш.) и рут. *ац1-ыд* при хин. *ц1и* "полный, сытый". Производящей основой данного прилагательного послужил глагол "наполнять": лезг. *ац1-ун*, аг. *ац1-ас*...

Факт наличия префиксальных классных показателей в адъективах лезгинских языков примечателен тем, что в тех случаях, когда они являются непродуктивными то есть окаменелыми префиксальными компонентами, можно прогнозировать, что данные имена прилагательные являются производными от глаголов.

Помимо вышеуказанных (*-н,-л,-р*) общедагестанских адъективных морфем, выявляемых в именах прилагательных, имеются и другие, которые также восходят к общедагестанскому фонду. К ним относится аффикс *-с-*, который вклинивается между корневой морфемой и адъективным показателем: лезг. *кьуь-з-уь* (← **кьуь-сс-уь*) "старый", аг. *кьу-сс-е* (кер.) , *ъ'у-сс-е* (соб.аг.) то же.

Данная морфема в научной литературе возводится к общедагестанскому состоянию, ср., например: ав. *жакъа-се-б* "сегодняшний", анд. *сседу-сси* "передний", цез. *сасохъо-си* "утренний", дарг. *ахъ-си* "высокий", лак. *хъин-сса* "добрый" [Алексеев 1985: 116].

Интересны семантические преобразования имен прилагательных в восточнолезгинских языках, которые выявляются при их сопоставлении с производящей основой. Некоторые стороны семантических модификаций были отмечены выше. См., например, слово "глубокий" в агульском языке, которое образуется от имени существительного "яма, впадина": *урк1* → *урк1-е*.

В табасаранском языке ожидалось также, что субстантив "яма" послужит производящей основой для адъектива "глубокий". В действительности, здесь субстантив *ич1* "яма" служит основой для образования другого прилагательного – *ич1-и* "пус-

той". Ср. также образование адъектива в табасаранском: *лик* "нога", *лик-у* "хромой" [Ханмагомедов 1967: 551], который образуется от иной основы, чем в других ингредиентах восточнолезгинских языков: лезг. *кьецI(и) авун* "хромать" → *кьецI-и* "хромой", аг. *кь'атт акьас* (кер.) "хромать"→*кь'атт-е* "хромой".

В восточнолезгинских языках многие слова с половой дифференциацией животных и птиц образуются при помощи композит. Первые члены таких сложных слов представляют собой определительные слова, которые в восточнолезгинских языках выражаются не всегда одинаково.

В лезгинском языке, например, в функции определения может выступать субстантив в именительном падеже: *ккал гамиш* "буйволица" (*ккал* "корова" + *гамиш* "буйвол"). В качестве определительного слова для передачи понятия "буйвол-самец" в лезгинском употребляется *кел*: *кел гамиш*. Данное определительное слово в собственно лезгинском языке не употребляется самостоятельно, но его связь со словами подобной семантики в других языках прослеживается, ср. хин. *ки* "самец; баран", крыз. *ми-ггил* "самец", цах. *вы-ггыл* "муж", рут. *вы-ггыл-ды* "мужской". Ср. также гин. *би-кин-ав*, беж. *би-кин-аб* "самец", ав. *би-хьин-аб*. Лезгинская форма *кел* с конечным сонорным напоминает исторический адъектив и мог иметь значение "мужской" (> "самец").

Модель "адъектив + субстантив" для выражения полового различия у животных и птиц имеет распространение и в других восточнолезгинских языках, ср. *жили швеъ* "медведь-самец" (*жили* "мужской"), *хпи швеъ* "медведица" (*хпи* "женский"); аг. *илле багниш* "медведь-самец" (*илле* "мужской"), *хумбе багниш* "медведица" (*хумбе* "женский"), *илее луф* "голубь-самец", *хумбе луф* "голубка". В этом ряду ср. также лезг. *эркек сев* "медведь-самец" и *диши сев* "медведица", *эркек лиф* "голубь-самец", *диши лиф* "голубка".

Эта модель является общедагестанской, ср. буд. *вули лем* "осел-самец", *хьыдли лем* "ослица"; чам. *кви^{к}тIаб амах* "осел-самец", *гьакйуб амах* "ослица" и др.

В табасаранском языке имеет место внутривидовая дифференциация по полу у детенышей и птенцов, которая выражется

определяемым словом: *йици к1ари* "бычок" (*йици* "бычий" + *к1ари* "теленок"), *кьуни мудур* "козленок-самец" (*кьуни* "козлиный" + *мудур* "козленок"), *хвари дай* "жеребенок-самка" (*хвари* "кобылий" + *дай* "жеребенок", *качи жанавар* "волчица" (*качи* "сучий" + *жанавар* "волк"); *датти шухъ*' "петушок" (*датти* "петушиный" + *шухъ*' "цыпленок"), *пеъи т1авус* "пава" (*пеъи* "курица" + *т1авус* "павлин") и т.д. Вышеуказанные определительные слова служат для обозначения половых признаков у животных и птиц до их внешнего проявления [Ханмагомедов 1996: 55].

Анализ глагольных корней восточнолезгинских языков показывает, что по преимуществу они носят моноконсонантный характер. Из восьмидесяти пяти глаголов шестьдесят (71 %) в вышеуказанных языках имеют общий корень. Из общего числа глаголов на долю глагольных корней, общих для лезгинского с агульским и табасаранского с агульским, падает по одиннадцать единиц (26 %). Наименьшее число соответствий имеют лезгинский с табасаранским языком – три глагола, что составляет всего лишь 3 %.

Список глаголов, у которых корни совпадают во всех языках

	Лезгинский	Табасаранский	Агульский	Даргинский	Лакский	Аварский
1.	*ххчал авун*	*уч ап1ус* (дюб.)	*учал акьас* (кош.)	*дучес* "собрать"		
2.	*кут1ун*	*ут1уз* (канд.)	*ут1ас* "гнить"			
3.	*акъахын* (ахт.) *акьахун* (гюн.)	*йагъли хьуз*	*агъвес* (соб.аг.) *г1ахис* (кош.) "подняться"			
4.	*кьац1ун* (гюн.) *куьц1уьн* (куб.)	*кац1уз*	*кец1ас* "испачкаться"			
5.	*ч1ур авун*	*ч1ур ап1уз*	*ч1ир акьас* "испортить"			
6.	*кьанун*	*даркьус*	*далкьанас, дакьас* "качать"	*далкьагъии* (чир.) "качать"		
7.	*т1аьгъуьн* (ахт.)	*абгъ'уз*	*т1аг1ас, т1ах'ас* "распухнуть"			
8.	*къарагъун*	*къуджус* (дюб.)	*гъайшас* "подняться"			
9.	*ч1удгъун* (ахт.)	*ч1абгъ'уз*	*ч1иргъвас* "рвать"			
10.	*агъун*	*хъугъуз*	*хъугъас* "верить"			
11.	*рахун*	*улхуз*	*рахас/вахвас* "говорить"			
12.	*гуьн*	*урггуз*	*ихь'ас* "жать (колосовые)"			
13.	*ч1акьун*	*ч1варкьуз*	*ч1иркьвас* "жевать, грызть"			
14.	*ахварун* (ахт.)	*ахуз*	*ахас, гъархьас* "спать"			
15.	*регъуьн*	*разъ'уз*	*рух'ас, руг1ас* "молоть"			
16.	*алук1ун*	*алахьуз*	*алахьас, алик1ас* "надеть"			

	Лезгинский	Табасаранский	Агульский	Даргинский	Лакский	Аварский
17.	*кут1ун*	*кит1уз*	*кит1ас, кит1анас* "привязать"			
18.	*ацукьун*	*деъ'ус, чеъуз*	*аькьвас, авкъас, укьас* "садиться"			
19.	*ругун*	*ухьуз*	*руьхьес, уршас* "кипеть, вариться"			
20.	*къачун*	*бисуз*	*гъушас, гъуджас* "брать"			
21.	*аккун*	*лигуз*	*агвас* "видеть"	*гвис* (урах.)	*ккакан* "видеть"	
22.	*алцумун*	*йебцуз*	*алцас, алцанас*	*умцес*	*дуцин*	*боцизе* "взвешивать, мерить"
23.	*эцигун* "класть, ставить"	*лиггус* (дюб.) "класть, ставить"	*ъихьас* "положить в ... "	*бихьес* "положить"	*бихьин, бишин* "положить"	*лъезе* "положить"
24.	*чуьхуьн*	*уччус* (дюб.)	*г1уччас, г1улччанас, ъ?уччас* "мыть, стирать"			
25.	*ац1ун*	*ац1уз*	*ац1ас* "наполняться"	*ирц1ис* "наполняться"	*буц1ин* "наполняться"	*ц1езе* "наполняться"
26.	*тун* "оставить"	*гъитуз*	*атас*	*батес*	*битан*	*тезе* "оставить"
27.	*к1елун* "читать"	*бик1уз* "писать"	*лик1енас*	*лук1ес* "писать"		
28.	*хъун, хун*	*хъувхус* (дюб.), *ухуз* (канд.)	*ухас* "пить"			*хуйи* "пить глотками"
29.	*эч1елун, эч1ин*	*ч1ал ап1уз*	*ч1ал акьас*			*ч1аразе* "полоть"
30.	*гъач1ун*	*ъуч1вуз*	*ъуч1ас* "входить"			*бач1ине* "приходить"

	Лезгинский	Табасаранский	Агульский	Даргинский	Лакский	Аварский
31.	*эвягъун*	*джубхуз* (канд.) *дживхус* (дюб.)	*джирхас* (соб.г.) *джурхас* (кош.)	*абхин* "расчесывать"		
32.	*хун, арч. хъан квес*	*хуз*	*хас*	*берхъес*		*гьав!зе* "родить (ся)"
33.	*агакьун*	*рукъуз*	*рукьас*		*кьурч1 исса* "достигать, дойти"	
34.	*ццун*	*убгуз*	*узас* "сеять"			
35.	*гун*	*ггуз*	*йес* (ср.кер.деепр. сов.в. *гина)*	*ггис, гес* "дать"		
36.	*авун* (гюн.), *гьаъун* (куруш.)	*ап1уз*	*акьас*	*баркьии* "делать"		
37	*тук1ун*	*урккуз*	*руккас*"зарезать"			
38.	*къун*	*аргъуз*	*ругъас*	*-ирг1ас* "остывать"	*даркъ' усса* "холодный"	
39.	*фин* (гюн.), *шун* (ярк.)	*хис*	*хис* (деепр.сов.в. *ушуна)*	*-аш-* "идти, приходить"	*айш-шун* "убегать, отступить"	*шшвезе*
40.	*к1ан хьун* (гюн.), *ккан хьын* (ахт.)	*ккун хьуз*	*ккан хьас* "хотеть, желать"			
41.	*къвазун*	*диикъус* (дюб.) *дийигъуз* (канд.)	*гъузас, гъузанас* "стоять, остановиться"			
42.	*ккун*	*убгуз, ургуз*	*угвас* "гореть"	*игвис* "гореть"		
43.	*ишинун* "месить", *т1ушунун* "мять"	*т1иршуз* "месить, мять"	*т1ишанас* "месить, мять"	*ашис* "месить"		

	Лезгинский	Табасаранский	Агульский	Даргинский	Лакский	Аварский
44.	*кIасун* (гюн.) *кьасгын* (ахт.) "кусать, укусить"	*кьацI апIуз* (канд.)	*кьацI ъикIас* (соб.аг.) *кьацI ъайкIис* (кош.)	*кьацIии, кьацI-бирчи*	*кьацIа тIун*	
45.	*шехьун* (гюн.), *ишин* (ахт.), цах. *гешес*	*ишуз*	*ъ?ашас, гIашас*	*висес, исес* "плакать"		
46.	*хьун*	*хьуз*	*хьас*	*икес*	*хун*	*лъизе* "стать, становиться"
47.	*аццун*	*ардзуз*	*узас*	*дирдзис*	*тти–зин* "доить"	*цIцIуйзе* "выдавливать, доить"
48.	*зурзун* "дрожать"	*зурзу* "дрожь"	*зурзас* "дрожать"		*зирзилу* "дрожь"	
49.	*алччукун* "заворачивать"	*-иджуз*	*адиджанас*			*жемизе*
50.	*къун* "падать об осадках", рут. *гьугъас*, цах. *гьогъас*	*убгъуз*	*угъас*			
51.	*ччурун* "печь, жарить", арч. *чарас*	*урджуз*	*уджас*		*ччуч-чин*	*бежизе*
52.	*кье-шин/кьежин*	*кь'аши хьуз*	*кь'ашас/ъ'ашас* "мокнуть"	*шинкIа-бирес*		*биччизе*
53.	*ккисун* "молчать, замолчать"	*ккебехъуз*	*ккиттисис* (кош.)			
54.	*цIурун* "таять, расплавиться", арч. *бацIас*	*эрцIуз*	*ицIвас*	*бицIес*	*бавцIан*	
55.	*атIун* "резать"	*гъадатIуз*	*атIас*			*къкъо-тIизе*

	Лезгинский	Табасаранский	Агульский	Даргинский	Лакский	Аварский
56.	*гьун* "носить", арч. *х'ас*	*хуз*	*хас/гьас*	*хис*	*гьиву*	
57.	*галч1урун*	*хьч1ух'уз*	*хъуч1урх1ас* "волочить, тащить"			
58.	*эвич1ун* "спуститься"	*гьудуч1уз* "отойти" *улдуч1вуз* "сойти"	*ъадайч1вас* "спуститься"		*буч1ан* "спуститься"	
59.	*экьичун* "вылить"	*ичас* "брызнуть, выступать (капли пота)"	*керчуз* "брызнуть"		*бачин* "течь, вылиться"	
60.	*хъуьруьн*, арч. *хурас*	*алхъ'уз*	*алхъ'ас* "смеяться"		*хъ'ан* "смеяться"	

II. Список глаголов, у которых корни совпадают в лезгинском и агульском языках

	Лезгинский	Табасаранский	Агульский	Даргинский	Лакский	Аварский
1.	*алахх1ын* (ахт.)		*алирх1ас, аларх'ас* "кидать что-либо, в кого-либо"			
2.	*хъукъун* (<**къукъун*)		*къукъас* (соб.аг.), *уркъас* (цир.) "затвердеть"			
3.	*арутун*		*рутас* "свертываться"	*дертес*	*татан* (?*да-тан)	*бетизе*
4.	*ахъайун*, арч. *даха ас*, уд. *хъайпесун*		*дахъас* "открыть"			
5.	*арушун* "наматывать"		*арушас* "делать основу тканья"	*бушес*	*шашан*	*бессизе*
6.	*ккисун*		*ккиттисис* (кош.)			

			"молчать, замолчать"			
7.	*алук1ун*		*алик1ас* "надеть"			*рет1ине* "одеть"
8.	*гыкьын (ахт.)*		*фуркьас* (ф., цир.), *варкьвас* (кош.) "найти, находить"			
9.	*аттун*		*адес* "приходить"			
10.	*йагъун*, рут. *йих'ас*, цах. *их'ас*, арч. *дахис*		*йарх'ас* "бить"			
11.	*акьалун*		*алакьас* "закрыть, запереть"		*лакьын*	*къазе* "закрыть"

III. Список глаголов, у которых корни совпадают в агульском и табасаранском языках

	Лезгинский	Табасаранский	Агульский	Даргинский	Лакский	Аварский
1.		*ккудубк1уз*	*ккирк1вас* "кончиться"			
2.		*йивккус* (дюб.)	*рук1ас*, *дик1ис* "копать"			
3.		*давхъ'ус* (дюб.)	*дахъ'ас* "остывать"	*вахъ'и*	*дахъ'лан*	
4.		*ришуз*	*т1ушас* "шевелиться"	*шуриес* "повернуть"	*шшурун* "вертеться"	
5.		*кубхъ'уз*	*урхъ'ас* (цир.), *урхъ'ис* (кош.) "копать"			
6.		*ц1абкуз*	*ц1акас* "искривиться"			
7.		*рабцуз* "искать"	*руцас* "крутиться, искать"	*умц1ес*		
8.		*лихуз*	*лиханас* "работать"	*лухъии*		
9.		*дахъус* (дюб.), *дахъуз* (канд.)	*ахъухьас* "прилечь"			
10.		*алабхъуз* "надеть, одевать"	*алайхьис* (кош.), *алахьас* (кер.)			
11.		*агъ'у ап1уз*	*йаг1ар акьас* "узнавать, проведать"			

IV. Список глаголов, у которых корни совпадают в лезгинском и табасаранском языках

	Лезгинский	Табасаранский	Агульский	Даргинский	Лакский	Аварский
1.	*къвез* – деепр.несов.в. от глагола *атун* "приходить"	*акъ'ус* (дюб.), *агъ'уз* (канд.) "идти"				
2.	*туькьуьн*	*хътІукь'уз* "глотать"				
3.	*луькІуьн*	*кІуз* "говорить"				*кІалъазе*

Как показывают материалы анализа, глагольная лексика восточнолезгинских языков имеет больше схождений в лексике, общей для всех трех языков – лезгинского, табасаранского и агульского. Это закономерно, так как она является общим фондом для указанных языков, который относится к периоду совместного их развития. Число совпадений идентичной лексики восточнолезгинских языков с общедагестанской также значительное и составляет приблизительно 50 %.

Глагольная лексика, общая для лезгинского и агульского языков, указывает на еще большее ее расхождение с общедагестанским фондом, и совпадения эти составляют уже 30 %.

Таков же процент общей глагольной лексики табасаранского и агульского языков, совпадения ее с общедагестанской лексикой равны 30 %.

Самый низкий процент (3%) совпадений в глагольной лексике обнаруживается между лезгинским и табасаранским языками.

Такое расхождение (3% против 26 %), наблюдающееся между числом совпадений лезгинского с агульским, табасаранского с агульским, с одной стороны, и лезгинского с табасаранским, с другой, можно объяснить ранним выходом лезгинского из состава общевосточнолезгинского языкового единства. Табасаранский и агульский языки еще продолжали развиваться совместно.

Вместе с тем, если лезгинский язык выделился из общевосточнолезгинского состояния и стал развиваться самостоятельно, то и с агульским языком у него должно быть меньшее число соответствий, как и с табасаранским. Очевидно, это можно объяснить ослаблением языковых контактов лезгинского с табасаранским, в то время как с агульским языком связи продолжались, о чем также свидетельствуют исторические факты.

Не исключается вероятность установления еще одного критерия в определении степени внутригрупповых связей. Это касается аранжировки глагольных корней посредством различных морфем, выявления в глаголах указанных языков структурных схождений. Такая процедура обычно проводится с целью установления сходств между группами внутри семьи языков. При внутригрупповых схождениях, как нам представляется, целесообразна операция по определению схождений не только формальных компонентов, но и, главным образом, в области их содержания. Например, глагольная основа "кипеть, варить (ся)" в лезгинском (*руг-ун*), агульском (*руьхь-ес)* и табасаранском (*убхь-уз*) имеют одинаковую структуру СГС, где анлаутный согласный – экспонент грамматического класса, затем следует гласный-сателлит и завершается корневым согласным. Табасаранский начальный компонент *уб-* является метатезированной формой. С материальной точки зрения агульская и табасаранская корневые морфемы имеют одну форму *-хь-*, являясь по отношению к лезгинской *-г-* первичной, и в этом смысле они обнаруживают более тесную связь. Лезгинская форма получена из фрикативного спиранта *г* путем продвижения языка вперед: *хь* > *гг* > *г*.

Имеются и обратные случаи, когда корневая морфема в лезгинском и агульском языках конструируется по единой модели, а в табасаранском имеет иную аранжировку. Ср. лезг. *къа-ч-ун* "брать", аг. *гъу-ш-ас* (кер.), *гъуджас* (хп.), где лезг. *къ-* и аг. *гъ-* пространственные превербы со значением "вверх", а форма корневой морфемы *-ч-* получена из звонкой аффрикаты *-дж-*. Табасаранский глухой спирант *-с-* в качестве корневой морфемы получен из спиранта *-ш-*, а анлаутный согласный, который рас-

пространяет корневую морфему, является не превербом, а представляет собой окаменелый классный показатель: *би-с-уз* "брать".

В восточнолезгинских языках одна и та же корневая морфема может распространяться различными пространственными превербами синонимичными между собой. Так, к примеру, глагол "найти, находить" в лезгинском и агульском языках оформляется разными превербами: лезг. *гы-кь-ын* (ахт.), аг. *фу-р-кь-ас* (фит., цир.), *ва-р-кьв-ас* (кош.).

В глаголах указанных языков различаются два вида корневой морфемы:

а) корневая морфема, которая не распространяется;

б) корневая морфема, которая распространяется.

Глаголы первой группы составлены по модели "корневая морфема + суффикс инфинитива". Это глаголы с непроизводной основой, состоящей из одного согласного:

лезг. *г-ун* дать, таб. *гг-уз*, *аг. й-ес (<*г-ес)*;

лезг. *ф-ин* "идти", таб. *х-ис*, *аг. х-ис* (кош.);

лезг. *хь-ун* "стать, становиться", таб. *хь-уз*, аг. *хь-ас*;

лезг. *гъ-ун* "приносить", таб. *х-уз*, аг. *гъ-ас* (соб.аг.), *х-ас* (кер., кош.).

Глаголы второй группы делятся в свою очередь на две подгруппы.

Глаголы с префиксальным элементом, классным показателем: лезг. *ту-кl-ун* зарезать, таб. *ур-кк-уз (<*ру-кк-уз)*, аг. *ру-кк-ас*; лезг. *ре-гъ-уьн* "молоть", таб. *ра-гъ'-уз*, аг. *ру-х'ас* (кер.), *ру-гl-ас* (соб.аг.); лезг. *ру-ш-ун* "делать основу для тканья", аг. *ару-ш-ас* и др.

Глаголы с префиксом-превербом: лезг. *алу-кl-ун* "надеть, одевать", аг. *али-кl-ас*; лезг. *ку-тl-ун* "привязать", таб. *ки-тl-уз*, аг. *ки-тl-ас*, *ки-тl-анас*; лезг. *эви-чl-ун* "спуститься", аг. *ад-ай-чlв-ас*.

В предыдущем фрагменте анализу подверглись глаголы, которые во всех трех языках образуются по единой модели, где выделяются корневые морфемы, распространяющиеся классными показателями и пространственными превербами.

Наряду с такими глаголами в восточнолезгинских языках представлены модели, которые одинаковы для двух языков, а в третьем образуются по другой модели.

Модели общие для лезгинского и табасаранского языков: ср. лезг. *ишин* (ахт.), таб. *ишуз* "плакать", но аг. *ъ'а-шас* (соб.аг.), *гl'а-шас* (кош.) то же. В агульском глаголе появляется и префиксальный компонент *гl'а-/ъ'а-*, который отсутствует в двух других восточнолезгинских языках.

Модели общие для табасаранского и агульского языков: ср. таб. *ру-кьуз*, аг. *ру-кьас* "достигать, дойти" и лезг. *аг-акьун* то же. В этих языках глагол распространяется префиксом-классным показателем, в лезгинском же корневая морфема *-кь-* распространяется превербом. Или в табасаранском и агульском языках корневая морфема распространяется и префиксальным классным показателем, в лезгинском же она выступает в чистом виде: ср. таб. *ар-гъуз* "остывать", аг. *ру-гъас*, но лезг. *къун*.

В восточнолезгинских языках представлены и сложные глагольные основы, которые преимущественно состоят из двух моноконсонантных корней. Сама процедура членения основы затруднена тем обстоятельством, что не всегда можно различать преверб, классный показатель и анлаутную корневую морфему. Во многих случаях сложные глагольные основы представлены в одном из ингредиентов восточнолезгинских языков, и сама процедура раздвоения основы требует сравнения ее отдельных частей с данными других дагестанских языков и обоснования синтеза выявленных таким образом частей. Так, например, в лезгинском глаголе *чуь-х-уьн* "стирать, мыть" выделяем две корневые морфемы на том основании, что в большинстве дагестанских языков у глаголов с идентичным значение представлена основа *-ч-*: ав. *чуржи* (чадакол.), анд. *абчиду*, тинд. *бучилъа* и др., в табасаранском – *-чч-*: *учч-уз* "стирать". Геминированный *чч* – результат усиления *ч* в позиции между гласными. Хрипящий спирант *-х-* в основе лезгинского глагола *чуьхуьн* можно считать одним из компонентов сложной основы *чуьх-*, которая в данном глаголе "стирать" встречается и в других дагестанских языках, ср. беж. *низагьал*. В агульском анлаутный компонент

гl'-/ъ'- (ъ'уччанас, гl'уччас) можно сравнить с бежтинским *-гь-*.

В лезгинском глаголе *кьацlун* (гюн.) "испачкаться" представлена сложная основа, состоящая из двух корневых морфем *кь-* и *цl-*. Вторая отмечается в диалектах лезгинского языка в глаголе с тем же значением, что и в других языках восточнолезгинской подгруппы, как корневая морфема, которая распространяется пространственным превербом *к-* "в непосредственной близости, в слиянии": лезг. *куьцlуьн* (куб.), таб. *кацlуз*, аг. *кецlис* (кош.). Анлаутный компонент *(кь-)* лезгинского глагола *кьацlун* выступает в адъективе "грязный, мутный" некоторых лезгинских (в том числе и в собственно лезгинском) языков: лезг. *кьалу* (гюн.), таб. *кьалу* (канд.), а также в составе сложных основ, ср. аг. *тlакьванф* (соб.аг.) "грязный", рут. *чlукь'урды* и в слове "грязь": таб. *кьар* (канд.), цах. *мыкь'*, буд. *некь*, хин. *макьал* и др. Основываясь на вышеуказанных данных и рассматривая слово *кьацlун* с семантической и с структурной точек зрения, можно констатировать, что сложная основа *кьацl-* состоит из двух синонимичных корней *кь-* и *-цl-*.

В восточнолезгинских языках представлен глагол "мокнуть": лезг. *кьешин/кьежин*, таб. *кь'аши хьуз*, аг. *ъ'ашас, кь'ашас*. Сравнительный анализ восточнолезгинской глагольной основы и близкой по значению адъективной других дагестанских языков указывает на сложный характер глагольной основы: одна из ее частей в некоторых языках употребляется самостоятельно, ср., например, уд. *ш-айин* "мокрый" с корневой морфемой *ш-*, перекликающейся с одним из компонентов глагола в восточнолезгинских языках. Данная морфема, по всей вероятности, генетически связана с понятием "вода, влага". Семантика анлаутного компонента *кь-* затемнена, можно только предположить, основываясь на аналогии с предыдущим словом "испачкаться", что он имеет синонимичное значение с корневой морфемой *ш-*.

Тезис о сращении совпадающих или близких по значению корневых морфем в сложных глагольных основах, выдвигаемый нами, подтверждается. Так, лезгинский глагол *гиликьун* (гюн.),

гиликьин (ахт.), как и агульский *хьиликIес* "околеть, сдохнуть" состоят из двух основ *гили*, *хьили* и *кьин*, *кIес*. Второй компонент *кьин*, *кIес* является лабильным глаголом со значением "умереть, убить". Начальный же компонент ни в лезгинском, ни в агульском языках не обладает самостоятельным значением. Привлечение табасаранского материала проливает свет: в отличие от лезгинского и агульского языков слово *хьилу* обозначает "околевший". На этом основании можно говорить о сходстве по семантике основ *гили*, *хьили* с моноконсонантной *-кь-*, *-кI- (кьин, кI-ес)*.

Удвоение основ посредством синонимичных или абсолютно одинаковых морфем – широко распространенный процесс в дагестанских языках [см. Сулейманов 1997г: 335-339; 1998]. Оно распространяется на все части речи, ср. уд. *с-а-к-сун* "валить" (как *с*, так и *к* связаны со значением "вниз"), крыз. *с-аь-гI-аьдж* "бросить", арч. *гь-ара-к (< *гь-ара-хь)* "впереди", лезг. *а-с-кI-ан* "низкий", аг. *къ-а-къ* "поклажа, ноша", лезг. *кI-у-кI* "макушка", ав. *гъ-ор-кь* "внизу" и т.д. Этот процесс связан главным образом историческим словообразованием, когда язык в целях экономии создает номинации при помощи имеющихся ограниченных средств.

Посткорневые элементы в структуре глагола восточнолезгинских языков распространены неравномерно, занимают различные позиции и характеризуются наличием дуративных аффиксов, детерминативного и каузативного суффиксов.

В сложных основах дуративный инфикс обычно занимает позицию между корневыми морфемами. Эти основы могут состоять как из разных корневых морфем (ср. таб. *чIв-ур-кьуз* "жевать", "грызть", аг. *чI-ир-кьвас* и лезг. *жакьун*, где дуративный инфикс не представлен), так и быть редуплицированными (лезг. *з-ур-з-ун* "дрожать", аг. *з-ур-з-ас*).

Приведем примеры, свидетельствующие о наличии в прошлом в основе глагола восточнолезгинских языков дуративного аффикса: лезг. *цI-ур-ун* "таять, расплавиться", аг. *цI-ур-ас*; лезг. *къ-ар-агъун* "встать, подняться" и др.

Посткорневую позицию занимает и каузативный формант, который материально совпадает с дуративным аффиксом. Данный формант, как активизатор глагольной основы, образует корреляцию с глаголами, в составе которых отсутствует посткорневой элемент *р*. Ср.:

лезг. *ацIун* "наполняться" – *ацI-ур-ун* наполнить",
акъвазун "остановиться" – *акъваз-ар-ун* "остановить",
ксун "спать" – *кс-ур-ун* "укладывать спать",
къекъуьн "искать" – *къекъ-уьр-ун* "заставить искать",
ишин "плакать" – *иш-ир-ун* "заставить плакать" и т.д.

В восточнолезгинских языках некоторые глагольные основы содержат детерминативный суффикс. Он отмечен в агульском и лезгинском языках, в табасаранском отсутствует.

В лезгинском языке детерминативный суффикс представлен в ограниченном количестве глаголов: лезг. *тIуш-ун-ун* "месить", "мять", аг. *тIиш-ан-ас*; лезг. *иш-ин-ун* "месить".

Детерминативный суффикс представлен в части диалектов агульского языка. Это *-ан* и *-ал*: ср.соб.аг., цир. *алц-ан-ас* "мерить, измерять" кош. *ъ'утI-ал-ас*, цир. *эл-ас* (< **гI'-ал-ас*) "кушать", но кер. *гI'утIас*.

Таким образом, детерминативный суффикс содержат глагольные основы собственно агульского, кошанского и цирхинского диалектов. Его гласный компонент может измениться в зависимости от предшествующего согласного: *акур-ан-ас* "мазать, белить", *элхъ'-аIн-ас* "смеяться, *ликI'– ен-ас* "писать". Детерминативный суффикс присутствует и в деепричастии несовершенного вида и всех временных формах, образованных от него. Возьмем глагол *гуланас* "теряться: деепр.несов.в. *гуланди* "теряя": *гуланди ъайа* "теряется", *гуланди ъуйи* "терялся" и т.д.

Наличие или отсуствие детерминативного суффикса позволяют выделить в диалектах и говорах агульского языка три группы. В первую группу входят диалекты, которые в инфинитиве содержат детерминативный суффикс. Это, как указано выше, кошанский, собственно агульский диалекты и цирхинский говор. Вторую группу образует гехюнский диалект, где детер-

минативный суффикс не представлен в инфинитивной форме, но появляется в деепричастии несовершенного вида и формах, образованных от него: *лик1ес* "писать", наст. общее: *лик1ендай*, настоящее конкретное: *лик1енди а*, прошедшее определенное: *лик1енди уй.* В керенском диалекте, хпюкском и фитинском говорах, составляющих третью группу, он не появляется ни в одной из форм.

ГЛАВА V.

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ВОСТОЧНОЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКАХ

Утвердилось мнение об ограниченности словообразовательных ресурсов дагестанских языков. Н.С. Трубецкой в одной из своих работ, рассматривая лексические сопоставления абхазо-адыгских и восточнокавказских языков, пишет: "Восточнокавказское слово содержит точно определенное число морфологических элементов, оно представляет собой внутренне отграниченное целое; словосложение встречается исключительно редко и не играет большой роли, равно как и словообразование, поскольку в принципе каждое самостоятельное понятие выражается столь же самостоятельным изолированным словом" [Трубецкой 1987 : 271]. В действительности возможности словообразовательного процесса в дагестанских языках слишком обширны, в том числе и словосложение не является столь редким явлением. Свидетельством тому — работы последних лет по данной проблематике [см. Гайдаров 1966; Алексеев 1988а; 1988б; Загиров 1987; Алиханов 1994 и др.].

Причиной, породившей мнение о скудости способов словообразования в дагестанских языках, является сложность (непроницаемость) их морфологической структуры. Приемы, используемые в индоевропеистике, здесь не всегда дают желаемого результата. Механическая экстраполяция их на дагестанский материал приводит к тому, что за "бортом" исследования остаются способы словообразования, которые представляют собой неотъемлемую часть языковой системы. Например, в восточнолезгинских языках довольно часто встречаются описательный способ словообразования [Магометов 1965 : 150-151; 1970а: 90-91], сложение основ и др. Особое место в словообразовании восточнолезгинских языков, как и в дагестанских в целом, занимают вопросы исторической деривации тесно связанные с морфологической структурой слова. К ним относятся такие способы сло-

вопроизводства, как префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный, конверсивный способ.

Определенное место в словообразовании восточнолезгинских языков занимают вопросы семантических преобразований слов, которые не нашли должного освещения в специальной литературе.

СУБСТАНТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

I. Суффиксальный способ словообразования

Данным способом образуются слова от глагольных и субстантивных основ. Некоторые из деривационных суффиксов выделяются на остове их варьирования при одних и тех же морфемах без реконструкции производящего слова. Детерминативные суффиксы выделяются исключительно структурно: у семантически идентичных слов способом аппликации (наложения) выделяется морфологический остаток, ср. аг. *йаб-ур* (кер.) "ухо" и лезг. *йаб* то же.

Среди существительных с суффиксом *-(V)л* (*V* — вокал) имеются такие, которые образуются от субстантивной основы: аг. *ракк* "дверь" *ракк-ал* (кош.) "порог". В собственно агульском диалекте основой для образования данного слова служит *ккурз-* (которое в этой форме не встречается): *ккуррз-ел* "порог". Как видно из примеров, если в первом случае семантическая связь между реалиями сохраняется: "дверь" → "порог" (от целого к части предмета), то во втором случае выделение словообразовательного суффикса является формальным: он вычленяется на основе сопоставления с формой *раккал*. Основа во втором случае *(ккурз-)* остается немотивированной.

В других случаях мотивирующая основа может быть представлена в одних языках, а производное слово — в восточнолезгинских или в тех и других. Так, например, мотивирующая основа *кIап* представлена в лезгинском и будухском языках, от нее образуется слово "скопище": лезг. *кIап* "сердцевина (яблока,

груши, айвы и т.п.)" → *кIanI-ал (*кIan-ал),* буд. *кIan* "косточка, семя" → *кIan-ал.*

От этой же основы при помощи экспрессивного суффикса -*ац* образуется в лезгинском языке и слово "курносый (о ребенке)": *кIan-ац.*

Нередко производящее слово находится за пределами языкового ареала лезгинских языков. Поэтому совершенно очевидно, что многие производные слова в восточнолезгинских языках находят мотивировку благодаря привлечения языкового материала других дагестанских языков. Так, например, лакское *мурхь* "дерево" служит производящей основой для табасаранского *мурхь-ул* "деревянная подпорка" и агульского *мурхь-ил* то же.

И сама мотивирующая основа *мурхь* в лакском языке оказывается производной, так как при сравнении с лезгинским *верхь* "осина" в ней можно выделить словообразовательный префикс – классный показатель (?). Ср. также ав. *рохь* "лес".

Известно, что префиксальные аффиксы в слове появились раньше суффиксальных. Так, из двух форм, имеющих общую корневую морфему, слово с префиксальным словообразовательным аффиксом предшествует форме с суффиксальным формантом.

В этимологических исследованиях еще не сближались такие слова, как "овца" и "ягненок", имеющие в восточнолезгинских языках общий корень. Словообразовательные аффиксы в них выделяются путем структурно-семантического сопоставления:

ср. аг. *maIp-чч* (← **maIp-кк')* (кош.), таб. *мар-чч* "овца" и аг. *кк'-ал,* лезг. *кк-ел*, таб. *чч-ил* (← **кк-ил* ← **кк-ел* ← **кк'-ал)* "ягненок".

Вероятность единиц с пространственной семантикой выступать в роли корневых морфем совершенно не учитывалась в научной литературе. Такая возможность открывает широкие перспективы перед этимологами и историками языка, позволяет, в первую очередь, скорректировать некоторые научные этимологии.

В самурских языках в качестве пространственного аффикса со значением "под", "вниз" употребляется звонкий заднеязыч-

ный смычный *г*, который здесь же выступает и в значении корневой морфемы. От данной корневой морфемы при помощи суффикса *-ал* образуется субстантив со значением "низменность": лезг. *кк-ал*, таб., аг., рут. *г-ал*.

Словообразовательный аффикс может быть получен и в результате обособления корневой морфемы. См. обособление слова *ул* "глаз" в самурских языках и его переход в деривационный суффикс: лезг. *къ-ул* "очаг", аг. *гъ-ул* "ниша в стене", цах. *гъ-ул* "окно". Настоящий суффикс, как показывают примеры, участвует в образовании слов, связанных с понятием "углубление". Ср. также таб. *ул-д* "окно", где *ул-* выступает мотивирующей основой.

Многие из существительных с настоящим суффиксом *(-Vл)* образуются от мотивирующих основ, общих с глагольными. Подобное соотношение глагольных и субстантивных основ наблюдается во многих языках [см. Талибов 1969 : 84-85]:

лезг. *къ-ун* "идти об осадках" → *къв-ал* "дождь";

аг. *угъ-ас* → *угъ-ал* то же, ср. также лак. *гъ-ар-ал* "дождь".

Такую типологическую параллель можно найти и в языках неродственных дагестанским, ср. аз. *йагъ-ыш йагъ-ыр* "дождь идет", русск. *дождь дождит* и др. Таким образом, данный процесс имеет универсальный характер;

аг. *жик-ас* "подметать" → *жик-ал* (кер.) "вьюга, метель". Этот способ словообразования построен на переносном значении слова, ср. русск. *мес-ти* (но *мет-ет*) → *мет-ель*;

аг. *áçI-ас* (кер.) "лить, поливать" → таб. *битI-ал* "протекание"; ср также ав. *тI-езе* "лить, полить".

Ряд субстантивов образуется от глагольных основ посредством деривационных суффиксов *-н, -р, -л*, которые исторически восходят к причастным аффиксам.

Агульский субстантив *йирхI-ун* "рана" образован от глагола *йирхI-ас* "бить, ударить". Преобразование глагольной семантики в субстантивную – "бить" → "рана" – может быть мотивировано как "след, оставленный после удара". Типологически такое развитие значения повторяют и другие дагестанские языки: лезг. *йа-гъ-ун* → *х-ер*, дарг. *бя-хъ-ес* → *дя-хъ-и* (← **дя-хъ-ий* ← **дя-*

хъ-ир). Ср. также ав., анд. *ру-гъ-ун* "рана", рут. *йы-х'-ын* "гнойная рана", цах. *о-х'-на*, крыз. *х-ыр* "рана".

При сравнительно-историческом исследовании словообразования важное место занимают вопросы семантических преобразований. Двойная референция производного слова – способность выражать, с одной стороны, собственное значение, а с другой, значение производящего слова, и на этой основе вскрывать по возможности всю сумму семантических связей, возникающих между производящим и производным словами, – является, на наш взгляд, главным, доминирующим в сравнительно-исторических исследованиях дагестанских языков в области деривации. Без выяснения семантических отношений, складывающихся между мотивирующей основой и ее производной, нельзя вскрыть механизм словообразовательного процесса.

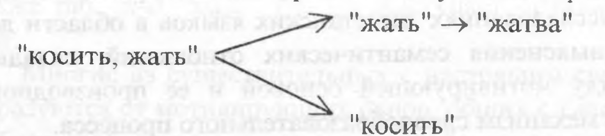
Во многих дагестанских языках слово "жатва" образовано от основы глагола "жать (колосовые)" посредством суффиксов *-н, -р,* исторически восходящих к причастным аффиксам: лезг. *г-уьн → гв-ен,* таб. *ув-гг-ус → йа-гг-ин* (дюб.), аг. *ихь'-ас → ихь'-ан* (кер.), дарг. *ирш-ес → арш-и.*

В рутульском языке данное производное слово образуется посредством нулевой аффиксации: *йиш-ин* "жать" → *йиш* "жатва".

Однако одним лишь выделением мотивирующей основы и деривационного суффикса не ограничивается процедура компаративного анализа. Для выявления семантической связи между словообразующим и словообразовательным словами часто требуется установление исходной семантики мотивирующего слова. "Для того чтобы рассмотреть результаты процесса, надо также знать его истоки и остальные звенья его протекания, а следовательно, обратиться к восстановлению всего этого процесса в целом" [Кубрякова 1981:97]. Так, к примеру, при установлении производящей основы слова "жатва" в восточнолезгинской подгруппе языков выясняется, что настоящая номинация образуется от разных глагольных основ – "косить" и "жать", исторически восходящих к синкретическому образованию, которое вбирает в себя эти значения. Такой вывод вытекает из сравнительно-

типологического исследования данного слова в других дагестанских языках. Оно показывает, что в некоторых языках (например, даргинском) данное слово наряду с "жать (колосовые)" обозначает еще и "косить": дарг. *иршес* "жать", "косить"; ср. также аг. *уцас* (соб. аг.) "жать", "косить". Это дает основание предположить, что в прадагестанском состоянии эти значения не были дифференцированы [Сулейманов 1996:106-107].

Семантическую модификацию синкретического глагола "жать, косить" и направление развития семантики производного слова "жатва" можно изобразить следующим образом:



В дальнейшем происходит дифференциация (специализация) этих значений:

ав. *лъ-и-лъ-изе* "жать (колосовые)", гунз. *но-ш-а*, лак. *тти-хI-ин*, арч. *э-лъ-ас*, лезг. *г-уьн*, таб. *ув-гг-ус*, аг. *и-хь'-ас*, рут. *йи-ш-ин*, цах. *хьи-ш-алас*, крыз. *йи-хь-едж*, буд. *су-хь-у* [СИЛДЯ 1971:248];

ав. *бе-ц-изе* "косить", лак. *ц-улун*, аг. *у-ц-ас*. См. также в этом ряду дарг. *балкIбур-ц-ес*, уд. *ц-апсун*, которые приводит Б.К.Гигинейшвили [1977:89]. Здесь же он ошибочно указывает лезгинскую форму *би-ч-инчи* "косарь", возводя ее к реконструированному им слову **би-ц-ин* "косить". Лезгинское *бичинчи* "жнец", "косарь" является заимствованием из тюркских языков.

В восточнолезгинской подгруппе наряду с синтетическими глагольными формами (типа ав. *лъилизе*) имеются и плеонастические: лезг. *гвен гуьн*, аг. *ихь'ан ихь'ас*, таб. *йаггин увггус* (букв. "жатву жать"). Последние, вероятно, были характерны для всех языков с **лъ*-основой, так как за пределами лезгинской языковой области такая форма встречается в даргинском: *арши иршес*. Отход от данной модели ("жатву жать"), видимо, можно считать вторичным явлением. Ср. наряду с аг. *ихь'ан ихь'ас* (кер.) (букв. "жатву жать") и форму *ихьен акьас* (тп.)(букв. "жатву делать"), аналогичную той, что приводит Е. А. Бокарев для

рутульского – *йиш гьыын* [1981:73]. См. также уд. *эх бесун* [СИЛДЯ 1971:248].

Кроме этих конструкций, имеются еще две. В одной из них глагольный компонент представляет собой синкретическое образование с обобщенным значением "косить-жать"; в другой конструкции именной компонент выступает с глаголом "жать":

а) ав. *хур бецизе* (карах.), аг. *ху уцас* (соб. аг., гех.) "жать поле" (букв. "поле косить-жать");

б) ав. *хур лъилъизе* (лит.), лак. *хъу ттихIлан*, лезг. *ник гуьн*, аг. *ху ихь'ас* (рич.) "жать поле" (букв. "поле жать").

Во многих случаях при сравнительно-историческом исследовании словообразования приходится прибегать к этимологическому анализу. Это продиктовано тем, что в дагестанских языках при компаративном исследовании деривации возникает необходимость выявления корневой морфемы, которая часто совпадает с производящей основой. Нередко это связано с утратой префиксальной части слова.

В восточнолезгинской подгруппе языков слова "мука" и "мельница" образованы от глагольной основы *рVгъ-* "молоть". Если в производном слове "мельница" производящая основа не претерпевает изменений или эти изменения являются незначительными, в виде чередований, то в слове "мука" префиксальная часть производящей основы выпадает и таким образом сохраняется лишь ее корневая часть.

Образование производного слова "мельница":

лезг. *регъ-уьн* "молоть" → *регъв* "мельница";

таб. *раьбгъ'-уб* → *раьгъ'-ин* ;

аг. *рух'-ас* → *рах'в.*

Как видим, в лезгинском и агульском языках производное слово образуется путем нулевой аффиксации. В табасаранском к производящей основе прибавляется деривационный аффикс *–ин*, который исторически восходит к причастному форманту.

Образование производного слова "мука":

лезг. *ре-гъ-уьн* "молоть" → *гъ-уьр* "мука";

таб. *раь-б-гъ'-уб* → *х'-у (← *х'-уй ← *х'-ур)*;

аг. *ру-х'-ас* → *х'-ур.*

На первый взгляд может создаться впечатление, что производное слово образовано от корневой морфемы производящего слова посредством словообразовательного суффикса *-р*, который восходит к причастному форманту. Однако данные агульских диалектов указывают на то, что слово образовано префиксально-суффиксальным способом и что префиксальная часть в указанных примерах утеряна. См. аг. *рахIу* (кош.) "мука", где префиксальная часть налицо. Ср. также крыз. *раьхIаьдж*, буд. *рахIадж* "мука". Утеряли префиксальную часть и рут. *х'ур*, цах. *х'у* то же.

От настоящей производящей основы *(рVгъ'-)* образовано и табасаранское *дах'-ин* "пшеница". В специальной литературе отсутствует указание на исходную основу данного слова и как возможный источник заимствования отмечается арабский язык [Алексеев, Загиров 1992:30].

Посредством деривационного суффикса *-н* от соответствующих глагольных основ образованы и производные слова "танец" и "работа".

Во многих лезгинских языках глагол "танцевать" имеет общую основу, см. таб. *йалхъ-*, аг. *лихъв-*, рут. *гьулхъв-*, арч. *хъеб-*. Но только в табасаранском и агульском языках от нее образуется производное слово: таб. *йалхъв-ан*, аг. *лихъ-ун* "танец".

Более широк словообразовательный диапазон глагольной основы "работать": таб. *лих-уз* → *лаьх-ин* "работа", аг. *лих-ан-ас* → *лих-ун*, ср. также рут. *лух-* → *лух-ун* "пóмочь". Предполагают, что и лезг. *кIва-лах*, рут. *гва-лах* "работа" в своем составе имеют ту же корневую морфему [см. СИЛДЯ 1971:147; Алексеев, Загиров 1992:50-51]. Начальный элемент *(гва-)* относят к превербу [см. Талибов 1960; СИЛДЯ 1971:147]. В действительности же лезг. *кIва-лах* (гюн.), *кква-лах* (ахт.) и рут. *гва-лах* являются сложными словами, состоящими из основ *гва- (кква-, кIва-)* и *–лах*, которые в отдельности представлены в арчинском и андо-цезских языках. Ср. арч. *гваgь* "коллективная работа ", анд., чам., хварш. *гвай*, бежт., гунз. *гваgьи* и кар. *тухала* "работа", чам. *мухи*, ботл., год. *муху*. Последнее имеет параллели в чеченском языке (*бгIлх* "работа"), а также в западнокавказских языках [см. Трубецкой 1987:278]. Настоящая основа

(*лVx/pVx*) представлена и в глаголах разных групп дагестанских языков: арч. *ирх-мус* "работать", таб. *лих-ус* (дюб.), *лих-уз* (канд.), аг. *лих-ан-ас*; дарг. *лухъ-ии* (чир.) то же.

Лезгинское словосочетание *ццан ццун* обозначает "пахать". Данная номинация не складывается из суммы составляющих ее компонентов – *ццан* и *ццун*, так как первый из них обозначает "пахота", а второй – "сеять". В лезгинском языке должны были иметь *ццан авун* "пахоту делать", то есть "пахать", как это представлено в других лезгинских языках, см. аг. *изан акьас*; таб. *изан апIуз*; уд. *ээ бесун*.

В лезгинских языках глагольная основа со значением "сеять" служит для дефиниции "пахота": лезг. *цц-ун* "сеять" → *цц-ан* "пахота": таб. *урдз-ус* → *из-ан*, аг. *уз-ас* → *из-ан*, рут. *йез-ес* → *йез-ал*; цах. *ээ-ас* → *ээ-вий*. В табасаранском языке в производном слове утеряна префиксальная часть.

Таким образом, выясняется, что для выражения понятия "пахать" нет производящей глагольной формы, такой, какую имеем у глагола "сеять". Поэтому для передачи данной номинации используется аналитическая форма, где именная часть представляет собой производное слово, образованное от глагольной основы "сеять" при помощи суффикса *-ан*: таб. *изан апIуз*; аг. *изан акьас* "пахать". Лезгинская модель этого слова отличается от табасаранской и агульской. Лезгинское *ццан ццун* является ничем иным, как семантическим "перевертышем". Сначала *цц-ун* "сеять" дает *цц-ан* "пахота", затем от данной основы образуется "пахать": *ццан ццун*. Эти словообразовательные отношения можно объяснить тесной связью этих процессов в производственной деятельности, и поэтому "связь между морфемами в морфологической структуре деривата – это только проекция тех связей, которые человек обнаруживает первоначально не между знаками как таковыми, а между предметами и явлениями окружающего его мира (с их знаковыми обозначениями) и которые он фиксирует и закрепляет в акте наречения" [Кубрякова 1977:252; 1981:97].

От основы слова *ццун* "сеять" в восточнолезгинской подгруппе образуется и слово "семя, косточка (плода)": лезг. *цц-ил*, таб. *цц-ил, д-ил (← *дз-ил)*.

Посредством деривационных суффиксов *-ин, -ил* от глагола "пилить" образовано слово "пила" в табасаранском и агульском языках, при этом в агульском языке производящее слово отсутствует:

таб. *даьрх'-уз* "пилить" → *дурх-ин* "пила", аг. *дурах-ил*. Сюда же можно отнести и рут. *дерхил-ак*, которое наращивается суффиксом *-ак*. Слово "пила" в специальной литературе возводят к периоду, предшествовавшему нахско-дагестанскому состоянию [см. Хайдаков 1973:88].

Для раскрытия механизма словообразовательного процесса большое значение имеют диалектные данные. По диалектам одни и те же значения могут передаваться разными способами: описательным и синтетическим. Так, в собственно агульском диалекте номинация, которая обозначает "поворот", передается описательно и буквально обозначает "повернувшееся место" (*фаруца ус*); в кошанском диалекте данное слово образовано от глагольной основы со значением "крутиться" при помощи суффикса *-ун*: *алалц-ан-ас → алалц-ун*.

В некоторых случаях на первый взгляд кажется, что между производящим и производным словами нет видимой смысловой связи. Что, скажем, общего между словами "дорога" и "пирог"? Но последнее мотивировано словом "дорога", потому что невеста, выходя замуж, берет с собой (то есть в дорогу) пирог: аг. *ракъ'* "дорога" → *ракъ'-ун* (хп.) "пирог, который невеста берет с собой в дом жениха" (то есть предназначенный для дороги).

Можно усмотреть семантическую связь и между словами "ворот" и "ярмо", объединяющимися общей семантикой "то, что находится у шеи": аг. *хIав* "ворот" → *хIав-ун* "ярмо" (дул.).

В кошанском диалекте (речь села Арсуг) словом *тIул-ан* называется корзина, но не всякая, а та, что сплетена из прутьев (*тIул* "прут").

Большое место в словообразовании восточнолезгинских языков занимает способ конверсии (при широкой трактовке).

Часто глагольная основа (корень) служит для образования субстантива. Этот переход осуществляют деривационные суффиксы *-л, -м, -н, -р,* которые исторически восходят к причастным (адъективным) формантам. В таких субстантивированных причастиях сохраняется процессуальный признак.

От глагольных основ при помощи деривационного суффикса *-л* образуется ряд субстантивов, семантическая связь которых с производящей основой прозрачна:

лезг. *цц-ун* "шить" → *цив-ал* "шов".

Эту же модель образуют табасаранский и агульский языки, где представлены другие основы:

таб. *бирх-уз* "сшить" → *бирх-ал* "шов";

аг. *дукь-ас* "шить" → *дукь-ум* "шов", ср. также дарг. *иб-ес* "шить" → *иб-ала* "шов".

Корневая морфема *-х-* в восточнолезгинских языках является полисемантической и участвует в образовании таких глаголов, как "ткать", "вязать", "плести": лезг. *х-ур-ун*, таб. *уб-х-уз*, аг. *ру-х-ас*. Настоящий корень восходит к общелезгинскому состоянию [см. Алексеев, Загиров 1992:69-70; 72], о чем свидетельствуют данные других лезгинских языков, где эти значения в отличие от восточнолезгинских языков разобщены:

рут. *хырхас* (редуплицированная основа) "вязать", "ткать", цах. *гьоъохарас* "вязать", *хъехас* "ткать", буд. *чуху-цIу* "прясть", *сохy* "ткать", крыз. *хырыдж* "ткать", арч. *хуммус* "вязать".

Таким образом, можно сказать, что в пралезгинском состоянии данная глагольная основа носила полисемантический характер, имела значения "ткать", "вязать", "плести", а в табасаранском языке настоящий глагол приобретает и значение "шить".

От указанной глагольной основы образуется еще одна номинация, выраженная субстантивом:

лезг. *хур-ун* (← **рух-ун*) "ткать" → *рух* "палас";

таб. *убх-уз* "ткать" → *барх-ал* "палас";

аг. *рух-ас* "ткать" → *берх-ел* "палас".

В лезгинском языке слово образуется посредством нулевого аффикса, в табасаранском и агульском – префиксально-суффиксальным способом.

Подобно лезгинскому языку безаффиксальным способом образуется от глагольной основы "ткать" и даргинский субстантив "ткань":

буш-ес "ткать" → *берш* "ткань". Инфиксальный *-р-* здесь, очевидно, является видовым элементом.

Ряд субстантивов в восточнолезгинских также образуется от глагольной основы посредством суффиксальной морфемы *-л-* или безаффиксальным способом:

лезг. *эчI-ин* "полоть" → *эчI-ел* "сорняк".

В табасаранском языке при конверсии глагольной основы субстантив утрачивает префиксальную часть:

таб. *вуб-чI-ус* "полоть" → *чI-ал* "плевел" (хан.).

В агульском языке глагол "полоть" имеет аналитическую конструкцию, которая состоит из *чIал* "прополка" (причастная форма) + *акьас* "делать". Субстантив образуется безаффиксальным способом от именной части: *чIал акьас* "прополоть" → *чIал* "плевел".

Подобную модель образуют и другие дагестанские языки, в которых также имеется семантическая корреляция "полоть" → "прополка":

дарг. *бирцI-ес* "прополоть" → *бирцI-ни* "прополка";

ав. *чIар-азе* "полоть" → *чIар-ай* "прополка".

В некоторых случаях производящее (мотивирующее) слово – глагол в языках может и отсутствовать, но производное – субстантив стоит в одном ряду с языками, где соотношение этих основ налицо:

аг. *итI-ас* "привязать" → *итI-ул* "узел";

лезг. *к-утI-ун-ун* "завязать" → *тIв-ал* "узел", рут. *йитI-ал*, цах. *йутI-ал* id.;

аг. *зирф-ас* (кош.) "просеять" → *зерф-ел* "сито", лезг. *саф* "сито", таб. *сиф*, рут. *сиф* то же.

В лезгинском и табасаранском слово образуется путем нулевой аффиксации.

Ср. также в других дагестанских языках соотношение данных основ:

ав. *цIалкI-изе* "просеять" → *цIалкI-у* "сито";

лак. *кIучI-ин* "просеять" → *кIурчI-лу* "сито".

Нередки случаи, когда производящее слово приобретает переносное значение и от последнего образуется производное субстантивное слово.

Глагол "гореть" в восточнолезгинских языках семантически модифицируется в "чесаться, зудеть":

лезг. *ккун* "гореть" → *ккун* "чесаться, зудеть";

таб. *вубгуз* "гореть" → *вубгуз* "зудеть";

аг. *угас* "гореть" → *угас* "чесаться, зудеть".

Данное метафорическое значение глагола "чесаться, зудеть" лежит в основе образования субстантива "чесотка, зуд":

лезг. *кк-ун* "чесаться, зудеть" → *ккв-ал* "зуд";

таб. *вубг-уз* "зудеть" → *вуг-ел* "чесотка";

аг. *уг-ас* "чесаться, зудеть" → *уг-ал* "зуд, чесотка".

При выделении словообразовательных суффиксов имеет значение и формальное выявление деривационных аффиксов, осознаваемых как значащие элементы слов. Так, в следующем ряду лексем лезг. *къул* "очаг", аг. *гъул* "ниша в стене", рут. *гъул* "дыра", "окно", цах. *гъул* "дыра", "окно" можно формально выделить деривационный суффикс *-л*. Выделение данного суффикса оправдано и семантически, так как все эти слова объединяет общее значение "углубление", "проем", которое мы связываем с корневой морфемой *къгъ*. Семантически с указанным рядом слов увязывается и лезгинский глагол *эгъюн* "рыть, копать". Транспозиция *эгъюн* "рыть" → ("рытвина" →"углубление")

→ *къул* "очаг" совершенно очевидна[1].

Как считают М. Е. Алексеев и В. М. Загиров, значение данных лексем могло развиться из "нора", "отверстие" с дальнейшей семантической модификацией в "селение" (←"очаг" ← "ниша"): таб. *гъул* [Алексеев, Загиров 1992 : 23], сюда же и аг. *гъул* (кош.) "селение".

В ряде случаев при транспонировании производящая основа подвергается структурным изменениям, касающимся ее префиксальной части. Как правило, это локальные морфемы и показатели грамматических классов, которые при транспонировании или утрачиваются производной основой, или же присоединяются к ней:

лезг. *ку-тI-ун* "завязать" → *цI-ил* "веревка";

таб. *илиб-тI-уз* → *тI-ур-ин*;

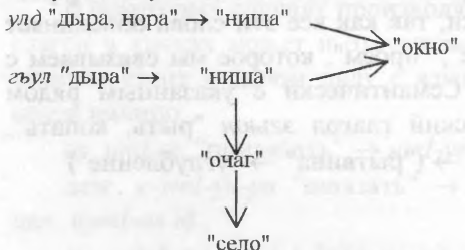
аг. *и-тI-ан-ас* → *тI-ил* "веревка (вообще)", *га-тI-ил* "веревка (средней толщины)".

Встречаются модели, в которых производящей основой служит моноконсонантная корневая морфема с пространственной семантикой. В лезгинских языках согласный *г* выступает с пространственно-направительным значением "вниз, внизу, под"

---

[1] Интересно, что у П.К.Услара табасаранское слово *улд* встречается как многозначное: наряду с значением "дыра, нора" приводятся толкования "ниша" и "окно" [см. Услар 1979:929]. Такое полисемантическое развитие значений в слове могло возникнуть на основе сходства указанных объектов.

См. развитие у внешне сходных объектов и идентичных значений:



В отличие от слова *улуд*, в котором развитие значений довольно прозрачно, в слове *гъул* в восточнолезгинских языках (табасаранский, агульский) возникает и вторая линия значений – "ниша" → "очаг" → "село".

в качестве серийного показателя и преверба. В восточнолезгинских языках от настоящей морфемы посредством суффикса *-ал* образуется слово "низменность": таб., аг. *г-ал*, лезг. *кк-ал*; ср. также рут. *г-ал* то же.

Настоящая деривационная морфема *(-ал)* реконструируется на общедагестанском уровне, на что указывают следующие примеры:

арч. *кьв-ал* "подпруга";

буд. *кIап* "косточка, семя" → *кIап-ал* "скопище"; лезг. *кIап* "сердцевина (яблока, груши и т. п.)" → *кIапI-ал* (← **кIап-ал*) "скопище, кучка", аг. *кIапIал* "скопище";

лезг. *ччад* "кузница" → таб. *жад-ал* "наковальня";

уд. *кIов-ал* "палка, дубина", ср. аг. *кI-ур* "палка";

ав. (карах.) *кIул* "ключ" → *кIул-ал* "замок".

Нередко для выделения словообразовательного аффикса приходится апеллировать к языкам, распространяющимся в полярно противоположных полюсах дагестанского ареала, где сохранились производящие основы, см. ав. *хьухь-изе* "вязать" → аг. *хьухь-ал* "рукавица, перчатка".

В лезгинских языках многие имена существительные образуются при помощи морфемы *-ар*, которая в определенных случаях формально и семантически соотносится с аффиксом множественности. Посредством данного форманта образуются имена существительные, являющиеся совокупностью каких-либо звеньев, частей целого, семантически соотносимые с суммой однородных предметов. Например, возьмем аг. *къедар* "широкая деревянная ступенька" → *къедар-ар* "широкие деревянные ступеньки" → *къедар-ар* "деревянная лестница с широкими ступеньками". Соотнесенность суффикса *-ар* с множеством предметов в данном случае очевидна. Не утрачена связь с выражением множественности суффиксом *-ар* и в таких примерах, как аг. *лек* "нога" → *лек-ар* "ноги" → *лекар* "обувь", лезг. *ппек* "тряпка" → *ппек-ер* "тряпки" → *ппекер* "одежда", аг. (кош.) *ккуртт* "рубашка" → *ккуртт-ар* "рубашки" → *ккурттар* "одежда", буд. *хIани* "бык" → *хIан-ар* "быки" → *хIанар* "упряжка", лезг. *ких*

"крючок" → аг. *кухI-ар* 1) "серебряная цепочка с крючками для женского головного убора"; 2) "крючок для ловли рыбы", но все же она слабее, чем в первом случае. В таких примерах, как аг. *рукь* "железо" → *рукь-ар* "висячий замок" связь форманта *-ар* со множественным числом ослабляется еще более.

Такая двуплановость указанного аффикса – с одной стороны выражать множество предметов, а с другой – образовывать новые реалии от названий предметов, складывающихся в одно целое, – детерминирована самой системой словообразования, очевидно, общей для всех дагестанских языков [Сулейманов 1988]. Ср. ав. *махх* "железо" → *махх-ал* "сошник", дарг. (речь села Чираг) *къатта* "ступенька" → *къатта-ппи* (← **къатта-би*) "ступеньки" → *къаттаппи* "лестница". Аварский формант *-ал*, даргинский *-ппи/← *-би/*, как и *-ар* в лезгинских языках, наряду с функцией множественного числа выполняют и словообразовательную функцию. Такую типологическую параллель можно найти и в других дагестанских языках:

анд. *реша* "дерево", мн. ч. *реш-обил* = "лес";

ахв. *руша*, мн. ч. *руша-ла* = "лес";

чам. *вогьа*, мн. ч. *вогь-бе* = "лес";

тинд. *рогьа*, мн. ч. *рогьа-би* = "лес", "жердь";

таб. *гьар*, мн. ч. *гьар-ар* = "лес" [Сулейманов 1997в : 202].

Р. И. Гайдаров такой способ образования слов называет способом обособления. В качестве премеров из лезгинского языка им приводятся *сур* "могила" → *сур-ар* "кладбище"; *гатфар* "весна" → *гатфар-ар* "яровые культуры" и т. д. [1991 : 28].

Возвращаясь к вопросу о так называемых "формах множественного числа" необходимо выяснить один немаловажный с точки зрения исторической деривации момент. Дело в том, что способ образования посредством суффикса множественного числа некоторых реалий имеет типологическую основу. Оформление ряда наименований суффиксом множественного числа с современной точки зрения не поддается объяснению: эти наименования не состоят из суммы однородных предметов, как представлено выше, но при этом образованы по единой модели. Можно было бы в данном случае говорить об омонимии аффик-

са, создающего новое понятие, но этому препятствует то обстоятельство, что аффиксы плюралиса по языкам материально расходятся. Поэтому утверждать наличие единого с материальной точки зрения аффикса, оформляющего мотивирующую основу в дагестанских языках, в данном случае не приходится:

аг. (рич.) *mIуб* "палец" → *mIуб-ар* "наперсток"; аг. (бурш.) *mIу* → *mIув-ар*;

буд. *mIил* → *mIил-ибе* / *-имбер*;

анд. *цIцIекIа* → *цIцIекI-обил*;

ахв. *ункIа* → *у"кI-и*;

беж. *зокьо* → *зокьо-бо* и т. д.

Семантическое выражение формантом *-ар* множественности совершенно не обнаруживается, и за ним закрепляется деривационная функция, ср. аг. *багв* "бок", "сторона", *багв-ар* "бока", "стороны" и *багв-ар* "некачественная мука, собирающаяся позади жернова"; таб. *хураг* "кушанье", *хураг-ар* "кушанья" и *хураг-ар* "кухня". В словах *багвар* "некачественная мука, собирающаяся позади жернова" и *багвар* "бока", "стороны", *хурагар* "кухня" и *хурагар* "кушанья" формант *-ар* выполняет разную функцию: в первом случае – словообразовательную, во втором – выражает множество предметов, объединенных общим значением. Слова *багвар, хурагар,* образованные посредством словообразовательного аффикса, не состоят из "бок", "сторона" плюс "множество" и "кушанье" плюс "множество", а выражают совершенно новые понятия. Они отличаются от значений производящих основ, но входят в одно семантическое поле, в противном случае приходилось бы говорить об основах, омонимичных между собой, ср. лезг. *йар-ар* "зори" и *йар-ар* "любимые, возлюбленные".

Такая специализация форманта *-ар* при создании новой реалии от производящей основы возникает в случаях абстрагирования. Новые слова, созданные при помощи деривационного суффикса *-ар*, обнаруживают разную степень семантической связи с производящей основой. К примеру, она может быть основана на внешнем сходстве объектов: лезг. *дакI-ар* "окно", аг. *mIаг-ар*, ср. лезг. (гюн.) *mIаг* "ниша в стене". Хотя в специальной литературе существует иное мнение относительно аффикса -

ар. Настоящая морфема привлекла внимание лезгиноведов в связи с оформлением двойным аффиксом *-ар* лексем, подобных слову "окно", во множественном числе. Впервые в собственно лезгинском языке предпринимаются попытки "определить семантическую принадлежность имен, располагающих названными формами множественности" [см. Мейланова 1985 : 55]. Один из дублетных аффиксов в словах, обозначающих парные названия предметов, части строений, предметы обихода и т. д., квалифицируется как показатель ограниченного множественного (двойственного) числа [Там же : 56]. В качестве примеров приводятся слова: *рак* "дверь" → *ракIар* → *ракIарар*; *тIакIар, дакIар* "окно" → *дакIарар*; *тIанIар, данIар* "замок" → *данIарар* и др. Отмечается, что такие "формы, уже имеющие аффикс множественного числа *ар*, можно еще раз поставить в форме множественного числа и тогда понятия *дакIарар*, *данIарар* воспринимаются как выражающие множество предметов того же названия" [Мейланова 1970 : 106].

Данное положение оправдывает себя в случаях, когда речь идет о существительных, семантически соотносимых с суммой однородных предметов. Но имеется ряд существительных с суффиксом *-ар*, по своей семантике не соотносящихся с парными предметами или их множеством, складывающимся в одно целое. В этом случае имеем дело с историческим деривационным суффиксом, семантически не связанным с множеством предметов, а лишь формально совпавшим с аффиксом множественного числа: лезг. (гюн.) *тIаг* "ниша в стене" → *дакIар* "окно" [Сулейманов 1981:104], лезг. *тIаб* "деревянный засов" → *тIанIар* "замок", аг. *тIаб* "мышеловка" → *тIабар* "капкан, ловушка"; "замок (деревянный)" [Сулейманов 1993а : 94].

Показатель *-ар* в качестве словообразовательного аффикса для пралезгинского состояния выделяет и М.Е.Алексеев [1985 : 109].

Ценность сравнительных исследований на базе деривации заключается в возможности членения слова на более мелкие составные части, не выделяемых при синхронном анализе. В агульском языке слово *путар* "грива" не делится на составные

части, но лезгинское слово *пыт* (ахт.) "коса" при сравнении с агульским материалом дает возможность выделить в последнем словообразовательный аффикс *-ар*.

Сравнительный же анализ родственных языков делает возможным в лезг. *экIер* "тонко раскатанное тесто" выделить деривационный суффикс *-ер*, ср. аг. *экI'* "пшеница", лезг. *икIи* "солод", ср. так же дарг. *анкIи/анчIи/ачIи* "пшеница", лак. *лачIа* "пшеница".

Встречаются слова, в которых производящей основой служит лексически неоформленная корневая морфема, обычно, соотносящаяся с морфемой локальной семантики. То, что лексемы, образованные от указанных морфем, представляют собой наиболее древний пласт лексики, не вызывает сомнения. Поэтому в языках они имеют деклинационные словообразовательные ряды. См., например, реализацию морфемы **кьI (→ тI, кI, кь)* "на" / "наверху" как словообразующей основы слова "голова" в дагестанских языках:

ав. *бе-тI-ер*, дарг. *би-кI, бе-кI*, лак. *ба-кI*, лезг. *кь-ил (← *ви-кь-ил)*, цах. *ви-кI-ул*, уд. *бу-л (← *бу-ул)*, хин. *ми-кI-ир (← *ви-кI-ир)*.

В лезгинских языках на семантической основе между словами "голова" и "колос" складываются отношения производности:

лезг. *кьил* "голова" → *кьил* "колос", таб. *кIул* "голова" → *кIул* "колос", аг. *кIил* "голова" → *кIил* "колос" (кош.), крыз. *кьыл* "голова" → *кьыл* "колос".

В даргинском (речь села Чираг) развитие значения *бекI* "голова" → "колос" – результат влияния, очевидно, лезгинских языков, так как в северо-западном ареале распространения дагестанских языков слово "колос" образуется от указанной корневой морфемы посредством деривационного суффикса:

ав. *тI-ор* "колос", анд. *кьI-ора*, ахв. *кьI-ара*, цез. *кь-ара*, лак. *чI-али (← *кI-али)*.

Агульское *кIетI* "колос", рутульское *гьтI (← *кIытI)* и цахурское *гитI' (← *кIитI')* то же являются сложными образова-

ниями, состоящими из семантических синонимов, которые материально восходят к прадагестанскому *кьI.

Если при одной и той же основе (корневой морфеме) варьируют суффиксы, создавая новые реалии, то последние с полным основанием можно считать деривационными аффиксами. При этом обязательным условием является наличие сходных значений у слов, образованных подобным способом. Отсутствие данного признака у рассматриваемых слов свидетельствует об омонимии основ. Так, модифицированная семантически и фонетически общедагестанская морфема *лIъ в форме *ч (← к')* [см. Сулейманов 1992а : 118] в восточнолезгинских языках выступает в качестве производящей основы, к которой присоединяются деривационные суффиксы:

таб. *ч-еъ* "росток";

таб., аг. *ч-ар* "всходы (посева)"

Здесь выделяются корневая морфема *ч-* и словообразовательные суффиксы *-еъ* и *-ар*. Первая имеет локально-направительную семантику "на" / "вверх". См., например, дарг. *че* (мег.), *ке* (губ.) "на", *чии-ле* (кубач.) "наверх" [Магометов 1983 : 199; 1963 : 245].

Часто для определения отношений производности приходится проводить этимологический анализ, что требует выделения не только деривационного аффикса, но и корневой морфемы, с которой варьируют различные префиксальные и суффиксальные аффиксы.

Производящей основой для табасаранского *мудур* "козленок" служит таб. *муй* (← **мур* ← **муд*) "дикая коза". От данной основы образуются и аг. *мудур* "козленок", рут. *мытыл*, арч. *мотол*. В удинском и будухском языках в качестве производящей основы выступает корневая морфема: буд. *т-ил* "козленок", уд. *т-ул* "детеныш животных и зверей". Таким образом, сопоставляя таб. *муй* (← **муд*) и буд. *тил*, уд. *тул*, можно прийти к заключению, что и табасаранская форма является также производной, состоящей из префиксальной части, исторически являющейся деривационным аффиксом, и корневой морфемы (*му-д*).

Данная корневая морфема встречается также в основе слов, относящихся к разряду родственных связей, таких, как "внук", "правнук", "праправнук", ср., например, лезг. *х-тт-ул* "внук", *ш-тт-ул* "правнук", *п-тт-ул* "праправнук"; таб. *ху-тт-ул* "внук", *гу-д-ул* "правнук"; аг. *ху-тт-ул* "внук"; рут., цах., крыз. *хы-д-ыл*; хин. *хы-д-ыл* "внук", *гы-д-ыл* "правнук", *шы-д-ыл* "праправнук". Семантическая связь между словами "детеныш" и "внук", "правнук", "праправнук", по всей вероятности, основана на выделении возрастного признака. Первоначально понятия "внук", "правнук", "праправнук" воспринимались как "дети во втором, третьем и четвертом поколениях", а впоследствии и как, "потомки как младшие, так и старшие во втором, третьем и четвертом поколениях". В связи с этим ср. сопоставление материалов дагестанских и картвельских языков, в которых генетически общим является корневая морфема, выступающая в лексемах "ребенок"; "детеныш животных и зверей"; "птенец" [см. Джейранишвили 1958].

В лезгинских языках слово *хттул* является многозначным: кроме понятия "внук", обозначает еще и "племенник". Очевидно, эти значения для данной лексемы являются исходными [ср. СИЛДЯ 1971 : 129]. Развитие в аварском и цезском *гьудул* значения "друг" представляется вторичным.

В случаях, когда в диалектах или языках имеются две формы одного слова, одна из которых усечена, необходимо выделить суффиксальную часть как историческую словообразовательную морфему: лезг. *йаб*, аг. *йаб-ур* (кер.) "ухо"; аг. *гIуй* (соб. аг.), *гIуй-ир* (кош.) "бутень кавказский"; *кьацу, кьуц-ур* "сума из кожи".

Если одна и та же реалия передается разными лексемами, но при этом последние оформляются одним и тем же суффиксом, то и в этом случае его можно квалифицировать как деривационный аффикс: аг. *кьул-ар* (соб.аг.), *ацвар-ар* (кош.) "весы". Производящей основой для первой лексемы служит *кьул* "доска" (раньше чаши весов были деревянные), а для второй – глагольная основа *алц-*, ср. аг. *алц-ан-ас*, лезг. *алц-ум-ун* "взвешивать", "мерить".

Разные слова – абсолютные синонимы могут при помощи одного и того же словообразовательного аффикса образовывать одно и то же наименование, как это имеет место в диалектах агульского языка: аг. *тIаб* (соб. аг.), *гурд* (кош.) "пень, чурбан, кряж", ср. производные от них *тIаб-ар, гурд-ар* "деревянный замок". Ср. также лезг. *тIаб* "колода" → *тIапI-ар* "замок висячий", ав. *гуд-ур* "капкан".

В контексте словообразовательный аффикс может и не употребляться, ср. аг. *тIабар гъахъас* (соб.аг.) "поставить мышеловку, капкан", но *тIаб хъикIас* (соб. аг.), *гурд алайхьис* (кош.) "запереть" (вместо *тIабар хъикIас, гурдар алайхьис*). Такое состояние, очевидно, вызвано постепенным стиранием (ослаблением) значения производящего слова. Этим, наверное, и объясняется то обстоятельство, что формы с маркировкой и без нее по языкам варьируют, см., например, аг. *шутI* "щипок", таб. *шутI-ум* "щипок, щепотка"; буд. *кьан,* лезг. *кьен-ер* "узда". В агульском языке данное наименование образует сложное слово (*шилкь'ан*), состоящее из *шил* "след" + *кь'ан* "узда". Впрочем, значение второго компонента может быть передано и как "плеть" (стебель ползучих растений), см. лезг. *кьен* в этом значении.

Дагестанские языки при словообразовании проявляют высокую степень семантической трансформации и большую подвижность составных частей слова. Корневая морфема, очутившись в орбите деривационного процесса, реализует различные стороны своих лексических возможностей. Это ядерная морфема, которая обрастает префиксальными, инфиксальными и суффиксальными элементами. Большое место среди префиксально-суффиксальных компонентов занимают словообразовательные аффиксы. Одна и та же корневая морфема в диалектах одного языка или в разных языках может присоединить префиксальный, суффиксальный или префиксально-суффиксальный аффикс и образовать одно и то же слово или в зависимости от префиксальных и суффиксальных аффиксов образовать разные слова. Так, к примеру, при образовании слова "голова" варьируют три вида словообразования:

а) префиксальный: дарг. *би-кI*, лак. *ба-кI*;

б) суффиксальный: лезг. *кь-ил*, таб. *кI-ул*, аг. *кI-ил*, рут. *кь-ул*;

в) префиксально-суффиксальный: ав. *бе-тI-ер*, цах. *ву-кI-ул*.

Один и тот же корневой элемент может наращиваться и префиксом – классным показателем и суффиксом, которые выполняют роль деривационных аффиксов. В лезгинском и агульском языках в слове *руг* "земля, пыль" выделяется префикс – классный показатель *р(у-)*, который выполняет роль словообразовательного аффикса. Выделение указанного префикса обосновано тем, что в словах с тем же корневым элементом *-г-*, но уже с деривационным суффиксом, он исчезает, например: аг. *г-ур* "миска", лезг. *кк-ур* "миска, тарелка", лак. *кк-ул* "глиняное блюдце" [см. Сулейманов 1988 : 83].

Корневая морфема может реализовать различные семы, и в зависимости от этого складываются различные лексические значения. В этом смысле примечательно слово "мост" в лезгинских языках, которое реализует сему со значением "перемычка", и на этой основе образуется значение "лестница": таб. *къ'ар* "мост" → *къ'ар-ар* "лестница (передвижная)". Лексема *къ'ар* (← **къ'ад*), в свою очередь, является производной, см. участие словообразовательного аффикса в префиксальной и суффиксальной частях: таб. *къ'ар* "мост", аг. *му-гъ'*, лезг. *муь-гъ*, рут. *гъ'-а* (← **гъ'-ай*), цах. *йы-гъ'*, крыз. *къ-ов*. Для общей теории лингвистики имеет значение то обстоятельство, что морфема *къ, гъ* (← **кьI*) со значением "вверх" – несомненно, генетически общая с корневой морфемой, выступающей в слове "мост", – может проявляться как в роли корневой, так и деривационной, ср. лезг. *къ-ав* "крыша", таб. *къ-уй*, ср. также ав. *тI-ом*, анд. *л-ом*, беж. *кь-ама*, но аг. (гех.) *хала-гъ* (*хал* "дом, комната" + *гъ* – словообразовательный аффикс, соотносящийся с пространственной морфемой со значением "вверх"). Типологическая параллель последней модели отмечается в даргинском языке: *хъал-ч*, где *хъал(и)* – "дом, комната" и *ч* – словообразовательный аффикс, который восходит к локальной морме со значением "вверх".

Исследование словообразовательного процесса в широком контексте позволяет констатировать, что любое изменение значения слова можно рассматривать как создание новой деривационной единицы на основе семантической трансформации. Ср., например, лезг. *кIвар* "впадина, лунка" и таб. *кIвар* "межа", аг. *кквар.* Необходимо выяснить, какое из этих значений является первичным (исходным) и какое вторичным. Сближение этих значений могло произойти на базе общей семантики. Сама лексема "межа" могла семантически соотноситься со словом "борозда" и иметь форму вспаханной борозды. Следовательно, поиск необходимо вести в направлении, по которому шла семантическая трансформация: "впадина, лунка" → ("борозда") → "межа". Ср. также конверсивную форму, образованную от глагола в лезгинском языке: *атIун* "резать" → *атIун* "межа", а также аг. *атI-ас* "резать" → *атI-уб* "межа, граница", которые образованы от глагольной основы при помощи суффикса масдара.

В отличие от предшествующих словообразовательных суффиксов суффикс -(*V*)*м* менее продуктивен. Он участвует в образовании субстантивов от существительных и редко от глаголов.

В агульском языке посредством деривационного суффикса -*м* от производящего слова "дерево" образуется новая номинация. Производящее слово в агульском языке не представлено, оно имеется в других лезгинских языках: лезг. *ттар,* крыз. *дар,* буд. *дэр* "дерево" → аг. (кош.) *дур-ем* "засов". В агульском языке данное слово (*дар*) имеет несколько иное, обобщающее значение "лес", что, несомненно, является вторичным ("дерево" → "лес").

Производящая основа претерпевает структурные изменения, которые затемняют семантику слова. В агульском слове *кIаре-шум* "древесный уголь" произошло наращение -*ре,* которое по всей вероятности, является вербальным суффиксом. Отношения производности у данного слова складываются не со словом *кIареф* "черный", как на первый взгляд может показаться, а со словом *кIаш* "палка". В качестве деривационного суффикса выделяется -*ум.* Варьирование последнего слога в слове "древесный уголь" в других самурских языках косвенно свидетельствует о

правильной классификации его в качестве деривационного суффикса: рут. *кIаш* "посох", *кIаш-ен* "древесный уголь"; крыз. *кIаьш* "палка", *кIаьш-ин* "древесный уголь"; буд. *кIэш* "большая палка чабана", *кIэш-ыл* "древесный уголь", ср. также лак. *кIалаш* (← **кIаш-ал*) "древесный уголь".

На основе вариации конечных слогов можно выделить словообразовательный суффикс и в слове "пробор": аг. (хп.) *ъ'ачI-ум*, лезг. *кьечI-ем*, но ср. аг. (тп.) *ъ'атI-уб* то же.

Отношения производности у следующей пары слов устанавливается на основе конверсии, при которой от глагольной основы посредством суффикса *–ум* образуется имя существительное: аг. *дукь-ас* "шить", *дукь-ум* "шов".

Указанный деривационный аффикс (*-м*) служит и для образования субстантива от имени существительного: таб. *тIил* "веревка", "канат", *тIир-им* (← **тIил-им*) "веревочка".

В табасаранском слове *ургам* "тулуп, шуба" выделяется деривационный суффикс *-ам*. Здесь производящее слово *ург* не сохранилось, но употребляется в других языках: аг., рут., цах. *ург* "ягненок (от нескольких месяцев до года"[2]. Такое или сходное семантическое преобразование знакомо и другим дагестанским языкам, см., например, образование этих лексем в одном случае при помощи префикса, а в другом – суффикса от одной и той же основы в бежтинском языке (с.Хошар-Хота): *би-лI* "овцематка", *лI-ар* "тулуп, шуба".

Значительное место в монографии "Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков" отводит словообразованию пралезгинского состояния М.Е.Алексеев [1985 : 108-123]. Среди исторических деривационных суффиксов субстантивов как наиболее продуктивные им отмечаются суффиксы *-л*, -

---

[2] Настоящее отношение производящего и производного в специальной литературе рассматривается как "отношение предмета и материала, из которого сделан предмет" [Загиров 1987: 127]. В этом ряду отношений производности стоят и лезг. *хъиццикь*, таб. *гъидикь*, агул. *кьудакь*, рут. *кьыдыкь*, арч. *кьонкь* "кожа, шкура, овчина" при будухском производном *къинджекь* "бурдюк" [Там же].

р и *-н*, служившие для образования имен существительных от глаголов.

В качестве примеров приводятся:

с суффиксом *-л*: пралезгинское **йетIал* "связывать" → лезг. *тIвал*, аг. *итIул*, рут. *йитIал* "узел"; пралезгинское **ъацIцIа* "болеть" → пралезгинское **ъацIцIа-л* "боль, болезнь": лезг. *тIал*, аг. *иттал*, рут. *йаьддал*; пралезгинское **ъокъва* "идти (о дожде)" → пралезгинское **ъокъва-л* "дождь": лезг. *къвал*, аг. *угъал*, рут. *гьугъвал*, уд. *агъала*. Исторический словообразовательный суффикс *–ал* в этом ряду выделяет и Б.Б.Талибов [1969 : 84];

с суффиксом **-р*: пралезгинское **ъахаьр* "спать" → лезг. *ахвар*, буд. *ахур* "сон"; пралезгинское **ъаьха* "рубить, колоть" → пралезгинское **ъаьха-р* "рубец, рана": лезг. *хер*, крыз. *хыр*; пралезгинское **ъихар* "ткать" → рут. *ухур*, цах. *ухара*, буд. *хири* "нитка" [Алексеев 1985 : 109];

с суффиксом **-н*: пралезгинское **ъаьцца* "пахать" → пралезгинское **ъаьцца-н* "вспашка, пахота": лезг. *ццан*, таб. *изан*, буд. *йизен*, рут. *йидзан*; пралезгинское **ъилхан* "работать" → таб. *лаьхин*, аг. *лехен* "работа", рут. *лухун* "коллективная работа на строительстве дома"; пралезгинское **ъахаьр* "спать" → пралезгинское **ъахаь-н*: таб. *ахин*, аг. *ахун* "постель, тюфяк" и др.

Выделение исторических суффиксов **-л*, **-р*, **-н* оправдано в случаях, когда новое наименование образуется от глагольной основы посредством деривационного суффикса (см. **ъацца* "пахать" → *ъацца-н* "вспашка, пахота"). В случаях же, когда глагольная основа переходит в субстантив (**йетIал* "связывать" → *йитIал* "узел", ср. цах. *итIал-ас* (← **йитIал-ас*) → рут. *йитIал*), необходимо говорить о конвертированной единице, образованной при помощи нулевого аффикса.

Выделяется реликтовый суффикс **-н* в составе сложного суффикса таб. *-шин*, буд. *-хьын* [Там же : 110]. Роль табасаранского суффикса *-шин* в образовании отадъективных субстантивов (*лизу* "белый" → *лизи-шин* "белизна") см.: [Загиров 1981 : 24; Курбанов 1992 : 69-70]. Как полагает М.Е.Алексеев, суффик-

сы *-шин* и *-хьин* восходят к субстантивам и образованы от таб. *шуз*, буд. *йихьэр*"быть" [1985 : 110].

Отношения производности можно установить между табасаранским *дзи* "вверху" (см. данную форму в работе [Услар 1979 : 703]) и "небо": *дзи* → *дз-ав*. Табасаранское *дзи* служит производящей основой и для других дагестанских языков, в которых можно выделить словообразовательные суффиксы *-б* и *-в*: лезг. *цц-ав* "небо", аг. *з-ав*, ав. *з-об*, дарг. *дз-уб-ри*. С другой стороны, закономерно было бы ожидать чередование в указанных словах в качестве корневой морфемы **кьI* (*mI. л*), *къ* (*гъ*), связанной с понятием "верх", "вверху".

Определенное место в словообразовании правосточнолезгинского состояния занимают лексикализовавшиеся формы местных падежей. Рассматривая аналогичные аффиксы лезгинского языка, Р.И.Гайдаров обобщает: "Суффиксальное словообразование в лезгинском языке, по всей вероятности, зародилось и развивалось, главным образом, на базе именного словоизменения" [1966 : 33]. Именное словоизменение в данном случае предполагает образование местных падежей посредством суффиксов пространственной семантики типа лезг. *mIуб* "палец" → *mупI-а* (эрг.) → *mупIа-л* "на пальце" → "кольцо" (то, что находится на пальце). У таких производных слов смысловая связь словообразовательного аффикса с локальной семантикой не утеряна [см.: Гайдаров 1966 : 34]. Ср. таб. *лик* "нога" и *лику-хъ* "ходули" (то, что закреплено к ногам); лезг. *чIур* "луг, пастбище; поле вообще" и *чIуру-хъ* "целина; пустошь; пахотный участок, который в данном году или же в течение нескольких лет не возделывался"; *цIил* "веревка" и *цIили-хъ* "мотки разноцветных ниток, надетые на веревку, натянутую на лицевой части ковроткацкого станка (перед ткачихой для удобства выбора нужной нитки)" [Там же : 66].

Настоящий словообразовательный аффикс (*-хъ*) может осложняться суффиксом *-н*. При помощи суффикса *-хъан* образуются новые слова, которые обозначают профессию, род занятий. Второй компонент этого сложного суффикса совершенно справедливо возводится к причастному формативу [Гайдаров 1966 :

67-69]: лезг. *ппер* “самодельная остроконечная лопата для рытья” → *пперцици-хъан* “деревянная ручка, держатель”; *маргъ* “неубранная полоса скошенной травы” → *маргъу-хъан* “косарь”; аг. *урчар* “телята” → *урчар-хъан* “пастух телят”; аг. (соб. аг.) *ибур* “ухо” → *ибури-хъан* “серьга”.

Указанный деривационный суффикс восходит к общелезгинскому состоянию [Алексеев 1985 : 110] : таб. *рагъ'ни-хъан*, аг. *рагIу-хъан*, рут. *рухIу-хъ'ан*, цах. *йохIа-хъан* “мельник”.

Суффикс *-хъ* может осложниться также аффиксом *-л* : аг. (тп.) *цIабра-хъил* “мотылек, бабочка”.

Посредством суффикса *-л*, восходящего к локативу со значением “на”, образуются субстантивы, мотивирующими основами для которых служат основы глаголов и существительных: лезг. *тIуб* “палец” → *тупIа-л* “кольцо”; аг. *тIуб* → *тIубу-л*; лезг. *кукI-ун* “липнуть” → *кукIв-ал* “кожаная заплата, латка”.

Суффикс *-л* может участвовать и в составе сложного словообразовательного суффикса, как, например, это представлено в рутульском слове *куква-лай* “хохолок (у птиц)” (лезг. *ккук, кIук* “макушка”).

При помощи суффикса *-кк* (“под”) в агульском (соб. аг.) языке образуется слово со значением “сосуд для соли”: *гIан* “нутро, внутренность” → *гIане-кк*; в керенском диалекте данное слово осложняется суффиксом *-н*: *кь'алар* “соль” (мн.ч.) → *кь'алар-ккен* “сосуд для соли”. К этому разряду слов относятся и агульские *ттура-ккен* “сосуд для ложек” (*ттур* “ложка”), *фуни-ккен* “подпруга” (*фун* “живот”). (Ср. арч. *кьв-ал* “подпруга”, где аффикс с локальной семантикой переходит в разряд корневой морфемы); *гъвади-ккен* “домовой” (*гъвад* “потолок”), см. также буд. *шамра-кьан* “подсвечник” (*шам* “свеча”) с эквивалентной морфемой *-кь* “под”.

В агульском языке при помощи суффикса *-в* (один из серийных показателей, который обозначает “возле, рядом”) образуется слово “рукав”: *гъил* “рука” → *гъили-в* “рукав”.

В лакском языке послелог *–в* обозначает нахождение предмета “в чем-либо”, в качестве деривационного суффикса вычле-

няется на основе сравнения с лезгинским материалом, например: лак. *суру-в* "саван", ср., лезг. *сур* "могила".

Во многих случаях выделение в сложном словообразовательном суффиксе компонента с локальной семантикой является чисто формальной процедурой, так как компоненты, из которых состоит сложный суффикс, отдельно почти не встречаются: аг. *ракк* "дверь" → *ракка-гьан* "прополис" (семантическая трансформация "дверь" → "прополис" находит свое объяснение в том, что пчелиный клей собирается у входа (*ракка-гь* "перед дверью") улья и обозначает букв. "находящееся у дверей"); аг. (соб. аг.) *кIарчар* "рога" → *кIарчари-гьан* "повод (веревка, надетая на рога запряженного рабочего скота)", т.е. то, что находится перед рогами. Здесь возможно и варьирование локативных показателей. Варьируются аффиксы близкие семантикой или не противоречащие по своей семантике содержательной структуре деривата, см. аг. (кош.) *кIарчари-гIан*, лезг. *крчар-ган* с тем же значением; аг. (соб. аг.) *мухур* "грудь" → *мухур-гьан* "фартук" (то, что находится спереди), ср. лезг. *хур* "грудь" → *хуру-ган* "фартук"; аг. (кош.) *йекку-гьан* "прыщ" (*йакк* "мясо").

При помощи суффикса *-гIан:* аг. *хал* "дом, комната" → *хула-гIан* "домохозяйка" (та, которая находится между комнатами, то есть между стенами); лезг. *нек* "молоко" → *некIе-гъан* "маслобойка, пахталка (в виде гончарного сосуда)"; аг. (соб.аг.) *хIур* "село" → *хIура-гIан* "праздношатающийся" (тот, кто бродит между домами села).

От глагольной основы посредством вербального суффикса *-ай* образуются следующие имена существительные: аг. *гIаруц-ас* "ходить без определенной цели, слоняться" → *гIаруц-ай* "бездельник, уличный зевака"; *рич-ас* "блестеть" → *рич-ай* (кош.) "блеск"; лезг. *ккутт-ун* (ахт.) "подложить" → аг. (кош.), таб. *гут-ай* "подушка".

Настоящий деривационный аффикс, как и некоторые другие, может иметь экспрессивный характер: аг. *ъ'атт акьас* "хромать" → *ъ'атт-ай* "хромой" (с уничижительным оттенком); *кIватт* "клубок" → *кIватт-ай* "колобок", "коротышка".

Словообразовательный суффикс *-ай* принимает участие также в образовании антропонимов. В ряду словообразовательных аффиксов личных имен агульского языка он занимает ведущее место: *Бахай, Бигай, Булай, Багай, Балай, Гагай, ТІавусай* и др. *-ай* может осложняться различными оценочными аффиксами, такими, как *-н, -кІ: Баз-ай* (мужское собственное имя), *Баз-ан-ай, Баз-укІ-ай* и др. [см. Сулейманов 1980а: 51]. Данный суффикс также принимает участие в словообразовательном процессе лезгинского [Гайдаров 1966 : 42], табасаранского [Алексеев 1985 : 112], рутульского [Ибрагимов 1978 : 65], цахурского [Ибрагимов 1990 : 82-83] языков. При этом необходимо отметить различный с точки зрения семантики характер анализируемой морфемы. Не углубляясь в содержательную сторону данной проблемы, укажем, что слова с словообразовательным суффиксом *–ай* имеют общелезгинскую модель. Что же касается словообразовательных единиц, восходящих к пралезгинскому состоянию, надежно можно реконструировать только лексему **ъапп-ай* "отец; свекор": лезг. *аппай* "свекор", таб. *аба* "отец, цах. *абай* "свекровь", крыз. *баьй* "отец"; ср. также арч. *аб-тту* "отец" [Алексеев 1985 : 113].

Аффикс *-ай* является омонимичным. Во многих именах существительных в историческом прошлом он выполнял функцию звательного падежа (вокатива). Следы его можно обнаружить в некоторых лезгинских языках, ср. аг. *чи* "сестра", *ччиччай* "обращение к матери или к старшей сестре", *бав* "мать", *був-ай* "обращение к матери"; рут. *нин* "мать" – *нин-ай.*

В лезгинском языке следы вокатива обнаруживаются в кубинском наречии (*тха* "дядя" – *тхай*), в одном из говоров яркинского диалекта (*дах* "отец, старший брат, дядя (вообще)" – *дахлай*) [Мейланова 1987 : 149-150].

В цахурском языке указанный суффикс образует "термины родства и уважительного (почтительного) обращения к старшим: *дид-ей* "дедушка", *дакк-ий* "папа", *ад-ий* "бабушка", *абатт-ей* "свекор", "почтительное обращение к старшему по возрасту мужчине" [Ибрагимов 1990 : 82].

С утратой суффиксом *-ай* функции звательного падежа, что отмечается в восточнолезгинских языках, происходит преобразование данного суффикса в словообразовательный аффикс.

Не исключена и возможность получения суффикса *-ай* из *-ад* – как результат фонетической модификации.

Деривационные суффиксы, которые носят экспрессивный характер, участвуют в образовании имен существительных, обозначающих различные качества и признаки людей или животных. Производящими основами таких номинаций служат основы глаголов и существительных:

при помощи суффикса *-кI*:

аг. *ъ'аш-ас* "плакать" → *ъ'ашри-кI* "плакса" (ср. глагол *ъ'ашар акьас* "заставить плакать");

хъадикIен-ас "красть" → *хъаттри-кI* "вор" (ср. деепричастную форму несовершенного вида *хъадиркI-ей*);

при помощи суффикса *-ч (-ш)*:

лезг. *ккапа-ч, ккапа-ш* "горсть" от *ккап* "кисть руки, ладонь"; *кьакьа-ш* "неряха" от *кьакь* "козюля", ср. также лак. *кьалкьу-ш* "неряха"; аг. *кIентIва-ч* "губастый" от *кIентIв* "губа" [Магометов 1970а : 89]; *тIакьва-ч* "неряха" от *тIакьв-ас* "испачкаться"; *къуркIа-ч* "плешивый" от *къуркI* "лишай"; *хъ'унтIи-ч* "сопляк" от *къ'унтI* "сопля";

при помощи суффикса *-чI*:

лезг. *нере-чI* "сопляк" от *нер* "нос"; *кIан-чI* "пень; утолщенная часть дерева на месте соединения корней и ствола; обрубок корявого дерева" от *кIан* "дно; низ; нижняя часть"; *тупIу-чI* "веретено" от *тIуб* "палец" [Гайдаров 1966 : 73-74], таб. *тIиби-чI* "веретено" от *тIуб* "палец"; аг. *тIубу-чI* "веретено" от *тIуб* "палец";

при помощи суффикса *-к*:

лезг. *йацIа-к* "толстяк" от *йацIу* "толстый"; *бицIе-к* "малыш" от *бицIи* "маленький"; *кьацIра-к* "слепень" от *кьацI* "укус". В этом ряду Р.И.Гайдаров приводит и лезг. *барцIа-к* "буйволенок", выделяя в качестве производящей основы *барцI*, опираясь на материалы центральных и северных дагестанских языков, см., например, ав. *бацI*, лак. *барцI* "волк". В лезгинском

языке, как считает автор, *баруIак* имело иное значение, которое оно утратило в связи с заимствованием слова "волк" из тюркских языков [1966 : 44-45].

Незначительное количество субстантивов образуется от основ имен существительных и глаголов при помощи деривационного суффикса *-г*: таб. *сума-г* "более чем двухгодовалая овца" (ср. аг. *суме* в словосочетании *суме укьар* в том ж.е значении); таб. *жахвра-г* "грабли" (ср. аг. *джирх-ас* "расчесывать"; лезг. *чух-ун* "чесать"); аг. (соб. аг.) *руцара-г* "волчок" (ср. *руц-ас* "вертеться"). Деривационный суффикс *-г* имеет ограниченное употребление в табасаранском и агульском языках. Одной из причин этого является отсутствие в указанных языках суффикса *-г* как серийного показателя со значением "возле, рядом". Ср. в противоположность агульскому и табасаранскому языкам широкое его применение в лезгинском языке, где суффикс *-г* входит в парадигму склонения существительного.

Большое распространение в лезгинском языке получает суффикс *-ц*. С использованием его образуются имена существительные, обозначающие предметы, людей и животных по их внешним признакам: *кIула-ц* "горбун" (*кIул* "лопатка" (анат.), *хъиле-ц* "капризник" (*хъел* "гнев"), *галкIа-ц* "заика" (*галкI-ун* "заикаться", "цепляться"), *алкIа-ц* "прикованный к постели человек", "ребенок, который долго не может научиться ходить" (*алкI-ун* "прилипнуть, склеиться"), *кьама-ц* "тот, кто форсит" (*кьам* "затылок"), *макъа-ц* "зубастый человек, большезубый" (*магъ* "лемех"), *тIекье-ц перен*. "курица" (*тIекь* "куриный помет"), *ктIа-ц* "человек с опухшим болезненным лицом" (*ктI-ун* "гнить") и др.

"Слова, образованные посредством рассматриваемого суффикса, отличаются ярко выраженной экспрессивностью и в большинстве случаев носят характер неодобрительности или же отрицательности" [Гайдаров 1966 : 48].

Довольно широко употребляется в восточнолезгинских языках суффикс *-ввал* (*-вел*): аг. *идж-еф* "хороший" → *идж-вел* "доброта", *хIа-ф* "большой" → *хIа-вел* "величина", *къикъ-еф* "тяжелый" → *къикъе-вел* "тяжесть", *батIар-ф* "красивый"

→ *батIар-вел* "красота", *ир-еф* "красный" → *ире-вел* "краснота" и др.; лезг. *пехил* "завистливый" → *пехил-вал* "зависть", *чIуру* "испорченный" → *чIуру-вал* "испорченность", *иттим* "мужчина" → *иттим-вал* "порядочность", *азар* "болезнь" → *азарлу-вал* "болезнь", *агъуз* "ниже" → *агъуз-вал* "низость, малодушие", *ттакIан* "отрицательная форма причастия от глагола *кIан хьун* "хотеть, желать" → *ттакIан-вал* "ненависть"; таб. *рази* "довольный" → *рази-вал* "благодарность", "довольство", *йархи* "длинный" → *йархи-вал* "длина", *жилир* "мужчина" → *жилир-вал* "мужество", *хъугъ-уз* "верить" → *хъугъу-вал* "вера", *тIирх-уз* "лететь" → *тIирху-вал* "полет", *уста* "мастер" → *уста-вал* "мастерство" и др. [Магометов 1965 : 147].

Следующие деривационные суффиксы являются непродуктивными:

аг. *гучI* "страх" → *гучI-ра-хI* "трус"; *ул* "глаз" → *ул-уд* "дыра, нора"; *ул* → *ул-ул* "нора, дыра"; в табасаранском языке к таким можно отнести: *-бях, -бякь, аьх (-ях), -рюх, -ацI (-яцI)* и др. [Ханмагомедов 1967], и *-д: ул* "глаз" → *ул-д* "нора, окно, ноздря, дыра, ниша"; *-з: гъ'ан* "внутренность, чрево" → *гъ'ан-з* "запор"(мед.); *-къ: тIул* "прут" → *тIул-акъ* "тетива"; *-и: кIан* "дно" → *кIан-и* "водосток, водопровод, желоб".

Возвращаясь к конвертированным единицам, укажем на многообразие их способов образования. Имена существительные таким путем образуются от глагольных, адъективных и субстантивных основ, выражая различные понятия.

Ряд имен существительных образуется от глагольной основы путем нулевой аффиксации. Такой способ образования имен существительных в восточнолезгинских языках явление нередкое:

лезг. *кIватI-ун* "собирать" → *кIватI* "моток", аг. *кIватт*. Настоящая лексема представлена и в других лезгинских языках, ср. цах. *квалтI*, крыз.,буд. *кIетI*, арч. *кIветI* "моток ниток", ср. также лак. *кIутI* то же;

лезг. *зырз-ын* “дрожать” → *зырз* (ахт.) “дрожь” (см. *зы ччанзылаа зырз алахьна* “по моему телу прошла дрожь”), ср. также лак. *зурзу* “дрожь”;

аг. *гъуз-ас* “стоять” → *гъурз* (кош.) “стела; надмогильный камень”. Инфиксальный *-р*, очевидно, является историческим дюративным компонентом.

Нередко в таких образованиях семантическая связь между словообразующим и словообразовательным словами может быть основана на метафоризации или она может быть ассоциативной:

аг. (кош.) *ракъ‘-ас*, таб. *ракъ‘-уз* “видеть” → аг., таб. *ракъ‘*, лезг. *раьхъ*, рут. *рахъ‘*, цах. *йахъ‘*, крыз., буд. *рих*, уд. *йакъ*, арч. *декъ‘* “дорога” (т.е. то, что обозначается, видно (?).

Имена существительные образуются и от глагола посредством деривационного суффикса, см. буд. *къагIа* “надевать” → *къагIа-дж* “шерстяные носки” (то, что предназначено для надевания).

Имена существительные, образованные способом конверсии от субстантивов, присоединяют различные деривационные аффиксы, и такие образования представляют собой единицы, в различной степени отошедшие по своей семантике от мотивирующего слова. Значения слов, образованных префиксальным способом, в сравнении со значениями слов, которые образованы суффиксальным способом, затемнены в большей мере. Хорошей иллюстрацией этому служит построение слова “крыша” в тех языках, где оно семантически соотносится со словом “дом”. В одних агульских диалектах, как, например гехюнском, слово “крыша” представляет собой лексикализовавшуюся форму, образованную от *хала* – эрг. от “дом” + *-гъ* – формант с направительным значением “вверх”: *хала-гъ* (такая же модель представлена и в даргинском языке, ср. дарг. *хъал-ч*, где *хъал(и)* – “дом” и *-ч* – морфема со значением “вверх”). В других, указанный суффикс еще осложняется постфиксом *-(V)л* с локальной семантикой “на”: *хуллагъ-ил* (соб.аг.), *хулагъ-ул* (рич.). В других лезгинских языках производящая основа ничем не осложнена и дериват образуется на основе дополнительного значения, развившегося у слова *хал* “дом”: буд., крыз. *хал* “крыша”. В третьих,

таких, как рутульский, словообразовательный суффикс по своей семантике восходит к адъективному (причастному) форманту: *хьыла-ды* "крыша", ср.также таб. *хула-н* (дюб.) "потолок" (*-н* – адъективный суффикс). И, наконец, четвертую группу представляют языки, которые данное слово образуют префиксальным способом: цах. *хав* "дом, комната" → *да-ха* (← **да-хав*) "крыша".

При помощи суффикса *–у* в табасаранском языке создаются субстантивы с различными значениями: таб. *кум* "дым" → *ггам-у* "труба дымовая"; аг. *кIум* "сметана" → таб. *кIам-у* "сливочное масло".

В лезгинском и агульском языке слово "дымоход" образуется при помощи сложного суффикса: лезг. *гум* "дым" → *гурмагъ* (← **гум-рагъ*), аг. *кум* → *курмагъ*.

Одним из довольно распространенных способов образования имен существительных в восточнолезгинских языках является субстантивация имен прилагательных. Смысловая связь субстантивов, созданных таким путем, с производящим словом держится на признаке процессуальности и качества, который в настоящее время не осознается или осознается с трудом. Здесь возможны:

способ нулевой аффиксации: аг. (кош.) *джагварир* "белый" → *джагварир* "бязь", *гъазер* "зеленый" → *гъазер* "съедобная птрава", *гирген* "круглый" → *гирген* (соб. аг.) "моток, клубок"; таб. *бицIир* "маленький" → *бицIир* "ребенок", ср. также аг. *бицIиф* "маленький" → *бицIиф* "ребенок", лезг. *гъвечIиди* "маленький" → *гъвечIиди* "ребенок". В таких конвертированных единицах, как "малыш, ребенок", происходит семантическая конденсация: ср. лезг. *адахъ гъвечIи айал гала* "у нее маленький ребенок (имеется)", и *адахъ гъвечIиди гала* "у нее ребенок (имеется)", то есть "она является кормящей матерью". Схематически это семантическое сжатие можно изобразить следующим образом: *адахъ гъвечIи айал гала* → *адахъ гъвечIи(ди) айал гала* → *адахъ гъвечIиди (айал) гала* → *адахъ гъвечIиди гала.*

Такая же семантическая конденсация происходит и с аг. (кош.) *ъацIад* "полный" (ср. *ъацI-ас* "наполняться") → *ъацIад* "колбаса домашнего изготовления", но ср. аг. (соб. аг.) *ъацIу руд*

"колбаса домашнего изготовления" (*ацIу* "полный" и *руд* "кишка", букв. "наполненная кишка"). Эту модель повторяет и даргинский язык: *бицIари* "домашняя колбаса" (*бицI-ес* "наполнить"). В подобных единицах происходит семантическое опустошение у существительного (*айал* "ребенок", *руд* "кишка") и в качестве компенсации атрибутивное слово синтезирует в себе как качество или процессуальность, так и предметность.

Имена существительные образуются от прилагательных посредством дезаффиксации: аг. (фит.) *бицIит* "маленький" → арч. *цIит* "маленькая корзина".

Во многих дагестанских языках слова "самка", "женщина", "жена" содержат одну и ту же корневую морфему. Семантическое развитие "самка" → "женщина" → "жена" вполне закономерно. Особенностью данного случая конверсии (в дагестанских языках указанные слова являются субстантивированными прилагательными) является чередование суффиксов и дифференциация значений на основе варьирования словообразовательных суффиксов. Ср. таб. *хпри-б* "самка" и *хпри-р* "женщина", аг. *хе-ве-р* (кош.) "женщина, жена". Ср. также лезг. *хе-б* "овца", аг. *х'у-б* (кер.) то же.

При исследовании вопросов сравнительно-исторической деривации в дагестанских языках установление у корреляционной пары слов отношений производности часто затруднено. Это происходят в случаях, когда корневая морфема имеет моноконсонантный характер. Корень является семантическим ядром, стержнем слова, в нем заложен смысловой потенциал. Корневая морфема обладает обобщенным лексическим значением и приобретает конкретное значение, присоединяя префиксальные и суффиксальные аффиксы.

От корневой морфемы *чч* (← **кк'*) путем варьирующихся префиксальных и суффиксальных аффиксов образуются разные слова: ср. таб. *ма-р-чч* "овцематка", аг. *маI-р-чч* (кош.) то же и таб. *чч-ил* (← **кк-ил*) "ягненок". Ср. также словообразование, основанное на корреляции префиксальной и суффиксальной частей при одной и той же корневой морфеме в бежтинском

языке (с.Хошар-Хота): *би-лI* "овцематка", *лI-ар* "шуба, тулуп". Из этих лексических единиц слово с префиксальным элементом первично, что подтверждается и первичностью материала ("овца" → "овчина") по сравнению с изделием ("шуба, тулуп"). Идентификация корневых морфем в указанных словах подтверждается фонетическими данными дагестанских языков, а также типологическими параллелями в них. См., например, таб. *ург* "ягненок от нескольких месяцев до одного года" → *ург-ам* "шуба, тулуп", где *г* – корневая морфема – сопоставляется с бежтинским *лI*.

Таким образом, исторически корневая морфема могла присоединять как прифексальную, так и суффиксальную части, которые служили для дифференциации понятий, связанных близкой семантикой.

Установление отношений производности часто затрудняется отсутствием производящей основы в языке. Например, смысловая связь между агульским составным глаголом *уч-ал акьас* (кош.) "собрать" (букв. "собирание делать") и *ду-ч* (соб. аг., гех.) "вязанка дров" объяснима: *дуч* – это "дрова, собранные в связку". Кроме того, у глагола и имени существительного имеется общая материальная часть в лице аффрикаты *ч*, которая представлена и в глагольной форме табасаранского языка *уч хьус* (дюб.) "вместе становиться", *уч апIус* "собрать". Ср. также лезг. *х-ччалун* (*х-*, очевидно, – пространственный преверб). Сравнение агульской (*уч-ал*) и табасаранской (*уч*) форм позволяет выделить корневую морфему –(*V*)*ч*. Поиски производящей основы приводят к даргинскому глаголу *дуч-ес* "собрать", который отмечает С.М.Хайдаков [1973 : 141]. Агульское слово *дуч*, таким образом, получено путем конверсии от глагольной основы *дуч*. Поиски производящей основы привели к даргинскому языку, где наименование "вязанка дров" имеет форму идентичную агульской: *дуч-ес* → *дуч*. Сопоставление таб. *уч*, аг. *уч-ал* (участвующих в составных глаголах *уч хьис/апIус* и *уч-ал хьис/акьас*) с глагольной основой *дуч-* обнаруживает, что и сама глагольная форма является производной, где выделяется префикс – классный показатель *д-* (класс вещей). Данный фрагмент показывает, на-

сколько сложны и многообразны пути словообразования в исследуемых языках.

Ср. также образование субстантива от прилагательного при помощи нулевого аффикса: ав. (анцух.) *бицц-аб* "толстый" → лезг. (ахт.) *быц* "толстяк".

2. Префиксальный способ словообразования

Если суффиксальное словообразование занимает значительное место в восточнолезгинских языках, то доля префиксальной деривации невелика. Часть таких образований вошла в предыдущий раздел, что обусловлено принципом подачи материала и построения работы, основанном на выявлении словообразовательных аффиксов по линии мотивирующей основы. Последнее делает необходимым расщепление слова до предельно минимальной структуры – "корневая морфема + деривационный аффикс" (в виде префикса или суффикса).

О роли префиксальных компонентов в словообразовании субстантивов в специальной литературе почти ничего не сказано. В данном случае мы исходим из того, что префиксальные элементы, встречающиеся в субстантивах, исторически представляют собой классные показатели и аффиксы локальной семантики. Они становятся словообразовательными аффиксами только в тех случаях, когда посредством их создается новое наименование. Структурное их вычленение производится путем сопоставления слов, основы которых отличаются наличием или отсутствием указанных морфем.

а) Слова, образованные посредством классных показателей

Одной из отличительных свойств аффиксов в дагестанских языках является способность их выполнять как словоизменительную, так и словообразовательную функции, на что в свое время обратил внимание еще П.К.Услар [1896, см. §§ 64-68]. Впоследствии Л.И.Жирков также отметил эту особенность, когда, рассматривая аварское *хIалтIухъан*, писал, что настоящая форма представляет собой и форму местного падежа (от *хIалтIи* "работа"), и номинатив *хIалтIухъан* "рабочий". Она "в одно и то

же время является формой словоизменения и формой словообразования" [Жирков 1948б : 27]. Таким же образом характеризуются и классные показатели, которые, с одной стороны, указывают на класс предметов, а с другой, – выступают в качестве деривационных морфем.

В восточнолезгинских языках обращает на себя внимание многообразие форм, которые обозначают названия "леса". Это *ттам, рук* (лезг.), *ахв, дар* (аг.), *йаркур, гьарар* (таб.). Из них можно выделить четыре лексемы, которые имеют общедагестанский характер: *рук, ахв, гьарар* и *йаркур,* что подтверждается регулярными соответствиями корневых морфем *к, гь* и *х.* Уместно отметить, что регулярные соответствия в специальной литературе устанавливаются между *хь, ш, ж, гь:* ав. *рохь* "лес", ахв. *руша* "дерево", кар. *роша, рохьа* "дерево", *рохьо* "лес", чам. *вогьа* "дерево", тинд. *рогьа* "дерево", багв. *роша* "дерево", *рохь* "лес", ботл. *руша* "дерево", *рухьу* "лес", цез. *ожо* "дерево", *ажо* "лес", лак. *мурхь* "дерево".

В этом ряду соответствий исходным считается **хь* [Гудава 1964 : 148; 152; СИЛДЯ 1971 : 163]. Очевидно, для общедагестанского состояния необходимо восстановить **ш*, как это представлено у Б.К.Гигинейшвили [см. 1977 : 120].

Для андийских языков, указывает Т.Е.Гудава, корень в словах "лес" и "дерево" является общим [1964]. В действительности, это имеет общедагестанский характер: развитие значения "лес" происходило на базе слова "дерево", которое служило производящим для слова "лес". При этом обнаруживается, что корреляция этих значений осуществляется посредством префиксации – классного показателя и суффиксации – аффикса множественного числа. В основе как первого способа, так и второго лежит семантическое противопоставление "единица предмета" – "множество предметов". Префиксальный характер словообразования

производного слова "лес" иллюстрирует ханилугский язык: *ви-шаь* "дерево" → *ма-шаь*[3] "лес".

В некоторых случаях могут быть представлены отдельные члены этой корреляции, как, например, в буд. *ми-ше* "лес", ав. *ро-хь* (← **ро-ш*), лезг., крыз. *ру-к* (← **ру-хь*).

Суффиксальное образование производного слова "лес" от производящей основы "дерево" осуществляется суффиксом множественного числа. Такая модель также является общедагестанской, см. анд. *реша* "дерево" → *реш-обил* "лес" (то есть множество деревьев), чам. *вогьа*[4] → *вогь-бе*, тинд. *рогьа* "дерево" → *рогьа-би/рогь-и-би* "лес", "жердь"; таб. *гьар* "дерево" → *гьар-ар* "лес". В табасаранском языке наряду с *гьарар* существует и сложное префиксально-суффиксальное образование *йа-р-к-ур* (← **йа-ру-к-ур*← **йа-ру-хь-ур*) "лес", ср. также сложное префиксальное образование в лакском языке: *му-р-хь* (← **му-ру-хь* ← **му-ру-ш*) "дерево".

В лезгинских языках представлена еще одна сложная конструкция, члены которой в отдельности распространены в других языках: арч. *ххв-ак* "лес", рут. *ху-к* "дерево" ср. лезг., крыз. *ру-к* "лес" и аг. *а-хв* (бурш.), а также беж. *хоьхоь* "дерево", гунз. *хоⁿхе* (рдупликация).

В удинском сложная основа *хо-д* "дерево" представляет иную сервировку единиц, выступающих в отдельности в других языках. Ср. лезг. *тт-ар* "дерево", буд. *д-ар* и др. и аг. *а-хв* (бурш.)...

В самурских языках представлен еще один вид корреляции, основанный на противопоставлении деривационных суффиксов, очевидно, исторически имевших числовое выражение: лезг. *тт-ар* "дерево" – *тт-ам* "лес", рут. *д-ам* "лес". Развитие у слова *ттар/дар* значения "лес" (см. аг. *дар* "лес") – вторично, основана на переносе значения части предмета на целый предмет.

---

[3] Хиналугскую форму *машаь* можно было считать заимствованной из азербайджанского (*меше* "лес"), если бы не форма *вишаь* "дерево", укладывающаяся в общедагестанскую систему корреляций.

[4] О соотношении *ш, гь, хь* в андийских языках см. [Гудава 1979 : 97-98].

От имен существительных, прилагательных (причастий) и глаголов посредством словообразовательных аффиксов образуются новые наименования. Производящие основы могут быть полными лексическими единицами или представлять собой чистую основу, или корневую морфему.

Установление отношений производности у единиц, которые образуются от полных слов и чистой основы, не представляет трудности, см., например, лезг. *тӀиш* "рыло; морда" → *би-тӀиш* "курносый (о человеке)"; аг. *цӀак-ас* "покоситься, стать кривым" → таб. *ба-цӀак* "косой".

Посредством префиксального деривационного аффикса от глагольной основы образуется отвлеченное имя существительное: таб. *ак-уз* "рассветать" → *в-ак* "свет"; при помощи другого аффикса образуется новое слово – *гь-ак* "известь". Ср. в агульском языке *ак-ур-ан-ас* "белить", где указанная основа осложняется дюративным инфиксальным элементом (*-ур-*) и тематическим показателем (*-ан-*), ср также глагольное словосочетание *зав акуранас* (букв. "небо побелиться") "рассветать", образованное путем метафоризации значения.

Выше говорилось о непроницаемости структуры слова. Особенно это отмечается в словах с префиксальными словообразовательными аффиксами. В ряде лезгинских языков в названии "хлеб", "хлебное изделие с начинкой" выступает согласный *цӀ*, который может находиться как в препозиции, так и постпозиции. Например, в цахурском языке ему предшествует префикс: *йи-цӀа* "хлеб". Членение слова на составляющие компоненты стало возможным при сопоставлении с такими словами, как таб. (канд.) *цӀи-к-аб* "хлебное изделие с начинкой", где интересующий нас согласный (корень) занимает препозицию и дает возможность выделить интересующий компонент *цӀ*. В табасаранском указанная корневая морфема осложняется сложным аффиксом *-каб*, где *-к-* является серийным показателем со значением "в непосредственной близости, слиянии", а *-б* – показателем отглагольного имени. Приведенные слова ничего не дают с точки зрения лексического значения корневой морфемы *цӀ*. В этом смысле положительную информацию нам представляет аг.

(бурш.) *ацIувай* "хлебное изделие с начинкой", где выделяются -*в*- показатель масдара и -*ай*- – деривационный суффикс. Но особенно ценное сведение дает арч. *абцIу хвалли* "хлебное изделие с начинкой" (букв. "наполненный хлеб"). Теперь становится понятным значение корневой морфемы *цI*: оно связано с глаголом "наполнять". Указанная морфема в форме *цI* реконструируется для прадагестанского состояния [СИЛДЯ 1971 : 255].

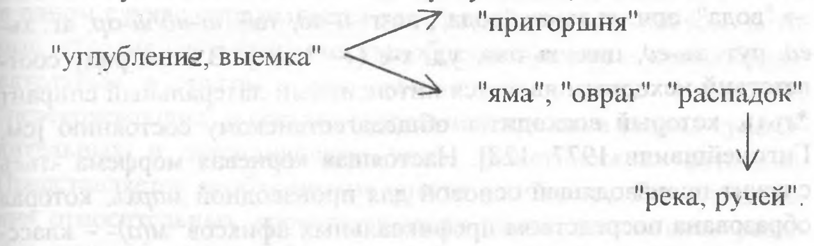
В самурских языках данное наименование образуется по другой модели. В основе его лежит слово "хлеб", которое имеет общую корневую морфему **хь*: лезг. *фу* (← **хьу*), буд. *фу*, хин. *пшаь* (← **пхьаь*) "хлеб". При образовании субстантива "хлебное изделие с начинкой" данная основа (-*ф*-) присоединяет префикс и суффикс: лезг., таб. *а-ф-ар* (← **ъа-ф-ар*), аг. *ъ'у-ф-ер*, крыз. *ар-ф-ар/ал-ф-ар*, буд. *ар-ф-эр*, ср. также хин. *ал-ф-ар*. Префиксальные *л*-, *р*- (← **л-)*, *ъ*- являются локальными морфемами со значением "в" (*ъ*-) и "на" (*л*-), что вполне увязывается с семантикой слова [об этом см. Сулейманов 1988 : 85]; суффиксальный -*ар* представляет собой словообразовательный аффикс.

Высокая степень модификаций и дискретный их характер в дагестанских языках требуют привлечения для анализа большого количества языковых фактов, а главное – необходима идентификация привлекаемого материала, что невозможно без реконструкций как фонологических, так и семантических. К примеру, чтобы выделить в слове "пригоршня" префикс *ме-/ми-* в качестве словообразовательного аффикса (см. лезг. *ме-кв* (← **ме-хьв*), аг. *ме-хь*, таб. *ми-гг*, рут. *маь-хь*, цах. *ме-хь*, крыз., буд. *ме-к* (← **ме-хь*), необходимо увязать указанное слово с лезг. *ф-ур* (← **хьв-ар*) "яма", рут. *хьв-ар*, цах. *хь-ор*. Итак, чтобы выделить в слове *мехь* префикс *ме*-, а в слове *фур* суффикс -*ур* в качестве словообразовательных аффиксов, необходимо установить общность корневых морфем в этих словах. С этой целью привлекается и удинское *кур* "яма", "овраг", которое в специальной литературе сопоставляют с рут. *хьвар*, цах. *хьор* [см. Джейранишвили 1962 : 358; СИЛДЯ 1971 : 191].

Внешнее сходство (совпадение) уд. *кур* с формой слов "река", "ручей" в ряде дагестанских языков, см. крыз., буд. *кур* "ре-

ка", цез. *керу* "ручей", "овраг", хварш. *кула*, беж. *куво*, гин. *кора*, гунз. *куро*, и совпадение у них одного из значений – "овраг", – а с другой стороны у уд. *кур* и языков самурской подгруппы **хьвар* значения "яма" – служит основанием их генетического сближения.

Сближение корневой морфемы *хь* (→ *гг*), которая выступает в слове "пригоршня", с корневыми морфемами *хь, ф, к* в словах "яма", "овраг", "река", "ручей" с фонетической точки зрения не встречает препятствий и позволяет идентифицировать их и свести к общедагестанскому **лъ*. Что касается семантического обоснования такого сближения, то оно могло возникнуть на базе общей семантики и проходить по линии следующего развития значений у семемы со значением "углубление, выемка":



В лезгинских языках для передачи значения "дождь" имеются два слова – *йукъал/къвал/угъал/гьугъал* и *мархь/марф/маф* : лезг. *йукъал* (хл.), *къвал* (ахт.), *марф* (гюн.); таб. *мархь*; аг. *угъал* (рич., гех., соб. аг.), *угъал/марф* (фит.); рут. *гьугъал* (луч.) *марф* (хнюх.); цах. *гегьуй*; буд. *мэф*; уд. *агъала*.

Наличие параллельных форм, а также непоследовательная цепь в их образовании в лезгинских языках дает основание считать, что эти формы параллельно существовали уже к моменту распада общелезгинского состояния [Сулеймнов 1992б : 73-74].

Слово *марф* (← **мархь*) по отношению к *йукъал, къвал* является инновацией, возникшей, очевидно, в восточнолезгинских языках и дальше распространившейся в других языках. Диапазон же распространения слова **йукъал* шире: помимо группы лезгинских языков он отмечается еще в лакском (*гъарал*). Таким образом, данную форму слова *"дождь"* можно отнести к общелезгинско-лакской изолексе.

В некотоых дагестанских языках отмечается также дифференциация названия "дождя" в зависимости от его качества. Так, например, в дюбекском говоре табасаранского языка, помимо общего названия дождя *мархь*, имеется и форма *цIавул* "мелкий дождь", соотносящаяся с формами аваро-андийских языков, ср. ав. *цIад* "дождь", анд. *цIцIа*, ахв. *цIцIари* и др. В табасаранской форме *цIавул* при сравнении с последними выделяется сложный суффикс *-в-ул*.

Слово **йукъал* образуется от глагольной основы посредством деривационного суффикса *-л*, исторический суффикс причастия: лезг. *къун* "падать (об осадках)" → *къвал* "дождь", аг. *угъ-ас* → *угъ-ал*. Основой же слова *мархь* служит корневая морфема **хь*, связанная с общим лексическим значением "влага" → "вода": арч. *лълъ-ан* "вода", лезг. *й-ад*, таб. *ш-ид/ш-ар*, аг. *хь-ед*, рут. *хь-ед*, цах. *хь-аьн*, уд. *х-е* (← **х-ен*). В этом ряду соответствий исходным является интенсивный латеральный спирант **лълъ*, который восходит к общедагестанскому состоянию [см. Гигинейшвили 1977: 128]. Настоящая корневая морфема *-лълъ* служит производящей основой для производной *мархь*, которая образована посредством префиксальных афиксов: *м(а)-* – классного показателя, *-р-* – показатель дюративного аспекта. В связи с этим см. сближение данного слова в специальной литературе с арч. *мо-лъ* "пена" [Алексеев, Загиров 1992 : 51].

Подобным же способом образовано арч. *йа-хв* "фундамент". Производящей основой для данного слова служит корневая морфема *хв*, которая прослеживается в следующих словах: лезг. *хв-ал* "борозда, канава", аг. *ру-х* "распадок, ручей", ср. также цез. *рох* "борозда", гин. *ла-х*, гунз. *ре-х*, таб., аг. *х-ул*. См. также образование посредством классных показателей арч. *ду-хур* "зимний хутор", "зимовка" от *хор* "селение", *йар-хул* "вторая жена мужа" от *гъуьл*, *выггыл* "муж", "мужчина", "самец" [СИЛДЯ 1971 : 63].

Заключая раздел о префиксальных аффиксах – классных показателях, отметим следующее: грамматические классы имен существительных в историческом прошлом играли значительную роль в морфологической структуре дагестанских языков. *Отражение классной принадлежности в именах существи-*

тельных представляет собой древний период развития категории грамматического класса, который прошли все кавказские языки [Рогава 1956]. До сих пор нет единого решения в определении природы предкорневых элементов, которые выступают в именах существительных, образующих наиболее древний пласт лексики. Известно, что грамматический класс имени существительного передается через глагол, числительное, прилагательное, наречие, с которыми он вступает в синтаксическую связь. При этом сам субстантив не оформляется классным показателем. Но имеются случаи, когда имя существительное оформляется классным показателем. В специальной литературе в словах типа "девушка, девочка", "дочь" (ав. *йа-с*, анд. *йо-ш-и*, лак. *ду-ш*, дарг. *ру-р-с-и*, лезг. *ру-ш*, хин. *ри-ш-и*) префиксальные элементы в одном случае определяются как грамматические классы, которые, утратив свои функции, приобретают новые – словообразовательные, в другом – как окаменелые классные показатели, "перекочевавшие" в составе глагольной основы в разряд существительных и выполняющие чисто фонетическую функцию. Представляется необходимым внести уточнения. Без определения относительных хронологических рамок невозможно решение данного вопроса. Можно с уверенностью сказать, что на общедагестанском уровне категория грамматического класса в именах существительных уже не функционировала, и согласиться с мнением, что "классные показатели в ряде случаев стали использоваться в качестве словообразовательных суффиксов" [СИЛДЯ 1971 : 63], ср. ав. *йа-с* "девушка" и *ва-с* "юноша", где варьирующиеся префиксы – классные показатели служат единственным признаком дифференциации значений.

Если говорить о причине утраты функций классными показателями в субстантивах, то это свидетельствует, "что путь совершенствования языка в отношении классного согласования ведет скорее всего в направлении устранения этой сложной и кое в чем сделавшейся уже совершенно формальной грамматической системы" [Жирков 1961 : 204].

Относительно того, что классные показатели в именах существительных представляют собой результат перехода их из

глагольной основы, необходимо отметить: более корректным, очевидно, будет положение, согласно которому основы существительных с префиксальными аффиксами, материально совпадающими с живыми классными показателями, функционирующими в глаголах, прилагательных, числительных, наречиях, относятся к периоду синкретизма, при котором имя существительное и глагол не были дифференцированы. При такой интерпретации языковых фактов выделение в основах таких слов, как ав. *йас*, лак. *душ*, лезг. *руш*... "девушка" предкорневых аффиксов – классных показателей элиминируется из общедагестанского состояния.

б) Слова, образованные посредством пространственных морфем

В отличие от префиксальных словообразовательных аффиксов – классных показателей, которые можно проследить на общедагестанском уровне, локальные словообразовательные аффиксы в структуре имен существительных прослеживаются лишь фрагментарно в отдельных языках. В специальной литературе об этом виде словообразования почти нет никаких сведений. В случаях с префиксальными элементами локальной семантики в структуре субстантивов в специальной литературе лишь ограничивались указанием на них без соответствующей квалификации этих фактов с деривационной и содержательной точек зрения.

В даргинском языке настоящий вопрос затрагивался в связи с глоттогонической концепцией, основанной на языковом эгоцентризме [см. З.Абдуллаев 1990]. Не вдаваясь в детали, отметим характер преломления структуры пространственных морфем в свете данной концепции. Согласно ей преном – префиксальная морфема с локальной семантикой, выступающая в субстантивах, представляет собой "дейктономический корень лица". Так, например, морфема *кI* с пространственной семантикой "вверх" возводится к местоименному корню *Iл. ш,* как, впрочем, и другие локальные морфемы [Там же : 13].

Восточнолезгинские языки отличаются обилием морфем с локальной семантикой, которые в именах существительных и

глаголах совпадают материально и по своей семантике. В глаголах они занимают переднюю позицию, а в субстантивах – конечную. Пространственные морфемы в зависимости от ориентира имеют следующие значения: *л* "на", *ъ* "в, внутри", *к* "в тесной близости", *кк* "под", *в* "рядом, возле", *хъ* "за", *къ'* "между, среди", *гь* "перед". Все восемь морфем в специальной литературе реконструируются для общелезгинского состояния, однако реконструкция морфемы *гь* для общелезгинского проблематична, так как это подтверждается лишь материалами восточнолезгинских языков. В нашу задачу не входит исчерпывающий анализ локальных морфем как с пространственной, так и с направительной семантикой. Укажем, что, если в именах существительных они выполняют как словоизменительную, так и словообразовательную функции, то в глаголах, в основном, они выступают в словообразовательной функции. В именах существительных в словообразовательной функции, они выступают и в препозиции, и в постпозиции. (О словообразовательных суффиксах с пространственной семантикой см. в разделе "Суффиксальное слвообразование").

Если префиксальные словообразовательные морфемы, восходящие к классным показателям, в субстантивах встречаются сравнительно часто, то участие препозитивных пространственных морфем в роли деривационных аффиксов – явление редкое.

Обнаружение префиксальных единиц с пространственной семантикой, которые выступают в роли словообразовательных морфем, представляет собой определенную трудность. Здесь необходимы специальные методы и приемы их выеления. Переход от чисто интуитивных ощущений к стройной, логически выстроенной концепции сопряжен с значительными усилиями как в выявлении и концентрации языковых фактов, фрагменты которых рассеяны в различных источниках, так и в процедуре их толкования.

В восточнолезгинскиях языках в глагольной структуре префиксальные словообразовательные аффиксы с локальной семантикой (преверфы) образуют более стройную парадигму – особенно в агульском и табасаранском (о чем см. ниже). Функцио-

нирование их в структуре имен существительных имеет далеко не интенсивный характер.

Возьмем для иллюстрации глагол агульского языка:

с пространственными превербами:

ъ-атас "оставить (в…)", *хъ-атас* "оставить (за…)", *гь-атас* "отправить (спереди от ориентира)", *гI-атас* "отправить (между…)" и т.д.;

с направительными превербами:

агъа-вес "подняться, идти верх" – *адаа-вес* "спуститься"; *гьу-ча-вес* "подойти спереди" – *гьа-тт-вес* "отойти спереди".

Имена существительные посредством деривационных аффиксов пространственной семантики в основном образуются от глагольных основ. Так, например, лезгинское слово *ку-рут* "сгусток" в словосочетании *ивид курут* "сгусток крови" образовано от глагольной основы *рут-* "свертываться", см. лезг. *а-рут-ун* , аг. *рут-ас* , арч. *тар-ас* (← **рат-ас*), дарг. *де-рт-ес*, лак. *тат-ан* (← **дат-ан*), ав. *бе-т-изе*[5].

Подобным же способом образуется и лезгинское слово *кк-аруш* "канва, основа ковра" (где *кк-* – префиксальная морфема с локальной семантикой "под"), которое связано с глагольной основой *аруш-ун* "наматывать, накручивать".

При помощи локальной морфемы *к-* со значением "в тесной близости, в слиянии" от имени существительного образуются следующие субстантивы в восточнолезгинских языках:

лезг. *тIур* "ложка" → *ку-тIур* "половник"; в других языках в основе наименования "половник" также лежит слово "ложка": в табасаранском языке к слову "ложка" присоединяется атрибутивное "большой": *ах'у муччвур* "половник", ср. также хин. *фараш кьам*, что значит буквально "большая ложка" [см. Кибрик, Кодзасов 1990 : 150];

---

[5] От настоящей глагольной основы посредством деривационного суффикса *–ай* в восточнолезгинских языках образуется новая номинация: лезг. *арут-а* (←**арут-ай*), аг. *арут-ай* "свернувшееся молоко" [Сулейманов 1996 : 108]. Ср. также таб. *кур-и* "густой", аг. *кур-ер* (бурш.), *кур-ит* (фит.) то же.

аг. (кош.) *тIул* "побег" → *ку-тIул* "прут", гех. *ка-тIул*.

Очевидно, и в лезгинском слове *ккIам* "клещ" можно выделить в качестве словообразовательной морфемы префикс *к-*, что мотивировано и с семантической точки зрения, если сопоставить данное слово с глаголом *ку-кI-ун* "липнуть", "сращиваться", где выделяется префиксальный *к-*. Ср. данный корень с другим пространственным аффиксом, например, с *(а)л-*: *ал-кI-ун* "прилипнуть", "присасываться". В основе слова "клещ" лежит действие глагола *кукIун*, мотивированное схожестью поведения этого насекомого на действие глагола в значении "сращиваться", "всасываться".

В табасаранском имени существительном *литIан* "капля", "капель" также можно выделить префиксальную локальную морфему *л-* с значением "вверх" в качестве словообразовательного аффикса. Данное слово образовано от вербальной (причастной) основы, ср. аг. *àтIас* (кер.) "лить, полить". Морфема *л-* здесь имеет пространственно-направительное значение, отмеченное в ряде лезгинских языков, см., например, в рут. *л-ихьес* "класть" и *л-аьчIун* "подниматься", цах. *ал-изарас* "навалиться" и *ал'-алес* "расти", "подняться", уд. *л-ахсун* "класть (на...)" и *лайсун* "подниматься".

Выявление префиксальных деривационных морфем с пространственной семантикой имеет большое значение и для истории того или иного языка, так как именно эти элементы представляют собой реликты, которые утрачены языком как системные образования.

Следы словообразовательной морфемы *с* "к ориентиру" / "вниз" можно найти в таких словах, как лезг. *а-ц-укьун* (← **а-с-укьун*) "сидеть", *а-с-кIан* "низкий"; аг. *ц-ункI* (← **с-ункI*) "корточки" и др.

Важной особенностью дагестанских языков является способность отдельных компонентов с пространственной семантикой выступать в структуре слова не только в роли словообразовательных и словоизменительных аффиксов, но и корневых морфем [Сулейманов 1988; 1992а]. Рассмотрение материала через призму этого факта открывает широкие перспективы в ис-

следовании этих языков. Обращение к структурно-семантическому аспекту позволяет расчленить слово на предельно мелкие части-морфемы, из которых оно состоит.

3. Префиксально-суффиксальное словообразование

Корневая морфема может занимать и серединную позицию. Такие слова образуются посредством префиксально-суффиксальных словообразовательных морфем.

Названия хлебных изделий в дагестанских языках весьма многочисленны [см. Кибрик, Кодзасов 1990 : 117]. В табасаранском и агульском (кош.) хлеб имеет одинаковое обозначение: таб. *уьл* (← **ъ'ул*), аг. *ъ'ул*. Настоящая форма является производной, а в качестве словообразовательного форманта выделяется *-ул*, что выявляется при сравнении с агульским глаголом *ъ'утIанас* "кушать, есть", *ъ'алди* – деепричастие несовершенного вида. От имени существительного *ъ'ул* "хлеб" при помощи суффиксального и префиксального аффиксов образуется субстантив со значением "круглый хлебец, выпекаемый для детей": *бу-гI'ул-ай*. Звуки *ъ'* и *гI'* по диалектам агульского языка чередуются: ср. соб. аг. *ъ'утIанас* и кер. *гI'утIас* "кушать, есть".

Префиксально-суффиксальным способом образуются и следующие субстантивы: лезг., буд. *фу* "хлеб" → лезг. *(ъ)а-ф-ар* (← **(ъ)а-фу-ар*) "пирог", таб. *(ъ)а-ф-ар* "пирог, пирожок", буд. *ал-ф-ар* "тонкий пирог (из творога, трав и др.)"; рут. *ва-л-ыг* "одежда". Ср. функционирование *л* (пространственная морфема со значением "на ком-, чем-либо") в лезгинских языках, а также пространственного форманта *тI* (← **кьI*) в ав. *ретI-ине* "одеть" → *ретI-ел* "одежда" в роли корневой морфемы.

В лезгинских языках слова "дерево", "палка" образуются от корневой морфемы *кI-* при помощи различных словообразовательных суффиксов: аг. *кI-ур* "дерево, палка", *кI-аш* "палка", лезг. *кI-ар* "скалка", рут. *кI-аш* "посох", *кI-ар* "скалка", крыз. *кI-аьш* "палка", буд. *кI-эш* "большая палка чабана", ср. также хин. *кI-ана* "шест". В цахурском языке слово "палка" образуется префиксальным способом: *чы-кI*. В цахурском же языке от настоящей корневой морфемы префиксально-суффиксальным спосо-

бом образуется слово *лу-кI-ун* "береста", где префиксальный аффикс представляет собой пространственную морфему со значением "на", а суффиксальный – адъективный (причастный) формант.

4. Семантические модификации

Сфера словообразования, относящаяся к семантическим модификациям, – одна из самых сложных и очень слабо разработанных в деривации дагестанских языков. Отдельные фрагменты семантических преобразований приводятся в связи с фонетическими реконструкциями и этимологическими разысканиями. Содержатся они в лексикологических [Гайдаров 1966; Загиров 1987] и диалектологических работах, в которых даны лексические единицы, расходящиеся по своему значению в диалектах [см. Гайдаров 1963; 1965; Мейланова 1964; Микаилов 1959].

Краткое освещение данный способ словообразования получает в работе В.М.Загирова [1987 : 122-128], где отмечаются семантические отношения, строящиеся на основе сходства объектов, и приводятся лезг. *къав*, аг. *гIуй*, рут. *къав*, таб. *гъваъ* "крыша", с одной стороны, и крыз. *къав* "мост", с другой; арч. *хал* "гнездо" при аг., рут., таб. *хал*, цах. *хав* "дом" [Там же : 127]. Здесь же можно указать и аг. *рагI* "гребень" при *рагI* "чесалка"; таб. *кIураб* "кость" при *кIураб* "косточка (фруктов)"; лезг. *цIай* "огонь" при *цIай* "приступ малярии" (болезнь сопровождается высокой температурой); таб. *цIа* "огонь" – *цIа* "приступ малярии"; аг. (соб. аг.) *багв* "бок" при *багв* "косяк (оконный или дверной)".

Семантические модификации могут складываться и на основе отношения "предмета и материала, из которого сделан предмет", ср.таб. *ургам* "шуба, тулуп" при рут., цах. *ург* "ягненок"; рут, *кьыдыкь*, лезг. *хъццикь*, таб. *гъидикь*, аг. *кьудакь*, арч. *кьонокь* "кожа, шкура, овчина" при буд. *къинджекь* "бурдюк" [Загиров 1987 : 127].

Из восточнолезгинских языков в собственно лезгинском и табасаранском слова *кьил*, *кIул* обозначают "голова" и "колос". Как считает В.М.Загиров, здесь наблюдается расширение значе-

ние за счет утраты исконного слова "колос" [1987 : 127], ср. аг. *кIил* "голова", но *кIemI* "колос".

Перенос значения от общего понятия к частному, от целого к части предмета наблюдается у следующих наименований: ср. аг. *хил* "крыло" и таб. *хил* "перо".

Одним из продуктивных способов образования новых реалий на базе семантических преобразований является способ переноса значения на основе выделения различных признаков у объектов, вступающих в отношения производности.

В табасаранском слове *хал* "чехол, ножны" (ср. таб., аг. *хал* "дом, комната") перенос значения основан на тождестве функции, выполняемой объектами: "дом, комната" → "обиталище, вместилище человека" → "вместилище оружия" → "чехол, ножны"; или эти отношения могут быть определены по близости расположения объектов: ср. таб. *хев*, аг. *хIав* "воротник" и лезг. *хев* "шея; затылок" → "воротник". Эти отношения складываются и по линии "исходный материал" → "конечный продукт": лак. *гъал* "козья шерсть" → лезг. *гъал* "нитка". Ср. ав. *гъал* "грива".

В основу образования ряда реалий положен определенный призна, который характерен для объектов, вступающих в отношения производности: лезг. *мекь* "холод", аг. *мекI* → лак. *микI* "лед" → "град". Или, см. имеющий широкие типологические параллели в кавказском ареале семантический переход "холод, ветер" → *микIар* "ревматизм", аг. *мекI'* "холод" → *мекI'* (кош., цир.) "ревматизм", ср. также рут. *гыбыл* "ветер" → лезг. *ккуппул* "ревматизм", аг. *ккубул* то же. Ср. а также лак. *даркъ'у* "холод" → *даркъ'у* "ревматизм".

В свою очередь, такая семантическая модификация, очевидно, является результатом эллипсиса словосочетания "ветра/холода болезнь", то есть "болезнь ветра/холода", где субстантивный компонент со значением "боль, болезнь" предается забвению и опускается. Вместе с этим меняется и падежная форма: форма родительного падежа переходит в номинативную. Образуется семантический сплав, вобравший в себя значения обоих слов, что приводит к созданию однословной номинативной еди-

ницы. Ср. ав. *гьуразул унти* "ревматизм" (*гьуразул* – род.п. от *гьури* "ветер", *унти* – "боль, болезнь"), дарг. *дагIла изала* "ревматизм" (*дагI* "ветер", *изала* "боль, болезнь").

Семантический перенос "ветер" → "ревматизм", возможно, под влиянием дагестанских языков осуществляется и в кумыкском языке: *йел* "ветер" → *йел* "ревматизм".

Отношения производности могут складываться на определенном признаке. Так, например, в агульском слове *бакьатI* корреляция значений "куцехвостый (о животном)" и "ложка с короткой ручкой" происходила на базе выделения признака ущербности, недостаточности чего-либо у объекта. Этот признак переносится и на человеческую сферу родственных отношений. Данным словом – *бакьатI* – называют человека, у которого мало или вовсе нет родственников. Схематически последовательный перенос значений у слова *бакьатI* можно изобразить следующим образом:

"куцехвостый (о животном)" → "ложка с короткой ручкой" → "человек, у которого мало родственников, безродный".

В агульском языке, например, в собственно агульском диалекте, эта номинация распространяется на всех животных, кроме собаки. В кошанском диалекте – на всех животных без исключения. В последнем же, это название распространяется и на ложку с короткой ручкой и на человека, имеющего мало родственников или вовсе их не имеющего.

Слово *бакьатI* является производным: образовано от *кьатI* "отрезок; обрубок" при помощи аффикса – классного показателя *б-*. Из двух переносных, метафорических значений – "ложка с короткой ручкой" и "человек, у которого мало родственников, безродный" – последнее развилось позже. Изначально же это слово обозначало "животное с куцым хвостом".

В этой связи представляет интерес лезгинское *ттумакь* "куцый, кургузый" (см. *ттумакь гурцIул* "куцый щенок"; *ттумакь йац* "бык с обрубленным хвостом"), где *ттум* – "хвост", а *кь* "представляет собой исторически корневую морфему, связанную с глагольным значением "резать", "рубить", как и корневая

морфема *mI*. См. отдельное распределение указанных морфем в качестве корня в дагестанских языках:

кь/къ: анд. *ву-къ-иду* "резать", чам. *бу-къ-ула* "резать", "рубить", лак. *кь-у-кь-ин* (редупликация) "резать", *кь-у-кь-лан* "рубить";

mI: лезг. *a-mI-ун* "резать", аг. *a-mI-ac*, рут. *гьа-mIв-ac* "то же, арч. *a-mI-ac* "резать", *аб-mI-ac* "рубить".

Синтез названных морфем и образование на этой базе сложного слова демонстрируют следующие языки:

лезг. *кь-a-mI-ун* "резать", "рубить", "рвать", таб. *кь-a-mI anIyз* (канд.) "рубить (дрова)", аг. *кь-a-mI акьас* "рубить", "рвать (нитку)", ав. *къ-у-mI-изе* "резать", "рубить".

Такое распределение корневых морфем *кь* и *mI* в дагестанских языках свидетельствует о синонимичности их в прадагестанском состоянии, ср. совпадение их значений: анд. *ву-къ-иду* "резать" и аг. *a-mI-ac* то же. Сложные формы типа аварского *къутIизе*, лезг. *кьатIун* также являются продуктом общедагестанского состояния, так как эти формы распространены в противоположных полюсах дагестанского языкового ареала.

Таким же синтетическим является и слово *кь-a-mI* "обрубок", "отрезок", представленное в восточнолезгинских языках. Оно образовано от глагольной основы способом конверсии: *кьamI-ун* → *кьamI*. Один из его компонентов имеется в лезгинском сложном слове *mmум-a-кь* "куцый, кургузый".

Перенос значений возможен при сходстве объектов или состояния и признака, выражаемых абстрактными субстантивами, см. лезг. *чIере* "лоза", таб. *чIереъ* "деревцо" и лезг. *чIере* "стреха"; лезг. *йар* "заря" и *йар* "краснота"; лезг. *кьал* "былинка" и таб. *кьал* "вереск для изготовления метелок"; аг. *чIenI* (← **чIеб*) "шлепок" и лезг. *чIиб*, таб. *чIев* "пядь"; лезг. *регъ* "гребень" – *регъ* "чесалка", аг., таб. *рагъ'* "гребень" – *рагъ'* "чесалка"; лезг. *ифин* "жар, температура" (при болезни) и *ифин* "накаливаться" и др.

Отношения производности могут складываться и между единицами, одна из которых представляет название среды, а другая – ее продукт:

лезг. *лам* "сырость, влага" и *лам* "мокрица".

У лезг. *лекIуьн* значение "запевала" могло возникнуть на основе эмоциональной окрашенности слова *лекIуьн* "говорить, общаться".

Семантические модификации могут быть результатом переноса значения "от частного к общему": лезг. *чIал* "слово" → *чIал* "язык, речь"; или протекать по линии:

"процесс → признак, характеризующий этот процесс → предмет":

лезг. *цуур* "окисление, брожение" → *цуур* "медь";

"процесс → результат этого процесса → обозначение предмета":

лезг. *атIун* "резать" → *атIун* "межа";

"анатомический орган → участие его в процессе → наименование этого процесса":

лезг. *мез* "язык" (анат.) → *мез* "речь".

Перенос значения может основываться и на качестве предмета:

лезг. *туькьуьл* "горький" → *туькьуьл* "желчный пузырь", аг. *гIазер* (кош.) "зеленый" → *гIазер* "съедобная трава".

Значительное место в системе лезгинского словообразования Р.И.Гайдаровым отведено семантическим преобразованиям [см. 1966:134-146]. В этой части работы отмечается, что, несмотря на сравнительно небогатый лексический состав лезгинского языка (по его данным в лезгинском языке не более 20 тысяч слов), им удовлетворяются все потребности народа в различного рода его словесной деятельности. Этому способствует, как считает Р.И.Гайдаров, многозначность большинства лезгинских слов. В большей степени полисемантичны имена существительные и глаголы, а в их числе те, "которые входят в круг наиболее употребительных слов, обозначающих жизненно важные понятия, предметы и действия" [Гайдаров 1966:134-135].

Отмечаются следующие причины, побудившие к образованию многозначности:

Образное употребление слова.

Расширение его семантических границ.

Эвфемизм.

Семантическое калькирование как отдельных слов, так и целых словосочетаний.

Семантическая компрессия (*яргъи рушан киф → яргъи руш* "радуга").

Окказиональное употребление слова и др.

Среди семантических преобразований выделяются такие, которые складываются по сходству обозначаемых ими предметов и явлений (*кIар* "ступенька – *кIар* "скалка"); на основе функционального переноса значения (*тIуб* "палец" – *тIуб* "задвижка; засов") и др.

5. Описательный способ словообразования

Большое место в словообразовании восточнолезгинских языков занимает описательный способ: лезг. (хлют.) *чанадин раьхв* "челюсть" (букв. "подбородка мельница"), аг. (фит.) *мучIурин кулар* "челюсть" (букв. "подбородка штанины"); таб. *кь'уб маш гъ'айир* "лицемер" (букв. "два лица имеющий"); таб. (канд.) *сппарихъ хъайи йиккар* "десна" (букв. "за зубами находящееся мясо"); лезг. *ивидин дамарар* "вены, кровеносные сосуды" (букв. "крови сосуды"), аг. *иъин таб* "кровеносный сосуд" (букв. "крови жила"); лезг. (ахт.) *сивин къав,* аг. (соб.аг.) *сивин гъвад* "нёбо" (букв. "рта крыша"); лезг. (хлют.) *ири рад* "пищевод" (букв. "крупная кишка"), аг. (рич.) *кьуркьан руд* "пищевод" (букв. "горла кишка"); лезг. *ппаккун тIвал* "ребро" (букв. "бока прут"), аг. (кош.) *мугулин тIул, мугул тIул* (соб.аг.) "ребро" (букв. "метлы прут"); аг. *галун хур* "боб" (букв. "низменности горох"); лезг. *ккаккадин лаз* "белок яйца"; лезг. *кIачIал тIуб,* аг. *кIачIалай тIуб* "мизинец"; лезг. (ахт.) *дамар(ын) ппеш* "подорожник" (букв. "кровеносных сосудов лист"), аг. *йирхIунин цIаб* "подорожник" (букв. "раны лист").

В восточнолезгинских языках имеется ряд реалий, которые образованы в отдельных из этих языков, но не имеют аналогов в других ингредиентах. Во многих случаях эти реалии представляют собой поздние образования.

В научной литературе данный способ словообразования выделяется как один из основных в агульском языке [см.: Магометов 1970а: 90], и это справедливо. Наименования, образованные таким способом, охватывают большой спектр различных жизненно важных понятий:

1) Различные соматизмы: *кьвакьван ъ'агв* "голень" (букв. "колена зеркало"), *суратин къул* "щека" (букв. "лица крышка"), *ъ'ачІаъ рукІ* "подмышка" (букв. "в щели яма"), *улин къарк* "веко" (букв. "глаза кожура") и др.

2) Реалии, относящиеся к сельскому хозяйству: *кІарчариъ гІархьа тІил* "повод" (веревка, надетая на рога запряженного рабочего скота) (букв. "в рога вдеваемая веревка"), *ъ'урдикк акьуф* "пар (невспаханная земля)" (букв. "под зиму сделанный").

3) Реалии, относящиеся к строительству: соб. аг. *паъ'арин хал* (букв. "кур дом, комната"), кош. *паъ'арин авуг* (букв. "кур конура") "курятник", кош. *куман ул* "дымоход" (букв. "дыма глаз"), соб. аг. *хулагъин зуран* "карниз (крыши)" (букв. "крыши край").

4) Наименования, которые относятся к быту и хозяйству: кош. *рукъ' акъацІаред* "совок" (букв. "золу выгребающий"), соб. аг. *мурттар але руб* "большая игла (с тремя углами)" (букв. "с углами иголка"), *хайатІ але кІур* "катушка (для ниток)" (букв. "с нитками дерево"), кош. *цІила ашенед* "ящик для хранения ложек" (букв. "ложка кладущий"), соб. аг. *къадакъар ъаттива кьецІ* "щипцы для выдергивания гвоздей" (букв. "гвозди вытаскивающие щипцы"), *цІа дирка кьецІ* "щипцы для углей" (букв. "огонь помешивающие щипцы"), *шаккар ругІа кьецІ* "щипцы для раскалывания сахара" (букв. "сахар дробящие щипцы").

5) Наименования, выражающие родственные отношения, а также связанные с свадебными обрядами: соб. аг. *хьиджар дад* "тесть" (букв. "*хьиджар* + отец), *хьиджар баб* "теща" (букв. "*хьиджар* + мать"), *сусан баб* "женщина, сопровождающая новобрачную в дом жениха" (букв. "невесты мать").

6) Номинации, относящиеся к фауне: кош. *вагъ али гъ'у* "черепаха" (букв. "лягушка, на которой находится миска"), соб. аг. *цІа ата милехъв* "святляк" (букв. "огонь бьющий червь"). У та-

ких единиц, как можно заметить, происходит семантический сдвиг в сторону метафоризации значения. Ср. соб. аг. *галун хIуни* "жук" (букв. "низменности корова"), кош. *Малла ъ'агин йецв* "жук" (букв. "Маллы дядин бык"), в которых степень метафоризации настолько сильна, что семантическая связь означаемого с означающим полностью утрачена.

7) Наименования, которые относятся к растительному миру: соб. аг. *кьацI ъикIа медж* "крапива" (букв. "кусающаяся съедобная трава"), *хьибу цIаб але ъ'укI* "клевер" (букв. "три листа находящаяся трава"), кош. *чIар али худ/маш* "персик" (букв. "с волосом слива/абрикос").

8) Наименования, которые обозначают продуты питания: соб. аг. *ъацIу руд* "колбаса (местного изготовления)" (букв. "полная кишка"), кош. *рахIуйин тум* "закваска для теста" (букв. "муки закваска").

9) Наименования, обозначающие изъяны во внешнем облике человека: кош. *тIучIни хъ'ухъер* "курносый" (букв. "раздавленный нос"), *цIакре илар ъайед* "косой" (букв. "кривые глаза имеющий"), *тIелтIемар кейед* "рябой" (букв. "крапины имеющий").

10) Наименования, которые обозначают определенные стороны характера человека: соб. аг. *даваттин гунтI* "забияка, задира" (букв. "шалости холм").

Значительное место описательный способ занимает и в словообразовании табасаранского языка. Многие из подобных образований объединяются в специальной литературе на основе выделения связанных слов, вокруг которых создаются словообразовательные ряды:

при помощи слова *уста* "мастер" образуются слова с названием деятелей: *рукьан уста* "кузнец" (букв. "железа мастер"), *джуьлгар апIу уста* "слесарь" (букв. "замки делающий мастер"), *йифрин уста* "медник" (букв. "меди мастер"), *машинарин уста* "механик" (букв. "машин мастер");

при помощи слова *бицIи* "маленький" образуются наименования с уменьшительным значением: *бицIи пич* "печка" (*пич* "печь"), *бицIи цIупур* "перышко" (*цIупур* "перо (птицы)", *бицIи*

тки "кусочек" (*тки* "кусок"), *бицIи кIир* "крючок" (*кIир* "крюк"), *бицIи маргъ* "палочка" (*маргъ* "палка"), *бицIи баж* "малыш" (*баж* "мальчик").

Названия деятелей образуются и путем причастных форм *бачкIар дирхрур* "шапочник" (букв. "шапки шьющий"), *йаркур урх'урайир* "лесник" (букв. "лес охраняющий"), *гакIулер гъадаmIур* "дровосек" (букв. "дрова рубящий"), *читин ъадагърур* "угледкоп" (букв. "уголь вынимающий"), *игган урггрур* "жнец" (букв. "жатву жнущий"), *ачIал апIрур* "пололщик" (букв. "сорняк делающий"), *чIигъ' апIрур* "глашатай", "крикун" (букв. "крик делающий"), *х'ар йиврур* "косарь" (букв. "луг косящий"). Эти названия могут состоять также из более сложных образований: *кумгъ'ар марцц апIрур* "трубочист" (букв. "дымоход чистящий"), *лах'ник хил кттручрур* "барин" (букв. "к работе руку не прикасающий") [Магометов 1965 : 143-144; 146].

6. Способ сложения основ

Способ сложения основ в восточнолезгинскиях языках является одним из продуктивных. Истоки его восходят к глубокому прошлому, что подтверждается точным воспроизведением номинаций в этих языках, единой структурной их организацией. Как указывает Р.И.Гайдаров, "О давности функционирования основослагательного типа словообразования в лезгинском языке говорит прежде всего то, что сложные слова составляют значительную долю словарного богатства лезгинского языка, при этом они в большом количестве представлены не только в периферийной, но и в фондовой части словаря" [1966 : 96].

В данный способ словообразования объединяются парные слова, которые пишутся через дефис (лезг. *диде-буба* "родители"), а также те, которые слились и нередко для восстановления исходного их состояния требуется этимологический анализ. Объединяющим эти единицы является то, что они представляют собой семантически целостные образования. У первых часто происходит стирание частей слов, что предрасполагает к сливанию слов: ср. наряду с *диде-буба* и *деба* "родители".

Композиты, которые передаются через дефис, представляют собой парные слова, объединенные на семантической основе. Они могут:

выражать родственные отношения: лезг. *вах-сттха* "брат-сестра", *руш-гада* "дети" (букв. "девочка-мальчик"), *диде-буба* "родители" (*диде* "мать", *буба* "отец"); аг. *дадар-бабар* "родители" (*дадар* "отцы", *бабар* "матери"), *чи-чу* "сестра-брат"; таб. *авайар-бавар* "родители" и др;

относиться к номинациям, объединенным на основе однородности предметов и вещей, а также объектов, образующих единство: аг. (соб. аг.) *кунар-лекар* "одежда, обувь", *кулакар-мекIер* "холод" (букв. "ветры-холода"), кош. *къаьчар-куьлар* "посуда" (букв. "посуда-крышки"), *завар-джилар* "мир" (букв. "небеса-земли"), *кIилар-тIуръ'ар* "голова и ноги зарезанного животного" (букв. "головы-ноги"), *йиркIвар-лекIер* "внутренности животного" (букв. "сердца-печени"); таб. *дзавар-джилар* "мир", *кIулар-чиркар* "голова, ноги и внутренности животного", *хуйар-джанаврар* "собаки-волки"; лезг. *кIан-пун* "подноготная" (*кIан* "дно", *пун* "основа"), *гъвечIи-чIехи* "стар и млад" (*гъвечIи* "маленький", *чIехи* "большой").

В восточнолезгинских языках определенное место в конструировании имен существительных занимает модель, содержащая две самостоятельные основы, которые могут состоять из двух имен сущестительных: "имя существительное + имя существительное": лезг. *гадарыш* (ахт.), таб. *байриш* "ребенок (обоего пола)". Слова соединяются без каких-либо аффиксов. Общий смысл слова складывается не из суммы значений составляющих его компонентов (лезг. *гада*, таб. *бай* "мальчик" и лезг. *рыш*, таб. *риш* "девочка"), а обусловлен лексическими единицами с метафорическим значением. Нельзя утверждать, что общее значение слова совершенно не мотивировано частями, его образующими.

В описываемых языках представлены и слова, образующие корреляцию по оппозиции. Они также состоят из двух основ; одна представляет наречие-послелог и создает поляризацию значения: "наречие-послелог + имя существительное": таб. *ис-кIул* "спуск", аг. *ахттkIил* то же (где таб. *ис* и аг. *ахтт* являются

синонимичными наречиями-послелогами со значением "вниз", а таб. *кIул*, аг. *кIил* имеют значение "голова"); таб. *дзикIул*, аг. *вартткIил* "подъем" (где таб. *дзи* и аг. *вартт* обозначают "вверх", а *кIул* и *кIил* – "голова"). В лезгинском языке слова "подъем" и "спуск" также образованы от данных основ, только эта модель имеет метатезированную форму: на первом месте – имя существительное, а на втором – наречие – "имя существительное + наречие-послелог": *кьил агъуз* "спуск", *кьил виниз* "подъем". В отличие от табасаранского и агульского языков здесь компоненты раздельнооформлены.

Выявление и анализ моделей имеют важное значение не только для теории слова, но и при семантической идентификации морфем. В последней модели ("имя существительное + наречие-послелог" / "наречие-послелог + имя существительное") хотя наречные компоненты и различаются по внешней форме, но семантически полностью совпадают. Эта, своего рода дистрибуция, дает возможность идентифицировать указанные морфемы.

Часто в одном из компонентов словосочетаний ударение ослабляется или вовсе утрачивается, и на этой основе происходит слияние (сращение) слов. У сложные основ, образованных таким способом, выпадают отдельные грамматические формы или слова претерпевают кардинальные изменения, и от них сохраняются одни корневые морфемы. Это приводит к непроницаемости указанных структур.

Представляет интерес агульское *гIалашуй* "гость", образованное от *гIал* "гость" (ср. дарг. *хх'ул* "гость", а также аг. (рич.) *хIул-ар* "гости") + *шуй* "мужчина". В слове "гостья" к доминирующему в семантическом плане *гIал* добавляется слово *хьир* "женщина": *гIалахьир*. В данном случае вторые компоненты слов "гость" и "гостья" – *шуй* и *хьир* несут грамматическую функцию, а именно: разграничивают половую принадлежность. В табасаранском языке (кандикский говор) дифференециация по полу в данных словах выражается всего лишь символами *-жв* и *-ш*, которые сохранились от слов *жви* "мужчина" и *шив* "женщина": *халижв* "гость" и *халиш* "гостья". Таким образом, в таба-

саранском языке наблюдается окончательная формализация слов "мужчина" и "женщина". Модель данных слов в агульском языке "гость + мужчина", "гость + женщина" точно повторяет модель лакских *хъамаличу* "гость" и *хъамалушшар* "гостья". В арчинском языке эти понятия различаются посредством суффиксальных классных показателей *хх'елетту* (← **хх'елеттув*) "гость" и *хх'елеттур* "гостья", как и в андийских, см. чам. *цIев* "гость", *цIей* "гостья".

В табасаранском сложном слове *кь'убракк(ар)* "створчатая дверь", (*кь'уб* "два", *ракк(ар)* "дверь (двери)", приводимом П.К.Усларом [1979 : 88], в отличие от предыдущего слова ("гость") основная семантическая нагрузка падает на второе слово, а первое выполняет роль опредлеямого слова. Оба слова не претерпели фонетических изменений и выступают в полной форме.

В сложных словах, один из компонентов которых представляет атрибутивное слово, а второе субстантив, оба в равной мере принимают участие в формировании семантики: аг. *хIадад* "дедушка" (*хIаф* "старший, *дад* "отец"), *хIабаб* "бабушка" (*хIаф* "старшая", *баб* "мать"); *рухагаджин* "свисток" (*рухаф* "верещащий", *гаджин* "глиняный кувшин").

При сложении основ слова, складывающиеся в целые структуры, имеют различную степень деформации. В одних случаях один из компонентов, обычно конечный, имеет не полную форму, а представлен в форме чистой основы, что создает предпосылки для его грамматикализации. Последнее, в свою очередь, и является причиной перехода свободного словосочетания в сложное слово. Ср. аг. (соб. аг.) *гIанчIир* "неотелившаяся корова" (*гIан* "внутренность, чрево", *чIир* "адъективная (причастная) основа от *чIиреф* "испорченный, бесплодный") и *гIан чIиреф* "тот, у кторого испорчен желудок". Ср. также аг. (соб. аг.) *кьуруц* "деревянная палка, изогнутая на конце для помешивания зерна в печи" (*кьур* "зерно", *уц* – глагольная основа от *уцас* "жарить") и *кьур уцас* "жарить зерно".

Процесс деформации слов, вступающих в отношения производности, может идти дальше: оба слова теряют свои части, со-

храняя основные элементы, по которым возможно восстановить их первоначальный облик: таб. *тушв* "то место" (сложено из *туму* "тот"+ *йишв* "место"), ср. аг. *те ус*. В табасаранском и агульском языках в слове *кь'учал* "подпорка" вторая основа -*чал* утратила компонент –*х*-, что обнаруживается при сравнении с лезг. *кьвечхел* (← **кьве-чихел*) "развилка". Слово состоит из *кьве(д)*- "два" и – *чихел* "ветка, ветвь". Префиксальный *ч*- в слове *чихел*, очевидно, является превербом со значением "нахождение на ветикальной плоскости" и восходит к *к*-.

Имеется ряд сложных слов, которые при сращении утратили одну из падежных форм. Часто это случается с атрибутивным словом, выступающим в форме родительного падежа: лезг. (ахт.) *йифцIайар* "посиделки"; сложное слово образовано от свободного словосочетания *йифен цIайар* "ночные огни"; *руфункқал* "обжора, чревоугодник" (*руфун* "живот" + *ккал* "корова") образовано от несвободного словосочетания *руфунин ккал* (букв. "живота корова"). И в первом случае и во втором причиной слияние компонентов послужило выпадение у начального компонента падежного показателя -*н*. Различие между единицами заключается в то, что первое сложное слово образовано на основе свободного словосочетания, а второе – на основе связанного.

В следующих сложных словах сращение слов произошло на основе грамматической компрессии атрибутивного слова: таб. *шаришвур* "ртуть" (*шар* "вода" + *ишвур* ← **йишвур* "золото"), аг. *тIурвакъ* "деревянный половник с короткой ручкой" (*ттур* (ср. лезг. *тIур*) "ложка" + *вакъ* "миска"), аг. (кош.) *варнекI* "улей" (*вар* "пчела" + *некI* "колода", "кадка").

В некоторых случаях одно из слов в сложном образовании представляет собой грамматикализовавшуюся форму, см. аг. *чибхар* "двоюродный брат, двоюродная сестра" (*чи* "сестра" + *хар* – причастная форма глагола *хас* "родить, родиться"). Наличие по диалектам формы *чумхар* (← *чубхар*) наряду с *чибхар* может свидетельствовать о контаминации *чи(б)хар* и *чу(б)хар*, где *чи* "сестра", *чу* "брат". Не всегда можно объяснить с семантической точки зрения соединение тех или иных слов, как это представлено в агульском *ттаргъун* "надмогильный камень,

устанавливаемый у изголовья" (*ттар* "засов, дубина" + *гъун* (← *гъван*).

Сложное слово может складываться и из трех слов. Такие эллиптические формы очень редки: аг. (соб. аг.) *къаркагIуб* "черепаха" (*къарк* "кожура, кора" + *а* (← **але*) – глагольная связка "находится (на...)" + *гIуб* "лягушка", ср. кош. *вагъ али гъ'у* (букв. "лягушка с миской", а также лезг. (ахт.) *кIвал алей къиб* (букв. "лягушука с домом").

Сложные слова, состоящие из двух основ, могут еще осложняться словообразовательным суффиксом, см. лезг. *мухатIил* "ячмень на глазу" (*мух* "ячмень" + *тI-* – корневая морфема от слова *тI-ур* "прыщик" + деривационный суффикс *-ил*), ср. аг. *мухан тIур* "ячмень на глазу" (букв. "ячменя прыщик").

Имеются единицы, в которых отношения производности выявляются путем сложных операций. В словообразовательных моделях отличаются как префиксальные и суффикальные, так и префиксально-суффикальные способы деривации. Словообразовательный ряд позволяет выявить моноконсонантные корни, выступающие с префиксальными и суффиксальными словообразовательными компонентами. Такие слова с современной точки зрения являются непроизводными, и лишь этимологический (исторический) анализ позволяет выделить в них деривационные аффиксы.

При сравнительно-историческом исследоании структуры сложных слов помимо фонологической реконструкции слова в целом приходится проводить реконструкции его отдельных частей, которые могут быть контаминацией отдельных слов.

При удвоении сращивающиеся части претерпевают значительные фонетические изменения. В восточнолезгинских языках в слове "весна" соединившиеся части образуют единый фонетико-семантический комплекс: лезг. *гатфар*, таб. *хьадукар*, аг. *хьидквар* (кош., фит.). Данная словообразовательная модель состоит из двух компонентов: *гат-* (← **гад*), *хьад-*, *хьид-*, и *–фар*, *-квар*. При этом обнаруживается, что лезгинское слово образовано от двух семантически единых слов: "лето + лето": ср. лезг. *гад*, таб. *хьад* "лето" (в лезгинском *гад* из *ггад* ← **хьад*) и *фар*

(← **хьвар* ← **хьвад*). В табасаранской форме *хьад* произошла делабиализация спиранта *хьв-*, о чем свидетельствуют таб. *хьад-укар* (← **хьад-хьвар*), аг. *хьид-квар* (← **хьид-хьвар*). Помимо этого в восточнолезгинских языках отмечается семантический сдвиг, при котором один и тот же компонент по языкам обозначает и весну и "лето", ср. таб. *хьад* "лето" и аг. *хьид* (← **хьад*) "весна". По всей вероятности летнее и весеннее время в историческом прошлом у народов восточнолезгинской подгруппы не дифференцировалось. При дальнейшей дифференциации (иной цикличности) времен года происходит разграничение летнего и весеннего периодов. Язык, исходя из принципа экономии прибегает к образованию нового слова посредством удвоения основы, которое имеем в лезгинском *гат-фар*, таб. *хьад-укар* и аг. *хьид-квар*. Морфемное членение слова *хьвад* "весна, лето" в восточнолезгинских языках обнаруживает, что слово делится на две морфемы: *хьв-* (корневая морфема) и *-ад* (адъективный суффикс). Такое членение слова оправдано, если сравнить с цах. *йу-хьхь-ан* "весна".

В ряде случаев сложные слова являются результатом фонетической и семантической контаминации. Ср., например: аг. *ку-тIул* "ветка" при лезг. *кул* "ветка" и *тIвал* "прут", аг. *тIул* "прут".

В материальном плане удвоение основ может сопровождаться значительными фонетическими изменениями, которые делают обязательным идентификацию привлекаемых лексем/компонентов. Последнее вызывает неоходимость проведения комплекса операций, которые связаны как с сравнительно-историческим исследованием материала, так и с семантическими и типологическими процедурами. В лезгинском языке слово *хъархъ* обозначает "зеленый грецкий орех". Очевидно, данное значение вторичное потому, что в агульском языке представлено слово *къарк* (← **къаркъ*) "кора, кожура", ср. также *къарг* "скорлупа". Семантическое развитие в лезгинском языке шло следующим образом: "кора, кожура" → "зеленая кожура грецкого ореха" → "зеленый грецкий орех". Редуплицированный характер

основы в лезгинском языке выявляется при сравнении с данными андийских языков: анд., чам. *хъ-ал* "кора, кожура" и др.

Лишь при сранительном анализе лезгинское слово *чкка* "место" можно разложить на две части-морфемы. При рассмотрении данного слова в общем контексте дагестанского материала обнаруживается, что морфемы *-ч* и *-кка* являются синонимичными между собой и обозначают "место". Такая семантическая контаминация выявляется при сравнении с арчинским *ма-чI* "место", цезским *мо-чи* то же, с одной стороны, и с удинским *га* (←**гагь*) "место", с другой. На этом основании в лезгинском *чкка* можно восстановить, подвергшиеся фузии, префиксальный элемент *ма-* и суффикальный *-гь*: **ма-ч(и)-ккагь*.

В агульском языке слово *джуб, джву* (по диалектам) обозначает "корыто (для теста)", от него происходит слово *джубах* "скребок для очистки квашни от теста". Семантика суффикса *-ах* на агульской почве, а еще шире – на общелезгинской почве не раскрывается. Благодаря материалу андийских языков проливается свет на семантику указанного суффикса. В андийских языках он предстает в качестве корневой морфемы в словах "маленькая лопата" и "деревянная лопата" с самостоятельным значением: анд. *ре-хх-ин* "деревянная лопата", чам. *бе-х-ун* (гиг.), тинд. *ре-хх-ен* то же. Ср. также аг. *джвув-ах* (бурш.) "маленькая лопата", *джуб-р-ах* (рич.). Здесь можно выделить два уровня языка: 1) собственно агульский, где наряду с *джуб* "корыто (для теста)" присутствует и *джуб-ах* "скребок для очистки корыта от теста". На основе этих форм устанавливается исходность первой и производность второй и выделяется аффикс *-ах*; 2) общедагестанский. При общедагестанском уровне устанавливается, что *-ах/-х* является корневой морфемой. Это последнее и дает основание говорить о том, что в агульском слове *джубах* представлена сложная основа.

Анализ сложных основ показывает, что в одно целое большей частью соединяются слова/основы, которые близки или синонимичны по своей семантике. На базе сложения этих основ образуются новые слова, близкие по своему значению с основообразующими словами.

Только благодаря привлечению широкого контекста данных можно в лезгинском слове *рук* "лес" выделить две морфемы: префиксальный компонент *ру-* и корневую морфему *-к*. И благодаря лезгинскому *рук* и агульскому *ахв* (кош.) в рутульском *хук* "лес" и арчинском *ххвак* "дерево" становится возможным выделить две морфемы – в арчинском *ххв-, -к* и в рутульском *ху-, -к*. С другой стороны, благодаря этим формам стало возможным и разложение (расщепление) лезгинского слова "лес".

С словообразовательной точки зрения и арчинсое *ххвак* "дерево", и рутульское *хук* "лес" имеют модель "основа имени существительного + основа имени существительного". Реконструированная форма этой модели должна выглядеть следующим образом: "имя существительное (*ахв-* "лес") + имя существительное (-*рук* "лес")". При образовании арчинской и рутульской форм происходит редукция префиксальных частей (*а-* и *ру-*), после чего складываются в одно целое корневые морфемы (*ххв-ак, ху-к*). Вместе с тем и лезгинское *рук*, и агульское *ахв* не возможно было бы расчленить на *ру-к* и *а-хв* без рутульского и арчинского материала. После проведенной операции можно говорить о контаминации форм *рук* и *ахв*, и образование на их базе рутульской и арчинской форм (*ххвак, хук*).

Сращенной формой является агульское слово *цIагъун* "бревно, балка", которое состоит из *цIа-* и *-гъун* (модель "корень имени существительного + имя существительное). Отдельные компоненты этого сложного слова представлены в лак., дарг. *ва-цIа* "лес" и анд. *гъон*, цез. *гъун* "дерево".

Структуру имени в восточнолезгинских языках невозможно понять без уяснения одного важного (с исторической точки зрения) момента. Мы имеем в виду способность восточнолезгинских языков к удвоению основ посредством синонимичных морфем, ср. редуплицированные основы, в которых сращиваются морфемы, абсолютно синонимичные между собой (они совпадают и материально, и по значению): аг. *тI-ал-тI-ам* "родимое пятно"; *з-уьл- -ез* "селезенка", лезг. *цц-ила-з* то же, рут. *з-или-з*, уд. *з-и-з-ам*; лезг. *цц-а-з* "шип, колючка", таб. *дз-а-дз-а* (дюб.), *з-а-з* (канд.), аг. *з-а-з* то же; лезг. *кI-у-кI* "вершина, ма-

кушка", аг. *кI-у-кI*; лезг. *тIв-е-тI* "муха, аг. *тI-у-тI* то же, ср. также цах. *тI-о-тI*, крыз. *тI-ы-тI*, буд. *тI-у-тI;* лезг. *к-е-к* "ноготь", аг. *к-ир-к* то же.

В восточнолезгинскиях языках, как это было проиллюстрировано выше, нередко отдельные элементы основы стираются (редуцируются) и агглютинативный тип приобретает черты фузии, что во многом зависит от дистрибуции согласных. Редукции не происходит, если согласные на стыке морфем встречаются с вибрантом *р*, см., например: аг. *тIуб-руц* "вертушка" (слово скомпановано из *тIуб* "палец" и *руц-(ас)* "вертеть"). Не происходит выветривания основы и при встрече губно-губного смычного и хрипящего спиранта: аг. *чиб-хар* "двоюродный брат, двоюродная сестра" (слово сконструировано при помощи *чи(б)-* "сестра" + *-хар* "причастие от глагола *хас* "родить(ся)"), а также спиранта *ф* и абруптивного *цI:* лезг. *йиф-цIайар* (ахт.) "посиделки" (где *йиф* "ночь" и *цIайар* "огни") и др.

Многие субстантивные основы представляют конструкции, состоящие из самостоятельного слова и корневой морфемы. Некоторые из слов наращиваются еще и детерминативными/словообразовательными суффиксами. К ним относятся такие слова как аг. *цIу-ф-ул* "очаг" (*цIа* "огонь" + *ф* (← **фар*) "яма" + *ул* "детерминативный суффикс") и др.

В ряде случаев редуплицированные имена существительные образованы при помощи удвоения глагольного корня: таб. *къ-а-къ* (дюб.), *гъ-а-гъ* (канд.) "ноша, вьюк", аг. *къ-а-къ* (соб. аг.), *гъ-а-гъ, гI-а-гI* (кош.) то же. Ср. аг. *акъ-ас* (кош.) "брать". (В некоторых языках редуплицированные основы осложняются еще и адъективным/причастным суффиксом, ср. уд. *хъахъ-ан* "ноша, вьюк").

С другой стороны, можно предположить, что здесь мы имеем не редупликацию глагольного корня, а ассимиляцию морфемы *хъ* со значением "за, позади" под влиянием корневой морфемы, ср. аг. *къакъ,* (соб.аг.), но *хъ-ахъас* ((← **хъ-акъас*) "взять на спину".

Положительный результат при исследовании структуры слова можно получить, если распределить анализируемый мате-

риал по семантическим гнездам. К примеру, в слове "внук, племянник" в восточнолезгинских языках можно выделить две морфемы благодаря тому, что в том ряду привлекаются и слова "правнук, праправнук", названия "детенышей животных". В лезгинском *хттул*, таб., аг. *хуттул* "внук, племянник" можно выделить префиксальный компонент *х(у)-* благодаря тому, что имеется слово, которое относится к данному семантическому ряду с общим компонентом *-ттул:* лезг. *п-ттул* "правнук". В этом же ряду можно привести таб., аг. *му-дур* "козленок", арч. *мо-тол*, рут. *мы-тыл* то же.

Словообразующая основа нередко подвергается метафоризации, и с таким переносным значением она входит в словообразовательный ряд. В лезгинском и агульском языках глагол "сесть, садиться" имеет корневую морфему *-кь(в)-: лезг. ац-укь-ун (ц-* – пространственный преверб со значением "вниз"), аг. *э-кьв-ас*. Ср. рут. *с-укь-ас* то же настоящая основа имеет и переносное значение "свертываться": лезг. *ац-укь-ун*, аг. (кош.) *йи-кьв-ас*. В лезгинском языке (ахт.) причастная форма глагола участвует в образовании новой номинации – *ацукьей нек* "свернувшееся молоко". На основе эллипсиса данная описательная форма в рутульском языке превращается в *адзукь-уй* "молоко, у которого сняли сверху сливки". Второй компонент (*нек*) предается забвению.

Завершая раздел о словообразовании имен существительных, подведем некоторые итоги и тезисно наметим основные вехи сравнительно-исторической деривации субстантивов. Главной и трудной задачей при исторической деривации является выделение корневой морфемы (или основы) слова. Сама генетическая направленность работы делает необходимым определение корневой морфемы, которая часто сводится к одному согласному. Без определения производящей основы (корневой морфемы) нельзя выделить словообразовательные аффиксы. Своеобразие дагестанского слова заключается в том, что корневая морфема или словообразующая основа часто исторически не выступает без словообразовательного аффикса (префиксальной или суффиксальной морфемы) в чистом виде, как в индоевро-

пейских языках, ср. русское *дом*, которое известно и как корневая морфема (основа слова), и как самостоятельное слово, обозначающее определенное понятие. Это слово может быть словообразующим: *дом→ домик*. В дагестанских языках моноконсонантный характер корня (за редким исключением) приводит к тому, что он не используется в чистом виде без словообразующих аффиксов. Наглядно это можно проиллюстрировать на глаголах, в которых в качестве корневой морфемы выступает согласный *т*. Сам по себе согласный *т* не может дать никакой информации о лексическом значении. Но в нем латентно заключено обобщенное значение. Конкретное лексическое значение основа реализует после того, как к ней присоединяются различные префиксы и суффиксы. Особенно это видно в омонимии корневой морфемы. Ср. ав. *ву-т-* "оставлять", чам. *бе-т*, тинд. *бе-т-*, дарг. *ва-т-*, таб. *гъи-т-* (канд.), аг. *а-т-*, рут. *са-т-*, крыз. *йV-т-* и ав. *бе-т-*, анд. *ре-т-и-т-* "свертываться", лак. *т-а-т-*, дарг. *бер-т-*, арч. *т-ар-* (← **ра-т-*), аг. *ру-т-*, лезг. *ару-т-*.

При выделении словобразующих аффиксов используется ряд процедур. Укажем на некоторые из них.

1. Выделение словообразующих суффиксов на основе их вариации. Этот прием предполагает выделение в словах сходной семантики варьирующих суффиксов как словообразующих, ср. аг. *утI-ай* "теленок" и цах. *утI-аб* "телятник", где соловообразующими аффиксами выделяются *-ай* и *-аб*. Сама словообразующая основа *утI-* не имеет самостоятельного употребления.

2. Данную группу образуют слова, у которых выделяется общая корневая морфема на основе выявления префиксов и суффиксов, варьирующих при ней:

таб. *ш-ив* "женщина" (суффикс);

аг. *ру-ш* "девушка, девочка; дочь" (префикс).

Таким способом выделяются словообразовательные морфемы и в следующих словах: ср. таб. *ар-х* "борозда" и таб., аг. *х-ул* "борозда", лезг. *хв-ал* "борозда", "канава, арык"; ср. лезг. *йу-г* "молотьба" и таб. *гг-ар*, аг. *йи-ъ* то же; таб. *ба-чI* и аг. *чI-епI* "шлепок". В этих словах корневая морфема не выступает в роли самостоятельной лексической единицы.

3. В отличие от предыдущих групп, в данной словообразующей основой служит глагольная основа. Имена существительные образуются от нее при помощи префиксов и суффиксов: аг. *ру-кӀ-ас* "копать" → *ур-кӀ* "яма, впадина", но ср. лезг. *кӀв-ар* "впадина, лунка".

Слова "желудок", "живот", "есть, кушать" генетически связаны между собой: в них выявляется общая корневая морфема. При сопоставлении лезгинских языков с даргинским и некоторыми аваро-андийскими языками такая семантическая связь становится очевидной. В лезгинскиях языках в слове "живот" корневой морфемаой выступают согласные *хь* и *ф*: лезг. *ру-ф-ун* (←**ру-хь-ун*), таб., аг. *ф-ун*, рут. *у-хь-ун*, цах. *ву-хь-ун*, крыз. *ф-аьн*, буд. *ф-ын*. В этом ряду стоит и даргинское *к-ани* "живот", ср. также ав. *к-унил рокъ* "желудок" (букв. "пищи дом"), ахв. *ре-к-а* "живот" и арч. *к-уммуллин нокь* "желудок" (букв. "пищи дом"). В лезгинских языках *хь (ф)* получен из **к* путем палатализации. Такой переход (*к* → *хь*) дает возможность увязать субстантив "живот, желудок" с глаголом "есть, кушать" в дагестанских языках и вынести отношения производности от глагола к субстантиву. Ср. ав. *кв-ан-азе* "есть, кушать", анд. *и-к-он* "съел", ахв. *ун-к-ани*, гунз. *к-ен* "еда" (← ав. *кв-ен* "еда"), дарг. *дир-кв-ис*" есть, кушать", лак. *к-ан-ан*, *ду-к-ан*, арч. *бу-к-мус*, уд. *ук-сун* [см. Гигинейшвили 1977 : 80-81], а также лезг. *цу-кк-ун* ← **цу-к-ун* (ахт.) "жрать" (груб.).

4. И, наконец, в эту группу входят субстантивы, у которых корневая морфема (основа) выступает самостоятельно. См. лак. *ква* "рука" → *ква-ниш* "браслет", аг. *ку-ниш* (соб. аг.), *ру-ку* (кош.) то же.

7. Фонетическое обособление

Заслуживает внимания в восточнолезгинских языках явление, получившее в специальной литературе название фонетического обособления [см. Гайдаров 1966]. Оно характеризуется тем, что фонетические варианты морфем служат средством семантической дифференциации слов, близких по значению. Ср.

лезг. *хъун/хун* "пить"; "сосать (грудь)", таб. *чIвувхуз* и аг. *ухас* "пить", *ухъас* "сосать (грудь)".

В этой связи ср. также лезг. *тIве-тI* (редупликация) "муха" и производные от него, образованные способом префиксации исторических классных показателей, которые служат фонетическими вариантами одной и той же фонемы: лит. *ве-тI* "комар", ахт. *фе-тI* (← **ве-тI*) "личинка зеленой мухи".

Это один из многих способов языковой экономии, когда язык стремится ограниченными средствами выразить многообразие объектов окружающей действительности.

Образование новых слов на основе фонетических модификаций в наиболее развернутом виде представлено в лезгинском языке. Здесь рассматриваются три вида модификаций:

1. Дифференциация значений на основе обособления фонетических вариантов, имеющих место среди согласных:

лув "крыло" – *лиф* "голубь", ср. с диалектными формами слова *кьаркьу-лув* "летучая мышь" (букв. "кожаное крыло"); *хъурхъу-лиф, кьаркьу- -луф, хъирхъан ливар, хъурхъун лувар;*

гъил "рука" – *хел* "рукав; ветвь; один из парных предметов (пара)";

цIиргъ "ряд; строй; шеренга" – *цIирх* "узкая полоска чего-либо; узкий лоскутик материи; тонкая струя жидкости";

гъун "принести" – *хун* "родить";

верх "береза" – *верхь* "осина";

хват "дикорастущая слива" – *хвад* "дикорастущая алыча" (кубинский диалект);

цIил "хозяйственная веревка" – *чIил* "ремень";

чIар "волос" – *цIар* "линия";

тIимил "мало; мизерное количество" – *цIимил* "один шарик козлиного помета";

риге "волосок на колоске, ость" – *йиге* "напильник"

баргъ "предварительно подготовленная для пряжи, затянутая в сплошную ленту, но не скрученная пенька" – *маргъ* "полоска, образуемая скошенной травой при косьбе".

2. Дифференциация значений на основе обособления фонетических вариантов, имеющих место среди гласных:

кIун "клин; колодка для шерстяных носков" – *кIуьн* "маленький клин";

йирф "лопатка (часть тела)" – *йурф* "деревянная лопата (инвентарь)";

къекъуьц "специальный деревянный крюк, привязанный к концу хозяйственной веревки" – *къекъвец* "нечто кривое, крючкообразное";

къвезва "идет" – *къвазва* "идет (об атмосферных осадках)".

3. Дифференциация значений на основе обособления фонетических вариантов, имеющих место при метатезе звуков:

рицI "веревка, применяемая в качестве приводного ремня или пояса в шароварах" – *цIир* "плеть некоторых растений";

сафутI "плетенка в виде шляпы из рисовой или пшеничной соломинок" – *тIафус* "плетеная корзинка небольшого размера" и др. [Гайдаров 1966 : 169-171].

АДЪЕКТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Словообразование в области прилагательных в восточнолезгинских языках имеет общие словообразовательные средства, что свидетельствует о едином процессе словотворчества. См., например:

-и: лезг. *йаргъ-и* "длинный" (*йаргъ* "длина"), *чим-и* "теплый" (*чим* "теплота"), *мекь-и* "холодный" (*мекь* "холод"), *кьер-и* "редкий" (о лесе, шерсти, волосах и т.п.) (*кьер* "место, где мало воды, волос, леса"), *кьецI-и* "хромой" (*кьецI* "хромота")[6]; таб. *къарх-и* "желтый", *ир-и* "расный", *чир-и* "зеленый", *укI-и* "синий", *йаркь-и* "широкий", *печI-и* "легкий", *кь'аш-и* "мокрый", *марцц-и* "чистый, *ман-и* "теплый". В агульском языке суффиксу – *и* по диалектам соответствует *-е: соб. аг. гъаз-е* "зеленый", *ир-е* "красный", *чулл-е* "синий", но фит. *гъаз-и, ир-и, куьл-и* "синий;

-у: лезг. *ццур-у* "кислый" (*ццур* "1. медь; 2. кислая патока"), *къацц-у* "зеленый" (*къаз* "зелень, всходы посевов зерновых культур"), *цIар-у* "пестрый"; "в линию, в полоску (о материи)" (*цIар*

[6] Здесь и далее лезгинский материал заимствован из работы: [Гайдаров 1966].

"линия, полоска"), *лам-у* "сырой; влажный" (*лам* "сырость, влажность; мокрица (насекомое)"; таб. *ккур-у* "узкий", *ацI-у* "полный"; "сытый", *кьал-у* "грязный", *гъ'ацIарк-у* "кривой", *лик-у* "хромой"; аг. *ъ'аш-у* "сырой"; "влажный", (*ъ'аш-ас* "сыреть; мокнуть") *рукъ-у* "сухой" (*рукъ-ас* "сохнуть"), *ъацI-у* "полный" (*ъацI-ас* "наполняться"), *рукк-у* "зарезанный" (*рукк-ас* "зарезать"), *цIак-у* "кривой" (*цIак-ас* "искривиться");

-л: лезг. *рагъ-ул* "бурый; мутный", *кьецI-ил* "нагой, голый", *чIим-ел* "ненастный, дождливый", *туькь-уьл* "горький; прогорклый", *цIиг-ел* "жаждущий, желающий"; таб. *арч-ул* "правый", *гаг-ул* "левый"; аг. *ис-ал* "узкий", *кь'ацI-ул* "нагой, голый";

-н: лезг. *шаз-ан* "прошлогодний" (*шаз* "в прошлом году"), *нakь-ан* "вчерашний" (*накь* "вчера"), *вилик-ан* "прежний" (*вилик* "прежде"), *дехьнен-ан* "давешний" (*дехьне/дехьнен* "давеча"), *ттапп-ан* "ложный"; не соответствующий действительности" (*ттапп* ← *ттаб* "ложь, обман"), *ппатт-ан* "посторонний" (*ппатт* ← *ппад* "сторона"), *гиг-ин* "грабовый, сделанный из древесины граба" (*гиг* "ось"), *кIан-ин* "самый низкий (о цене; о сорте товаров; об этажах и т.п.)" (*кIан* "дно, основание"); таб. *кь'ал-ан* "средний" (*кь'ал* "середина"), *улихьди-н* "прежний" (*улихьди* "раньше"); аг. *цац-ан* "прошлогодний", (*цац* "в прошлом году"), *накь-ан* "вчерашний" (*накь* "вчера"), *хIач-ун* "яблоневый, яблочный" (*хIач* "яблоко"), *йагIа-н* "сегодняшний" (*йагIа* "сегодня"), *хьей-ин* "шерстяной" (*хьей* "шерсть").

Имеет место распространение в этих языках и суффикса *-р*:

лезг. *ий-ер* "хороший", таб. *буркь'-ур* "слепой" (*буркь'* "глазной гной"), аг. *тIахI-ур* "мутный".

В специальной литературе отмечается, что категория адъектива как часть речи в дагестанских языках, в сравнении с другими частями речи, зародилась позже. Но вместе с тем, имеются основания думать о существовании постулируемого для общелезгинского "класса лексем, объединяемых в категорию адъектива" [Алексеев 1985 : 63] и в прадагестанском состоянии. Такое положение представлено и в языках иной системы. Так, например, формирование адъектива как части речи элиминируется из пратюркского состояния, но несмотря на это, в тюркских язы-

ках, как и в дагестанских, происходит формирование адъектива на базе лексикализовавшихся глагольных форм [см. Кормушин 1991: 73].

Структурно-семантический анализ адъективов дагестанских языков показывает, что структуры, содержащие в своем составе суффиксы *-н, -л, -р,* во многих случаях наращиваются вторичными адъективными суффиксами или классными показателями, семантически соотносящимися с классом определяемого. Как замечает И.И.Мещанинов, прилагательные в дагестанских языках "получают не одну только свою особую грамматическую форму, ставшую их отличительным лексическим признаком. Они, кроме того, в отличие от имен существительных, не принадлежат по своей семантике ни к одному классу или роду и получают классные или родовые показатели в порядке согласования с определяемыми..." [Мещанинов 1945]. Здесь можно говорить о производящей и производной (с живыми, ныне функционирующими суффиксами) основах адъектива в дагестанских языках:

лезг. *хъс-ан* "хороший", *ий-ер* "хороший", *тукь-уьл* "горький", цах. *чІер-ан* "красный", *цІед-ын* "новый", рут. *ш-ил-ды* "зеленый", крыз. *гг-ыр* "горячий", хин. *кь-ал* "горький", арч. *х-ал-аттуб* "старый", дарг. *бухъ-на,* лак. *хъ-ун-ав,* ав. *гІурч-ин-аб* "зеленый", *багІ-ар-аб* "красный", *чІегІ-ер-аб* "черный", кар. *хх-ол-об* "серый, *бакІ-а*ⁿ "кривой", *бечІатІ-ир-об* "черный", чам. *хх-ол-уб* "серый", *бичІ-анна* (← **бичІ-ана*) "кривой", багв. *хх-ол* "серый".

И другие аффиксы, которые имеют очень ограниченное распространение в лезгинских языках, но употребляются широко в других дагестанских языках, прошли подобный путь. Ср. суффиксы *–ес, -аси, -есо,* образующие как причастия, так и прилагательные в цезских языках:

хварш. *ушш-есо* "умирающий", бежт. *зогъц-ас* "находящий", цез. *хъухъ-аси* "сухой", гин. *хъухъ-ес* "сухой". Ср. также дарг. *гуж-си* "голодный", *бикІ-уси* "тонкий", лак. *кьавкь-сса* "сухой", *кьурчІ- исса* "горький".

В частных ветвях дагестанских языков проблемы происхождения адъектива касались в связи с корреляцией относительных и качественных прилагательных. Отмечалось, что качественные прилагательные исторически являются первичными или первообразными [И.Абдуллаев 1980 : 252], хотя во многих случаях основы их возводимы к именным и глагольным формам [Там же : 255]. Таким образом, высказывается мнение о производном характере многих качественных прилагательных. Более жестко эту линию проводит М.Е.Алексеев, который пишет, что "качественные прилагательные лезгинских языков – явление относительно новое. На это указывает, например, отсутствие в некоторых из них "полноправных" прилагательных со значением "полный", "круглый", "высокий", "большой", "хромой", "сухой" [1985 : 62-63], представляющих собой причастные формы соответствующих глаголов.

Принято считать, что относительные прилагательные в дагестанских языках являются формами родительного падежа имени существительного[7] [см. Е.Бокарев, Мадиева 1967 : 461; Муркелинский 1967 : 494; Магометов 1965 : 156-157 и др.]. На это как будто указывают следующие примеры:

аг. *хал* "дом" – *хулан* (род.п.) "домашний", лезг. *кIвал* – *кIвалин,* таб. *хал* – *хулан,* дарг. *арц* "серебро" – *арцла* (род.п.) "серебряный", лак. *арцу* – *арцул*, ав. *гIарац* – *гIарцул* и т.д.

Вместе с тем здесь можно найти достаточное число адъективов, словообразовательные аффиксы которых (*-н* и *-л*) лишь материально совпадают с суффиксами генитива, но ничего общего не имеют с последними, например, лезг. *ккашин,* аг. *гашин* "голодный", лак. *йатIул* "красный", дарг. *ахъил* "высокий", *мурьил* "сладкий" и др. Как нетрудно заметить, приведенные примеры являются качественными прилагательными, аффиксы которых формально соотносятся с показателями генитива в этих языках.

---

[7] На этом основании в некоторых исследованиях относительные прилагательные вовсе не рассматриваются, см., например: [Магометов 1963 : 92-94; СИЛДЯ 1971:216-228].

Проблему происхождения и развития категории адъектива в дагестанских языках невозможно решить, не выяснив два вопроса, которые встают перед исследователем. 1) Чем объяснить во многих случаях отсутствие строгой функциональной закрепленности аффиксов деривации за относительными и качественными прилагательными? 2) В каком соотношении находятся суффиксы адъектива и генитива?

Функциональная неразграниченность аффиксов адъективов в дагестанских языках – явление не случайное. Так, например, в рутульском и цахурском языках качественные и относительные прилагательные формально не дифференцированы: для их выражения применяется один и тот же форматив, см. рут. *ацIыд* "полный" и *гьарчаьд* "правый", цах. *цIедын* "новый" и *иттун* "сладкий". Отсутствие ярко выраженных формальных границ между качественными и относительными прилагательными свидетельствует о семантической целостности адъектива, выражающего общее категориальное значение качества. Как указывает В.В.Виноградов, "качественные и относительные прилагательные... не образуют резко обособленных, самостоятельных грамматических разрядов. Они являются лишь разветвлениями одного более широкого и общего грамматико-семантического типа" [1972 : 172]. "Во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качественности" [Там же : 170].

С другой стороны, совпадение форм генитива и адъектива в дагестанских языках является не случайным, и объяснение этому необходимо искать не в чисто внешнем их выражении, а в сближении имени в генитиве с адъективом на семантической почве. Синкретизм, характерный для именных категорий в целом (ср. лезг. *ццуру* "кислый" (прилагательное) и *ццуру* "кислая патока" (субстантив) как следствие того, что "форма древнее, чем содержание, и пережиточно отражает первоначальную недифференцированность имен" [Жирмунский 1946 : 188], распространяется и на область морфологического инвентаря (морфемику). Суффикс генитива по своему значению сближается с формативом адъектива качественно-относительной семантики, т.е. на почве семантической близости формативы (*-н, -л*) в даге-

станских языках могли стать полифункциональными единицами, такими, в которых актуализируется сема, получающая свое выражение в генитиве. Семантически вполне возможно сближение суффиксов генитива и адъектива, которые выражают значение "относящийся к кому-, чему-либо", "принадлежащий, присущий кому-либо".

Чисто внешнее сходство суффиксов адъектива с показателями генитива в дагестанских языках послужило причиной того, что в некоторых исследованиях показатели прилагательных без учета содержательной структуры самих адъективов возводятся к аффиксам родительного падежа: цах. *чIорун* "рыжий", буд. *чIорун* "желтый", лак. *байил* "острый", *дуьхлул* "прохладный" и др. Рутульский адъективный суффикс *-д* также генетически возводится к аффиксу родительного падежа[8] [см. Дирр 1911 : 28; Джейранишвили 1966 : 35]. Данный (формальный) взгляд на происхождение суффиксов адъектива не учитывает содержательную сторону указанных единиц, отсюда и отсутствие семантических критериев, разграничивающих качественные и относительные прилагательные от форм родительного падежа имени существительного.

В свете сказанного представляют интерес свидетельства шахдагской подгруппы лезгинских языков, где отмечен ряд адъективов с формативом *-н*, который не совпадает с формой генитива в этих языках[9], например: буд., крыз. *кьацIын* "голый", буд. *къатаран* "усталый", *къемгин* "скучный" и т.д., что лишний раз доказывает отсутствие связи между адъективным суффиксом и показателем генитива.

---

[8] Существует и иное толкование, согласно которому проводится дифференциация аффикса адъектива и генитива в рутульском языке на основе семантической омонимии, указывающей на исходность адъективного аффикса [Е.Бокарев 1960 : 45]. В другом случае совпадение форм адъектива и генитива (в цахурском языке) объясняется результатом процесса контаминации [Алексеев 1985].

[9] В специальной литературе отмечено, что в шахдагских языках исконный генитив (*н) "был вытеснен историческими локативами" [см. Алексеев 1985 : 44].

Отсутствие четкой дифференциации суффиксов качественных и относительных прилагательных в дагестанских языках свидетельствует о сравнительно недавнем формировании категории адъектива. Наблюдаются случаи, когда вместо суффикса качественного прилагательного употребляется суффикс относительного прилагательного хотя в языке и представлена корреляция данных аффиксов, например: лак. *йатIул* (вместо ожидаемого *йатIусса*) "красивый", но *даркъ'усса* "холодный".

В даргинском языке одно и то же качественное прилагательное может иметь три формы: поствербальную – *бугIяр*, относительную – *бугIярил* и собственно качественную – *бугIярси* "холодный". Как указывает З.Г.Абдуллаев, "во многих случаях вместо *-си* может быть употреблен суффикс *-л*..." [1967 : 513]. Использование в лакском, как и в даргинском, в прилагательном "красный" параллельных форм, наращенных суффиксом – *сса (-си)* и без него, говорит о плеоназме в этих языках, что свидетельствует об их позднем возникновении: лак. *йатI-ул/йатI-ул-сса*, дарг. *хIунтI-ена/хIунтI-ен-си* "красный". С другой стороны, чередование адъективных суффиксов говорит о том, что в указанных языках наметившийся процесс дифференциации адъектива на группы качественных и относительных прилагательных не получил развития. Если в восточнолезгинских языках намечается функциональное разграничение суффиксов *-н* и *-л* – первый из них выступает в относительных прилагательных (лезг. *вацран*, аг. *вазалан*, таб. *вазлин* "лунный"), а второй – в качественных (лезг. *рагъул* "бурый"; "мутный", аг. *хIурджал*, таб. *арчул* "правый"), – то разграничение этих функций в других лезгинских языках, как и в иных группах дагестанских языков, не отмечается. Впрочем, и в восточнолезгинских языках оно проводится непоследовательно: встречается употребление суффикса *-н* также в качественных прилагетльных (например: лезг. *ккашин*, аг. *гашин* "голодный").

Таким образом, адъективные суффиксы *-н*, *-л*, *-р* представлены во всех группах дагестанских языков, что касается их демаркационной функции, то она выражена нечетко. Аморфное состояние данной категории, когда в ней еще не выделялись

группы относительных и качественных прилагательных, продолжалось и после распада общедагестанского состояния. Выделение групп относительных и качественных прилагательных не прослеживается даже на уровне общелезгинского состояния. Такое положение в лезгинских языках сохранялось по крайней мере вплоть до восточнолезгинского уровня. То же самое имеем и в других дагестанских языках.

Варьирование суффиксов адъектива *-н, -л, -р,* их нестрогая закрепленность за качественными и относительными прилагательными не только в группах дагестанского языков, но и внутри отдельных языков говорят о едином в прошлом семантико-грамматическом классе качественно-относительных адъективов, в которых не было дифференциации на качественные и относительные прилагательные.

Большая часть прилагательных образуется от глаголов и имен существительных. Наиболее глубокие связи адъектив обнаруживает с глаголом. Выше говорилось о формировании адъектива как части речи на базе глагола. В частности, вскрыта связь формантов *-л, -н, -р,* предшествующих категориальным адъективным показателям с причастными и масдарными суффиксами в дагестанских языках. При более детальном (структурно-семантическом) анализе оказывается, что многие субстантивы, которые служат производящими основами для адъективов, являются производными, восходящими к глагольным образованиям.

Указанные адъективные деривационные суффиксы, которые являются результатом лексикализации вербальных форм, выделяются путем сравнительного анализа. Во многих случаях адъективы, которые представляют для лезгинских языков непроницаемые структуры, в других дагестанских языках могут являться производными образованиями. Если взять, к примеру, прилагательное "любимый", то в агульском это будет *ккан-е*, лезгинском – *кIан-и* и табасаранском – *ккун-и*. Адъективный суффикс *-и (-е)* выделяется на том основании, что они (адъективы) образованы от глаголов соответственно *ккан хьас, кIан хьун, ккун хьуз.* В восточнолезгинских языках глагол имеет ана-

литическую форму, ср. в цах. *ы-ккан-ас* "любить", рут. *вы-г-ын*, уд. *бу-къ-сун*, хин. *йи-кк-уй*, где представлен глагол синтетической формы. Ср. также глагол генетически одного корня даргинского языка *и-г-ес* и лакского *чч-ан* "любить". Материал свидетельствует, что наименьшая (краткая) корневая морфема из лезгинскиях языков представлена в рутульском, удинском и других группах дагестанских языков – в даргинском, лакском, хиналугском... На этом основании глагольный компонент *кIан* (*ккан, ккун*) в восточнолезгинских языках можно расчленить на две части: *кI- (кк-)* и *-(V)н*. Если попытаться выяснить, что же из себя представляет данный суффикс *-(V)н*, то поиск приведет к даргинскому адъективу *викк-ан* "любимый" и обнаружится, что указанный аффикс является суффиксом причастия, который широко используется в словообразовании. В восточнолезгинских языках глагол "любить", следовательно, образован по модели "причастие + глагол *хьун/хьуз/хьас* "быть", "становиться" и обозначает буквально "любящий стать", т.е. "пребывать в состоянии влюбленного".

Адъективы образуются от глагольных основ посредством различных суффиксов: лезг. *х-ун* "родиться, родить" → *х-айи* "родной, родившийся"; аг. *х-ас* → *х-е*; в табасаранском языке данное слово образуется префиксально-суффиксальным способом: *х-уз* → *къа-х-и*; посредством отрицательной частицы образуется новое понятие: лезг. *хайи* "родной" → *тта-хай* "неродной", аг. *хе* → *да-хе*. Лезг. *ацI-ун* "наполниться" → *ацI-ай* "полный"; "толстый", аг. *ацI-ас* → *ацI-у*, таб. *ацI-уз* → *ацI-и*; аг. *цIак-ас* "искривиться", "покоситься" → *цIак-у* "кривой"; лезг. *кьур-ун* "высохнуть" → *кьур-ай* "сухой", таб. *кьур-у* "сухой", аг. *рукъ-ас* "высохнуть" → *рукъ-у* "сухой" (см. образование адъектива от данной глагольной основы также в рут., цах. *кьуру-*); лезг. *кьеж-ин* "мокнуть", стать влажным" → *кьеж-ей* "мокрый; влажный", аг. *ъ'аш-ас* → *ъ'аш-у*, таб. *кь'аши хьуз* → *кь'аш-и* "влажный".

Некоторые глаголы, от которых образуются адъективы, имеют аналитичскую форму. Именная часть таких глаголов и

служит производящей основой для прилагательных: лезг. *кичIе хьун* "пугаться" → *кичIе* "пугливый", таб. *гучI хьуз* → *гучI-ур*, аг. *гучI хьас* → *гучI-аф*.

Имеется определенное число аналитических глаголов, у которых так называемая именная часть имеет в исходе *-р* и от нее образуется адъектив: лезг. *чIур хьун* "испортиться" → *чIур-у* дикий (о растениях)", аг. *чIир хьас* → *чIир-е*, таб. *чIур апIуз* "испортить" → *чIур-у* "дикий (о растениях)". Ср. также лезг. (ахт.) *жыр* (← *чIыр*) "дичок", *чIыр-ых* "дерн", таб. *чIир* "пустошь, пустыня", а также адъективы с данной производящей основой в других лезгинских языках: рут. *чIыры* "испорченный" → *чIыры-ды* "хромой", крыз. *чIир-аь* "дикий".

Анализ адъективных основ в восточнолезгинских языках позволяет выделить типичную модель, которая состоит из: "префикс-классный показатель + корневая морфема + адъективный суффикс". По языкам эта модель может претерпеть изменения, как например, в виде выпадения префикса-классного показателя.

Так, в лезгинском *сур* "золотисный (о цвете каракуля)" представлены корневая морфема *с* и исторический суффикс причастия/адъектива *ур*. Такое членение слова становится возможным, если сравним с табасаранским словом – субстантивированным прилагательным *йи-шв-ур* "золото". Таким образом, в лезгинском языке модель "префикс + корень + адъективный суффикс" претерпела изменение и трансформировалась в модель "корень + адъективный суффикс".

В лезгинском языке исконное слово, обозначающее "золото", вытеснено заимствованным словом из тюркских языков (*къизил*). С учетом структуры в дагестанских языках слово "золото" имеет адъективный характер, ср. ав. *мес-ед*, *меш-ед*, анд. *мис-иди*, цез. *мес-ед*, беж., гунз. *мес-ед*, лак. *мус-и*, дарг. *мус-е*, арч. *мис-эртту*. Финальные *-ед*, *-иди*, *-и*, *-е*, *-эр-тту* следует отнести к словообразовательным аффиксам, которые имеют адъективное происхождение. Можно с определнной долей достоверности говорить о производном характере данного слова и в качестве производящей основы указать на слово "медь, бронза": цах.,

гел., крыз., буд., хин., уд. *мис*, то есть производящей моделью являлась "префикс + корневая морфема" (*ми-с*). В основе как первой ("золото"), так и второй ("медь, бронза") номинации мог лежать определенный признак предмета ("блестящий, сверкающий"?), ср. лезг. *сур* "золотистый" ← "блестящий, сверкающий".

В подтверждение данного тезиса можно привести как характерное для прадагестанского состояния явление – принцип языковой экономии. Данный принцип учитывает механизм образования новых номинаций на основе уже имеющихся. Можно говорить о том, что в основе образования слова "золото" лежит другое более близкое по своей семантике слово – "бронза, медь".

Очевидно, будет уместным в этой связи отметить развитие значения "кислый" → "медь". В лезгинском языке *цц-ур* "медь" также имеет адъективное происхождение. Ср. цах. *йе-з* "красная медь, бронза", чам. *йе-з* (гиг.) то же. Следовательно, лезг. *ццур* является производным от *йез*, но при этом утрачивает префиксальную часть (**йецц-ур* ← **йез-ур*). В свою очередь, *ццур* служит производящей основой для прилагательного *ццур-у* "кислый".

Большое число адъективов в восточнолезгинских языках образуется от имен существительных. Конверсия на основе перевода слов из категории имен существительных в разряд адъективов – обычное явление в восточнолезгинских языках[10]:

таб. *ичI* "яма" → *ичI-и* "пустой", *лик* "нога" *лик-у* "хромой", *буркь'* "гной в глазу" → *буркь'-у* "слепой" [Ханмагомедов 1967 : 551], *микI* "ветер" → *микI-ли* "ревматизм".

Весьма показательно образование в данных языках прилагательного "кислый". Производящая основа сохранилась в лакском языке: *кьурчI* "щавель" → *кьурчI-исса* "кислый", "горький, прогорклый", аг. *ъ'учI-е* "кисый", лезг. *учI-у* (ахт.) "соленый", *уькI-уь* (гюн.) "соленый", таб. *учIв-ру* (канд.) "кислый".

---

[10] Это явление широко распространено, как омечают в специальной литературе, и в арчинском языке [см. Кибрик, Кодзасов, Оловянникова, Самедов 1977; Самедов 1975].

Лакское *кьурчI* представляет собой сложную основу, состоящую из *кьур* "горький" (ср. хин. *кьал* "горький", лезг. *туькьуьл*, таб. *кьуркьли*, аг. *кьул-кьул* то же) и корневой морфемы *чI*, которая входит в состав прилагательных "кислый", "соленый". Ср. также лезг. *чIырчIыр йагIын* (ахт.) "прокиснуть, бродить".

В табасаранском языке проиввзодящей основой для прилагательного "синий, серый" служит *вукI* "трава, сено". Такой семантический переход вполне объясним и основан на выделении цветового признака предмета.

Словообразующей основой прилагательного "тяжелый" для агульского и табасаранского языков служит арчинское *хъахъ* "спина" → таб. *гъагъ* (канд.), *къакъа* (дюб.), аг. *къакъ* "вьюк, ноша" → таб. *къакъ-и* (дюб.), *гъагъ-и* (канд.), аг. *къикъ-е* "тяжелый".

Словообразовательный ряд "белок", "белая глина" → "белый" (см. лезг. *лаз* "белая глина", "белок (яйца)" → *лацу-у* "белый", таб. *лидз-и* то же, аг. *лез-е* "об овце белой масти") можно продолжить на основе других отношений производности. При этом устанавливается, что слово *лаз* также является производным, что подтверждается сравнением его с удинским *ц-ал* "светлый". Возможно, что путем транспонирования и получено слово *цал* "стена" в восточнолезгинских языках. Поэтому попытка возвести *цал* к армянскому *цIалк* "ниша (в стене)", как представляется, не имеет под собой почвы и совершенно справедливо отклоняется [см. Алексеев, Загиров 1992 : 82].

Возвращаясь к адъективам, образованным от глаголов, необходимо отметить случаи контаминации. Производящая основа таких глаголов состоит из частей (основ), которые с семантической точки зрения как бы дополняют друг друга. Лезгинское *гиликьун* и агульское *хьиликIес* "околеть" состоят из *гили- (хьили-)* и *кьин (кIес)* "умереть". От слов *гиликьун* и *хьиликIес* образуются и соответствующие адъективы при помощи суффиксов – *ай* и *-е*: *гиликь-ай, хьиликI-е* "околелый", ср. также лезг. (ахт.) *филикь-ин* "протухший (о мясе)". Значение первого компонента в этих языках неизвестно, но на это проливают свет данные табасаранского языка, где представлена адъективная форма *хьил-у (хьил-ур,*

хьил-ув) со значением "околелый". Таким образом, лезгинское *гиликьун* и агульское *хьиликIес* буквально обозначают "околев умереть".

Известны и случаи, когда адъектив является производящей основой. Это имеет место при переносе выделяемого признака на предмет и деактуализации самого признака, ср. арч. *mIu-* "маленький" (который этимологизируется как "маленький палец"→"мизинец" [см. Гигинейшвили 1977 : 81]) → хварш. *mIy* "палец", дарг. *mIул*, лезг., таб., аг., цах. *mIуб*, рут. *mIили* то же.

Выше отмечалось, что опредленное место в словообразовании дагестанских языков занимает способ сложения основ. В ряде случаев сложные слова представляют собой семантические контаминации, срастившиеся части котоых выступают самостоятельно в синонимичных между собой основах. Семантика контамнированных образований близка к семантике производящих основ. Ср., например, лезг. *х-у-к* "желудок", которое состоит из двух корневых морфем, что выводится при сравнении с гин. *а-х* "желудок" и ботл. *ре-к-а* "живот".

Контаминация присуща и адъективам. Здесь также имеет место сращение синонимичных между собой основ и образование на их базе сложного прилагательного: лезг. *а-с-кI-ан* "низкий" (*с* и *кI* – синонимичные корневые морфемы со значением "вниз", см., например, рут. *с-аъ* "вниз" *аг. ай– кк* (бурш.) "внизу" Ср. адъектив *кь-а-кь-ан* "высокий" с противоположным значением, где компоненты, образующие сложную основу, дублируют друг друга (*кь* – морфема со значением "вверх") [Сулейманов 1998 : 154].

В свете сказанного представляют интерес сложные прилагательные. Так, в лезгинских языках адъектив "старый (о человеке)" составлен из двух корневых морфем *кь* и *з*, трансформирующихся в различных языках в фарингализованный *кь'* и глухой спирант *с* (*сс*): лезг. *кьуьз-уь*, аг. *кь'усс-еф* (кер.), рут. *кь'ас-ды*, цах. *кь'ас-ын*, крыз. *кьус*, буд. *кьус-у*, уд. *би-с-и* (← **би-ъ-с-и* ← **би-кь-с-и*). Первый компонент (*кь*) вычленяется на основе соотношения таб. *кьаб* "пень"→ *кьаб-и* "старый (о человеке)". Отталкиваясь от постулата – сложные слова являются результа-

том соединения (в данном случае двух) корневых морфем, выделяемых из состава синонимичных слов, логично и второй компонент (*з/с*) в слове "старый (о человеке)" возвести к корневой морфеме, выступающей в слове с идентичным значением "пень". В лезгинских языках такой словообразовательный переход не наблюдается, но слово с данынм значением представлено в цезских языках: *хварш. з-уд*, цез. *з-уди*, гин., беж., гунз. *з-уде* "пень". И дальше, следуя логике вещей, мы вправе ожидать типологическое продолжение развития значения: "пень" → "старый". И действительно, в самурских языках с аналогичной корневой морфемой встречается слово, синонимичное слову "старый (о человеке)": лезг. *с-ур* (гюн.), аг. *йер-с-еф* (соб. аг., гех., рич.), таб. *йер-с-и* (канд.), цах. *йи-сс-ей-ин* (цах.) "старый (о предмете)".

Таким образом, на основе указанных данных вышеназванная адъективная основа в реконструированной форме выглядит следующим образом: **вVкьVз-* (где *в* – классный показатель, *V* – вокал). По нашей этимологической версии она могла синтезироваться из таб. *кьаб* и цез. *зуд* (*зуде, зуди*).

Не вдаваясь в детали, отметим, что семантическим концептом для сближения значений "пень" и "старый" могло служить понятие "крепкий, устоявшийся". В этой связи ср. русск. *старый пень* "о пожилом и крепком человеке" (с отрицательной коннотацией) – о крепком человеке, но не немощном.

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В восточнолезгинских языках значительное место занимает глагольное словообразование, что объясняется высокой степенью функционировния глагола в языке и способностью конструирования.

В сфере глагольного словообразования можно выделить префиксальный, инфиксальный способы, а также сложение основ. Определенное место в глагольном словопроизводстве занимают аналитические образования и семантические модификации.

1. Превербы как деривационные аффиксы

К истории пространственных превербов

Важная роль в глагольном словообразовании восточнолезгинских языков принадлежит превербам. В глагольной основе они занимают префиксальную и инфиксальную позиции. В сложных превербах словообразовательные морфемы с пространственными значениями выступают как префиксальные компоненты, а морфемы с направительными значениями – как инфиксальные. Ср., например, аг. *ал-акьас* "закрыть" и *ал-ч-акьас* "прикрыть", где пространственная морфема *л* находится в препозиции, а направительная морфема *ч* выступает в инфиксальной позиции. Хотя возможны и отклонения, см. лезг. *гь-ал-дун* "накрывать", где *гь* – направительный преверб, *л* – пространственный.

При сравнительно-историческом исследовании превербной системы в восточнолезгинскиях языках возникают значительные тудности с хронологизацией указанных морфем и их функционированием в дагестанских языках. В этой связи остро встает вопрос о материальной и семантической реконструкции. Основная сложность заключается в определении/разграничении процессов архаизма и инновации. Здесь часто исследователя подстерегают своеобразные "ловушки". Для разграничения архаизмов и инноваций требуется привлечение большого количества материала по дагестанским языкам из различных источников. Кроме того, неоходимо индентифицировать привлекаемый материал, что требует новых реконструкций, которые связаны с трудностями, так как креконструируются не целые слова, а отдельные морфемы, вычленяющиеся из состава разных глагольных основ. Рассматривая определенный языковой факт, необходимо выявить его хронологическую глубину, так как факты одного и того же языка или группы/подгруппы языков, привлекаемых в качестве объекта исследования, могут быть хронологически разного уровня. Можно привести достаточно примеров, свидетельствующих о том, что привлечение ограниченного ма-

териала в сравнительно-исторических исследованиях может привести к ошибочным выводам.

Ключевым компонентом в формировании локальных морфем выступает общедагестанский синкретизм, следы которого проявляются в том, что при материальных расхождениях данных морфем в дагестанских языках просматривается общая тенденция: способность их во многих случаях выражать как пространственные, так и направительные значения. Универсальный характер этого явления верифицируется материалами разных групп дагестанских языков в области местных падежей, указательных местоимений, наречий и глагольных превербов.

Анализ материала показывает, что как пространственные, так и направительные превербы, реконструируемые на общедагестанском уровне, в итоге восходят к пространственно-направительным морфемам: в прадагестанском состоянии в указанных аффиксах потенциально были заложены пространственные и направительные семы. Имеющиеся расхождения в превербных системах современных дагестанских языков – результат как фонетических, так и семантических модификаций. В другом случае эти различия вызваны обрзованием собственно направительных морфем, которые являются продуктом позднего образования, относящегося к периоду после распада общедагестанского состояния.

Примеры: лезг. *а-л-укIун*, таб. *а-л-ахьуз*, аг. *а-л-икIас* "одеться" (*л* выступает с прост. значением), но ср. ав. *тI-арекIензи* (← **кьI-арекIензи*) "садиться на средство передвижения" (прост. значение) и *тI-абохъзи* "подниматься (напр. значение), лак. *л-аххан* "одеть(ся)" (прост. значение) и *л-ахъ бан* "поднять, сделать более высоким" (напр. значение), рут. *л-ыъын* "одевать(ся)" (прост. значение) и *л-аьчIун* "подниматься" (напр. значение), цах. *а-л-аьъас* "одевать" и *у-л-узарас* "встать", где *л* наряду с восточнолезгинскими языками восходит к **кьI*; дарг. *убихьес* (← **г'-убихьес*) "подложить" (прост. значение) и *г'-еризес* "упасть, свалиться" (напр. значение), цах. *г'-ебчес* "подстелить" (прост. значение) и *г'-ичIес* "спускаться" (напр. значение) и т.д.

В восточнолезгинскиях языках системе пространственных превербов соответствует система местных падежей. Общедагестанское состояние – синкретизм пространственных и направительных значений – сохраняется в системе местных падежей некоторых говоров агульского языка (гехюнский диалект, ричинский говор керенского диалекта):

См. *хъ* "за объектом, "по направлению за объект";

л "на горизонтальной плоскости"; "по направлению на горизонтальую плостокстъ";

кк' "под", "по направлению под...";

к' "на наклонной плоскости"; "в соприкосновении", "в плотной массе"; "по направлению к наклонной плоскости", "по направлению в плотную массу";

гъ "между, среди", "по направлению между объектами";

в/ф "возле, рядом", "по направлению к объекту";

гь "перед, " "по направлению к передней части объекта";

ъ "в (полом пространстве)", "по направлению в полое пространство".

В цирхинском говоре такое состояние сохранилось в некоторых сериях, в других нарождаются собственно направительные форманты. Ср. *цалихъди* (напр.) *хъачагІвари уй малар* "скот заходил за стену" и *цаликк'* (лок.) *ккичушуни илан* "змея уползла под стену". В кошанском диалекте и в некоторых говорах собственно агульского диалекта дифференцированные и недифференцированные формы локативных и направительных падежей в некоторых сериях конкурируют между собой. Такое положение имеем и в лезгинском языке.

Многие дагестанские языки повторяют исходное состояние: в них указанные показатели выражают как пространственные, так и направительные значения, см., напрмер: чам. *отукьи* "под подушкой" (лок. значение), "под подушку" (напр. значение); год. *лълъенилІи* "в воде" (лок. значение), "в воду" (напр. значение); тинд. *рогьилІи* "в лесу" (лок. значение), "в лес" (напр. значение) и др. Морфологически не дифференцированы формы локативных и направительных падежей в губденском, хайдакском диалектах даргинского языка [см.: Магометов 1983 : 195-196].

Морфологическая нерасчлененность форм пространственных и направительных падежей наблюдается и в лезгинском языке [Мейланова 1961 : 206]. Имеет место расчленение этих значений по языкам, когда в одних употребляются локативные формы, в других – направительные. См., например, реализация, в отличие от других лезгинскиях языков, у показателя *-л* "на" направительного значения в удинском языке [Е.Бокарев 1960 : 49], а также использование аффикса *-к* ("в соприкосновении") в роли направительного падежа в арчинском языке [Алексеев 1988а : 20]. Или дифференциация пространственного и направительного значений у одной из серий, как это представлено в серии на *-ла* "на" в багвалинском языке [Магомедбекова 1961 : 126].

Наиболее ценный материал, на основе которого прослеживаетя эволюция системы местных падежей в дагестанских языках, дает аварский язык. Путь развития напраительных падежей, отмеченный в аварских диалектах, отражает общую тенденцию перехода дагестанских языков от синкретизма к дифференциации локативно-направительных значений. Эта тенденция, по всей вероятности, была намечена в прадагестанском состоянии. Диалектные данные аварского языка позволяют считать формирование собственно направительных падежей явлением вторичным. В некоиторых диалетках аварского языка формирование собственно направительного показателя в сериях является живым процессом. По свидетельству М.Г.Исаева, в тлянадинском говоре анцухского диалекта в речи старшего поколения оражается архаическое состояние, при котором для 1-й и 5-й серий употребляется локатив вместо направительного падежа. Общая же тенденция в аварских диалектах указывает на зарождение в сериях направительного форманта *-хху* [см.: Исаев 1975 : 12].

В кавказских языках представлена картина, когда в одних языках сильно развитой систме глагольных провербов противопоставлена неразвитая система послеложных (resp. местных) падежей (абхазский язык). В других языках слабо выраженная система глагольных превербов компенсируется развитой системой послеложных падежей (аваро-андо-цезские, лакский языки).

И, наконец, в третьей группе языков представлены развитые системы как глагольных превербов, так и местных падежей (даргинский, самурско-шахдагская группа лезгинских языков).

Одной из центральных проблем дагестанского языкознания является соотношение серийных показателей имен существительных и глагольных превербов, восходящих генетически к единому источнику. В некоторых дагестанских языках они продолжают материлально соотноситься, в других же это соотношение нарушено: в табасаранском, агульском показатели локативных падежей и пространственные превербы целиком совпадают, в даргинском [Магометов 1963 : 180; Мусаев 1983] и др. они не повторяются полностью.

Анализ материала показывает, что серийные показатели получают широкое распространение во всех дагестанских языках, что же касается глагольных превербов, то интенсивность их функционирования различна. Строгий парадигматический ряд выдержан в системе местных падежей, в отношении превербной системы эта строгость нарушена. Более ущербной парадигма выглядит в аваро-андо-цезских и лакском языках. Данное обстоятельство в специальной литературе породило мнение об отсутствии превербов в глагольной структуре этих языков. Точка зрения, приписывающая указанным языкам развитую систему местных падежей и отсутствие превербов, поддерживается и некоторыми зарубежными лингвистами. Так, например, у К.-Х.Шмидта при генетической и типологической реконструкциях кавказских языков восточнокавказские (ВК) характеризуются как языки, в которых единственными выразителями пространственных отношений выступают местные падежи. Далее делается заключение, что "в ВКЯ развитие превербов сначала происходило в хронологической плоскости самурского (общелезгинского – Н.С.) языка-основы, т.е. еще не имело силы для ВК языка-основы" [Шмидт 1972].

В действительности, превербы исторически являются достоянием не только лезгинских языков, а представляют собой, по крайней мере, продукт общедагестанского состояния. См., на-

пример, последовательное распространение во всех группах дагестанских языков корреляции по вертикали ("вверх" – "вниз").

Примеры с превербами, выражающими направление "вверх": ав. *тI-авахъжи* "встать", гунз. *гь-ээричIа* "подняться", беж. *гь-оолал* "поднять", лак. *л-ахъ бан* "сделать высоким, поднять", дарг. *гь-ерицци* "встать", рут. *л-аьчIун* "подниматься, цах. *ы-л-хъачIус* "подняться", аг. *гъ-айшас*, лезг. *къ-арагъун* "встать", таб. *гъ-адагъуз* "брать", буд. *къ-урзар* "встать", крыз. *къ-аьчIидж* "расти", уд. *л-айсун* "подниматься".

Примеры с превербами, выражающими направление "вниз": ав. *гъ-инабизе* "стряхивать, стряхнуть", гунз. *г-ича* "литься", беж. *г-итIал* "лить (ср. также *лI-ухолал* "повесить, задушить", где *лI-*, как и преверб *г-*, выступает со значением "вниз"), лак. *учIан* (← **в-учIан*) "спуститься", дарг. *г-еризес* "упасть, свалиться", таб. *ул-д-учIвуз* "слезать", рут. *с-аьчIун* "спускаться", цах. *г-ичIес*, аг. *а-д-айчIвас* , лезг. *э-в-ичIун* , буд. *гI-аьшаьдж*.

Материально общие превербы с превербами дагестанских языков выделяются и в нахских языках: чеч. *тI-едаала* "подняться", инг. *тI-авала* то же; чеч. *х-ерца* "падать".

Наряду с этим в глагольных основах встречаются морфемы с направительной семантикой, которые не связаны с вышеуказанными аффиксами пространственно-направительного значения, т.е. нарождаются собственно напрвительные аффиксы. См. образование в андо-цезских, а также даргинском языках морфемы *гь-* с вертикальной ориентацией "вверх": тинд. *гь-еччалилIа*, чам. *гь-инзалла*, анд. *гь-ирцIоллу* "поднимать"; гунз. *гь-ээричIа* "подняться", беж. *гь-оолал* "поднять"; дарг. *гь-акъий* "принести снизу вверх", а также наличие данной морфемы в пространственном наречии *гь-а* "вверх". Другой член *с-* "вниз" данной оппозиции ("вниз" – "вверх") выступает в рутульском языке: *с-аьчIун* "сходить, спускаться", *с-ийис* "скинуть". С данной семантикой настоящая морфема встречается и в наречии *с-аъ* "вниз" [см. Дирр 1911 : 60].

В даргинском языке преверб *с-* выступает с значением "к ориентиру": *с-акъий* "принести" (по горизонтали). В цахурском языке одним из значений, передаваемых превербом *с-*, является

приближение, соприкосновение, например: *с-ецIас* "задеть, трогать", *с-алес* "вернуться" [см. Ибрагимов 1990 : 124], т.е. преверб в данном случае выражает движение, которое направлено к ориентиру.

Оба значения морфемы *с-* – "вниз" и "к ориентиру" – синтезированы в шахдагских языках: ср. буд. *с-урхъу* "держать"; *с-ерцIи* "наполнить" (указывает на движение, направленное к оринетиру) и крыз. *с-аьгIаьдж* "бросить", буд. *с-озу* "доить" (указывает на движение, направленное вниз).

Такое положение свидетельствует о том, что в дагестанских языках имелись разные системы корреляций превербов. В одних языках система корреляций строится на противопоставлении единиц с горизонтальной и вертикальной семантикой: "к ориентиру" – "от ориентира" и "вниз" – "вверх", как это имеет место в восточнолезгинских (лезгинском, табасаранском и агульском) языках. В других система этих корреляций перестроена таким образом, что в пары входят морфемы с разной вертикальной семантикой: "к ориентиру" / "вниз" и "от ориентира" / "вверх", которые представляют из себя синкретические образования. Последняя система корреляций характерна для будухского и крызского языков. Часто системы корреляций могут быть в языках смешаны, как это представлено в даргинском, цахурском языках, с одной стороны, и рутульском – с другой.

Собственно направительные морфемы в дагестанских языках нередко параллельно функционаруют как с морфемами пространственно-направительной семантики, так и с другими собстнно направительными аффиксами, ср. ав. *гъ-инабизе* "стряхнуть, стряхивать" (собстенно направительная морфема) и *в-ортизе* "падать" (собственно направительная морфема); морфема *в* с указанным значением "вниз" прослеживается и в андийских языках: чам. *в-укула* "падать", анд. *в-уккуду*. См. также в цезском его следы в послелоге *в-алъ* "внизу". Настоящая морфема участвует и в глагольном словообразовании лезгинского (*э-в-ичIун* "спускаться") и лакского *(в)-учIан* "спускаться") языков.

Следовательно, в общедагестанском состоянии существовали направительные превербы двух видов: 1) превербы, которые

восходят к пространственно-направительным аффиксам, и 2) превербы, представляющие собой собственно направительные аффиксы. Эти виды направительных превербов представляют собой два уровня в хронологии общедагестанского состояния. Первые являются продуктом начальной стадии праязыкового состояния, вторые возникают накануне распада этого состояния.

Система превербов восточнолезгинских языков отошла от модели, которая характеризует систему местных падежей, складывающуюся из пространственно-направительных значений (см. аг. (гех.) *дара-ъ* "в лесу", "в лес"). В указанных языках пространственные и направительные превербы материально расходятся: для передачи протсранствнных значений в восточнолезгинских языках употребляются пространственно-направительные аффиксы, соотносящиеся с серийными показателями, а направительные превербы образуют модель, которая складыается на основе синкретизма аффиксов с направительной семантикой (лезг. *э-къ-ечIун* "выйти" (от ориентира), "подняться" (вверх); подробнее об этом см. ниже).

Среди восточнолезгинских языков широкое применение превербы получают в табасаранском и агульском, особенно в последнем. Здесь представлены восемь пространственных (локальных) и четыре направительных преверба. Последние распределяются по двум плоскостям – горизонтальной и вертикальной, и сообразно им образуют две оппозиционные пары: 1) "к ориентиру" (*ч*) – "от оринетира" (*д*); 2) "вверх" (*гъ*) – "вниз" (*д*).

Превербы в глаголах и послелоги (серийные показатели) в именах материально совпадают и соотносятся между собой. Подобно тому как в именах существительных система местных падежей образует парадигму, состоящую из восьми серий по три падежа (местный, направительный и исходный) в каждой, так и восемь пространственных превербов, сочетаясь с направительными, от определенного корня могут образовывать словообразовательный ряд.

В агульском языке, как было сказано выше, представлено восемь пространственных превербов, которые, присоединяясь к

определенной основе, образуют не только парадигматический, но и словообразовательный ряды:

ъ-ачагIвас "войти (в…)",

гъ̇-ачагIвас "подойти (спереди)",

гъ'-ачагIвас "входить (между…)",

а-л-чагIвас "взойти (на…)",

к-ичагIвас "идти (к… наклонной плоскости"),

к-ичагIвас (← **кк-ичагIвас*) "идти (под…)",

ф-ачагIвас "идти (к…)",

хъ-учагIвас "идти (за…)".

В табасаранском морфемы пространственной ориентации аналогичны агульскому языку, но здесь завершается наметившаяся по говорам тенденция слияния форм *гь* "перед" и *ф* "около", "у", отмечается их факультативное употребеление [см. Магометов 1965 : 220]. Как и в других восточнолезгинскиях языках в табасаранском глагольные превербы соответствуют аффиксам местных падежей. См. изоморфизм указанных аффиксов в глаголах и именах:

изу ги-внуза дафттар усттули-кки "я положил книгу под стол",

изу хъи-внуза дафттар усттули-хъ "я положил книгу за стол",

изу къи-внуза кIаджа дафттури-къи "я положил письмо в книгу (между страницами)",

изу ки-вхнуза сурат цали-к "я повесил картину на стену",

изу ъи-внуза дафттар усттулин таъх'илди-ъи "я положил книгу в ящик стола",

изу гьи-внуза дафттар йав ули-хь "я положил книгу перед тобой",

изу ил-и-внуза дафттар усттули-ъин "я положил книгу на стол" [Магометов 1965 : 218-219].

В табасаранском языке, как и в агульском, превербы сохраняют строгий парадигматический ряд, что обнаруживается при их варьировании с одной и той же глагольной основой:

и-л-итуз "посадить на что-нибудь (напр., на лошадь)",

хъ-итуз "посадить позади чего-нибудь",

гь-итуз "посадить перед чем-нибудь",

кк-итуз "посадить под чем-нибудь",

гъ'-итуз "посадить между чем-нибудь, оставить где-нибудь",

к-итуз "посадить, чтобы быть в соприкосновении с чем-нибудь (напр., подсадить на турник)".

Префиксальный классный показатель не сохраняется при оформлении глагола превербом, ср. *д-итуз* "посадить" (куда-нибудь без определенной конкретизации места действия), где *д* – классный показатель. Но известны и случаи, когда при наличии преверба класный показатель сохраняется [Магометов 1965 : 219, 221].

В лезгинском языке пространственные превербы претерпели изменения: в структуре глагольной основы они не выстраиваются в строгий парадигматический ряд, как в агульском и табасаранском языках. Кроме того, они подверглись и количественному изменению.

Примеры:

а-л-атун "сходить (с поверхности чего-л.)",

а-г-атун "приближаться вплотную, пододвигаться",

а-к-атун (← **а-кк-атун*) "попадать (под что-л.)",

ав- атун (← **ъ-аватун*) "провалиться",

кв-атун "спадать, сползать".

Выше было сказано, что превербы в глаголах и серийные показатели в субстантивах материально и по содержанию совпадают. Все восемь локальных морфем реконструируются для общелезгинского состояния. Сокращение числа преверов и серийных показателей в отдельных лезгинских языках – вторичное явление. Тенденция сокращения их числа наблюдается и в восточнолезгинских языках: в табасаранском в некоторых говорах они сведены к семи, в собственно лезгинском языке – к пяти. Здесь не зафиксированы превербы *гъ'-/къ'* "между, среди", *гь-* "перед", *хъ-* "сзади, позади". Для передачи первых двух значений в лезгинском языке отсутствуют и соответствующие серийные показатели (*-къ'*, *-гь*).

В таких случаях пространственные значения в глаголах передаются (как, впрочем, и в именах существительных) аналитически, посредством пространственных наречий *арада* (← **арадаъ*) "между, среди"; *вилик* "перед, спереди"; *кьулухъ* "сзади, позади", которые ставятся перед соответствующими глаголами. Ср. идентичные материалы лезгинского и агульского языков, где представлены указаныне превебы: аг. *гI-айа* и лезг. *арада ава*; находистя (между...)"; аг. *гь-айа* и лезг. *вилик ква* "находится (спереди...)". Наречные компоненты в лезгинских аналитических формах представляют собой застывшие формы местных падежей от субстантивав *ара* "промежуток" и *вил* "глаз". Собственно говоря, пространственные аффиксы *гI (къ', гъ')* и *гь* из восточнолезгинских языков имеют распространение в табасаранском и агульском. Реконструкция их на общелезгинском уровне осуществляется материалами ограниченного количества языков. Первый из них восстанавливается на основе данных арчинского, табасаранского и агульского языков, второй – на основе двух последних языков, что объясняется неустойчиовстью указанных показателей и вытеснением их другими [см. Алексеев 1985 : 54-55].

При этом обнаруживается, что замена одного показателя другим происходит не хаотично, а имеет логический характер. Тот или иной слововообразовательный аффикс в глагольной структуре заменяется обычно другим, близким по содержанию. Подобные замещения имеют место, как между языками, так и диалектами одного и того же языка. Так, к примеру, в диалектах агульского языка наблюдаются функциональные различия в употреблении глагольных превербов, они отмечаются даже в пределах одного и того же диалекта, ср. соб. аг. *чукьваригI агI-акьвас* (речь села Тпиг) и *чукьвариъ ъикьвас* (речь села Кураг) "сесть на арбу".

Особо неоходимо остановитсья на превербе *хъ-*, многозначном в восточнолезгинских языках. Помимо значения "за кем-, чем-либо", он имеет другие значения, которые в одних случаях дошли из общедагестанского состояния, в других – являются инновациями, развившимися в смежных ареалах.

В лезгинских языках аффикс *хъ* имеет алломорфу *х*. Часто указанные формы варьируют в зависимости от диалектов, ср. лезг. *хъ-ыхъатын* (ахт.) и *х-ккатун* (лит.) "появиться, показаться, выступить; выскочить"; *регъуь-хъ* (лит.) и *раьгъуь-х* (ахт.) "за мельницей"; *за-хъ* (лит.) и *за-х* (ахт.) "за мной, позади меня".

Анализ даного явления в общедагестанском конетексте и привлечение аналогичных именных аффиксов *хъ* и *х* помогают установить, что в аваро-андийской подгруппе они обозначают разные значения и выступают как самостоятельные морфемы, ср. чам. *-хъ* "при", "на" и *-х* "у", "около" [Магомедбекова 1967б : 389]; цез. *-хъ* "нахождение на вертикальной поверхности чего-либо или в соприкосновении с чем-либо" и *-х* "нахождение вблизи чего-либо" [Е.Бокарев 1967 : 408]; анд. *-хъи* "в", *-хар* "у", "при", "около" [Церцвадзе 1967 : 283]. Но и в тех случаях, когда по своему значению не различаются (ботл. *-хъ/-х* "у", "около", "при" [Гудава 1967а : 298]; ахв. *-хъ/-хар* "у", "при", "около" [Магомедбекова 1967а : 341], они сохраняют статус самостоятельных морфем. В тиндинском языке форма серии на *хъ* "применяется редко, в ряде случаев как параллельная форма серии на *-х*" [Гудава 1967б : 375].

Таким образом, аффикс *х* в лезгинских и аваро-андийских языках имеет разные основания: в первых он служит альтернантом *хъ*, в последних – самостоятельной единицей. Вместе с тем и в аваро-андо-цезких языках наблюдается тенденция параллельного употребления этих форм (как, например, в тиндинском языке) и постепенная утрата одной из форм самостоятельности. На этом основании можно заключить, что процесс интеграции у морфем *хъ* и *х* наметился в период общедагестанского единства.

Значения морфемы *хъ/х* в дагестанских языках

Значения / Языки	"у, около"	"на вертикальной поверхности", "в соприкосновении"	"на вертикальной или боковой поверхности"	"на вертикальной поверхности", "в"	"за, позади"	"принадлежность, обладание"
Аварский (хъ)	+					+
Андийский (хъи, ха)	+ (ха)			+ (хъи)		
Ботлихский (хъ, х)	+					
Годоберинский (хъ,ха)	+					
Ахвахский (хъ, хар)	+					
Тиндинский (хъ, х)	+					
Чамалинский (хъ, х)	+					
Цезский (хъ, х)	+ (х)	+ (хъ)				
Хваршинский (хъо)			+			+
Гинухский (хъо)			+			
Бежтинский (хъа)						+
Лакский (х)					+	
Лезгинский (хъ, х)	+				+	+
Табасаранский (хъ)					+	
Агульский (хъ)	+				+	+
Рутульский (хъ, х)					+	
Крызский (х)	+				+	+
Будухский (х)					+	+
Цахурский (хъа)					+	
Удинский (х)	+ (?)				+	

Как следует из вышеизложенного в дагестанских языках пространственная морфема *хъ /х* носит полисемантический характер. Из многих значений, выражаемых ею, доминирующими являются:

"у, рядом, около (ориентира)";

"за, позади (ориентира)";

"обладание (кем-, чем-л.)".

Последнее значение является вторичным – результатом языкового абстрагирования.

Из трех значений, указанных выше, первое и третье характерны широкому ареалу дагестанских языков: первое – аварско-

му; андийскому, тиндинскому, чамалинскому, ботлихскому, годоберинскому, ахвахскому; цезскому; лезгинскому, агульскому, крызскому, удинскому; третее – аварскому; хваршинскому, бежтинскому; лезгинскому, агульскому, крызскому, будухскому. Такой разброс языков, входящих в эти группы, и непоследовательный характер изоглосс позволяет говорить об общедагестанском характере этих значений. См., например, лезг. *ваха-хъ* "у сестры", аг. *ччиччи-хъ* то же, буд. *хыдылджу-х* "у племянника"; хварш. *абуд-хъо* "у отца", беж. *ожди-хъа* "у сына", а также лезг. *ратIра-хъ* "около тока", крыз. *куму-х* "около села"; ахв. *рийадо-хъ-е* "около дома", тинд. *ойашу-х-а* "около него"; цез. *ажу-х* "около куста" и др.

Основное значение у морфемы *хъ* в лезгинских языках – "нахождение за ориентиром", например: лезг. *цла-хъ* "за стеной", таб. *цали-хъ*, аг. *цили-хъ*, рут. *диды-хъ-да* "за отцом". Это значение у морфемы *-х* представлено и в лаксом яыке: *къатлу-х* "за домом" [см. Муркелинский 1967 : 493]. В других дагестанских языках данного значения у настоящей морфемы не отмечено. Исходя из этого можно с достоверностью утверждать, что указанное значение у морфемы *хъ/х* развилось в лезгинско-лакском ареале.

Полисемантизм морфем в прадагестанском состоянии может быть объяснен двумя причинами: с одной стороны, семантическим синкретизмом, с другой, переходом отдельных значений от одних морфем к другим. В связи с этим омжно указать на ценные лингвистические свидетельства, выявляемые при языковом изоморфизме. Там, где пространственные морфемы наряду с субстантивами широко представлены и в глаголах, первые прогнозируют, какие из превербов должны содержаться в структуре глаголов: серийному показателю имени существительного должен соответствовать в глаголе аналогичный пространственный преверб, ср. аг. *цили-хъ хъ-айа* "находится за стеной". В случаях, когда нет такой строгой координации между морфемами пространственной ориентации, серийному показателю субстантива соответствует в глаголе близкий по значению преверб, ср. лезг. *цла-хъ г-ала* "находится за стеной".

С другой стороны, обращает на себя внимание то обстоятельство, что морфема *г* (см. ее вариант *в/ф*) в таких сочетаниях как *цла-в г(а)-ва* "находистя возле стены" имеет значение "у, при, рядом, возле", которое для нее в восточнолезгинских языках является основным, у морфемы же *хъ* (*ратIари-хъ* "у токов") выступает как не основное.

При отсутствии строгой координации может употребляться и преверб, который имеет иное материальное выражение, но выступает с одним из пространственных значений, реализуемых морфемой *хъ* в других дагестанских языках. Ср. лезг. *машинди-хъ а-к-алун* "присоединить к машине" (например, прицеп), где употребляется *к* со значением "в непосредственной близости, в соприкосновении с ориентиром" (вместо ожидаемой *хъ*), реализуемого морфемой *хъ* в цезских языках. Отсутствие строгой координации между серийными показателями в именах существительных и превербами в глаголах свидетельствует о сужении семантического объема последних. Семантический сдвиг и переход значений "у, при, около, возле" и "в непосредственной близости, в соприкосновении с ориентиром" от морфемы *хъ* к *г* (*в/ф*), *к* представляет собой инновацию. Из восточнолезгинских языков переход значений от одних морфем к другим в большей степени отмечается в собстенно лезгинском, но и здесь он не произошел полностью. Перемещение значения наблюдается в глаголе, в то время как в именах существительных оно сохраняется. Ср. лезг. *ам юлдашари-хъ а-г-акьна* "он догнал товарищей" и таб. *ххуй сула-хъ хъ-убкьуну, диди сул бисунур* "собака догнав лисицу, схватила ее", аг. *руш учин дада-хъ хъ-уркьуне* "девушка догнала своего отца", где как именной, так и глагольный компоненты маркируются морфемой *хъ*.

При глаголе обладания в лезгинском языке возможно нарушение координации, т.е. морфема с пространственной ориентацией может отсутствовать: лезг. *за-хъ чукIул ава* "у меня есть нож" при аг. *за-хъ кантI хъ-айа* с соответствующим значением. Это свидетельствует об отказе языка от плеоназма, что в конечном итоге ведет к угасанию (редукции) морфем с пространственной семантикой в глаголе. Из восточнолезгинских языков

более подверженным этому воздействию оказался собственно лезгинский язык [Сулейманов 1997а: 199-201].

Таким образом, изоморфизм помогает провести семантическую реконструкцию и увидеть тенденцию, которой коснулось общедагестанское состояние: с одной стороны, проследить сдвиги в значении пространственных морфем, с другой, определить тенденцию, наметившуюся в общедагестанскую эпоху, – освобождение языка от плеонастических образований и на этой основе выпадение указанных морфем в глаголах.

В восточнолезгиских языках у преверба *хъ- (х-)* появляется новое значение обратного действия: лезг. *х-ттун* "вернуться" (от глагола *аттун* "приходить"), *хъ-фин* "отправиться обратно" (от глагола *фин* "идти"), *ва-х-гун* "отдавать, возвращать" (от *вугун* "дать" (временно); таб. *хъ-тапIуз* "возвращать", *хъ-ттакуз* "возвратиться".

В лезгинском языке глаголы повторного действия образуются при помощи аффиксов *хъ, х* (а также *къ*), которые выступают как префиксальные и инфиксальные элементы. Не во всех диалектах лезгинского языка они активны в равной степени. Нередко глаголы повторного действия образуются и аналитически: от основной формы глагола (масдара) при помощи вспомогательного с превербом *хъ* (*х, къ*) – *хъувун* "повторно сделать", например: *ксун* "спать" → *ксун хъувун* "повторно спать, досыпать"; *гуьн* "жать (колосовые)" → *гуьн хъувун* "повторно жать (колосовые)" и т.д.

В ахтынском диалекте широко применяются синтетические формы глагола с префиксальными и инфиксальными морфемами обратного или возвратного действия, ср. *хъхьана* "вновь произошло", "случилось", "выздоровел" и лит. *хьун хъувуна; хъжеза* "вновь произойдет", "будет", "выздоровеет" и лит. *жен хъийида; хъуьне* "ешь", "доешь" и лит. *тIуьн хъия, хъине; къулгьузва* "еще говорит", "добавляет" и лит. *лугьун хъийизва, хълагьзава; хччизмаш* "не помню", "больше не знаю" и лит. *ччин хъийизмач; цIихкIизва* "вновь рассыпается" и лит. *цикIин хъийизва; гахмагур* "не возвращай" и лит. *гун хъийимир*. Как отмечает У.А.Мейланова, "самурское наречие, в противоположность кю-

ринскому, часто употребляет префигированные формы глагола. Так, при значении повторности действия, обратного действия и т.д. самурские диалекты используют префиксы и инфиксы – *х-*, *хъ-*, *къ-* и др., в то время как кюринское наречие передает эти значения в основном аналитической формой: самур. *кухттун* "подложить вновь" – кюр. *куттун хъувун;* самур. *хъуьнеза* "доест", "снова поест" – кюр. *нен хъийида;* самур. *къугъун* "вновь принести" – кюр. *гъун хъувун* и др." [1964:374].

Важное теоретическое значение для лезгинского языка имеет тот факт, что некоторые из аналитических форм повторного действия образуются не от масдара (*ксун хъувун, гуьн хъувун*), а от основы глагола: *тIарун* "причинять боль" → *тIар хъувун* "повторно причинять боль"; *кягъун* "трогать" → *кягъ хъувун* "повторно трогать", *зверун* "бегать"→ *звер хъувун* "повторно бегать", "возобновить бег" и т.д. Известно, что даегстанские языки, в том числе и лезгинский, по морфологическому строю являются агглютинативными, при этом в них присутствует элемент фузии. Так, в лезгинском языке многие глаголы в своей основной форме представляют из себя масдар. Среди них встречаются простые (непроизводные) основы и производные – сложные или составные глаголы, которые состоят из глагольной основы и вспомогательного глагола *авун* "делать" и *хьун* "стать, становится". У производных глаголов отмечается общая тенденция перехода аналитических форм в синтетические, сопровождаемые фузией, т.е. отмечается переход составных (двухкомпонентынх) глаголов в сложные (однокомпонентные). Различные степени перехода аналитических форм в синтетические представлены в современных лезгинских диалектах, более того, в художественной литературе встречается параллельное их применение (в слове *кIел авун* и *кIелун* (← **кIелвун* ← **кIел (а)вун*) "читать", "учиться". Как видно из синтетической формы, в процессе компрессии от глагольного компонента сохранился последний слог *-ун*.

В агульском языке преверб *хъ-* с данным значением выступает в керенском диалекте и хпюкском говоре [Магометов 1970а :164]: кер., хп. *цIас* "дать" → *хъ-уйцIас* "вернуть", *гIвас* "идти" →

хъ-угIвас "вернуться", "идти обратно". В других локальных единицах агульского языка обратное действие передается посредством слова *хаб* "обратно", "снова": тп. *хаб йес* "отдать обратно", "вернуть".

Это же значение в указанном превербе отмечается в рутульском и цахурском языках: рут. *хъ-ихис* "отнести", цах. *хъ-алес* то же, что дает основание реконструировать его для общесамурского состояния.

Морфема *хъ* в глаголе приобретает еще одно значение: глаголы, в составе которых выступает преверб *хъ-*, обозначает повторное действие, ср. лезг. *авун* "делать" и *хъ-увун* "исправить", "переделать", аг. *акьас* и *хъ-акьас* с теми же значениями, *пас* "сказать" и *хъ-упас* "сказать повторно", "повторить". Наряду с синтетической формой в агульском языке данное значение может передаваться и аналитической формой: *хъара пас* "повторно сказать", где *хъара* представляет собой наречие с значением "еще", "опять", "снова". Подобным (аналитическим) способом передается повторное действие и в табасаранском языке: *хъана гъерхуз* "снова спросить", "переспросить".

Данное значение у *хъ* восстанавливается для общесамурского состояния, см., например, цах. *хъ-езас* "перепахать".

Направительные превербы

Помимо пространственных превербов, в глагольном словообразовании восточнолезгинских языков большое участие принимают и направительные превербы. Не все направительные превербы совпадают материально. Кроме того, здесь перекрещиваются различные системы корреляций направительных превербов. Эволюция системы направительных превербов проходила от двучленной корреляции к четырехчленной. Она совершалась в три этапа. Сначала общедагестанская модель двучленной корреляции, которая была основана на синкретизме, складывалась на семантическом противопоставлении "под объектом" / "вниз" – "на горизонтальной плоскости" / "вверх". Здесь, как и в именах, одни и те же морфемы пространственной ориентации выражали как состояние покая, так и направление движения.

Пережиточно эта модель сохранилась в цахурском, а также цезких языках:

гунз. *г-ула* "класть (о вещах)" / *г-ича* "литься" – *кь-окъа* "садиться верхом" / *кь-окъ арче* "встать";

цах. *г'-еччес* "стелить" / *г'-ичIес* "спускаться" – *а-л-аъас* "одеваться" / *ы-л-хъачIес* "подняться".

В пралезгинском состоянии развивается другая двучленная модель, которая основана на корреляции собственно направительных морфем "к ориентиру" / "вниз" – "от ориентира" / "вверх". Данная модель коррелятивных пар в полном виде выступает только в крызском и будухском языках, см., например:

крыз. *гI-ачIаьдж*, буд. *гI-ачIи* "войти" / крыз. *гI-аьш-*, буд. *гI-ашхар* "спуститься" – крыз. *къ-аьчIидж*, буд. *къ-ечIи* "выйти" / крыз. *къ-узридж* "встать", буд. *къ-ашхар* "подниматься".

И, наконец, в самурских языках формируется модель направительных превербов, основанная на противопоставлении единиц с горизонтальной и вертикальной семантикой: "к ориентиру" – "от ориентира" (по горизонтали) и "вниз" – "вверх" (по вертикали). Лучше данная модель сохранилась в восточнолезгинских языках.

Вне лезгинского ареала она имеет распространение в даргинском языке, см., например:

ка-бищий "положить" (направление сверху вниз);

гьа-бищий "положить" (направление снизу вверх);

са-бищий "положить" (направление к ориентиру, оттуда сюда);

бид-ищий "положить" (направление от ориентира, отсюда туда)

[Магометов 1983 : 196], что указывает на самурско-даргинскую изоглоссу.

В восточнолезгинских языках в "чистом" виде модель "к ориентиру" – "от ориентира" и "вниз" – "вверх" выражена в агульском языке, где преверб *-ч-* обозначает движение, направленное "к ориентиру", *-д-* – "от ориентира", *-д-* – "вниз" и *-гъ-* "вверх". Как правило, пространственные превербы предшествуют направительным превербам (за исключением кошанского

диалекта, где направительный преверб, выражающий движение, направленное вверх, стоит перед пространственным превербом (см. ниже). Возьмем для иллюстрации глагольную основу (корень) *-к-*, которая присоединяет все направительные превербы:

"к ориентиру" – "от ориентира"

ъа-ч-икас "загнать" (скот) – *ъа-д-икас* "выгнать",

гьу-ч-икас "продвинуть вперед" – *гьа-д-икас* "убрать спереди",

гӀа-ч-икас "загнать между..." – *гӀа-д-икас* "выгнать, гнать между...",

ал-ч-икас "натравить" – *ал-д-икас* "отогнать",

ки-ч-икас "подсунуть по... (верт. пл.)" – *ке-д-икас* "высунуть по... (верт. пл.)",

кки-ч-икас "подсунуть" – *кке-д-икас* "прогнать из-под...",

фа-ч-икас "пододвинуть вплотную" – *фа-д-икас* "отодвинуть",

хъу-ч-икас "погнать за..." – *хъа-д-икас* "отогнать из-за".

"вверх" – "вниз"

ъа-гъ-икас "погнать (из...) вверх" – *ъа-д-айкас* "погнать (из...) вниз",

гьа-гъ-икас "погнать спереди вверх" – *гьа-д-айкас* "погнать спереди вниз",

ал-гъ-икас "погнать наверх" – *ал-д-айкас* "согнать вниз",

гӀа-гъ-икас "погнать (между...) вверх" – *гӀа-д-айкас* "погнать (между...) вниз",

ке-гъ-икас "погнать (по верт.пл.) вверх" – *ке-д-айкас* "погнать (по верт. пл.) вниз",

кке-гъ-икас "погнать (под...) вверх" – *кке-д-айкас* "погнать (под...) вниз",

фа-гъ-икас "погнать в соприкосновении вверх" – *фа-д-айкас* "погнать в соприкосновении вниз",

хъа-гъ-икас "погнать (за...) вверх" – *хъа-д-айкас* "погнать (за...) вниз".

Направительные превербы агульського языка по диалектам и говорам претепели значительные изменения.

В речи села Тпиг направительный преверб *-*д*-, выражающий движение, направленное от ориентира, дает -*д*-, -*тт*-, -*й*-: *ъа-д-икас* "выгнать", *ъа-й-чIвас* "выйти, вылезать", *ъа-тт-вес* "выходить".

В ричинском говоре керенского диалекта, в речи сел Яркуг и Кураг собственно агульского диалекта, а также в цирхинском говоре настоящий преверб трансформируется и дает рефлекс -*тт*-:

ъа-ч-икас "загнать" (скот) – *ъа-тт-икас* "выгнать",

гьа-ч-икас "продвинуть вперед" – *гьа-тт-икас* "убрать спереди",

гIа-ч-икас "загнать (между…)" – *гIа-тт-икас* "выгнать, прогнать (между…)",

ал-ч-икас "натравить" – *ал-тт-икас* "отогнать",

кке-ч-икас "подсунуть" – *кке-тт-икас* "прогнать (из-под…)",

фа-ч-икас "пододвинуть влотную" – *фа-тт-икас* "отодвинуть",

хъа-ч-икас "погнать (за…)" – *хъа-тт-икас* "отогнать (из-за…)".

См. также:

ъа-ч-учIас "влезть" – *ъа-тт-учIас* "вылезать",

гьа-ч-учIас "влезать спереди" – *гьа-тт-учIас* "уйти спереди" и т.д.

В фитинском говоре *-*д*- → -*т*-

ъа-ч-учIас – *ъа-т-учIас*

гьу-ч-учIас – *гьа-т-учIас*

гъ'а-ч-учIас – *гъ'а-т-учIас*

ал-ч-учIас – *ал-т-учIас*

фа-ч-учIас – *фа-т-учIас* и т.д.

Транформацию направительного преверба *-*д*- "от ориентира" по диалектам и говорам агульского языка можно изобразить в виде следующей таблицы:

1. *-*д*- → -*д*-, -*тт*-, -*й*- Тпиг (соб. аг.)

2. *-*д*- → -*тт*-, -*й*- Бедюк, Усуг (кер.); хпюкский говор;

Мисси (соб. аг.)

3. *-д- → -тт-, -∅- гехюнский диалект; Хутхул (соб. аг.)

4. *-д- → -тт- ричинский, цирхинский говоры; Яркуг, Кураг (соб. аг.)

5. *-д- → - – т– фитинский говор

Морфема *-д- ("вниз") в локальных единицах агульского языка трансформируется в -тт-, -р-, -∅-.

1. В речи сел. Тпиг и Хутхул (соб. аг.) указанная морфема не подвергается трансформации или переходит в -∅-.

Тпиг:

ъа-гъ-учIас "взобраться (в...)" – *ъа-д-айчIвас* "спуститься (из...)",

гьа-гъ-учIас "взобраться (спереди)" – *гьа-йчIвас* "спуститься (спереди)",

гIа-гъ-учIас "взобраться (между...)" – *гIа-йчIвас* "спуститься (между...)",

ал-гъ-учIас "взобраться (на...)" – *ала-йчIвас* "спуститься (с...)",

фа-гъ-учIас "взобраться (в соприкосновении)" – *фа-йчIвас* "спуститься (в соприкосновении)",

хъа-гъ-учIас "взобраться (сзади)" – *хъа-йчIвас* "спуститься (сзади...)" и т.д.

Хутхул:

гъ-агIвас "подняться" – *ъа-д-айес* "спуститься",

гьа-гъ-гIвас "подняться (спереди)" – *гьа-йес* "спуститься (спереди)"

гIа-гъ-гIвас "подняться (между...)" – *гIа-йес* "спуститься (между...)" и др.

2. В гехюнском диалекте глагол с направительным превербом, выражающим движение, направленное "вверх", может усложниться элементом *-тт-*, который, по всей вероятности, служит направительным превербом со значением "туда". В глаголе с таким превербом выражается действие, направленное "туда (от ориентира) вверх":

ъа-тт-гъ-ишас "прыгнуть (туда вверх)"

гIа-тт-гъ-ишас "прыгнуть (между... туда вверх)"

гъа-тт-гъ-ишас "прыгнуть (спереди… туда вверх")…

Речь села Мисси:

ъа-гъ-агIвас – ала-йас

гъа-гIвас – гъа-йас

гIа-гIвас – гIа-йас

ал-гъ-агIвас – ала-йас

ке-гIвас – ке-йас

кке-гIвас – кке-йас

хъа-гIвас – хъа-йас

3. В фитинском говоре направительаня морфема **-д-* со значением "вниз" дает рефлекс *-тт-*:

ъэ-гъ-евес – ъэ-тт-евес

гъ-ур-гъ-евес – гъуь-тт-евес

гъ'-ар-гъ-евес – гъ'а-тт-евес

эл-гъ-евес – эл-тт-евес

к-ир-гъ-евес – ки-тт-авес

кк-ир-гъ-евес – кки-тт-авес

ф-ар-гъ-евес – фа-тт-авес

хъ-уьр-гъ-евес – хъуь-тт-евес

4. В речи села Яркуг (соб. аг.) **-д- → -тт-, -∅-*:

ъа-гъ-авес – ъа-тт-авес

гъа-гъ-авес – гъ-авес

гIа-гъ-авес – гI-авес

ал-гъ-авес – ал-тт-авес

ке-гъ-авес – к-евес

кке-гъ-авес – кк-евес

фа-гъ-авес – ф-авес

хъа-гъ-авес – хъ-авес

Как видно из примеров, в глагольных сериях, фитинского говора, где выражено движение "вверх" перед направительным превербом наращивается *р*.

В речи села Яркуг направительный преверб *-д-* (→ *-тт-*) "вниз" появляется лишь в глаголах с пространственными превербами *ъ-* "в" и *л-* "на", в других же формах он выпадает бесследно.

5. В цирхинском говоре направительный преверб, указывающий на движение, направленное "вниз", дает рефлекс *-р-*:

ъа-гъ-агІвас	–	*ъа-р-агІвас*
гьа-гъ-агІвас	–	*гьа-р-агІвас*
ал-гъ-агІвас	–	*ал-агІвас*
гъ'а-гъ-агІвас	–	*гъ'а-р-агІвас*
ки-гъ-агІвас	–	*ки-р-агІвас*
кки-гъ-агІвас	–	*кки-р-агІвас*
фа-гъ-агІвас	–	*фа-р-агІвас*
хъа-гъ-агІвас	–	*хъа-р-агІвас*

В цирхинском говоре в глагольных формах с направительным превербом *-р-* (← **-д-)* "вниз", образованных от коревой морфемы *-чІ-*, появляется избыточный элемент *й*, ср. *ъа-гъ-учІас* "взобраться (в…)" и *ъа-р-ай-чІвас* "спуститься (в…)". В глаголах с корневой морфемой *-ш-* он появляется и в глагольной структуре с направительным превербом *-гъ-* "верх": *хъа-гъ-ай-шас* "вспрыгнуть (сзади)" – *хъа-р-ай-шас* "спрыгнуть (сзади)".

В глаголе с пространственным превербом *л-* направительный преверб *-д-* переходит в *-й-*; *ал-гъ-учІас* "взобраться (на…)" – *ал-ай- чІвас* "спуститься (с…)".

Трансформация направительного преверба со значением "вниз" по диалектам и говорам выглядит следующим образом:

1. **-д- → – д –,-∅-*	речь сел Тпиг и Хутхул (соб. аг.)
2. **-д- → -тт-*	фитинский говор
3. **-д- → -р-, -й-, -∅-*	цирхинский говор
4. **-д- → -∅-*	керенский, гехюнский диалекты; хпюкский говор; речь села Мисси (соб. аг.)
5. **-д-→ тт-, -∅-*	речь села Яркуг (соб. аг.).

Направлительные превербы в кошанском диалекте агульского языка имеют отклонения от общей линии, характерной для других диалектов. Здесь представлены направительные превербы общие и для вышеуказанных диалектов, говоров. Они обозначают движение, направленное "от ориентира" (*-т-← *-д-*), "верх" (*-гІ- ← *-гъ'-*) и "вниз" (*-тт- ← *-д-*). Не представлен направительный преверб, выражающий движение, направлен-

ное "к ориентиру". Но вместе с тем арсенал направительных превербов здесь пополняется направительным превербом *-къ-*, который обозначает движение, направленное из ограниченного (замкнутого) пространства. Он выступает вкупе с пространственными превербами *ъ-* "в, внутри", *гI-* "между, среди", *кк'-* "под", *в-* "при, рядом, возле".

В иных случаях представлен направительный преверб *-т-*, общий с превербом *-д-*, который употребляется в других локальных единицах:

ъа-хис "войти" – *ъа-къ-ахис* "выйти"

хъа-хис "подойти (сзади…)" – *хъа-т-хис* "отойти (сзади…)"

гIа-хис "подняться" – *а-тт-ахис* "спускаться"

ала-хис "идти (на… по горизонтальной плоскости)" – *ал-т-хис* "сойти (с… по горизонтальной плоскости)"

гIа-ла-хис "подняться (на…) – *ал-тт-ахис* "спускаться (с…)"

ъа-ркас "загнать (скот)" – *ъа-къ-аркас* "выгнать (скот)"

гIа-ркас "загнать (между…)" – *гIа-къ-аркас* "прогнать (между…)".

См. также реализацию в качестве словообразовательной морфемы преверба *-къ-* с другими глагольными основами:

ъа-къ-акъас "вытащить (из…)"

гIа-къ-акъас "вытащить (между…)"

кки-къ-акъас "вытащить (из-под…)"

у-къ-акъас (← *ву-къ-акъас*) "отнять, отобрать".

Наряду с направительными превербами, встречающимися в составе сложных превербов (а их подавляющее большинство), в агульском языке можно обнаружить и выступающие отдельно. Если сложные превербы легко вычленимы из состава глагольной основы, то вычленение простого направительного преверба из такой же основы сопряжено с определенными трудностями. Метод, применяемый для вычисления сложного преверба, здесь не пригоден. Направительный преверб в составе сложных превербов в какой-либо глагольной основе можно проследить на восьми примерах, подменяя один пространственный преверб другим, что и было проиллюстрировано выше. Для выявления

простого направительного преверба необходимы критерии, которые учитывают семантическую сторону глагола: направительный преверб *гъ-* "вверх" обнаруживается в глаголах с семантикой, связанной с движением вверх: *гъ-айшас* "подняться, встать", ср. данный корень (*-ш-*) со сложными превербами, в составе которых имеется направительный преверб *-гъ-*: цир. *хъа-гъ-айшас* "прыгать сзади вверх", *кки-гъ-айшас* "прыгать вверх… под" и т.д.

Ср. также *дивас* "тянуть" и производный глагол, образованный посредством направительного *гъ- гъадивас* "поднять". Последний может служить производящей основой для глагола, осложненного пространственным превербом; таким спосоом возможно образовать парадигматический ряд, состоящий из восьми глаголов, который соответствует количеству пространственных превербов:

ъа-гъдивас "поднять (из…)"
гIа-гъадивас "поднять (между…)"
ал-гъадивас "поднять (на…)"
гъадивас → *к'а-гъдивас* "поднять (по вертикальной плоскости, напр. по веревке)"
кк'а-гъдивас "поднять (из-под…)"
фа-гъдивас "поднять (рядом…)"
хъа-гъдивас "поднять (сзади)"

Точно так же от простой (непроизводной) основы посредством восьми пространственных и четырех направительных превербов создаются производные глаголы:

ал-ихьас "поставить (на…)"
ъ-ихьас "бросить (в…)"
гI-ихьас "бросить (между…)"
ихьас → *гь-ихьас* "бросить (спереди…)"
"положить, бросить" *к-ихьас* "прицепить (в вертикальном положении)"
кк-ихьас "положить (под…)"
аф-ихьас "положить (вплотную)"
хъ-ихьас "положить (позади)"

алихьас → ал-ч-ихьас; ал-д-ихьас; ала-й-хьас; ал-гъ-ихьас

ъихьас → ъа-ч-ихьас; ъа-д-ихьас; ъа-д-ай-ихьас; ъа-гъ-ихьас

гIихьас → гIа-ч-ихьас; гIа-д-ихьас; гIа-д-ай-хьас; гIа-гъ-ихьас

хъихьас → хъу-ч-ихьас; хъа-д-ихьас; хъа-й-хьас; хъа-гъ-ихьас

кихьас → ки-ч-ихьас; ке-д-ихьас; ке-й-хьас; ке-гъ-ихьас

ккихьас → кки-ч-ихьас; кке-д-ихьас; кке-й-хьас; кке-гъ-ихьас

афихьас → фа-ч-ихьас; фа-д-ихьас; фа-й-хьас; фа-гъ-ихьас

гьихьас → гьа-ч-ихьас; гьа-д-ихьас; гьа-й-хьас; гьа-гъ-ихьас

Употребление направительных превербов, как и пространственных, в диалектах агульского языка неравномерно. К примеру, употребление направительного преверба *-ч-* наиболее последовательно проходит в цирхинском говоре. Здесь наблюдается применение его в тех глаголах, где он остутствует по другим локальным единицам, ср. *ъа-ч-укъас* (цир.) "завязнуть, застревать" и *ъукъас* (соб. аг.); *ъа-ч-учIас* "влезать" и *ъучIас*; *ъа-ч-ихьас* и *ъихьас* и др.

Направительные превербы агульского языка привлекли внимание исследователей, но не получили полного освещения, вызвав различные суждения. Так, касаясь преверба *-ч-* ("к ориентиру") А.А.Магометов пишет: "В агульском языке имеются также сложные превербы, вторым компонентом которых является *ч* (-). Функции этого преверба в сложном превербе не ясны" [1970а : 162]. Относительно преверба *-д-* ("от ориентира") он склонен считать его "компонентом, придающим глаголу противоположное значение, сравнительно с глаголом, оформленным одним пространственным превербом" [Там же : 161].

В табасараском языке направительные превербы в глагольной деривации играют менее активную роль, чем в агульском языке. Участие направительного преверба, указывающего на движение, направленное к ориентиру, в табасаранском языке, как и в кошанском диалекте агульського языка, не отмечается. В данном случае пространственные превербы повторяют общеда-

гестанское состояние, синкретически совмещая пространственные и направительные значения. Обратное движение – от ориентира – в табасаранском языке передается посредством направительного преверба *-д-* (→ *-тт-, -т-, -тI-, -р-*), материально общего с аналогичным агульским превербом:

ъабсуз "вонзить" – *ъа-д-абсуз* "вытащить (из…)"

гь-абсуз "закрыть (спереди)" – *гьа-д-абсуз* "открыть (спереди)"

к-абсуз "соединить" – *к-т-абсуз* "отцепить"

хъ-абсуз "закрыть (сзади)" – *хъ-т-абсуз* "открыть"

гъ'-абсуз "оказаться зажатым (между…)" – *гъ'а-д-абсуз* "вырвать (из…)"

кк-абсуз "подбить" – *кка-д-абсуз* "оторвать (снизу)"

ал-абсуз "закрыть (сверху)" – *ал-д-абсуз* "открыть (сверху)";

ала-хьуз "насыпать (на…)" (к ориентиру) – *ал-д-ахьуз* "ссыпать (с…)" (от ориентира);

ъа-хьуз "всыпать (в…)" (к ориентиру) – *ъа-д-ахьуз* "высыпать (из…)" (от ориентира);

хъа-хьуз "насыпать (позади…)" (к ориентиру) – *хъ-тт-ахьуз* "убрать (сзади сыпучие вещества)" (от ориентира);

кка-хьуз "насыпать (под…)" (к ориентиру) – *кка-д-ахьуз* "высыпть (из-под…)" (от ориентира) и т.д.

В табасаранском языке, как и в агульском, применение указанного направительного преверба носит системный характер.

В лезгинском языке употребление его максимально ограничено и можно выявить в единичных глаголах, например, в таком как *т-хун* (← **тт-ухун* ← **д-ухун* ← **д-угъун*) "отнести" (ср. *гъун* "принести"), *алу-д-ун* "снять". С учетом этого можно предположить, что приведенный преверб сформировался в восточнолезгинских языках уже в период отторжения от общесамурского состояния[11].

---

[11] Вместе с тем имеются основания увязать указанный направительный преверб с идентичной словообразовательной морфемой *би-д* даргинского языка: *бид-ищий* "положить" (с указанием направления от ориентира).

Другие направительные превербы в табасаранском языке не образуют последовательный парадигматический ряд, как в агульськом, и потому целесообразно их рассматривать в общем русле.

Общим в восточнолезгинских языках является также направительный преверб *гъ-/къ-* (← **къгъ-*) "вверх": лезг. *къ-арагъун*, таб. *гъ-удуджвуз*, аг. *гъ-айшас* "встать, подняться". Настоящая деривационная морфема вычленяется и в составе глагольной основы шахдагских языков (крызский, будухский), см. крыз. *къ–узрун*, буд. *къ-узу* "встать, подняться".

В одной из своих работ отсутствие данной деривационной морфемы в составе глагольной основы рутульского и цахурского языков и использование вместо нее *л-* (см. рут. *л-ешес* "брать, поднять", цах. *ал-артIаз;* рут. *л-узас* "встать, поднятсья", цах. *ал-айез* "расти") мы объясняли процессом реинтерпретации пространственного преверба. Очевидно, более корректным можно считать положение, согласно которому в этих языках отражается архаическое состояние, когда морфема локальной ориентации совмещает в себе пространственную и направительную функции, что восходит к общедагестанскому состоянию. Появление же *гъ-/къ-* можно объяснить в связи с дифференциацией направительных функций и выработкой специальных аффиксов.

Общим для агульского и табасаранского языков является направительный преверб *-д-* со значением "вниз": аг. *ала-й-чIвас* (← **ала-д-чIвас*), таб. *ул-д-учIвуз* "слезать (например, со стены)", "спешиться", который образовался в период их совместного развития.

Агульский направительный преверб *-ч-* со значением "к ориентиру" не имеет аналогов в других языках. Не представлен он также и в кошанском диалекте агульского языка, ср. соб. аг. *ъа-ч-авес* и кош. *ъа-хис* "войти (например, в дом)", *гIа-ч-авес* и *гIа-хис* "выйти" (например, между домами)" и т.д.

Согласный *ч* является рефлексом общедагестанского **лIъ* (→ *к'* → *ч*). Семантически направительная морфема *-ч-* развилась на базе модификации синкретической морфемы (*лIъ*) со значением " в сплошной массе, среде", "в соприкосновении", "на

вертикальной поверхности" [Сулейманов 1992а, особенно: 116-122; 124-125]. Развитие направительного значения "к ориентиру" у аффикса *ч* (← **к'*) в агульском языке – результат семантической трансформации морфемы *к'* с общим значением "приближения", "соприкосновения", см. аг. *к'-учІвас* "влезать (например, в реку)" лезг. *э-к-ечІун;* аг. *к-етас* "трогать", лезг. *к-аьгъун* (← **к'-агъун*) то же.

К истории формирования морфем с направительной семантикой

Сравнительно-генетический анализ направительных превербов в лезгинских языках показывает, что формирование их проходило в разные периоды: если направительный превер *-къ-*, который выражает направление из ограниченного пространства, сформировался еще в лоне общесамурского и шихдагского состояний, то образование общенаправительного преверба *-д-* "от ориентира" относится к более позднему периоду – времени восточнолезгинского единства.

Направительный преверб *-къ-* со значением "вверх" также сформировался в период общесамурско-шахдагского единства. Отклонение, наблюдающееся в рутульском и цахурском языках, относится к явлению архаического порядка. Здесь морфема *л-* выражает как пространственное, так и направительное значения, что продолжает общедагестанское состояние. И сама морфема *л-* материально восходит к общедагестанскому **кьІ*.

Еще более поздиним образованием является направительный превер *-д-* со значением "вниз", который возник в период распада восточнолезгинского единства и сформировался в агульско-табасаранской области.

И наконец, развитие направительного преверба *-ч-* "к ориентиру" относится ко времени индивидуального развития агульских диалектов, хотя материальная основа настоящей морфемы восходит к общедагестанскому **лІъ* (через палатализованный *к'*).

Представляется, что для того состояния, которое предшествовало распаду общелезгинского языка-основы, демаркативная

функция пространственных и направительных превербов еще не была обозначена, о чем свидетельствуют данные современных лезгинских языков, где один и тот же преверб может выполнять как пространственную, так и направительную функции.

Необходимо указать еще на одну сторону, связанную с направительными превербами в восточнолезгинских языках. Как отмечалось выше, направительные превербы в агульском языке образуют модель, которая состоит из двух корреляционных пар сообразно двум плоскостям в пространстве:

"к ориентиру" – "от ориентира" (по горизонтали) и

"вниз" – "вверх" (по вертикали).

Примеры:

соб. аг. *гьу-ч-авес* "подойти (спереди)" – *гьа-тт-вес* (← **гьа-д-вес*) "отойти (спереди)";

гьа-д-аавес "спуститься (спереди)" – *гьа-гъ-вес* "подняться (спереди)".

Как видно из примеров, в агульском языке имеются все звенья данной модели. Вторая коррелятивная пара ("вниз – вверх") этой модели представлена в табасаранском языке: *ул-д-учІвуз* "спускаться" – *гъ-удуджвуз* "встать". От первой коррелятивной пары здесь отмечается лишь одно из звеньев – "от ориентира": *ъу-д-учІвуз* "выйти". Отдельные следы последнего можно обнаружить и в лезгинском языке: *т-ухун* (← **д-угъун*) "отнести".

В табасаранском языке и кошанском диалекте агульского языка представлен фрагмент и другой модели "к ориентиру" / "вниз" (*гІ-*) – "от ориентира" / "вверх" (*къ–*), восходящей к общесамурско-шахдагскому уровню. Здесь употребляется один из членов корреляции "от ориентира" / "вверх":

кки-къ-акъас "вытащить (из-под...)", *кки-къ-адивас* "вытащить (из-под... вверх)".

Данный коррелятивный член распространен и в лезгинском языке: *экъ-ечІун* "выйти (из...)" / *къ-арагъун* "подниматься, встать".

Одно из звеньев настоящей корреляции ("от ориентира") применяется в рутульском и цахурском языках:

рут. *аь-гъ-ечIун* "выйти", цах. *и-гъ-ечIес*, а другое ("вверх") – в агульском: *а-гъ-учIас* "подняться".

В крызском и будухском языках представлены оба члена корреляционных пар:

крыз. *гI-ачIаьдж*, буд. *гI-ачIи* "войти" / крыз. *гI-аьш-*, буд. *гI-ашхар* "спуститься" – крыз. *къ-аьчIидж*, буд. *къ-ечIи* "выйти" / крыз. *къузридж* "встать", буд. *къ-ашхар* "подниматься" [Сулейманов 1992а; 1993 б].

Судя по характеру изоглосс – модель "к ориентиру" / "вниз" – "от ориентира" / "вверх" представлена в полном объеме в юго-восточной периферии распространения дагестанских языков (шахдагские языки) и становится все более ущербной по мере продвижениея на северо-запад. Вероятной зоной, где сформирловалась данная модель, является область шахдагских языков.

В собственно лезгинском языке так же, как и в агульском, представлена модель, члены которой коррелируют:

"к ориентиру" (*гь-*) – "от ориентира" (*-къ-*)
"вниз" (*-в-*) – "вверх" (*-къ- / -кь-*)

Примеры:

гь-атун "попадать (во что-либо)" – *а-къ-атун* "выходить"
а-в-атун "падать" – *а-къ-атун* "появляться , выступать".

Словообразовательные морфемы правой части этой модели, материально совпадающие с идентичными единицами других лезгинских языков, рассматривались нами выше. Неотмеченными остались направительные преверби *гь-* и *-в-*, содержащиеся в левой части рассматриваемой модели. Последние в других лезгинских языках встречаются очень редко, в то время как в собственно лезгинском представлены довольно широко, например:

гьакьун "умещаться", *гьакьарун* "умещать", *гьалдун*"накрывать", *гьалдарун* "напускать, подстрекать", *гьалтун* "нагибаться", "наваливаться", *гьалчIун* "становиться пасмурным", *гьахьун* "входить, влезать";

авадарун "катить", *авахьун* "катиться", *эвичIун* "спускаться, слезать", *авудун* "спускать".

Отличие данных морфем от морфем агульского языка (это - *ч-* и *-д-*), заключается в том, что они не образуют парадигмати-

ческий ряд, состоящий из глаголов по количеству равных пространственным превербам. У данных единиц (*гь-*, *-в-*) парадигматические формы, следовательно, и словообразовательный ряд ограничены. Можно найти несколько примеров типа, ср. *гьатун* и *гьалтун*; *гун* "давать" и *вугун* "дать (временно или с определенным назначением)".

Что же касается материальной и семантической сторон этих морфем, следы их можно найти и в других дагестанских языках. См., например, участие морфемы *гь-* в глагольной основе андийских языков: анд. *гьирцIоллу* "поднимать", тинд. *гьеччалилIа*, чам. *гьинзалла*, а также морфемы *в-* в аваро-андийских, даргинском языках: ав. *вортизе* "падать", анд. *вуккуду*, чам. *вукула*. Ср. также цах. *ав* "нижняя часть", "под" [Дирр 1913 : 24], дарг. (кубач.) *ви-* "под" [Магометов 1963 : 199].

2. Отрицательные и запретительные частицы в роли словообразовательных аффиксов

Помимо превербов, занимающих префиксально-инфиксальную позицию, имеются еще отрицательные и запретительные аффиксы, которые занимают такую же позицию и выполняют словообразовательую функцию. Общим отрицанием для восточнолезгинских языков служит частица *-д-* (→ *тт-*):

лезг. *аккун* "видеть" → *тт-аккун* "не видеть"

фин "идти" → *тт-ефин* "не идти"

аттун "приходить" → *тт-аттун* "не приходить"

хьун "стать, становиться" → *тт-ахьун* "не стать, не становиться"

гун "дать" → *тт-агун* "не дать"

акъвазун "стоять, остановиться" → *тт-акъвазун*, "не стоять, не остановиться";

аг. *агвас* "видеть" → *д-агвас* "не видеть"

вес "идти" → *д-авес* "не идти"

адес "приходить" → *д-адес* "не приходить"

хьас "стать, станвоиться" → *д-ахьас* "не стать, не становиться"

йес "дать" → *д-айес* "не дать"

гъузанас "стоять, остановиться" → *д-агъузанас* "не стоять, не остановиться";

таб. (хив.) *ургъуз* "жарить → *д-аругъуз* "не жарить"

урхуз "читать", "ткать" → *д-урухуз* "не читать", "не ткать"

урхьуз "сварить" → *д-урхьуз* "не сварить"

урзуз "сеять" → *д-урузуз* "не сеять" и т.д.

В табасаранском и агульском языках отрицательные формы образуются только синтетически.

В лезгинском языке, напротив, наряду с синтетическими формами возможны и аналитические. Последние образуются от основной формы глагола (масдара) при помощи отрицательной формы вспомогательного глагола *авун* "делать". Так, наряду с *ттаккун, ттефин, ттаттун, ттахьун, ттагун, ттакъвазун* употребляются и аналитические формы *аккун ттавун, фин ттавун, хьун ттавун, гун ттавун, аттун ттавун, акъваз ттавун*.

Ряд глаголов в лезгинском языке образует отрицательные формы только аналитически: *ксун* "спать" → *ксун ттавун* "не спать", *къачун* "брать" → *къачун ттавун* "не брать".

Многие отрицательные формы в лезгиском языке образуются не от масдара, а от основы основного глагола посредством отрицательной формы вспомогательного глагола:

тIарун "болеть, испытывать боль" → *тIар ттавун* "не болеть"

къарагъун "встать" → *къарагъ ттавун* "не вставать"

акьалун "закрывать" → *акьал ттавун* "не закрывать"

шехьун "плакать" → *шехь ттавун* "не плакать"

кIелун "читать", "учиться" → *кIел ттавун* "не читать", "не учиться"

ккатун "бежать" → *ккат ттавун* "не бежать".

Таким образом, в лезгинском языке в отличие от табасаранского и агульского при отрицании аналитические формы превалируют над синтетическими. В последних же (табасаранском и

агульском) они образуются только синтетическим способом. Очевидно, если рассматривать данный вопрос с исторической точки зрения, можно сказать, что путь развития этого процесса лежит от аналитизма к синтетизму.

В лезгинском языке, если глагол сопровождается превербом (простым или сложным), отрицательная частица, как правило, предшествует ему:

хъфин "отправиться обратно" → *тт-ахфин*

агатун "пододвигаться" → *тт-агатун*

алатун "спадать", "сходить" → *тт-алатун*

В агульских глаголах с превербами отрицательная частица вставляется между превербом и корневой морфемой; в некоторых случаях сложные преверbы могут быть расчленены указанной частицей:

ср. *алархьас* "упасть" → *ал-д-архьас*

алгъархьас "попасть на поверхность" → *алгъа-д-архьас*

гьархьас "упаст (спереди)" → *гьа-д-архьас*

хъучархьас "достигать", "догнать" → *хъуча-д-архьас*, но

алайчIвас "слезать" → *ал-д-ай-чIвас*.

В глаголах с префиксом – окаменелым классным показателем отрицательная частица в зависимости от диалектов может следовать за ним и предшествовать ему:

соб. аг. *йирхIас* "бить" → *д-айирхIас*, но

кер. *йарх'ас* → *йа-д-арх'ас*

В табасаранском языке отрицательная морфема также "вставляется между превербом и корнем" [Bouda 1939], но при этом может подвергаться фонетическим трансформациям [Жирков 1948 : 135]. Общий принцип следования отрицательной морфемы за превербом в диалектах может нарушаться: она может как следовать за превербом, так и стоять перед ним [Магометов 1965 : 297].

Отрицательная частица *д*, кроме восточнолезгинских языков, распространена и в других лезгинских языках и на этом основании реконструируется для пралезгинского состояния. В специальной литературе в качестве реконструируемой формы

отрицательной частицы указана гемината *тт [Алексеев 1985 : 100].

Определенный интерес в глагольном словообразовании восточнолезгинских языков представляют запретительные формы, образующиеся от глагольной основы посредством аффикса *м*, который является общим для указанных языков.

В литературном лезгинском языке запретительная форма образуется от основы глагола посредством суффигирования слова *-мир* "не делай!". Последнее является запретительной формой глагола *авун* "делать", которая в запретительном наклонении выполняет грамматическую (словообразовательную) функцию.

Примеры:

тIуьн "есть, кушать" → *тIуь-мир* "не ешь!, не ешьте!"

килигун "смотреть" → *килиг-мир* "не смотри!, не смотрите!"

кIелун "читать", "учитсья" → *кIел-мир* "не читатй!", "не учись!", "не читайте!", "не учитесь!"

къарагъун "встать" → *къарагъ-мир* "не вставай!, не вставайте!"

ккатун "бегать" → *ккат-мир* "не беги!, не бегите!"

ацукьун "садиться" → *ацукь-мир* "не садись!, не садитесь!"

В диалектах лезгинского языка (самурское наречие, курахский диалект), в отличие от кюринского наречия и литературного языка, словообразовательный аффикс *-мир* в ряде слов может расщеплятся: первая часть (*м-*) присоединяется к началу глагола, вторая (*-ир*) – к концу [Мейланова 1964 : 166, 219, 363, 374, 393].

Примеры:

Курах. *гъун* "принести" → *м-игъ-ир* "не неси!"
авун "делать" → *м-е-ир / и-мир* "не делай!"

док. (усух.) *авун* "делать" → *м-ий-ир* "не делай!"
фин "идти" → *м-иф-ир* "не ходи!"

Гелхенский смешанный говор:

гъун "принести" → *м-егъ-ир* "не неси!"
гун "давать" → *м-аг-ур* "не давай!"

Фийский смешанный говор:

лугьун "говорить, сказать" → "*м-ал-ур, м-алгь-ур!*"

тIуьн "есть, кушать" → *м-ин-ер* "не ешь!"

аттун "приходить" → *м-екъв-ер* "не приходи!"

фин "идти" → *м-еччвуьгъ-уьр, м-еф-ир* "не ходи!"[12]

В табасаранском языке запретительная морфема предшествует глагольному корню; в единственном числе присоединяется суффикс *-ан*, во множественном – *-анай*:

агуз "искать" → *м-аг-ан* (ед.ч.), *м-аг-анай* (мн.ч.)

ахуз "спать" → *м-ах-ан* (ед.ч.), *м-ах-анай* (мн.ч.)

ишуз "плакать" → *м-иш-ан* (ед.ч.), *м-иш-анай* (мн.ч.)

пуз "говорить" → *м-ап-ан* (ед.ч.), *м-ап-анай* (мн.ч.)

кIуз "говорить" → *м-акI-ан* (ед.ч.), *м-акI-анай* (мн.ч.)

В северном диалекте, если глагольные основы осложнены превербами или классными показателями, запретительная частица следует за ними, в южном диалекте как в простых глаголах, так и в глаголах, осложненных превербами и классными показателями, она занимает анлаутную позицию:

сев. *кIус* "умереть" → *м-иликI-ан, м-иликI-анай*

апIус "делать" → *м-ипI-ан, м-ипI-анай*

бикIус "писать" → *би-м-илкI-ан, би-м-илкI-анай*

тIивхус "летать" → *тIи-м-ивх-ан, тIи-м-ивх-анай*

джавкIус "мыть" → *джи-м-ивкI-ан, джи-м-ивкI-анай*

илдживгус "смести" → *илджи-м-илг-ан, илджи-м-илг-анай*

юж. *лиггуз* "посмотреть" → *м-илигг-ан, м-илигг-анай*

ттувуз "дать" → *м-уттув-ан, м-уттув-анай*

бикIуз "писать" → *м-ибикI-ан, м-ибикI-анай*

бирхуз "шить" → *м-ибирх-ан, м-ибирх-анай*

дахъуз "лечь" → *м-адахъ-ан, м-адахъ-анай*

---

[12] Материалы почерпнуты из работы Мейлановой У.А. "Очерки лезгинской диалектологии" [1964].

ургуз "сжечь" → *м-ург-ан, м-ург-анай*

чІаркІуз "сиять → *м-ачІаркІ-ан, м-ачІаркІ-анай*

алахъуз "встретить" → *м-алахъ-ан, м-алахъ-анай*

кархьуз "зажечь" → *м-акархь-ан, м-акархь-анай*

иливуз "положить (на…)" → *м-илив-ан, м-илив-анай*

Глаголы, начинающиеся с *й*, в запретительной форме теряют данный префикс: *йивуз* "ударить", *ми-ван* "не ударяй!" (ср. отриц. форму: *дир-ивуз*, где префикс *й* также утерян).

йикуз "услышать" – *ми-к-ан* "не услышь!"

йикІуз "умереть", "убить" – *ми-ликІ-ан* "не умирай!", "не убивай!" [Магометов 1965 : 311].

В агульском языке, если в глагольной основе содержится преверб, то запретительная морфема следует за ним, в хпюхском же говоре она всегда стоит в начальной позиции слова:

ср. соб. аг. *хъирхІас* "толкнуть", "стучать" → *хъи-м-ирхІа*,

кер., цир. *хъарх'ас* → *хъа-м-арх'а*,

гех., кош. *хъархІас* → *хъа-м-архІа*,

фит. *хъирх'ас* → *хъи-м-ирх'а*,

но хп. *хъархІас* → *м-ахъархІа*

В собственно агульском диалекте в запретительной форме, образованной от глагольной основы с детерминативным суффиксом, согласный основы *й* переходит в *л*:

ср. соб. аг. *хъузийанас* "толкать" → *хъузи-м-илана*,

гъуйанас "брать" → *м-агъулана*,

но кер., цир., фит. *хъузийас* "толкать" → *хъуз-м-ийа*

В керенском диалекте и хпюкском говоре, в отличие от других локальных единиц, имеется еще одна запретительная форма, которая образуется от масдара при помощи глагола *макьа* "не делай!":

кер. *рухас* "читать" → *руху макьа* "не читай!" (букв. "чтение не делай"). *руккас* "резать" → *рукку макьа* "не режь!" (букв. "резание не делай"), *кихьас* "писать" → *кихьу макьа* "не пиши!" (букв. "писание не делай"); хп. *хъархІас* → *хъархІу макьа* "не толкай!", *гъуджас* "брать" → *гъуджу макьа* "не бери!" и т.д.

Эта аналитическая модель, кроме лезгинского и агульского языков, распространяется еще в рутульском: *ухьа маъ* "не вари!" [Алексеев 1985 : 100].

При образовании запретительной формы от простой глагольной основы запретительная морфема во всех локальных единицах агульского языка занимает начальную позицию:

соб. аг., кер., гех., цир. *хьас* "стать, становиться" → *м-ухьа;* хп., фит. *хьас* → *м-ахьа;* кош. *хьис* → *м-агIа;*

соб. аг., гех., цир. *кIес* "умереть", "убить" → *м-алуькIе;* кер. *кIес* → *м-алуькIе* (*м-екIе*); хп. *кIес* → *м-акIе;* кош. *кIис* → *м-екIе;* фит. *кIес* → *м-екIе* (*м-екI-ен*).

Запретительная морфема **м* восстанавливается для общелезгинского состояния [см. Топуриа 1972 : 76], которая, как отмечает М.Е.Алексеев, присоединяется к основе дуратива: таб. *мапIан* "не делай!"; аг. *магъа* "не неси!", *муха* "не пей!"; рут. *мыйах* "не беги!", *мийет* "не бей!"; цах. *мехье* "не будь!", *мацIахье* "не знай!"; крыз. *маджу* "не жарь!", *мугу* "не жги!" и функционирует в удинском языке в виде самостоятельной частицы: *ма ба* "не делай!", *ма еке* "не приходи!" [1985 : 100].

Заключая данный фрагмент работы, можем отметить препозитивное и постпозитивное расположение отрицательной морфемы по отношению к глагольной основе в восточнолезгинских языках. Если первая позиция представляет собой продукт общелезгинского состояния, то вторая распространяется только в части лезгинских языков. В собственно лезгинском языке постпозитивное расположение является общим для всех диалектов и говоров. В агульском и рутульском оно распространяется в некоторых диалектах и то имеет параллельное применение с препозитивным расположением отрицательной морфемы, которое в них доминирует.

В собственно лезгинском языке развивается и третий вид прохибитива, при котором расчлененные части запретительной морфемы (*-мир*) присоединяются к началу и концу глагола (*гъин* → *м-игъ-ир, фин* → *м-иф-ир*).

Способы образования запретительного наклонения в лезгинских языках проходили в трех хронологических отрезках:

общелезгинском – препозитивное расположение запретительной морфемы;

общесамурском – постпозитивное расположение;

лезгинском – префиксально-суффиксальное соединение частей запретительного аффикса.

Словообразование способом каузации

Категория каузатива в лезгинской группе языков употребляется в узком и широком смысле. В узком значении переходному глаголу благодаря каузативу придается значение действия, которое исполняется по поручению, принуждению, т.е. действие глагола опосредовано третьим лицом [см. Топуриа 1975]. Каузатив в узком смысле образуется описательным (аналитическим) способом.

В широком смысле каузатив образуется морфологически, при помощи аффиксов *-д-* (лезгинский язык), *-р-* (лезгинский, будухский, крызский языки), *-в-* (удинский язык), которые рассматриваются как исторические экспоненты грамматических классов, используемые для активизации нейтральной глагольной основы, служат средством образования переходного глагола от непереходного [Там же].

В лезгинском языке представлены оба каузатива. Аналитический способ каузатива образуется от формы несовершенного вида основного глагола при помощи вспомогательных глаголов *тун* "оставить" и *вугун* "передать":

тIуьн "есть, кушать" → *нез тун, нез вугун* "заставить есть"

гун "дать" → *гуз тун, гуз вугун* "заставить дать"

кIватIун "собрать" → *кIватIиз тун, кIватIиз вугун* "заставить собрать"

хккажун "поднять" → *хккажиз тун, хккажиз вугун* "заставить поднять"

чуккурун "бежать" → *чуккуриз тун, чуккуриз вугун* "заставить бежать".

Семантика вспомогательных глаголов *тун* и *вугун* претерпевает изменения. В составе указанных словосочетаний они ме-

няют свое основное (номинативное) значение, происходит семантический сдвиг.

При синтетическом способе образования каузатива используется морфема *-д-* (→ *-р-*) (исторический классный показатель)[13], которая вставляется между основой и показателем масдара:

ифин "нагреться, раскалиться" → *ифи-р-ун* "нагреть, раскалить";

кватун "спадать, сползать" → *ку-д-ун* "спустить (например, штаны)"

аватун "падать" → *аву-д-ун* "ссаживать, выгружать";

акъатун "выходить, выступать" → *акъу-д-ун* "вытаскивать, вынимать";

ксун "спать" → *ксу-р-ун* "укладывать спать";

хккатун "появиться, выскочить" → *хкку-д-ун* "вытаскивать, извлекать (из-под чего-либо)";

рекъин "охладеть" → *рекъи-р-ун* "охладить, остудить";

авахьун "течь, протекать" → *авахьа-р-ун* "способствовать протеканию";

къарагъун "встать" → *къарагъа-р-ун* "поднять";

чукIун "рассыпаться" → *чкIу-р-ун* "рассыпать, раскидывать".

В табасаранском языке каузатив образуется при помощи вспомогательного глагола *гъитуз* (*къ'атус*) "пустить, оставить". Основной формой глагола служит инфитив. "Реальный субъект выступает в роли орудия действия вербального субъекта и, в зависимости от говоров, стоит в различных падежах: в дательном, в эргативном, в местных падежах серий на *-хь* "у", *-к* "на" (соприкосновение), а также в форме выражающей орудие действия (инструменталис)" [Магометов 1965 : 281].

В северном (дюб.) говоре реальный субъект стоит в дательном падеже:

изу къ'аьтниза балис лаьх'ин апIус "я заставил юношу совершить работу";

---

[13] О генетической связи категории грамматического класса с другими грамматическими категориями в иберийско-кавказскийх языках, см. [Рогава 1956].

дугъу изус дафттар увхус къ'аьтнис "он заставил меня прочесть книгу".

Реальный субъект стоит в дательном падеже в каузативном предложении и в говорах южного диалекта, см., например, в речи села Тинит:

узу балис лаьх'ин апIус къетза "я заставил юношу совершить работу".

В некоторых говорах северного диалекта реальный субъект находится в эргативе, но может стоять и в дательном падеже.

Реальный субъект в говорах южного диалекта употребляется также в местном падеже:

узу гъитунза балихь абиз кагъаз бикIуз "я заставил юношу написать отцу письмо" (речь села Сыртыч);

думу узухь китаб увхуз къетну "он заставил меня прочесть книгу" (речь аула Туруф).

Реальный субъект стоит в инструменталисе в говорах южного диалекта: *дадайи балихьджи дахайиз кагъаз бикIуз гъитну* "мать заставила сына написать отцу письмо" (хивский говор).

Подробнее о каузативной форме в табасаранском языке см. [Магометов 1965 : 281-282].

В агульском языке каузатив образуется при помощи глагола *хъучикас* "заставить" или *акьас* "делать" [Магометов 1970 : 158].

Примеры:

дада зун хурас хъучикуне "отец заставил меня учиться";

зун вун дадавди йирхIас акьасе "я заставлю отца побить тебя".

В агульском языке, наряду с другими лезгинскими языками, каузатив может образоваться и синтетическим путем. Свое морфологическое выражение он получает в префиксах и суффиксах – грамматических классах. В качестве каузативных формантов в агульском языке выступают *д* (→ *т*), *р* (→ *й*), которые встречаются и в других лезгинских языках. По диалектам агульского языка представлено такое состояние, когда следы каузативного аффикса сравнительно хорошо сохранились в собственно агульском диалекте в сравнении с другими диалектами.

Каузативные формы глагола делятся нами на три группы:

1. Каузативные формы глагола, которые имеют противопоставление "переходный – непереходный". Эта группа, в свою очередь, делится на: а) каузативные глаголы, имеющие корреляцию, – основы глагола отличаются противопоставлением предкорневых морфем: *-й-* – *-р-*:

ке-й-хьас "сбросить (по вертикали)" – *ке-р-хьас* "упасть (по вертикали)";

гIа-й-хьас "сбросить (между...)" – *гIа-р-хьас* "провалиться (между...)" и т. д.;

б) каузативные глаголы, которые морфологически не выражены – глаголы с нулевым показателем, но в глаголе, который образует с ним корреляцию, морфема по оппозиции представлена. На этом основании можно говорить об утере каузативной морфемы. Это же доказывают и данные близкородственных языков. Ср. *хъихьас* "накинуть (на плечи)" и *хъа-р-хьас* "спадать (сзади, например, с плеч)", а также таб. (хан. гов.) *хъа-в-хьуз* "накинуть (сзади...)"; *кихьас* "зажечь" и *ке-р-хьас* "зажечься". Ср. таб. (хан. гов., хив. гов.) *ка-р-хьуз* "зажечь".

2. Глаголы, в которых отсутствует противопоставление "переходный – непереходный". Эта группа имеет следующие подгруппы:

а) каузативные глаголы с суффиксальным показателем: *чIи-р-кьвас* "жевать", *чIи-р-хIас* "тащить", *чIи-р-гъвас* "разорвать", *али-р-хIас* "кинуть со злости", в которых выделяется форматив *-р-*; *гъа-й-кас* "поднять (например, скот)", "устроить свадьбу", где в качестве каузативного форманта выступает *-й-*;

б) глаголы, в которых формант каузатива предстает в виде префикса: *д-акьа́с* "качать (например, люльку)", *тт-уттас (тт-уттанас)* "трясти", "встряхивать", "трепать (ухо, волосы)", *р-укIас* "копать", *д-ивас* "тянуть, дергать", "курить". Здесь же по диалектам встречаются метатезированные формы, такие, как соб. аг. *аку-р-анас*, ср. кош. *ар-квас* "мазать", "белить";

в) глаголы, где формант каузатива оставил след в предшествующем гласном в виде долготы: соб. аг. *алаакьас* "брить (голову)", ср. деепричастную форму несовершенного вида *ала-р-кьай*,

в которой всплывает формант каузатива *-р-*; *адаатас* "вылить, слить", ср. цир. *ара-й-звас* (*й* – формант каузатива).

3. И, наконец, в третью группу входят глаголы, которые совмещают формы "переходный-непереходный", т. е. глаголы, где формы "переходности-непереходности" не дифференцированы: *кIес* "убить" (с переходным значением), "умереть" (с непереходным значением): соб. аг. *руьхьес,* кош. *ур-шас* "кипятить", "варить"; "кипеть", "вариться" (с переходным и непереходным значениями соответственно).

Варьирование превербов и глагольных корней в производных глаголах

При глагольной деривации необходимо отметить варьирование как превербов, так и глагольных корней в производных глаголах восточнолезгинских языков. Производные глаголы образуются, с одной стороны, посредством варьирования превербов при одной и той же корневой морфеме, см., например, лезг. *ац-укь-ун* "сесть", таб. *де-ъ-уьс,* аг. (кош.) *ай-кьв-ас (← *ад-кьв-ас)* то же; в лезгинском языке употребляется направительный преверб *ц- (← *с-)* со значением "вниз" (ср. рут. *ас-укь-ун* "садиться", крыз. *аьс-кьв-а-*), которому в кошанском диалекте агульского языка и в табасаранском соответствует преверб *д-* с тем же значением. В собственно агульском диалекте агульского языка преверб выпал: *аькьвас*. Ср. также:

лезг. *эв-ичI-ун* "слезать", таб. *ул-ду-чIв-уз* "слезать (с...)" (с пространственной конкретизацией), аг. (соб. аг.) *ал-ай-чIв-ас (← *ал-ад-чIв-ас)*, где лезгинскому направительному превербу *в-* в табасаранском и агульском языках соответствует преверб *д-*.

С другой стороны, при одном и том же превербе по языкам и диалектам могут варьировать корневые морфемы:

лезг. *къ-ат-к-ун* "спать", таб. *къ-аа-х-ус,* аг. *гъ-ар-хь-ас;*

лезг. *ал-уд-ун* "снимать (с горизонтальной плоскости)", таб. *ал-д-аб-гъ-уз,* аг. *ал-тт-ив-ас;*

лезг. *кьа-цI-ун (← *ка-цI-ун)* "пачкаться", таб. *ка-цI-уз,* аг. *ку-р-ас;*

лезг. *гь-ал-т-ун* "встретить" (← **гь-ал-т-хь-ун*) таб. *ал-ахъ-уз,* аг. *ал-ч-ар-хь-ас* (соб. аг., кер., гех., цир., хп.), *гь-уч-ар-хь-ас* (фит.), *гь-ар-к-ис* (кош.).

Возможно одновременное варьирование превербов и корневых морфем, но при этом превербы находятся в отношении синонимии:

лезг. *(ъ)а-в-ахь-ун* "высыпаться", таб. *(ъ)а-р-ахь-ус* (дюб.) "высыпать", аг. *ъа-д-ахъ-ас*. Выделяются превербы *-в-, -р-, -д-*.

При варьировании корневой морфемы повышается вероятность полисемантизма глагола, при котором у сравниваемых в восточнолезгинских языках глагольных форм совпадает одно из значений. См., например, реализацию значения "встать", "подняться" корневыми морфемами *-гъ-, -ш- (-дж-), -з-* при одном и том же превербе *гъ-/къ-*: лезг. *къ-ар-агъ-ун,* таб. *къ-уджв-ус* (дюб.), *къ-уд-уджв-уз* (канд.), аг. *гъ-ай-ш-ас* (соб. аг., кер., гех., хп., фит.).

В кошанском диалекте, а также цирхинском говоре агульского языка в глаголе с этим значением выступает корневая морфема *-з-*: кош. *гI-азв-ас* (арс., худ.), *гI-авз-ас* (бурш.), цир. *гъ-уз-ас.* Настоящая глагольная форма в этих локальных единицах, наряду с другими диалектами и говорами агульского языка, имеет еще и значения "стоять", "остановиться". В этих значениях глагол используется и в лезгинском языке: *къв-аз-ун.*

В табасаранском языке с этими значениями используется другая корневая морфема (*-гъ-*): *дийи-гъ-уз* "стоять", "остановиться", которая в лезгинском языке употребляется для конструирования глагола со значением "встать", "подняться" (см. выше).

В тех случаях, когда превербы в восточнолезгинских языках не совпадают, они часто по своему значению являются синонимами:

лезг. *ага-кь-ун* "дойти, доходить", "догнать";

таб. *ру-кь-уз* "дойти, доходить" → *хъ-уркьуз* "догнать",

аг. *ру-кь-ас* "дойти, доходить" → *хъ-аркьвас* (кош.) "догнать".

Преверы *г-* (в лезгинском языке) и *хъ-* (в табасаранском языке и кошанском диалекте агульского языка) выражают в данном случае значение "приближение", "присоединение".

В преобладающем большинстве диалектов и говоров агульского языка в значении "догнать" употребляется глагол *хъучархьас* (соб. аг., кер., хп., фит.), *хъачархьас* (гех., цир.).

Помимо основного значения "догнать", указанный глагол в восточнолезгинских языках получает и вторичное (переносное) значение "созревать, доходить до кондиции"; "достигать зрелого возраста (совершеннолетия)", например: лезг. *къуьлер агакьнава* "пшеница созрела", *адахъ агакьай руш ава* "он (она) имеет взрослую дочь"; аг. *суьл хъучархьунайа* "рожь поспела", *тихъ хъучархьу шиникквар хъайа* "он имеет взрослых детей".

В глагольной структуре, осложненной направительным превербом со значением "от ориентира", соотношение пространственных превербов может меняться. Лезгинскому пространственному превербу *г-* в табасаранском и агульском языках может соответствовать преверб *гь-* "перед". При этом, если превербом *гь-* передается конкретное пространственное значение, то преверб *г-* не обладает такой конкретизацией. Он имеет значение "рядом, возле, у" без уточнения расположения предмета: располагается ли предмет "сбоку", "спереди" или "сзади".

Ср. лезг. *г-екъ-ечIун* "отойти" (вообще) и таб. *гь-ур-учIус* (дюб.) "отойти (спереди)", аг. *гь-ай-чIвас* то же.

В ряде случаев в глаголах выступают преверы, значение которых не ясно. Они выделяются на основе сравнения с беспревербными глаголами соответствующей семантики.

Ср. лезг. *ишинун* "месить (тесто)" и *тI-ушунун* "мять", "месить", таб. *тI-иршуз*, аг. *тI-ишас* (гех., кер., хп., фит.). Ср. также приводимое Б. К. Гигинейшвили дарг. *ашис* "месить (тесто)" [1977 : 127]. Можно предположить, что префиксальный *тI-* является фонетическим вариантом исторического **кьI-*, который реконструируется для общедагестанского состояния как морфема со значением "вверх" / "на (горизонтальной поверхности)".

Ср. таб. *уччуз* "мыть", "стирать", аг. (фит.) *уччас* и аг. (гех., хп.) *ъ'-уччас*, кер. *гI'-уччас*; в лезгинском языке указанный гла-

гол по своей структуре является сложным: *чуь-х-уьн*. Ср. также дарг. *идзис* "стирать","мыть", лак. *ишиун* [Гигинейшвили 1977 : 95];

лезг. *ж-акьун* "жевать",таб. *чIв-убкьуз*, аг. *чI-иркьвас*.

Можно с большой долей вероятности утверждать, что в некоторых случаях префиксальные элементы имеют экспрессивный, а не смысловой характер. Это наблюдается в некоторых диалектах и говорах агульского языка:

таб. *(й)ившус* (дюб.), *ишуз* (канд.)"плакать", аг. *эшес* (фит.), *аьшас* (цир.), но аг. *ъ'-ашас* (соб. аг., кош. (арс., бурш.), гех., хп.), *гI'-ашас* (кош. (худ.), кер.); в лезгинском языке глагол "плакать" имеет сложную структуру: *ше-хь-ун* (букв. "плачущий стать").

Здесь можно перейти к изложению вопроса о сложных и составных глаголах. Сразу же отметим, что в дагестановедении исследователи до сих пор не пришли к единому мнению, какой же глагол считать сложным, а какой – составным. Не выработаны четкие критерии, разграничивающие их. Такое положение обусловлено еще и тем, что не установлены правила раздельного и слитного написания двухкомпонентных глаголов. Не вдаваясь в подробности настоящей проблемы (вопрос является сложным и требует специального исследования), изложим кратко свою позицию по данной проблематике. Глагол считается сложным, если он состоит из двух и более слитнооформленных основ (корней), и составным, если складывается из двух раздельнооформленных слов.

Так как мы рассматриваем вопросы исторического словообразования, то и многие глагольные структуры, не делимые с грамматической точки зрения современных языков, подвергаются членению. В таких конструкциях соединяющиеся части по причине морфологического (генетического) типа языка могут подвергаться фузии, и от основы или слова могут сохраниться отдельные элементы, как, например, это происходит со многими словами в лезгинском языке: *кIел-ун (← *кIел авун)* "читать; учиться", *кIватI-ун (← *кIватI авун)* "собрать", *ккат-ун (← *ккат авун)* "бегать; убегать" и т. д. В этой связи У. А. Мей-

ланова констатирует, что "сложные глаголы, состоящие из именной и глагольной частей, которые в кюринском наречии превратились в одно слово, в самурском наречии мы застали на той стадии их развития, когда составляющие их два слова еще не слились в одно слово-понятие. Доказательством служит тот факт, что имена, входящие в их состав, могут самостоятельно изменяться – в данном случае принимать форму множественного числа: *ккагьат хьана* "убежал" – кюр. *ккатна; ават кьна* "упал" – кюр. *аватна; кIелер изва* "учится" – кюр. *кIелзава; рекъир ая* "остуди" – кюр. *къура*" [1964 : 375].

В лезгинском литературном языке отмечается тенденция слияния этих частей – именной и глагольной *авун* "делать" и *хьун* "стать", "становиться". На базе основосложения при помощи *авун* образуются глаголы от:

а) имен существительных: *хъел* "гнев; злоба, злость" → *хъел авун* → *хъелун* "обижаться, оскорбляться"; "капризничать";

кьатI "отрезок, часть чего-либо" → *кьатI авун* → *кьатIун* "отрезать", "рубить";

б) прилагательных: *чIулав* "черный" → *чIулав авун* → *чIулавун* "чернить, сделать черным";

в) наречий: *йаргъаз* "вдаль" → *йаргъаз авун* → *йаргъазун* "удалить; держать на большом расстоянии"; *виниз* "вверх" → *виниз авун* → *винизун* "поднимать"; "повышать (например, в должности)"; *агъуз* "вниз" → *агъуз авун* →*агъузун* "снижать" (например, в должности), "опускать" (например, поднятые руки); "уменьшать" (например, цену).

При помощи *хьун*: *тIар* "боль" → *тIа(р) хьун* → *тIахьун* "заболеть"; *шел* "плач" → *ше(л) хьун* → *шехьун* "плакать" и т. д. Подробно об этом см. [Гайдаров 1966].

Встречаются в указанных языках и случаи контаминации. Два соотносящихся по своей семантике слова или же супплетивные формы одного и того же слова сливаются и образуют одно слово. В этом плане интерес представляет агульский глагол *ъ'утIанас* (соб. аг.), *ъ'утIас* (гех., хп.), *гI'утIас* (кер.) "есть, кушать". При спряжении он имеет две формы – деепричастие совершенного вида *ъ'утIуна* и деепричастие несовершенного вида

ъ'алди, которые лежат в основе временных форм. При сравнительном анализе обнаруживается, что в родственных языках обе основы встречаются отдельно: *ъ'ал- (гI'ал-)* и *тI-*, ср. также в цирхинском говоре агульского языка форму *аьлас (← *ъ'алас)* "кушать". В лезгинском языке указанный глагол имеет простую основу *тIуьн*, но при словоизменении отмечается супплетивная форма *н-ез*, ср. ахт. *уьн-ез (← *ъ'ун-ез)*, которая соотносима с агульской *ъ'ал-ди*. На этой основе можно утверждать, что агульский глагол *ъ'утIас* является составным, имеющим две корневые морфемы *ъ'- (гI'-)* и *-тI*, синонимичные между собой. В связи с этим в качестве дополнительного аргумента можно привести цахурское слово *гIал'*, которое обозначает "рот" – орган, имеющий отношение к процессу кушания, и потому увязываемое с глаголом "есть, кушать".

В агульском языке корневая морфема *-гI'-* встречается в ряде слов, связанных с понятием "хлеб": ср. аг. (кош.) *ъ'ул* "хлеб" → аг. *бу-гI'ул-ай* "хлебец", ср. также таб. *уьл* "хлеб".

Одним из продуктивных способов глагольного словообразования является способ, при котором глагол конструируется из именной и глагольной частей. Глагольный компонент чаще семантически опустошается, роль его сводится к грамматическому аффиксу. Это обстоятельство при определенных фонетических условиях ведет к редукции глагольного компонента в аналитических конструкциях и его слиянию с именной частью в лезгинском языке:

лезг. *ччир авун (ччирун)* "узнавать, проведать", таб. *агъ'у апIуз*, аг. *йагIар акьас* то же;

лезг. *ччир хьун* "узнавать, быть узнанным", таб. *агъ'у хьуз*, аг. *йагIар хьас* то же;

лезг. *кIан хьун* "хотеть"; "любить", таб. *гун хьус* (дюб.), *ккун шуз* (канд.), аг. *ккан хьас*;

лезг. *эчIел авун* "прополоть", таб. *ачIал апIуз*, аг. *чIал акьас*.

Именная часть в вышеуказанных глаголах представляет собой субстантив *(эчIел, ачIал, чIал)* и историческое причастие *(ччир, йагIар, агъ'у; кIан, гун, ккун, ккан)*.

Нередко именная часть может быть составной конструкцией, сложившейся путем формальной контаминации. Так образован глагол "резать; рвать; рубить" в восточнолезгинских языках:

лезг. *кь-атI авун (кь-атI-ун)*, таб. *кь-атI апIуз*, аг. *кь-атI акьас*.

В ряде дагестанских языков корневые морфемы *кь* и *тI* выступают самостоятельно. См. распределение указанных морфем в дагестанских языках:

ав. *къ-о-тI-изе* "резать", "рубить", *тI-езе* "рвать", анд. *ву-къ-иду* "резать", чам. *бу-къ-ула* "резать", "рубить", лак. *кь-у-кь-ин* (редупликация) "резать", арч. *а-тI-ас* "резать", *аб-тI-ас* "рубить", лезг. *а-тI-ун* "резать", *кь-атI-ун* "резать; рвать; рубить", таб. (канд.) *даб-тI-уз* "резать", *кь-а-тI апIуз* "рубить (дрова)", аг. *а-тI-ас* "резать", *кь-а-тI акьас* "рубить", "рвать (нитку)", рут. *гьа-тIв=* "резать".

Такое распределение корневых морфем *кь* и *тI* в дагестанских языках свидетельствует о синонимичности их в прадагестанском состоянии, ср. выражение ими в отдельности одних и тех же значений: чам. *бу-къ-ула* "резать", "рубить", лак. *кь-у-кь-лан* и арч. *а-тI-ас* "резать", *аб-тI-ас* "рубить", лезг. *а-тI-ун* "резать", аг. *а-тI-ас* "резать", таб. *даб-тI-уз* "резать". Синтез морфем и образование на этой основе сложного слова, как и в восточнолезгинских языках, демонстрирует аварский язык: *къ-о-тI-изе* "резать", "рубить" (контаминация).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определение морфологического типа того или иного языка, подгруппы/группы языков является сложной процедурой в лингвистике. Наиболее общими чертами восточнолезгинских языков (как и дагестанских языков в целом) являются агглютинация с элементами фузии. Не чужды восточнолезгинским языкам и элементы полисинтетизма и инкорпорации, отмечаемые исследователями у абхазо-адагских (или абхазо-черкесских) языков. В этой связи необходимо отметить, что язык – явление динамическое, а не статическое и потому на протяжении своего исторического развития подвергаются изменению и типологические черты языка: одни черты уступают место другим. Так, к примеру, одной из ярких особенностей собственно лезгинского языка является дифференциация форм номинатива и эргатива в личных местоимениях 1 и 2 лица, что выделяет его в кругу восточнолезгинских языков. Эта черта с точки зрения лингвистической характерологии выделяется при синхронном его изучении. При диахронном рассмотрении данного лингвистического факта и при типологической его характеристике обнаруживается, что такое состояние является общедагестанской чертой. Исторически номинатив и эргатив не различались, а дифферечиация форм номинатива и эргатива – явление вторичное [Чикобава 1948 : 14-15]. Такое состояние из современных языков сохранилось на крайне противоположных полюсах дагестанского ареала – в андо-цезских (ботлихском, годоберинском, гинухском, бежтинском, гунзибском) и лезгинских языках (крызском, будухском, удинском, цахурском, табасаранском, а также подавляющем большинстве агульских диалектов).

В каждом языке представлены индивидуальные, типические и универсальные черты. Безошибочное их выделение возможно только в том случае, если успешно будут взаимодействовать между собой типологическая, генеалогическая и ареальная классификации языков. При использовании всех трех видов классификаций выявляются как дивергентные черты (обнаруживаемые при генеалогической классификации), изоморфные (обнаружи-

ваемые при типологической классификации) и конвергентные (обнаруживаемые при ареальной классификации). В восточнолезгинских языках по мере удаления от современности к историческому прошлому аналитические черты уступают место синтетическим, хотя и те, и другие черты не проявляются в чистом виде.

Общая модель именной основы в прадагестанском состоянии имела форму: "префиксальный компонент – окаменелый классный показатель – + корень + детерминативный или деривационный суффикс". В общелезгинском выявляются следующие структуры: СГС, СГСГ, СГСГС, СГСС, СГССГС и др.

Характерной глагольной структурой в пралезгинском можно считать СГСГ, которая могла упроститься [Алексеев 1985].

Минимальной именной структурой восточнолезгинских языков является СГС, а глагольной – ГС (←*СГС).

В восточнолезгинских языках выделяются простые основы со следующими структурами: ГС, СГС, СГСС, СГСГС, СГСС и др.;

производные основы со следующими структурными типами: СГСГС, СГС, СГССГС, СГСГСГС, ГСГС, ГССГСГСГС, ССГСГС, СГСССГСГС и др.;

сложные основы со структурами: СГСГС, СГСГССГС, СГССГС, СГССГ, ГССГС, ГСГС, ГСССГС, СГСГСГС и др.

При сравнительно-историческом исследовании словообразования дагестанских языков и установлении отношений производности возникает необходимость выделения корневой морфемы из состава слова, которая нередко сводится к одному согласному. Увеличение числа моноконсонантных корней происходит по мере продвижения от современного состояния к более отдаленной перспективе. Последнее, в свою очередь, создает омонимию корней, а так как связь между производящей и производной основами нередко имеет латентный характер, то возникает необходимость идентификации привлекаемого материала. В силу этого, а также несвободного характера корня в указанных языках вычленение корневой морфемы сопряжено с большими трудностями, что требует проведения специальных операций.

При этом необходимо сразу же отметить: не всегда факты сравнительно-исторической деривации поддаются хронологизации, нередко они по своей природе являются панхроническими. В области исторической деривации не всегда возможно установить жесткие хронологические рамки, и к тому же для словообразования важно не то, когда были образованы слова, а то, как они образованы [Моисеев 1974].

Часто для установления отношений производности приходится проводить сравнительно-этимологический анализ. Нередко сопоставления выходят за рамки имеющихся на момент исследования реконструкций, что требует привлечения дополнительного материала.

При сравнительно-генетическом исследовании словообразования важное место занимают вопросы семантических преобразований. Двойная референция производного слова – с одной стороны, выражать собственное значение, а с другой стороны, значение производящего слова – и на ее основе выявление по возможности всей суммы семантических связей, возникающих между производящим и производным словами, является главным в сравнительно-исторических исследованиях в области деривации. Без выяснения семантических отношений, складывающихся между мотивирующей основой и ее производной, нельзя вскрыть механизм словообразовательного процесса. Такие попытки имеют место в настоящей работе.

Высокая степень семантических модификаций и дискретный их характер в восточнолезгинских языках потребовали привлечения для анализа большого количества языковых фактов, а главное – необходимости идентификации привлекаемого материала, что было невозможно без фонетических и семантических реконструкций. В этой связи совершенно справедливо указывалось, что "при всех возможных оговорках несомненна огромная сила контроля за адекватностью этимологических сопоставлений в плане реализации или нереализации в них закономерных фонологических корреспонденций" [Климов 1985 : 16].

В именном словообразовании доминирует суффиксальный способ. Префиксальный способ деривации уступает ему. Основными деривационными аффиксами являются исторические грамматические классы. Доля локальных морфем в процессе деривации незначительна. Получают развитие также префиксально-суффиксальный способ, основосложение, конверсия и др.

Если префиксальные словообразовательные морфемы, восходящие к классным показателям, в субстантивах встречаются сравнительно часто, то участие препозитивных пространственных морфем в роли деривационных аффиксов – явление редкое. В отличие от префиксальных словообразовательных элементов – классных показателей, которые можно проследить во всех восточнолезгинских языках, словообразовательные аффиксы пространственной семантики прослеживаются лишь фрагментарно в отдельных языках.

Выявление префиксальных пространственных единиц, выступающих в роли словообразовательных морфем, представляет собой значительную трудность. Здесь необходимы специальные методы и приемы их выделения. Переход от чисто интуитивных ощущений к стройной, логически выстроенной концепции сопряжен с огромными усилиями как в выявлении и концентрации языковых фактов, фрагменты которых рассеяны в различных источниках, так и в процедуре их толкования. Имена существительные посредством деривационных аффиксов пространственной семантики в основном образуются от глагольных основ. Так, например, лезгинское слово *ку-рут* "сгусток" в словосочетании *ивид курут* "сгусток крови" образовано от глагольной основы *рут-* "свертываться": см. аг. *рут-ас*, лезг. *арут-ун*, арч. *тар-ас (← *рат-ас)*, дарг. *де-рт-ес*, лак. *тат-ан (← *дат-ан)*, ав. *бе-т-изе*.

От настоящей глагольной основы посредством деривационного суффикса *-ай* в восточнолезгинских языках образуется новая номинация: аг. *арут-ай* "свернувшееся молоко", лезг. *арут-а (← *арут-ай)*.

Выявление префиксальных деривационных морфем с пространственной семантикой имеет большое значение и для истории того или иного языка, потому что именно эти элементы, утраченные как системные образования, выступают как реликты.

Важной особенностью восточнолезгинских языков является способность отдельных компонентов с пространственной семантикой выступать в структуре слова не только в роли словообразовательных и словоизменительных аффиксов, но и корневых морфем. Рассмотрение восточнолезгинского материала через призму данного факта открывает широкие перспективы в исследовании этих языков.

Одним из продуктивных способов образования новых слов на базе семантических процессов является способ переноса значения на основе выделения различных признаков у объектов, вступающих в отношения производности. В основу образования ряда слов положен определенный признак, который характерен для объектов, вступающих в отношения производности: лезг. *мекь* "холод", аг. *мекI* → лак. *микI* "лед" → "град".

Для дагестанских языков корень в словах "лес" и "дерево" является общим. Слово "дерево" служит производящим для слова "лес". При этом обнаруживается, что корреляция значений осуществляется посредством префиксации – классного показателя и суффиксации – аффикса множественного числа. В основе как первого способа, мак и второго лежит семантическое противопоставление "единица предмета" – "множество предметов". Префиксальное словообразование производного слова "лес" иллюстрирует хиналугский язык: *ви-шаь* "дерево" → *ма-ша* "лес".

В некоторых случаях могут быть представлены отдельные члены этой корреляции, как это имеет место в буд. *ми-ше* "лес", ав. *ро-хь (← *ро-ш)*, лезг., крыз. *ру-к (← *ру-хь)*.

Суффиксальное образование производного "лес" от производящей основы "дерево" осуществляется суффиксом множественного числа. Такая модель также является общедагестанской, см. анд. *реша* "дерево" → *реш-оби-л* "лес" (т. е. множество деревьев), чам. *вогьа* → *вогь-бе*, тинд. *рогьа* "дерево" → *рогьа-би* / *рогьи-би* "лес", "жердь", таб. *гьар* "дерево" → *гьар-ар* "лес".

При сравнительно-историческом исследовании структуры сложных слов помимо фонетической реконструкции слова в целом приходится проводить реконструкции его отдельных частей, которые могут быть контаминацией отдельных слов. При удвоении сращивающиеся части претерпевают значительные фонетические изменения.

В ряде случаев сложные слова являются результатом фонетической и семантической контаминации. Ср., например: аг. *ку-тIал* "ветка" при лезг. *кул* "ветка" и *тIвал* "прут", аг. *тIул* то же.

В материальном плане удвоение основ может сопровождаться значительными изменениями, которые делают обязательным идентификацию привлекаемых лексем. Последнее вызывает необходимость проведения комплекса операций, которые связаны как с компаративным исследованием материала, так и с семантическими и типологическими процедурами.

Анализ сложных основ показывает, что в одно целое большей частью соединяются слова / основы, которые близки или синонимичны по своей семантике. На базе сложения этих основ образуются новые слова, близкие по своему значению с основообразующими словами. Ср. гунз. *кI-о-чI* "дыра" – сложное контаминированное образование, состоящее из синонимичных основ, которые выявляются при сопоставлении с аг. *ур-кI* "яма" и таб. *и-чI* "яма, лунка". Ср. также лезг. *х-у-к* "желудок" и гин. *а-х* "желудок", ботл. *ре-к-а* "живот".

Этот же принцип – семантическая близость сращивающихся корневых морфем – лежит в основе редуплицированных слов. Ср. основы, в которых сращивающиеся морфемы абсолютно синонимичны между собой (они совпадают и материально, и по значению): лезг. *кI-у-кI* "вершина, макушка", лезг. *тIв-е-тI* "муха", аг. *тI-у-тI* то же, ср. также цах. *тI-о-тI*, крыз. *тI-ы-тI*, буд. *тI-у-тI* и др.

При структурно-семантическом анализе адъективов в восточнолезгинских языках обращают на себя внимание согласные *р, н, л,* которые предшествуют суффиксу прилагательного: лезг. *ккашин* "голодный", *рагъул* "мутный", *агъур* "тяжелый". Указанные показатели обнаруживаются в глагольных структурах

дагестанских языков в роли причастных и масдарных суффиксов, что позволяет усмотреть отдаленную связь глагола с прилагательным. Структурно-семантический анализ адъективов дагестанских языков показывает, что структуры, содержащие в своем составе *н, р, л,* во многих случаях наращиваются вторичными адъективными суффиксами или классными показателями, семантически соотносящимися с классом определяемого.

Вербально-адъективные суффиксы, указанные выше, отражены во всех группах дагестанских языков, что же касается их демаркационной функции – способности выражать относительность, – то она представлена нечетко. Аморфное состояние данной категории, когда в ней не выделялись группы относительных и качественных прилагательных, продолжалось и после распада общедагестанского состояния. Такое положение в лезгинских языках сохранялось, по крайней мере, до выделения восточнолезгинских языков.

В области глагольного словообразования большое место занимают пространственные и направительные превербы. Представлены восемь пространственных ("в, внутри"; "перед"; "рядом, возле"; "позади"; "между"; "на наклонной плоскости; в соприкосновении, в смешении"; "под"; "на горизонтальной плоскости") и четыре направительных преверба, которые образуют две оппозиционные пары сообразно двум плоскостям (по горизонтальной плоскости: "к ориентиру" – "от ориентира" и вертикальной плоскости: "вниз" – "вверх").

Пространственные и направительные превербы образуют парадигматический и словообразовательный ряды. Помимо материально общих морфем с пространственной и направительной семантикой, имеются направительные превербы, которые распространяются в отдельных языках восточнолезгинской подгруппы. При более близком рассмотрении они оказываются единицами с направительной семантикой, которые восходят к общелезгинскому и прадагестанскому состояниям.

Помимо преффиксально-инфиксальных единиц деривационного уровня, представлены и способы основосложения, а также аналитические конструкции, которые складываются из

именной и глагольной частей. Последняя часто семантически опустошается и выполняет роль морфологического аффикса.

ОСНОВНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОРПУС ВОСТОЧНОЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКОВ

I. Образование имен существительных

1. Суффиксальное словообразование. Значительное место в деривационной системе восточнолезгинских языков занимает суффиксальное словообразование.

а) **Словообразование при помощи суффикса** *-(V)н:*

аг. *тIул* "прут" → *тIул-ан* (арс.) "маленькая корзина, сплетенная из прутьев";

аг. *кук-ан* (худ.) "корзина, сплетенная из прутьев";

таб. *лих-уз* "работать" → *лаьх-ин* "дело", аг. *лих-ан-ас* "работать" → *лих-ун* "работа, дело";

аг. *лихъв-ан-ас* "танцевать" → *лихъ-ун* "танец", таб. *йабхъ-ан, йалхъв-ан* "танец";

лезг. *г-уьн* "жать (хлеба)" → *гв-ен* "жатва", аг. *игг-ес* (кер.) → *ихь-ен* (соб. аг.), таб. *вуб-гг-уз* → *йа-гг-ин*;

лезг. *кьацI-ын* (ахт.) "испачкаться" → *кьацIын-ø* "спресованный овечий помет, который употребляется для топки";

лезг. *тI-уьн* "есть, кушать" → *тI-ун* "ясли" (для скота), таб. *ъ'утI-уз* → *тI-ун*;

аг. *ах-ас* (кош.) "спать" → *ах-ун* "сон", "матрац";

аг. *тIилкI-ан* (кош.) "поворот, изгиб", ср. *тIилкI-ан-ас* "кастрировать, холостить";

аг. *ракъ'* (хп.) "дорога" → *ракъ'-ун* "пирог, который невеста берет с собой в дом жениха";

аг. *аларцв-ас* (тп.) "крутиться", "возвращаться" → *алалц-ун* (кош.) "поворот";

аг. *йирхI-ас* (тп.) "бить" → *йирхI-ун* (тп.), *архI-ун* (бурш.) "рана", ср. дарг. *бахъ'-ес* "бить, ударить" → *дахъ'и* "рана";

лезг. *ччад* → таб. *жад-ан* "кузница".

Деривационная морфема *-(V)н* имеет применение не только в восточнолезгинских языках: за их пределами мы нахадим ее в других лезгинских и дагестанских языках:

цах. *лу-кI-ун* "береста";

цах. *чи-кI* "скалка";

арч. *лI-ан* "отверстие, дыра";

ав. *рехх-изе* "бросать" → *рахх-ан* "лопата для веяния зерна".

б) Словообразование при помощи суффикса *-(V)л:*

г- "вниз", "внизу" → таб. *г-ал,* аг. *г-ал,* лезг. *кк-ал* "низменность"; рут. *г-ал*;

аг. *итI-ас* "завязать" → *итI-ул* "узел", лезг. *тIв-ал* "узел", ср. также рут. *йитI-ал* то же.

аг. *зирф-ас* "просеять" → *зерф-ел* "сито", ср. лезг. *сеф*, таб. *сиф* "сито";

лезг. *эчI-ин* "полоть" → *эчI-ел* "прополка",

таб. *вуб-чI-уз, вур-чI-уз* "полоть" → *чI-ал* "плевел", аг. *чI-ал*;

лезг. *кк-ун* "гореть" → *кквал* "зуд"; аг. *уг-ас* "гореть" → *уг-ал* "зуд"; таб. *вубг-уз* "гореть", "зудеть" → *вуг-ел* "чесотка";

аг. *атI-ас* (кер.) "наливать" → таб. *битI-ал* "протекание";

таб. *бирх-уз* "сшить" → *бирх-ал* "шов";

таб. *убх-уз* "ткать, вязать, плести" → *барх-ал* "палас, грубая ткань из конопли"; аг. *ру-х-ас* "ткать, вязать, плести" → *берх-ел* "палас"; лезг. *хур-ун (← *рух-ун)* "ткать, вязать, плести" → *рух* "палас";

таб. *мар-чч* "овца" → *чч-ил* "ягненок", лезг. *кк-ел* (ахт.), *кI-ел* (лит.), аг. *кк'– ал* "ягненок";

лезг. *къ-ун* "идти, падать об осадках" → *къв-ал* (ахт.) "дождь", аг. *угъ-ас* → *угъ-ал;* ср. также лак. *гъар-ал* "дождь";

лак. *мурхь* "дерево" → аг. *мурхь-ил* "бревно", таб. *мурхь-ул* "подпора";

аг. *жик-ас* (кер.) "подмести" → *жик-ал* "метель, вьюга";

аг. *ракк* "дверь" → *ракк-ал* (кош.) "порог", *ккурз-ел* (тп.) то же;

ав. *хьухь-изе* "вязать" → аг. *хьухь-ал* "рукавица, перчатка".

Настоящая деривационная морфема реконструируется на общедагестанском уровне, на что указывают следующие примеры:

арч. *кьв-ал* "подпруга";

буд. *кӀап* "косточка, семя" → *кӀап-ал* "скопище";

лезг. *ччад* "кузница" → таб. *жад-ал* "наковальня";

уд. *кӀов-ал* "палка, дубинка", ср. аг. *кӀур* "палка";

ав. *махх* "железо" → *махх-ал* "капкан, силок";

ав. *кӀул* "ключ" → *кӀул-ал* "замок" (карах.).

в) **Словообразование при помощи суффикса -(v)р;**

аг. *ах-ас* (кер.) "спать" → лезг. *ахв-ар* "сон"; буд. *арх-ар* "спать" → *арх-ур* "сон";

таб. *гам-ар* "мышеловка";

таб. *ч-еъ* "росток" → *ч-ар* "всход (посева)", аг. *ч-ар*;

таб. *къ'ар* "мост" → *къ'ар-ар* "лестница (передвижная)" → аг. *къедар* "ступенька" → *къедар-ар* "лестница приставная", см. также таб. *гъ'ад* "мост" → *гъ'ад-рар* (лит.) (← **гъ'ад-арар)* "лестница";

лезг. *тӀаг* (гюн.) "ниша в стене" → *дакӀ-ар* (← **тӀаг-ар)* "окно", см. также аг. *тӀаг-ар* "окно";

буд. *кьан* "узда" → лезг. *кьен-ер*;

лезг. *пыт* (ахт.) "коса (женская)" → аг. *пут-ар* "грива";

лезг. *гатфар* "весна" → *гатфар-ар* "яровые культуры";

аг. *тӀаб* (соб. аг.) "пень, чурбан, кряж" → *тӀаб-ар* "деревянный замок", "мышеловка", "капкан";

аг. *гурд* (кош.) "пень, чурбан, кряж" → *гурд-ар* "деревянный замок", ср. также ав. *гуд-ур* "капкан";

аг. *рукь* "железо" → *рукь-ар* (соб. аг.) "замок (висячий)";

аг. *рукь* "железо" → *рукь-ар (дуркь-ар)* (кош.) "капкан";

лезг. *тӀаб* "пень, чурбан, кряж" → *тӀапӀ-ар* (ахт.) "замок (висячий)";

буд. *гьалав* "безворсый ковер", "палас" → *гьалав-ар* "одежда", см. также аг. *хӀалав-ар* (бурш., арс.) "одежда";

аг. *ккуртт* (худ.) "рубашка" → *ккуртт-ар* "одежда"; ср. также лак. *ккуртт-у* "бешмет, кафтан";

аг. *лек* "нога" → *лек-ар* "обувь";

лезг. *йаб* "ухо" → аг. *йаб-ур* (кер.) "ухо";

аг. *кьул* "доска" → *кьул-ар* (соб. аг.) "весы";

аг. *ацвар-ар* (кош.) "весы";

лезг. *ких* "крючок" → аг. *кухI-ар* 1. "серебряная цепочка с крючками для женского головного убора"; 2. "крючок для ловли рыбы";

аг. *кьацу / кьуц-ур* "сума из кожи";

аг. *гIуй → гIуй-ир* "бутень кавказский" (*бот.*);

аг. *багв* "бок" → *багв-ар* (соб. аг.) "некачественная мука, собирающаяся позади жернова";

буд. *хIани* "бык" → *хIан-ар* "упряжка".

Настоящая морфема (*-(V)р*) как и предшествующие не была чужда для прадагестанского состояния.

г) Словообразование при помощи суффикса *-(V)м*:

лак. *кIалаш* → аг. *кIареш -ум* "древесный уголь";

аг. *дар* (соб. аг.) → *дур-ем* (кош.) "засов";

лезг. *кьечI* "ниша в комнате" → *кьечI-ем* "пробор", аг. *ъ'ачI* (хп.) "щель, трещина" → *ъ'ачI-ум* "пробор";

аг. *дукь-ас* → *дукь-ум* "шов";

таб. *тIил* "веревка, канат" → *тIир-им* "веревочка";

аг. *ург* "двухгодовалый баран", цах., рут. *ург* "ягненок" → таб. *ург-ам* "шуба".

д) Словообразование при помощи суффикса *-(V)кк*:

аг. *гIан* "внутренность" → *гIан-акк'* (соб. аг.) "сосуд для соли";

аг. *хьар* "печь для выпечки хлеба" → *хьур-укк* (кош.) "скалка маленькая".

е) Словообразование при помощи суффикса *-(V)хъ*;

таб. *кIари* "теленок" → *кIари-хъ* "годовалый теленок", см. также аг. *кIеру-хъ* "теленок", лезг. *кьере-х* то же;

таб. *лик* "нога" → *лик-ухъ* "ходули".

ж) Словообразование при помощи суффикса *-(V)в*:

аг. *гъил* "рука" → *гъил-ив* "рукав";

аг. *хил* (кош.) "рука" → *хил-ив* "рукавица, перчатка";

лезг. *сур* "могила" → лак. *сур-ув* "саван";

таб. *дзи* "вверху" → *дз-ав* "небо", аг. *з-ав*, лезг. *цц-ав*.

з) Словообразование при помощи суффикса *-ай*:

аг. *рич-ас* "блестеть" → *рич-ай* (кош.) "блеск";

аг. *гIаруц-ас* "ходить без определенной цели" → *гIаруц-ай* (соб. аг.) "бездельник, уличный зевака", *гIаруц-ай* (кош.) "нищий";

лезг. *кутт-ун* (лит.), *ккутт-ун* (ахт.) "подложить" → аг. *кут-ай*, *гут-ай*, таб. *гут-ай* "подушка";

аг. *кIватт* "моток" → *кIватт-ай* "о коротком и толстом человеке";

аг. *ъ'атт акьас* "хромать" → *ъ'атт-ай* "хромоногий";

лезг. *кIамукьун* "не хватать, недоставать" → *кIам-ай* (прич. от *кIамукьун*) → "придурковатый, слабоумный" (то есть "человек, у которого не хватает").

и) **Словообразование при помощи суффикса *-агъ*:**

аг. *хал* "дом" → *хул-агъ* (соб. аг.) "крыша" (ср. дарг. *хъал*, *хъали* "дом" → *хъал-ч* (акуш.), *хъал-хъ* (урах.), *хъали-й* (сирг.) "крыша").

й) **Словообразование при помощи суффикса *-аг*:**

аг. *сум-е укьар* → таб. *сум-аг* "более чем двухгодовалая овца";

таб. *журх-уз* "расчесывать" → *жахвр-ан* "грабли";

аг. *руц-ас* "крутиться, вертеться" → *руцар-аг* (соб. аг.) "волчок";

к) **Словообразование при помощи суффикса *-(V)ч*:**

аг. *тIакьв-ан-ас* "загрязниться, испачкаться" → *тIакьв-ач* → "неряха";

аг. *хъ'унтI* "сопля" → *хъ'унтI-ич* "сопливый", "сопляк".

л) **Словообразование при помощи суффикса *-(V)чI*:**

лезг. *нер* "сопли" → *нер-ечI* "сопливый, сопляк";

лезг. *тIыб* "палец" → *тыпп-ычI* (ахт.) "веретено", аг. *тIуб* → *тIуб-учI* (соб. аг.), *таб. тIуб* → *тIиб-ичI*.

м) **Словообразование при помощи суффикса *-(V)кI*:**

аг. *тIав* (гех.) "чурбан, кряж, пень" → таб. *тIав-акI* "медная тарелка", аг. *тIаб* "чурбан, кряж, пень" → *тIаб-акI* (соб. аг.) "деревянный поднос";

аг. *ъ'аш-ас* "плакать" → *ъ'ашр-икI* (соб. аг.) "плакса";

аг. *хъадикI-ен-ас* "красть" → *хъаттр-икI* "вор".

н) **Словообразование при помощи суффикса -*з*:**

таб. *гъ'ан* "внутренность, чрево", → *гъ'анз* (юж.) "запор" (*мед.*).

о) **Словообразование при помощи суффикса -*(V)кь'*:**

таб. *жерд* "годовалый бычок" → *жерд-укь'* "двухгодовалый бычок".

п) **Словообразование при помощи суффикса -*(V)к*:**

аг. *кьацI* "укус" → *кацIр-ак* (кош.) "слепень";

лезг. *йацIу* "толстый" → *йацI-ак* "толстяк";

лезг. *бицIи* "маленький, малюсенький" → *бицI-ек* "малыш".

р) **Словообразование при помощи суффикса -*(V)д*:**

аг. *ул* "глаз" → *ул-уд* "нора, дыра", таб. *ул* "глаз" → *ул-д* (← *ул-уд*) "нора, окно, ноздря, дыра, ниша".

с) **Словообразование при помощи суффикса -*(V)къ*:**

таб. *тIул* "прут" → *тIул-акъ* "тетива".

т) **Словообразование при помощи суффикса -*(V)ц*:**

лезг. *кIул* "лопатка" (*анат.*) → *кIул-ац* "горбун";

лезг. *хъел* "гнев" → *хъил -ец* "капризник".

2. **Varia:**

таб. *сел-ев*, аг. *сил-ев*, *сил-еб*, рут. *сыл-аб* "зуб" (ср. хварш. *сел*, арч. *со-т* "зуб");

аг. *цIик-аб* (тп.), *цIик-ен* (хп), лезг. *цикI-ен*, таб. *цIик-аб*; рут. *цIик-ен* (хнюх.) "пирог, начиненный мясом, сыром и орехами"; таб. *кучI-ал*, аг. *кучI-ал*, *хьилечI-ан* "ложь";

лезг. *рак*, *рикк-ин*, *ракк-ар*, таб. *ракк-ин*, аг. *ракк* "дверь";

аг. *утI-ай* "теленок", цах. *утI-аб* "телятник";

лезг. *жив* "снег" → *жив-е* "ртуть";

аг. *гучI* "страх" → *гучI-р-ахI* (соб. аг.) "трусишка";

лезг. *хур* "грудь" → *хур-ал-ай* "наизусть";

лезг. *гум* "дым" → *гурмагъ* (← *гум-р-агъ*) "дымоход", аг. *кум* "дым" → *курмагъ'* "дымоход".

3. **Слова, образованные посредством сложных суффиксов:**

а) **При помощи *-(V) хъ-ан*:**

аг. *рагI* "мельница" → *рагI-ухъ-ан* (соб. аг.) "мельник";

аг. *ибур* "ухо" → *ибур-ихъ-ан* (соб. аг.) "серьга";

аг. *урчар* "телята" → *урчар-ихъ-ан* "пастух телят";

лезг. *хеб* "овца" → *хпп-ехъ-ан* "пастух овец", аг. *хIуб* "овца" → *хIупп-ехъ-ан* "пастух овец"; таб. *марчч* "овца" → *марччл-ихъ-ан* "пастух (овечий)";

аг. *рагъ* "солнце" → *рагъ-ухъ-ан* (соб. аг.) "радуга".

б) **При помощи *-(V)кк-ан*:**

аг. *гъвад* "потолок" → *гъвад-икк'-ан* "домовой";

аг. *фун* "живот" → *фун-икк'-ан* (соб. аг.) "подпруга";

аг. *мукь* "место" → *мукь'-укк'-ан* (кош.) "стул местного производства".

в) **при помощи суффикса *-(V)гь-ан*:**

аг. *йакк* "мясо" → *йекк-угь-ан* (кош.) "прыщ";

аг. *ракк* "дверь" → *ракк-агь-ан* (соб. аг.) "прополис";

аг. *мухур* "грудь" → *мухур-игь-ан* "фартук";

аг. *кIарчар* "рога" → *кIарчар-игь-ан* (кош.) "повод (веревка, надетая на рога запряженного рабочего скота)".

г) **При помощи суффикса *-(V)гI-ан*:**

аг. *кIарчар* "рога" → *кIарчар-игI-ан* (кош.) "повод (веревка, надетая на рога запряженного рабочего скота)";

аг. *хIур* "село" → *хIур-агI-ан* (соб. аг.) "празднощатающийся";

аг. *хал* "дом" → *хул-агI-ан* (соб. аг.) "домохозяйка".

д) **При помощи суффикса *-(V)кк-ал*:**

аг. *гьуруц-ас* "вертеться" → *гьур-укк-ал* (соб. аг.) "дрель".

е) **При помощи суффикса *-(V)хъ-ил*:**

аг. *цIаб* "лист (растительный)" → *цIабр-ахъ-ил* "мотылек", "бабочка".

ж) **При помощи суффикса *-г-ан*:**

лезг. *крчар* "рога" → *крчар-г-ан* "повод (веревка, надетая на рога запряженного рабочего скота)";

лезг. *хур* "грудь" → *хуру-г-ан* "передник, фартук".

з) **При помощи суффикса *-гъ-ан*:**

лезг. *нек* "молоко" → *некIе-гъ-ан* "маслобойка, пахталка (в виде гончарного сосуда)".

4. **Слова, образованные посредством префикса:**

аг. *цIак-ас* "искривиться, покоситься" → таб. *ба-цIак* "косой";

лезг. *ттахай* "неродной" → аг. *ми-дахай* "рабыня";

аг. *тIул* "прут" → *ку-тIул* "куст";

лезг. *тIур* "ложка" → *ку-тIур* "половник";

буд. *гIарадж* "ткацкий станок" → *къа-гIадж* "носки";

арч. *-лълъ-* "влага" → *би-лъв* "глубокое место реки";

таб. *му* "этот" → *ччу-му* "этот внизу";

таб. *му* "этот" → *гъу-му* "этот наверху".

5. **Слова, образованные префиксально-суффиксальным способом:**

лезг. *фу* "хлеб" → *а-ф-ар*, таб. *а-ф-ар* "пирог, пирожок", буд. *фу* "хлеб" → *ал-ф-ар* "тонкий пирог (из творога, трав и др.)";

аг. *гI'ул* "хлеб" → *бу-гI'ул-ай* (кош.) "круглый хлебец";

рут. *-л-* "на поверхности" → *ва-л-ыг* "одежда".

6. **Слова, образованные комбинированным способом:**

аг. *ру-гI-ас* "молоть" → *гI-ур* (соб. аг.) "мука", аг. *ру-хI-ас* "молоть" → *ра-хI-у* (кош.) "мука", лезг. *ре-гъ-уьн* "молоть" → *гъ-уьр* "мука", таб. *раьб-гъ'-уб* "молоть" → *х'-у* "мука";

арч. *к-ул*, буд. *к-ыл* "рука" → аг. *к-униш* (соб. аг.), *ру-ку* (кош.) "браслет" (ср. также лак. *к-униш*);

таб. *ар-хь* "конопляное семя", лезг. *ф-ин* "семя";

аг. *ру-кI-ас* "копать" → *ур-кI* (соб. аг.), лезг. *кIв-ар* (ахт.) "впадина";

таб. *рук* (юж.) "куст" → *йа-ркур* "лес";

аг. *ма-тI* "родинка" (ус.), лезг. *тI-ур* "почка" (*бот.*), "сыпь";

таб. *ба-чI*, аг. *чI-епI* "шлепок";

таб. *в-уд-ар*, аг. *уд*, лезг. *ттв-ар* "зерно, ягода";

лезг. *г-ат-ун* "молотить" → *йу-г* "молотьба", таб. *г-ар*;

таб. *ув-гг-ус* "жать (хлеб)" → *йа-гг-ин* "жнитво, жатва";

аг. *ихь-ес* "жать" → *ихь-ен* "жатва";

лезг. *г-уьн* "жать" → *гв-ен* "жатва".

7. **Слова, образованные посредством сложения основ:**

таб. *швур-гъ-ан* "позавчера", аг. *ттар-гъ-ун* (соб. аг.) "надмогильный камень", "стела";

таб. *х'али-жви* (мн. ч. *х'алар*), аг. *гIала-шуй* "гость"; аг. *гIала-хьир* "гостья";

таб. *вуг-уршин* "зуд";

таб. *швур-къан* "третьего дня";

таб. *фур-кIул* "колесо";

таб. *ту-шв* "то место" (*туму* "тот" + *йишв* "место, земля"; ср. аг. *те ус* "то место");

таб. *кь'у-чал* "подпорка" ("два" + "ветка"), ср. лезг. *чихел* "ветка";

таб. *кь'уб-ракк* "створчатая дверь" (*кь'уб* "два" + *ракк* "дверь");

лезг. *и-кьван* "столько, настолько" (*и* "этот" + *кьван* "столько");

таб. *мах'-цIа* "лихорадка";

таб. *хъа-йикъ* "следующий день" (*хъа* "следующий" + *йикъ* "день");

аг. *хъа-йагъа* "послезавтра" (*хъа* "следующий" + *йагъа* эрг. п. от *йагъ* "день");

таб. *кIа-цIейири (← *кацIейири)* "с самого начала" (*ка* "самый" + *цIейи* "новый" + *ри* "причастный суффикс"), аг. *ке-цIайе* "с самого начала";

таб. *кIаил-хьув* "вспомнить" (*кIаил* "на сердце" + *хьув* "стать, становиться"), аг. *кIвал хьас* "вспомнить" (*кIвал* "на сердце" + *хьас* "стать, становиться");

таб. *ис-кIул* "спуск" (*ис* "вниз" + *кIул* "голова"), аг. *ахтт-кIил* "спуск" (*ахтт* "вниз" + *кIил* "голова");

аг. *хьили-кIес* "околеть" (*хьилу* (таб.) "околелый" + *кIес* (аг.) "умереть"), лезг. *гили-кьун* "сдыхать, околевать" (*гили* + *кьин* "умереть");

таб. *гьам-шваъ* "здесь" (*гьаму* "именно этот" + *шваъ* "место");

таб. *бай-риш* "ребенок" (*бай* "мальчик" + *риш* "девочка");

аг. *руха-гаджин* (соб. аг.) "свистулька" (*руха* "верещящий" + *гаджин* "глиняный кувшин");

лезг. *йиф-цIайар* (ахт.) "посиделки" (*йиф* "ночь" + *цIайар* "огни").

лезг. *муха-тI-ил* "ячмень на глазу" (*муха(н)* "ячменный" + *тI(ур)* "прыщик" + *ил* "словообразовательный аффикс", ср. аг. *мухан тIур* "ячмень на глазу").

аг. *къарк-а-гIуб* (соб. аг.) "черепаха" (*къарк* "кора" + *а(ле)* "находящийся (на)" + *гIуб* "лягушка", ср. также аг. *вагъ али гъ'у (гIу)* (кош.) ("миска + находящаяся (на) + лягушка"), лезг. *кIвал алай къиб* ("дом + находящийся (на) + лягушка");

аг. *хIа-дад* (соб. аг.) "дедушка" (*хIа* "большой" + *дад* "отец");

аг. *хIа-баб* (соб. аг.) "бабушка" (*хIа* "большая" + *баб* "мать");

аг. *вар-некI* (кош.) "улей" (*вар* "пчела" + *некI* "колода");

аг. *гIан-чIир* (соб. аг.) "яловая корова" (*гIан* "нутро, чрево" + *чIир* – основа причастия *чIиреф* "испорченный");

аг. *чиб-хар* (соб. аг.) "двоюродный (ая) брат (сестра)";

таб. *за-кур* "завтра" (ср. аг. *зав курастти* (соб. аг.) "до рассвета", то есть "до того, как займется заря");

аг. *тIур-вакъ* (соб. аг.) "деревянный половник с короткой ручкой" (*тIур* "ложка" + *вакъ* "миска");

аг. *кьур-уц* (соб. аг.) "деревянная палка, изогнутая на конце для помешивания зерна в печи для выпечки хлеба" (*кьур* "зерно" + *уц* – глагольная основа от *уцас* "жарить");

лезг. *руфун– ккал* "обжора" (*руфун(ин)* "живота" + *ккал* "корова").

Сложение основ – один из продуктивных способов, применяемых в дагестанских языках, см., например ав. *ххир-ицан* (ругуж.) "маленькая женская коса (для косьбы травы)", где *ххир*

"трава", *ицан* – причастие от глагола *бе-ц-изе* "косить", "жать (хлеб)".

8. **Композиты:**

аг. *ккане-дакканф* (соб. аг.), *ккане-дакканед* (кош.) "необходимое", лезг. *ккини-ттаккан* (ахт.) "необходимое";

аг. *кунар-лекар* (соб. аг.) "одежда-обувь", аг. *ликар-хIалавар* (кош.) "обувь-одежда";

лезг. *къаппар-тIурар* "посуда", аг. *къабар-ттурар* (соб. аг.), *къаьчар- -кьулар* (кош.) "посуда";

аг. *гIанар-кьулар* (кош.) "желудок";

аг. *йиркIвар-лекIер* (соб. аг.), *хурдлар-ликIар* (кош.) "внутренность";

лезг. *гьарай-эвер* "шум, веселье, галдеж" (*гьарай* "сильный крик" + *эвер* "призыв"), аг. *гьарай-вургьай* "шум, галдеж" (*гьарай* "крик" + *вургьай* – значение неизвестно);

лезг. *кIинтI-лаш* "игра в чижик" (*кIинтI* – "чижик" + *лаш* "палка"), аг. *рес-гиштта* (соб. аг.) "игра в чижик" (*рес* "палка" + *гиштта* – "чижик");

лезг. *кхьин-чIурун* "грамота" (*кхьин* "писать" + *чIурун* "стирать");

лезг. *кIел-кхьин* "грамота" (*кIел* "учеба" + *кхьин* "писать");

лезг. *мез-гъвел* "умасливание" (*мез* "язык" + *гъвел* "крошка");

лезг. *гила-мад* "скоро" (*гила* "сейчас" + *мад* "еще");

лезг. *чIар-чIар* "едва заметно (о дыме)" (ср. аг. *са-чIардахIан*);

лезг. *ккуз-ккуз* "в горячем виде", аг. *угай-угай*;

лезг. *ккуьлуь-шуьлуь* "мелочи";

лезг. *рахун-лекIуьн* "разговор";

лезг. *кIвал-ба-кIвал* "поквартирно" (*кIвал* "квартира" + суфф. *ба* + *кIвал* "квартира");

лезг. *жузун-ккачузун* "справиться о здоровье, житье-бытье" (*жузун* "спрашивать" + префикс *кка-* + *жузун*);

лезг. *гзафни-гзаф* "больше всего, чаще всего" (*гзаф* "много" + частица *-ни* + *гзаф*);

лезг. *вахтт-вахттунда* "регулярно, в положенное время" (*вахт* "время" + флексия *-унда*).

9. **Описательный способ словообразования:**

аг. *рукъ' акъацIаред* (худ.) "совок" (букв. "золу вытаскивающий");

аг. *рахIуйин тум* (кош.) "закваска для теста" (букв. "муки закваска");

лезг. *лаз тун* "светать" (букв. "белый цвет оставить");

лезг. *ккаккадин лаз* "белок яйца";

аг. *йирхIунин цIаб* (соб. аг.) "подорожник" (букв. "раны лист");

аг. *хут* "слива" → *чIире хут* (соб. аг.) "терн" (букв. "дикая слива");

аг. *цIа ата милахъ'в* (соб. аг.) "светляк" (букв. "огонь извергающий червь");

аг. *паъ'арин хал* (соб. аг.) "курятник" (букв. "кур дом"), *паъ'арин авуг* (кош.) (букв. "кур жилище");

аг. *урчарин авуг* (кош.) "телятник" (хлев для телят) (букв. "телят жилище");

аг. *хуьйин авуг* (кош.) "конура" (букв. "собаки жилище");

аг. *руту н'акк* (соб. аг.) "свернувшееся молоко";

аг. *галун хIуни* (соб. аг.) "жук" (букв. "равнины корова");

Малла ъ'агин йецв (кош.) "жук" (букв. "дяди Маллы бык");

аг. *ккуьруца ракъ'* (соб. аг.) "поворот, изгиб" (букв. "поворачивающая дорога");

аг. *кьацI ъикIа медж* (соб. аг.) "крапива" (букв. "кусающаяся трава");

аг. *мурттар але руб* (соб. аг.) "большая игла с тремя углами)" (букв. "углы имеющая игла");

аг. *улин къарк* (соб. аг.) "веко" (букв. "глаза кожура");

аг. *рукьан устта* (соб. аг.) "кузнец" (букв. "железа мастер");

лезг. *ччаттун устIар* "кузнец" (букв. "кузнечный мастер");

аг. *рутул шуй* (соб. аг.) "рутулец" (букв. "рутульский мужчина");

аг. *рутул хьир* (соб. аг.) "рутулка" (букв. "рутульская женщина");

аг. *хьибу цӀаб але ъ'укӀ* (соб. аг.) "клевер" (букв. "трава с тремя лепестками");

аг. *кӀачӀалай тӀуб* (соб. аг.) "мизинец";

аг. *хайатӀ але кӀур* (соб. аг.) "катушка (для ниток)" (букв. "дерево с ниткой");

аг. *цӀила ашенед* (кош.) "ящик для хранения ложек" (букв. "ложку вставляемый");

аг. *джакьвран цуц* (кош.) "ячмень (на глазу)" (букв. "воробья зад");

аг. *чӀар али худ (маш)* (кош.) "персик" (букв. "волосом покрытая (ый) слива (абрикос)";

аг. *тӀелтӀемар кейед* (арс.) "рябой" (букв. "с оспинками");

аг. *цӀакре илар айед* (арс.) "косой" (букв. "кривые глаза имеющий");

аг. *кьвакьван ъ'агв* (соб. аг.) "голень" (букв. "колена зеркало");

аг. *тӀучӀни хъ'ухъер* (кош.) "курносый" (букв. "сплюснутый нос");

аг. *къадакъар ъаттива кь'ацӀ* (соб. аг.) "щипцы для выдергивания гвоздей" (букв. "гвозди вытаскивающие щипцы");

аг. *цӀа дирка кь'ацӀ* (соб. аг.) "щипцы для углей" (букв. "огонь помешивающие щипцы");

аг. *шаккар ругӀа кь'ацӀ* (соб. аг.) "щипцы для раскалывания сахара" (букв. "сахар дробящие щипцы);

аг. *ачахъа кӀучӀ* (соб. аг.) "крючок, застежка" (букв. "застегивающая пуговица"), аг. *гӀахъ'айе кӀучӀ* (кош.) "крючок, застежка";

аг. *гӀахъ'ай ру , бакку ру* (кош.) "булавка" (букв. "застегивающая иголка, бакинская иголка");

аг. *сусан баб* (соб. аг.) "женщина, сопровождающая новобрачную в дом жениха" (букв. "невесты мать");

аг. *рагӀ али джакьв* (кош.) "дятел" (букв. "воробей с гребнем");

аг. *сивин гъвад* (соб. аг.) "нёбо" (букв. "рта потолок"), лезг. *сивин къав* "нёбо" (букв. "рта потолок");

аг. *куман ул* (кош.) "дымоход" (букв. "дыма глаз");

аг. *даваттин гунтI* (соб. аг.) "задира, забияка" (букв. "проделки (р. п.) холм");

аг. *суратин кьул* (соб. аг.) "щека" (букв. "лица доска");

аг. *кIарчари гIархьа тIил* (соб. аг.) "повод (веревка, надетая на рога запряженного рабочего скота)" (букв. "в рога вдеваемая веревка"), ср. лезг. *крччарган* то же;

аг. *ъ'урдикк акьуф* (соб. аг.) "пар" (невспаханная земля) (букв. "под зиму сделанный");

аг. *хьиджар дад* (соб. аг.) "тесть";

аг. *хьиджар баб* (соб. аг.) "теща";

аг. *фаруца ус* (соб. аг.) "поворот, изгиб" (букв. "поворачивающееся место");

аг. *мучIур кул* (соб. аг.) "челюсть" (букв. "подбородка ветка");

аг. *мугул тIул* (соб. аг.), *мугулин тIул* (кош.) "ребро" (букв. "метлы прут"), лезг. *ппаккун тIвал* "ребро" (букв. "бока прут");

аг. *галун хур* (соб. аг.) "боб" (букв. "плоскости горох");

аг. *ъ'урус кьутIур* (соб. аг.) "подсолнух" (букв. "русский пирог");

аг. *хьед алайча дагьар* (соб. аг.) "водопад" (букв. "вода сливающаяся скала");

аг. *хулагъин зуран* (соб. аг.) "карниз" (букв. "крыши край");

аг. *къазан сагIбун* (соб. аг.) (букв. "казанское мыло"), *хIалаварин сагIбун* (кош.) "хозяйственное мыло" (букв. "одежды мыло"), ср. лезг. *ппекерин сыппын* (ахт.) (букв. "одежды мыло");

10. **Конверсия:**

таб. *бицIир* "маленький" → "ребенок";

таб. *жилир* "самец" → "мужчина" → "муж";

аг. *джагваред* (арс.), *джагварир* (бурш.) "белый" → "бязь";

аг. *гъазер* (бурш.) "зеленый" → "съедобная трава";

аг. *гирген* (соб. аг.) "круглый" → "моток";

аг. *ъацIад* "полный, наполненный" → *ъацIад* (кош.) "колбаса (местного изготовления)";

аг. *бицIит* (фит.) "маленький" → арч. *цI-ит* "маленькая корзина".

11. **Семантические модификации:**

лак. *микI* "лед", "град" → аг. *мекI*, лезг. *мекь* "холод";

лак. *гъал* "козья шерсть" → лезг. *гъал* "нитка";

лезг. *чIере* "стреха", "лоза", ср. таб. *чIереъ* "деревцо";

лезг. *чIиб*, таб. *чIев* "пядь", ср. аг. *чIепI (← *чIеб)* "шлепок";

лезг. *чуру (чыры)*, аг. *чире* "грязно-серый", ср. таб. *чири* "зеленый";

таб. *чил, чилув* "серый", ср. аг. *чуллеф*, лезг. *жуьли* (ахт.) "синий";

таб. *ххер* "покос", аг. *хер*, ср. ав. *хер* "трава", *ме-х* "луг";

лезг. *гъуьрч* "дичь, охота", таб. *х'уч*, ср. аг. *хIуч* (соб. аг.), *х'уч* (кер.) "волк";

лезг. *хуз* (лит.) "оса", таб. *хус* "оса", но лезг. *хуз* (курах.), *хус* (ахт.) "жало пчелы, осы", аг. *хутI* "жало пчелы, осы";

таб. *хил* "перо", но аг. *хил* "крыло" (ср. таб. *хил-иц* "крыло");

таб. *фур* "арба", но аг. *фур* "колесо";

таб. *тIавакI* "тарелка медная, блюдечко", но аг. *тIабакI (тIавакI)* "деревянный поднос";

таб. *кьал* "вереск для изготовления метелок", но лезг. *кьал* "былинка";

таб. *кьав* "виноградная лоза", но аг. *кьаб (кьав)* "ствол дерева";

таб. *ппул* "кольцо (без камня)", но аг. *ппул* "кольцо, закрепляемое на конце веревки при сельскохозяйственных работах";

таб. *даьхин* "пшеница", но лезг. *ттехил* "хлеб (в зерне)";

ср. лезг. *ччуру*, аг. *муджур*, таб. *миджири* "борода" и аг. *мучIур* "подбородок" → *мучIур* "та часть сохи, на которую надевается лемех";

ср. таб. *ичI* "яма" и лезг. *кьечI* "ниша в стене", аг. *ъ'ачI (гIачI)* "ложбина, балка";

таб. *рагъ'* "гребень" → *рагъ'* "чесалка";

аг. *рагI* "гребень" → *рагI* "чесалка";

лезг., аг. *чIал* "язык, речь" → *чIал* "слово";

лезг. *мез* "язык" (*анат.*) → *мез* "речь";

лезг. *цIай* "огонь" → *цIай* "приступ малярии", таб. *цIа* "огонь" → *цIа* "приступ малярии";

лезг. *йар* "заря" → *йар* "краснота";

лезг. *лам* "сырость, влага" → *лам* "мокрица";

лезг. *ццур* "окисление, брожение" → *ццур* "медь";

лезг. *туькьуьл* "горький" → *туькьуьл* "желчный пузырь";

лезг. *чIулав* "черный" → *чIулав* "головня" (болезнь хлебных злаков);

лезг. *лекIуьн* "говорить" → *лекIуьн* "запевала";

лезг. *ифин* "накаливаться" → *ифин* "жар, температура";

лезг. *атIун* "резать, делить" → *атIун* "межа";

аг. *багв* "бок" → *багв* (соб. аг.) "косяк" (оконный или дверной);

таб. *кIураб* "кость" → *кIураб* "косточка (фруктов)";

аг. *ручI* "роса" → *ручI* "иней";

лезг. *кьил* "голова" → *кьил* "колос", таб. *кIул* "голова" → *кIул* "колос";

аг. *мекI* "холод" → *мекI* (кош.) "ревматизм, радикулит", таб. *микI* "ветер" → *микI* "ревматизм", рут. *гыбыл* "ветер" → аг. *ккубул* (соб. аг.) "ревматизм, радикулит", лезг. *кк(у)ппул* "ревматизм", крыз. *хьар* "ветерок" → *хьар* "ревматизм", буд. *хьер* "ревматизм";

лезг. *хъиццикь*, таб. *гъидикь*, аг. *кьидикь* "овчина" → буд. *къинджекь* "бурдюк";

арч. *хъохъ* "спина" → аг. *къакъ* (соб. аг.), *гъагъ* (кош.), таб. *гъагъ* "ноша, поклажа";

лезг. *къав* "крыша", "потолок", аг. *гъвад* "потолок", таб. *гъваъ* "крыша", "потолок", рут. *къав* "потолок" → крыз. *къав* "мост";

арч. *хал* "гнездо" → аг., таб., рут. *хал*, цах. *хав* "дом".

II. Образование прилагательных:

таб. *кь'алахъ'* "позади" → *кь'алхъ'-ан* "задний";

таб. *улихь* "перед" → *улхь-ан* "передний";

лезг. *рикI алай*, таб. *йукIв алир*, аг. *йиркIв алеф* "желанный, любимый";

лак. *кь'урчI* "щавель" → аг. *ъ'учI-еф* "кислый", "соленый", лезг. *учI-у* (ахт.) "соленый";

лак. *кь'урчI-исса* "кислый", "горький, прогорклый", ср. аг. *кьулкь-унф* "горький";

аг. *цIак-ас* "искривиться, покоситься" → таб. *ба-цIак* "косой", аг. *цIак-уф* "кривой", таб. *гъацIабк-у* "кривой", *цIабк-уз* "кривить";

аг. *гъ-ур* "высохший стебель" → *ру-къ-уф* "сухой", лезг. *къур* "высохший стебель" → *къур-у* "сухой";

таб. *чIир* "пустошь, пустыня" → *чIир-и* "безобразный, дикий";

лезг. *чIур* "пастбище" → *чIур-у* "дикий (о растениях)";

лезг. *хеб* "овца" → таб. *хиб-и* (хан.) "самка";

лезг. *лаз* "белок", "белая глина" → *лацу-у* "белый", таб. *лидз-и*, аг. *лез-еф* "белый" (о масти овец)", ср. также уд. *ц-ал* "светлый";

таб. *йи-шв-ур* "золото" → лезг. *с-ур* "золотистый, желто-коричневый (о каракуле)";

таб. *кь'ан* "прибыток" → лезг. *къен-и* "благоустроенный", ср. аг. *гIан-е*: *хал гIане хьурай*! "чтобы в доме был достаток !";

таб. *къакъ* "вьюк" → *къакъ-и, къакъ-ув, къакъ-ир* "тяжелый", аг. *къакъ* "вьюк, поклажа" → *къикъ-еф* "тяжелый";

лезг. *кур-ут*: *ивид курут* "сгусток крови", таб. *кур-и, кур-ув* "густой";

лезг. *йергъ* "длина" → *йиргъ-и* (ахт.), таб. *йарх-и*, аг. *ирх-еф* "длинный";

таб. *дарх'-уз* "пилить" → *дарх'ир-и* "острый";

лезг. *къай* "холодный ветер" → *къай-и* "холодный";

аг. *дахъ'-ас* "остыть" → *дахъ'-уф* "остывший", таб. *дахъ-и* "прохладный";

аг. *х-ас* "родить(ся)" → *х-еф* "родной" → *да-хеф* "неродной";

лезг. *х-ун → х-ай-и → тта-хай;*

таб. *х-уз → къа-х-и → да-р-хи;*

таб. *гичI* "страх" → *гичI-ур* "пугливый", лезг. *кичI → кичI-е*, аг. *гучI → гучI-аф;*

таб. *вукI* "трава, сено" → *вукI-и* "синий, серый";

лезг. *ацI-ун,* аг. *ацI-ас* "наполниться" → таб. *ацI-и* "толстый", лезг. *ацI--ай* "полный", *йа-цI-у* "толстый", ср. также лезг. *йацI алай* "полный, толстый";

таб. *ичI* "яма" → *ичI-и* "пустой";

таб. *лик* "нога" → *лик-у* "хромой";

таб. *буркь'* "глазной гной" → *буркь'-у* "слепой";

рут. *гыбыл* "ветер" → *гыбыл-гъад* "ветреный";

лезг. *фур* "яма" → таб. *фур-у* "колодец, яма";

таб. *кь'урд* "зима" → *кь'урд-ун* "зимний";

таб. *хьад* "лето" → *хьад-ан* "летний";

таб. *йигъ* "день" → *йигъ-ан* "дневной";

таб. *йишв* "ночь" → *йишв-ан* "ночной";

аг. *хьид* "весна" → *хьид-инф* (соб. аг.) "весенний", аг. *ширквар* "весна" → *ширквар-ед, ширквар-ан* (кош.) "весенний";

таб. *кь'аш* "влага" → *кь'аш-и* "влажный".

III. Образование наречий:

таб. *йишв* "ночь" → *йишв-ну* "ночью";

лезг. *гъед* "звезда" → *гьетт-ре-з* "к вечеру";

лезг. *йугъ* "день" → *йукъ-уз* "днем";

аг. *йагъ* "день" → *йагъ-уй* "днем";

аг. *ъ'уш* "ночь" → *ъ'уш-уй* "ночью";

аг. *гIубахъ'* "вечер" → *гIубахъ'-ми* "вечером";

таб. *йигъ* "день" → *йигъ-ну* "днем";

таб. *чвул* "осень" → *чвл-ихъ-на* "к осени";

аг. *цул* "осень" → *цул-ихъ-ди* "к осени", лезг. *зул* "осень" → *зул-ухъ-ди* "к осени";

таб. *лик* "нога" → *лик-ри* "пешком";

таб. *шил* "след" → *шил-ди* "пешком";

аг. *хьил* "след" → *хьил-аба* "пешком";

лезг. *хъсан* "хороший" → *хъсан-з* "хорошо";

таб. *чIуру* "дикий" → *чIуру-ди* "плохо";

аг. *чIиреф* "дикий" → *чIир-и* "плохо";

лезг. *чIуру* "дикий (о растениях)" → *чIуру-з* "плохо".

IV. Несколько корней, образующих разветвленные модели:

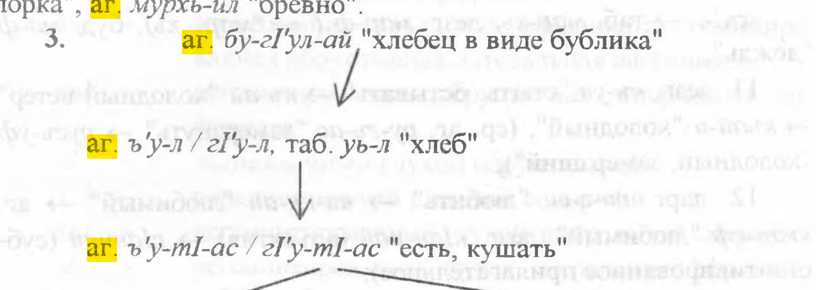
1. а) аг. *итI-ас* "завязать" → *итI-ул* "узел", лезг. *тIв-ал*, рут. *йи-тI-ул*;

б) *итI-* → аг. *тI-ил* "веревка", лезг. *цI-ил*, таб. *тI-ил* "бечевка", "канат" → *тI-ур-ин* "веревка", аг. *га-тI-ил* "привязь"; ср. также лак. *бу-тI-а* "веревка, привязь";

2. а) лезг. *ру-к* (куб.) "лес", таб. *ру-к* (юж.), *лу-к* (сев.) "куст", лезг. *к-ул* → таб. *йа-р-к-ур* (← **йа-ру-к-ур)* "лес"; ср. ав. *ро-хь* "лес";

б) лак. *мурхь* (← **мурухь)* "дерево" → таб. *мурхь-ул* "подпорка", аг. *мурхь-ил* "бревно".

3.



аг. *ъ'а-л-ди* (деепр. несов. вида)   лезг. *тI-уьн* "есть, кушать"

аг. *ъ'ал-еф* "пища, продовольствие" лезг. *тI-ун* "ясли, кормушка"

4. *-кI-*: → аг. *кI-ур* "дерево, саженец", лезг. *кI-ар* "скалка" → *кIар-ас* "древесина";

-кI-: → таб. *га-кI-ул* "дерево", аг. *му-кк-ур (← *му-кI-ур)* "жердь, шест";

5. *-mI-: amI-ac* "резать" → *кь-amI* "отрезок" → *ба-кьamI* "куцый, с коротким хвостом (о животных)" → *бакьamI* "ложка с короткой ручкой"; *бакьamI* "безродный (не имеющий родственников)";

6. *-х-:* → таб. *ар-х* "бороздка", аг. *ар-х* "желоб", лезг. *ар-х* "канава", "бороздка";

-х-: → лезг. *хв-ал* "борозда"; "канава, арык", таб., аг. *х-ул* "борозда";

7. *-х-:* → аг. *ах-ас* (кер.) "спать" → *ах-ун* (соб. аг.) "сон", "матрац" → *ахун-ар* "постель";

8. *-г-:* → аг. *уг-ас* "гореть", "зудеть" → *уг-ал* "зуд" → *угал-ар* "чесотка";

9. лезг. *кIвamI-ун* "собирать" → *кIвamI*, аг. *кIвamm* "клубок" → аг. *кIвamm-ай* "о человеке коротком и толстом" (ср. лак. *кIутI* "моток");

10. *–хь'-:* *"влага": → таб. *ш-ар (← *хь-ад)*, аг. *хь-ед*, лезг. *й-ад(← *хь'-ад)* "вода";

-хь'-: → таб. *мар-хь*, лезг. *мар-ф (← *мар– хь)*, буд. *ма-ф* "дождь";

11. лезг. *къ-ун* "стыть, остывать"→ *къ-ай* "холодный ветер" → *къай-и* "холодный", (ср. аг. *ру-гъ-ас* "замерзнуть" → *ругъ-уф* "холодный, замерзший");

12. дарг. *ди-г-ес* "любить" → *ви-кк-ан* "любимый" → аг. *ккан-еф* "любимый", лезг. *кIан-иди* (адъектив) → *кIаниди* (субстантивированное прилагательное);

13. лезг. *ацукь-ун* "садиться" → *ацукь-ей* (ахт.) "севший" → *ацукьей + нек* "свернувшееся молоко", (т. е. "простокваша"), ср. также рут. *адзу-кь-уй* "снятое молоко";

аг. *экьв-ас* "садиться" → *йар-кь-ур* (кош.) "свернувшееся молоко";

аг. *рут-ас* "свертываться" → *рут-у* "свернувшееся" → *руту + н'акк* (соб. аг.) "свернувшееся молоко".

ТРАНСКРИПЦИЯ

а – гласный заднего ряда нижнего подъёма
б – губно-губной звонкий смычный
в – губно-губной или губно-зубной звонкий
г – заднеязычный звонкий смычный
*гг** – заднеязычный звонкий спирант
гъ – звонкий увулярный спирант
гь – глухой ларингальный спирант
гI – звонкий фаригальный спирант
д – переднеязычный зубной звонкий смычный
дж – переднеязычная звонкая шипящая аффриката
дз – зубная звонкая свистящая аффриката
э/е – гласный переднего ряда среднего подъёма
ж – переднеязычный глухой шипящий спирант
з – зубной звонкий свистящий спирант
и – гласный переднего ряда верхнего подъёма
й – среднеязычный спирант
к – заднеязычный глухой смычный
къ – глухая увулярная аффриката
кь – абруптивная увулярная аффриката; геминированная абруптивная латеральная аффриката
кьI – негеминированная абруптивная латеральная аффриката
кI – заднеязычный глухой абруптивный
л – переднеязычный щелевой сонорный
лъ – негеминтированный глухой латеральный спирант
лI – негеминтированная глухая латеральная аффриката
м – губно-губной сонорный
н – переднеязычный носовой сонорный
о – губной гласный заднего ряда среднего подъёма
п – губно-губной глухой смычный
пI – губно-губной глухой абруптивный

---

* В силу технических причин заднеязычный звонкий спирант передается удвоенным согласным.

р – переднеязычный глухой свистящий спирант
т – переднеязычный глухой смычный
тI – переднеязычный глухой абруптивный
у – губной гласный заднего ряда верхнего подъёма
ф – губно-губной глухой спирант
х – увулярный глухой спирант
хъ – увулярная глухая аффриката
хь – заднеязычный глухой спирант
хI – фарингальный глухой спирант
ц – зубная свистящая глухая аффриката
цI – зубная свистящая абруптивная аффриката
ч – переднеязычная шипящая глухая аффриката
чI – передязычная щипящая абруптивная аффриката
ш – переднеязыный глухой спирант
ы – гласный среднего ряда верхнего подъёма
ъ – глухой ларингальный абруптив

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ

Долгие гласные передаются посредством удвоения.

Знак **ь**, сопровождающий гласный, передает умляутизацию.

Лабиализация и дентолабиализация согласных передается через **в**, а геминация /преруптивизация – при помощи удвоения.

Знак ’ обозначает палатизацию, знак ‘ – фарингализацию, знак ′ – глубокую фарингализацию/фарингальность.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Языки, диалекты и говоры

ав.	–	аварский язык
аг.	–	агульский язык
аз.	–	азербайджанский язык
акуш.	–	акушинский диалект даргинского языка
анд.	–	андийский язык
андал.	–	андалальский диалект аварского языка
анцух	–	анцухский диалект аварского языка
арс.	–	арсугский говор кошанского диалекта агульского языка
арч.	–	арчинский язык
ахв.	–	ахвахский язык
ахт.	–	ахтынский диалект лезгинского языка
багв.	–	багвалинский язык
балх.	–	балхарский диалект лакского языка
батлух	–	батлухский диалект аварского языка
бед.	–	бедюкский говор керенского диалекта агульского языка
беж.	–	бежтинский язык
ботл.	–	ботлихский язык
буд.	–	будухский язык
бурш.	–	буршагский говор кошанского диалекта агульского языка
вихл.	–	вихлинский диалект лакского языка
вицх.	–	вицхинский диалект лакского языка
гак.	–	гакваринский говор чамалинского языка
гел.	–	гельмецский говор цахурского языка
гех.	–	гехюнский диалект агульского языка
гиг.	–	гигатлинский говор чамалинского языка
гин.	–	гинухский язык
год.	–	годоберинский язык
гунз.	–	гунзибский язык

гюн. – гюнейский диалект лезгинского языка
дарг. – даргинский язык
док. – докузпаринский диалект лезгинского языка
дул. – дулдугский говор собственно агульского диалекта агульского языка
дюб. – дюбекский говор табасаранского языка
инг. – ингушский язык
инх. – инхокваринский говор хваршинского языка
канд. – кандикский говор табасаранского языка
кар. – каратинский язык
карах. – карахский диалект аварского языка
кв. – квардальский говор керенского диалекта агульского языка
келеб. – келебский говор аварского языка
кер. – керенский диалект агульского языка
кош. – кошанский диалект агульского языка
крыз. – крызский язык
куб. – кубинское наречие лезгинского языка
кубач. – кубачинский диалект даргинского языка
кумух. – кумухский диалект лакского языка
кумык. – кумыкский язык
кур. – курагский говор собственно агульского диалекта агульского языка
курах. – курахский диалект лезгинского языка
кус. – кусурский диалект аварского языка
кюр. – кюринское наречие лезгинского языка
лак. – лакский язык
лезг. – лезгинский язык
лит. – литературный язык
луч. – лучекский говор рутульского языка
рич. – ричинский говор керенского диалекта агульского языка
ругуж. – ругужский говор аварского языка
русск. – русский язык
рут. – рутульский язык

самур.	–	самурское наречие лезгинского языка
сев.	–	северный диалект табасаранского языка
соб.аг.	–	собственно агульский диалект агульского языка
стал.	–	стальский говор гюнейского диалекта лезгинского языка
таб.	–	табасаранский язык
тинд.	–	тиндинский язык
тляд.	–	тлядальский говор бежтинского языка
тп.	–	тпигский говор собственно агульского диалекта агульского языка
уд.	–	удинский язык
ук.	–	укузский говор керенского диалекта агульского языка
урах.	–	урахинский диалект даргиского языка
ус.	–	усугский говор керенского диалекта агульского языка
усух.	–	усухчайский говор докузпаринского диалекта лезгинского языка
фит.	–	фитинский говор агульского языка
хайд.	–	хайдакский диалект даргинского языка
хан.	–	ханагский говор табасаранского языка
хв.	–	хвереджский говор керенского диалекта агульского языка
хварш.	–	хваршинский язык
хив.	–	хивский говор табасаранского языка
хин.	–	хиналугский язык
хл.	–	хлютский говор ахтынского диалекта лезгинского языка
хнюх.	–	хнюхский говор рутульского языка
хп.	–	хпюкский говор агульского языка
худ.	–	худигский говор кошанского диалекта агульского языка
хут.	–	хутхульский говор собственно агульского диалекта агульского языка
цах.	–	цахурский язык

цез. – цезский язык
цир. – цирхинский говор агульского языка
цудах. – цудахарский диалект даргинского языка
чадаколоб. – чадаколобский говор анцухского диалекта аварского языка
чам. – чамалинский язык
чеч. – чеченский язык
чир. – чирагский диалект даргинского языка
юж. – южный диалект табасаранского языка
ярк. – яркинский диалект лезгинского языка
яркуг. – яркугский говор собственно агульского диалекта агульского языка

Источники

ВЯ – Вопросы языкознания
ИАЭ – Истории, археологии и этнографии
Изв. АН СССР – Известия академии наук СССР
Изв. РАН – Известия Российской академии наук
ИЯЛ – Истории, языка и литературы
ОЛЯ – Отделение литературы и языка
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
Учен. зап. – Ученые записки
ФАН – Филиал академии наук
ЯЛИ – Языка, литераутры и искусства

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
2. *Абдуллаев А.К.* Словообразование и склонение производных именных основ в цезском языке // Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979. С.23-32.
3. *Абдуллаев А.К.* Словообразование в цезском языке // Автореф. дис. ... кандид. филол. наук. Махачкала, 1981.
4. *Абдуллаев З.Г.* Даргинский язык // Языки народов СССР. Т.4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С.508-523.
5. *Абдуллаев З.Г.* Этимоны пространства и времени в словообразовании и словоизменении даргинского языка. I. // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. С.5-21.
6. *Абдуллаев З.Г.* Этимоны пространства и времени в словообразовании и словоизменении даргинского языка. II. Этимон времени // Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1991. С.4-10.
7. *Абдуллаев З.Г.* Даргинский язык. Ч.2. Морфология. М.: Наука, 1993 а.
8. *Абдуллаев З.Г.* Даргинский язык. Ч.3. Словообразование. М.: Наука, 1993 б.
9. *Абдуллаев И.Х.* Опыт анализа лакской этнонимии // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972. С.151-187.
10. *Абдуллаев И.Х.* Структурно-морфологические особенности имен прилагательных в лакском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1980. Т.7. С.252-275.
11. *Абдуллаев И.Х.* Суффиксы имен места в лакском языке // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. С.22-33.
12. *Абдуллаев И.Х.* Материалы к морфемному словарю лакского языка // Проблемы сравнительно-исторического исследова-

ния морфологии языков Дагестана. Махачкала, 1992а. С.142-173.

13. *Абдуллаев И.Х.* Морфология лакского языка в историко-сравнительном освещении // Автореф. дис.... докт. филол. наук. М., 1992б. 60с.
14. *Абдуллаев И.Х.*, Маммаева Н.Ц. Названия вьючных животных и связанных с ними понятий в лакском языке (Материалы) // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц. Махачкала, 1988. С.51-58.
15. *Абдуллаев С.* Грамматика даргинского языка. Махачкала, 1954.
16. *Абдусаламов А.А.* Способы образования имен существительных в даргинском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1974. Т.I. С.278-285.
17. *Азаев Х.Г.* Словообразование и лексика ботлихского языка // Автореф. дис.... кандид. филол. наук. Тбилиси, 1975.
18. *Алексеев М.Е.* Превербы в крызском и будухском языках // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983. С.243-250.
19. *Алексеев М.Е.* К вопросу о классификации лезгинских языков // ВЯ, 1984, №5. С.88-94.
20. *Алексеев М.Е.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985. 158с.
21. *Алексеев М.Е.* Сравнительно-историческая грамматика лезгинских языков // Автореф. дис.... докт. филол. наук. М., 1988а. 36с.
22. *Алексеев М.Е.* Сравнительно-истоирческая морфология аваро-андийских языков. М., 1988б. 223 с.
23. *Алексеев М.Е.* Гипотеза моноконсонантизима корня в дагестанских языках и типология структуры корня // IV Всесоюзная конференция востоковедов "Восток: Прошлое и будущее народов" (новые подходы в теории и методиках востоковедных исследований): Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С.7.

24. *Алексеев М.Е.* Агульский язык // Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. М., 1994. С.12-13.
25. *Алексеев М.Е., Загиров В.М.* Школьный этимологический словарь табасаранского языка. Махачкала, 1992. 96с.
26. *Алипулатов М.А.* К вопросу о строении имен числительных в языках лезгинской группы // Сборник работ аспирантов кафедр гуманитарных наук. Махачкала, 1964.
27. *Алиханов С.З.* Словообразование в аварском языке // Автореф. дис.... кандид. филол. наук. Махачкала, 1994. 26 с.
28. *Бенвенист Э.* Уровни лингвистичекого анализа // Новое в лингвистике. Вып. 4. М.: Прогресс, 1965. С.434-449.
29. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Язык и языки // Избранные труды. Т.I. СПб., 1904.
30. *Бокарев А.А.* Очерк грамматики чамалинского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
31. *Бокарев Е.А.* Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках // Язык и мышление. М.; Л., 1948. Т.2.
32. *Бокарев Е.А.* Смычно-гортанные аффрикаты прадагестанского языка // ВЯ, 1958, № 4.
33. *Бокарев Е.А.* Цезские (дидойские) языки Дагестана. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 291с.
34. *Бокарев Е.А.* К реконструкции падежной системы пралезгинского языка // Вопросы грамматики. М.; Л, 1960. С.43-50.
35. *Бокарев Е.А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. 99 с.
36. *Бокарев Е.А.* Цезский язык // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. Т.4. М.: Наука, 1967а. С.404-420.
37. *Бокарев Е.А.* Хваршинский язык // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. Т.4. М.: Наука, 1967б. С.421-435.
38. *Бокарев Е.А.* Сравнительно-историческая фонетика восточнокавзказских языков. М.: Наука, 1981. 140с.

39. *Бокарев Е.А., Климов Г.А.* Введение // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. Т.4. М.: Наука, 1967. С.7-14.
40. *Будагов Р.А.* Человек и его язык. Изд-во Москв. ун-та, 1976. 429с.
41. *Виноградов В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Вопросы теории и истории языка. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
42. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Выс. школа, 1972. 614 с.
43. *ВСДЯ 1986* – Вопросы словообразования дагестанских языков. Махачкала, 1986. 151 с.
44. *Гаджиев М.М.* Следы грамматических классов в лезгинском языке // Учен. зап. Института ИЯЛ. Махачкала,1958. Т.5.
45. *Гаджиева Н.З.* Соотношение приемов сравнительно-исторических и ареальных исследований при реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М.: Наука, 1988. С.181-189.
46. *Гайдаров Р.И.* Ахтынский диалект лезгинского языка (По данным сел. Ахты). Махачкала, 1961. 165 с.
47. *Гайдаров Р.И.* Лезги чIалан диалектология. Лезги чIалан учителяр ва литфакдин студентар патал. Махачкала, 1963.
48. *Гайдаров Р.И.* Лезги чIалан диалектология. Филологический факультетдин урус чIаланни ва литфакдин студентар патал. Дагъустандин чIаларин отделение патал программа. Махачкала, 1965.
49. *Гайдаров Р.И.* Лексика лезгинского языка (Основные пути развития и обогащения). Спецкурс. Махачкала, 1966. 265 с.
50. *Гайдаров Р.И.* О некоторых общих моментах в словообразовании дагестанских языков // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969. С.112-116.
51. *Гайдаров Р.И.* Словообразовательные типы и способы словообразования в лезгинском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1988. Т.15. С.302-308.

52. *Гайдаров Р.И.* Основы словообразования и словоизменения в лезгинском языке. Пособие для учителя. Махачкала, 1991. 79с.
53. *Гамзатов Р.Э.* О превербно-послеложной системе мазадинского (ташского) говора аварского языка // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983. С.236-242.
54. *Ганиева Ф.А.* Словосложение как один из способов словообразования в хиналугском языке // Вопросы словообразования дагестаснких языков. Махачкала, 1986. С.121-126.
55. *Гигинейшвили Б.К.* Падежная система общедагестанского языка в свете общей теории эргативности // ВЯ, 1976, № 1.
56. *Гигинейшвили Б.К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси: Изд-во ун-та, 1977. 165с.
57. *ГОЯ 1963* – Грамматика осетинского языка. Ч.1. Орджоникидзе, 1963.
58. *ГРЯ 1952* – Грамматика русского языка. Т.1. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
59. *Гудава Т.Е.* Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языка. Махачкала, 1959.
60. *Гудава Т.Е.* Консонантизм андийских языков. Тбилиси: Мецниереба, 1964.
61. *Гудава Т.Е.* Ботлихский язык // Языки народов СССР. Т.4. Иберийско-кавказские языки. М.: Наука, 1967а. С.293-306.
62. *Гудава Т.Е.* Тиндинский язык // Языки народов СССР. Т.4. Иберийско-кавказские языки. М.: Наука, 1967б. С.368-383.
63. *Гудава Т.Е.* Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 223с.
64. *Гудава Т.Е.* Количественные числительные в аварско-андийско-дидойских языках (Историко-сравнительный анализ) // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1980. Т.7. С.153-217.
65. *ГФЯ 1958* – Грамматика финского языка. М., 1958.
66. *Десницкая А.В.* Об истоирзме в трактовке элементов стурктуры слова // Морфологическая структура слова в языках разных типов. М.; Л., 1963.

67. *Десницкая А.В.* К вопросу об взаимоотношении агглютинации и флексии языков. М.; Л., 1965.
68. *Дирр А.М.* Грамматика удинского языка. СМОМПК. Вып. 33, отд.IV. Тифлис, 1904.
69. *Дирр А.М.* Грамматический очерк табасаранского языка. СМОМПК. Вып. 35. Тифлис, 1905.
70. *Дирр А.М.* Краткий грамматический очерк андийского языка. СМОМПК. Вып. 36, отд. IV. Тифлис, 1906.
71. *Дирр А.* Агульский язык. СМОМПК. Вып. 37. Тифлис, 1907. 188с.
72. *Дирр А.М.* Арчинский язык. СМОМПК. Вып. 39, отд.III. Тифлис, 1908.
73. *Дирр А.М.* Рутульский язык. СМОМПК. Вып. 42. Тифлис, 1911. 204с.
74. *Дирр А.М.* Цахурский язык. СМОМПК. Вып. 43, отд. IV. Тифлис, 1913. 243с.
75. *ДО 1991* – Дагестанская ономастика. Материалы и исследования. Махачкала, 1991.
76. *Джейранишвили Е.Ф.* Некоторые общие именные основы в цахурско-рутульском, удинском и в других иберийско-кавказских языках // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1958. Т.9-10.
77. *Джейранишвили Е.Ф.* О первоначальном значении географического названия kurmux // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1962. Т.13.
78. *Джейранишвили Е.Ф.* Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (рутульского) языков // Автореф. дис.... докт. филол. наук. Тбилиси, 1966.
79. *Джейранишвили Е.Ф.* Рутульский язык // Языки народов СССР. Т.4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С.580-590.
80. *Джейранишвили Евг.* Категория числа в удинском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С.60-65.
81. *ЕИКЯ 1974-1992.* Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1974-1992. Т.1-19.

82. *Жирков Л.И.* Развитие частей речи в горских языках Дагестана // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Сборник лингвистических исследований. М.; Л., 1935.
83. *Жирков Л.И.* Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941. 131с.
84. *Жирков Л.И.* Табасаранский язык. М., Л., 1948а.
85. *Жирков Л.И.* Словообразование в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1948б.
86. *Жирков Л.И.* Система классного согласования в даргинском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961. С.193-204.
87. *Жирмунский В.М.* Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении // Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1946. Т.5. Вып. 3.
88. *Загиров В.М.* Лексика табасаранского языка. Махачкала, 1981. 108с.
89. *Загиров В.М.* Словообразовательные суффиксы имен существительных в языках восточнолезгинской подгруппы // Вопросы словообразования дагестанских языков. Махачкала, 1986. С.144-149.
90. *Загиров В.М.* Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала: Дагучпедгиз, 1987. 143с.
91. *Ибрагимов Г.Х.* Названия цахурских и рутульских аулов // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972. С.136-144.
92. *Ибрагимов Г.Х.* Рутульский язык. М.: Наука, 1978. 308с.
93. Ибрагимов Г.Х. Рутульський язык (синхронная и диахроническая характеристика диалектов) // Автореф. дис.... докт. филол. наук. М., 1980. 48с.
94. *Ибрагимов Г.Х.* Цахурский язык. М.: Наука, 1990. 239с.
95. *Иллич-Свитыч В.М.* Caucasica // Этимология 1964. М.: Наука, 1965.
96. *Имнайшвили Д.С.* Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршинским языками. Тбилиси, 1963.

97. *Исаев М.Г.* Особенности тлянадинского говора анцухского диалекта аварского языка // Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала,1975. 22с.
98. *Исаков И.А., Халилов М.Ш.* Некоторые особенности освоения аварских заимствований дидойцами: Тезисы докладов, посвященных итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978-1979 гг. Махачкала,1980. С.72-73.
99. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч.1. Братислава, 1954.
100. *Казанский Н.Н.* Рецензия на работу: Sihler A.L. New comparative grammar Greek and Latin. New York; Oxford University. Press, 1995 // ВЯ, 1997, № 5.
101. *Керашева З.М.* Взаимосвязь и взаимозависимость глагольного словообразования и формообразования // Тринадцатая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков (Глагольное словообразование в иберийско-кавказских языках): Тезисы докладов. Майкоп, 1990. С.62-63.
102. *Керимов К.Р.* О параллели между адвербиальными словами и пространственными превербами в глаголе хиналугского языка // Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980.
103. *Керимов К.Р.* Глагол хиналугского языка // Автореф. дис... кандид. филол. наук. Махачкала, 1986. 26с.
104. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Изд-во МГУ, 1990. 365 с.
105. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П.* Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.: Изд-во МГУ, 1972.
106. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П., Самедов Д.С.* Опыт структурного описания арчинского языка. Т.1-3. М.: Изд-во МГУ, 1977.
107. *Кияк Т.Р.* Мотивированность лексических единиц (количественные и качественные характеристики). Минск, 1988.
108. *Климов Г.А.* К происхождению эргативной конструкции предложения // ВЯ, 1974, № 1. С.3-13.

109. *Климов Г.А.* К взаимоотношению генеалогической, типологической и ареальной классификации языков // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980.
110. *Климов Г.А.* Принципы контенсивной типологии. М.: Наука, 1983. 224с.
111. *Климов Г.А.* К семантической реконструкции (по материалам кавказской этимологии) // Теория и практика этимологических исследований. М.: Наука, 1985. С.16-23.
112. *Климов Г.А., Алексеев М.Е.* Типология кавказских языков. М.: Наука, 1980. 304с.
113. *Кормушин И.В.* Проблемы реконструкции пратюркского глагола. Темпоральная система, ее истоки и преобразования: Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1991. 76с.
114. *Кубрякова Е.С.* Теория номинации и словообразование // Языковая номинация (виды наименований). М.: Наука. 1977.
115. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
116. *Кубрякова Е.С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. Серия литературы и языка. Т.53. 1994, №2.
117. *Кумахов М.А.* Морфология адыгских языков. Синхронно-диахронная характеристика. Ч.1. Введение, структура слова, словообразование частей речи. Нальчик, 1964.
118. *Курбанов А.И., Мельников Г.П.* Логические основания именной классификации в цахурском языке // Вопрсоы структуры языка. М., 1964.
119. *Курбанов К.К.* Превербы в глагольной основе табасаранского языка // Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980. С.154-159.
120. *Курбанов К.К.* Структура глагольной основы в табасаранском литературном языке // Автореф. дис... кандид. филол. наук. Махачкала, 1981. 20с.

121. *Курбанов К.К.* Глагол в табасаранском языке и его изучение в школе (Глагольное словообразование). Махачкала: Дагучпедгиз, 1982.
122. *Курбанов К.К.* Способы выражение пространственных отношений в табасаранском языке // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. С.113-122.
123. *Курбанов К.К.* К вопросу о суффиксальном словообразовании имен существительных в восточнолезгинских языках // Проблемы сравнительно-исторического исследования морфологии языков Дагестана. Махачкала, 1992. С.68-71.
124. *Курбанов К.К.* Грамматические классы слов табасаранского языка. Махачкала, 1995.
125. *Левковская К.А.* Немецкий язык. Ч.1. М., 1960.
126. *Ломтадзе Э.А.* Образование множественного числа в глаголе капучинско-гунзибского языка // Иберийско-кавказское языкознание. Т.5. Тбилиси, 1953 (на груз.яз.).
127. *Ломтадзе Э.А.* Словообразование в именах числительных дидойских языков // Четырнадцатая научная сессия Института языкознания АН Груз. ССР: План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1957.
128. *ЛСАЯ 1959* – Лексикология современного английского языка. М., 1959.
129. *ЛСПШ 1964* – Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964.
130. *ЛЭС 1990* – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
131. *Магомедбекова З.М.* О двух суффиксах словообразования в каратинском и аварском языках // Иберийско-кавказское языкознание. Т.21. Тбилиси, 1959.
132. *Магомедбекова З.М.* Багвалинский язык. (Предварительное сообщение) // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.123-129.
133. *Магомедбекова З.М.* Ахвахский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1967а.

134. *Магомедбекова З.М.* Ахвахский язык // Языки народов СССР. Т.4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967б. С.336-349.
135. *Магомедбекова З.М.* Чамалинский язык // Языки народов СССР. Т.4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967в. С.384-399.
136. *Магомедбекова З.М.* К именному словообразованию в аваро-андийско-дидойских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1987. Т.14. С.215-224.
137. *Магомедбекова З.М.* Глагольное словообразование и семантические особенности аварского глагола // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1990. Т.17. С.66-80.
138. *Магомедов А.Г., Гаджиев М.Г.* Дагестанско-нахское языковое единство по данным истории систем организаций имен по грамматическим классам // Алародии (этногенетические исследования). Махачкала, 1995. С.66-81.
139. *Магомедова П.Т.* К характеристике дейктических систем чамалинского языка // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. С.100-108.
140. *Магометов А.А.* Местоименная аффиксация в глаголах табасаранского языка // Иберийско-кавказское языкознание. Т.7. Тбилиси, 1955. С.359-415.
141. *Магометов А.А.* Превербы в табасаранском языке (сравнительно с превербами в даргинском и агульском языках) // Иберийско-кавказское языкознание. Т.8. Тбилиси, 1956а. С.315-340.
142. *Магометов А.А.* О категории грамматических классов в табасаранском языке // Сообщения АН Груз. ССР. Т.22, №6. Тбилиси, 1956б.
143. *Магометов А.А.* О строе глагола в табасаранском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.227-239.
144. *Магометов А.А.* Реликты грамматических классов в агульськом языке // Вестник Отд. общ. наук АН Груз. ССР, №3. Тбилиси, 1962.

145. *Магометов А.А.* Кубачинский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1963. 341с.

146. *Магометов А.А.* Табасаранский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1965. 398с.

147. *Магометов А.А.* Агульский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1970а. 242с.

148. *Магометов А.А.* Об одном числительном в агульском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Т.17, 1970б.

149. *Магометов А.А.* Мегебский диалект даргинского языка (Исследование и тексты). Тбилиси, 1982.

150. *Магометов А.А.* Система послеложных падежей и превербов в даргинском языке (по диалектным данным) // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983. С.191-202.

151. *Мадиева Г.И.* Морфология аварского языка. Махачкала, 1961.

152. *Мадиева Г.И.* Грамматический очерк бежтинского языка. Махачкала: Изд-во Даг.ун-та, 1965.

153. *Мадиева Г.И.* Морфология аварского литературного языка. Махачкала, 1980.

154. *Маллаева З.М.* Система временных и пространственных отношений в аварском языке // Автореф. дис.... кандид. филол. наук. Тбилиси, 1989. 23с.

155. *Маммаева Н.Ц.* Морфологическая структура производных наречий времени в лакском языке // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981.

156. *Маммаева Н.Ц.* Словообразовательная структура и функционирование пространственных наречий в лакском языке // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990.

157. *Марков В.М.* О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981.

158. *Мегрелидзе И.В.* Числительные дидойского языка (отдельный оттиск). Сталинир, 1955.

159. *Мейланова У.А.* Направительные падежи в современном лезгинском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.203-214.

160. *Мейланова У.А.* О категории грамматического класса в лезгинском языке // Учен. зап. Института ИЯЛ Дагестанского ФАН СССР. Махачкала, 1962. Т.10.

161. *Мейланова У.А.* Очерки лезгинской диалектологии. М.: Наука, 1964. 416с.

162. *Мейланова У.А.* Гюнейский диалект – основа лезгинского литературного языка. Махачкал, 1970. 192 с.

163. *Мейланова У.А.* О строе глагола в будухском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1977. Т.4. С.227-237.

164. *Мейланова У.А.* Краткий грамматический очерк будухского языка // Будухско-русский словарь. М.: Наука, 1984. С.183-201.

165. *Мейланова У.А.* Основные вопрсоы формирования и функционирования категории числа в лезгинском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С.52-59.

166. *Мейланова У.А.* Исторические сдвиги в падежной системе лезгинского языка // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала, 1987. С.147-152.

167. *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. М.: Изд-во АН СССР, 1945. 322с.

168. *Микаилов Ш.И.* Очерки аварской диалектологии. М.; Л.. 1959. 511с.

169. *Микаилов Ш.И.* Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала, 1964. 171с.

170. *Микаилов Ш.И.* К характеристике и истории образования указательных местоимений и наречий в аварском языке // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972.

171. *Моисеев А.И.* К теории словообразования (синхрония и диахрония в словообразовании) // Вестник Ленинградского ун-та. Серия истории, языка и литературы, 1974, №8.

172. *Москальская О.И.* Грамматика немецкого языка. М., 1956.
173. *Муркелинская З.Г.* О структуре глагольной основы в лакском языке // Глагол в дагестанских языках. Махачкала, 1980.
174. *Муркелинский Г.Б.* Показатели множественности в лакском языке // Труды 2-ой научной сессии Даг. базы АН СССР. Махачкала, 1948.
175. *Муркелинский Г.Б.* Лакский язык // Языки народов СССР. Т.4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С.488-507.
176. *Муркелинский Г.Б.* Грамматика лакского языка. Махачкала, 1971.
177. *Мусаев М.-С.М.* Лексика даргинского языка (Сравнительно-исторический анализ). Махачкала, 1978. 129с.
178. *Мусаев М.-С.М.* Падежные окончания и их генетические параллели в системе превербов и послелогов даргинского языка // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказких языках. Черкесск, 1983. С.255-264.
179. *Немченко В.Н.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1984.
180. *Никитевич В.М.* Словообразование и деривационная грамматика. Алма-Ата, 1978, ч.1. Гродно, 1982, ч.2.
181. *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. Казань, 1987. 152с.
182. *ОЛДЯ 1984* – Отраслевая лексика дагестанских языков. Материалы и исследования. Махачкала, 1984.
183. *ОЛДЯ 1988* – Отраслевая лексика дагестанских языков. Названия животных и птиц. Махачкала, 1988.
184. *ОЯ 1973* – Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. М., 1973.
185. *Панек Л.Б.* О некоторых терминах родства и грамматических классах в дагестанских языках // Языки Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1954.
186. *Панчвидзе В.Н., Джейранишвили Е.Ф.* Удинский язык // Языки народов СССР. Т.4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С.676-688.

187. *ПОЛДЯ 1985* – Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства. Махачкала. 1985.
188. *ПОЛДЯ 1986* – Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. Махачкала, 1986.
189. *Рогава Г.В.* К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1956.
190. *Самедов Д.С.* Некоторые вопросы лексики арчинского языка // Автореф. дис.... кандид. филол. наук. М., 1975. 29с.
191. *СИЛДЯ 1971* – Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М.: Наука, 1971. 295с.
192. *Скорик П.Я.* О соотношении агглютинации и инкорпорации (на материале чукотско-камчатских языков) // Морфологическая типология и проблемы классификации языков. М.; Л., 1965.
193. *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. М., 1956.
194. *Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977.
195. *Солнцев В.М.* Типология и тип языка // ВЯ, 1978, №5. С.35-37.
196. *СППИКЯ 1983* – Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983.
197. Структурные общности кавказских языков. М.: Наука, 1978.
198. *Сулейманов Н.Д.* Способы словообразования агульских антропонимов // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980а. С.50-52.
199. *Сулейманов Н.Д.* Направительные превербы агульского языка (в их связи с направительными превербами группы лезгинских языков) // Материалы Шестой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп, 1980б. С.202-209.
200. *Сулейманов Н.Д.* Словообразование в агульском языке // Журнал "Дружба". Махачкала, 1981, №2 (на лезг. языке). С.103-106.

201. *Сулейманов Н.Д.* Морфемная структура имен в группе лезгнских языков (вопрсоы исторической деривации) // Морфемный строй дагестанских языков. Махачкала, 1988. С.80-87.

202. *Сулейманов Н.Д.* Роль агульских диалектов в исследовании вопросов сравнительно-исторической морфологии языков восточнолезгинской подгруппы // Историко-лингвистические связи народов Кавказа и проблемы языковых контактов: Тезисы Всесоюзной научной конференции. Грозный, 1989а. С.77.

203. *Сулейманов Н.Д.* Об одном (классном) способе образования каузатива в агульском языке // Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках. Тбилиси: Мецниереба, 1989б. С.160-162.

204. *Сулейманов Н.Д.* Направительный падеж серии -ъ "в", "внутри" в языках восточнолезгинской подгруппы (К агульско-лезгинским ареальным связям) // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. С.72-74.

205. *Сулейманов Н.Д.* Ареальная лингвистика и проблемы инноваций, архаизмов и языковой конвергенции в сравнительно-исторических исследованиях языков лезгинской группы // Проблемы языкового контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР. Лексикографическая специфика описания контактных явлений. Всесоюзная научная конференция: Тезисы докладов. Махачкала, 1991а. С.89-91.

206. *Сулейманов Н.Д.* Некоторые проблемы сравнительно-исторического исследования дагестанских языков // Четвертая Всесоюзная конференция востоковедов "Восток: Прошлое и будущее народов" (новые подходы в теории и методиках востоковедных исследований) : Тезисы докладов и сообщений. М.1991б. Т.1. С.116-117.

207. *Сулейманов Н.Д.* К истории формирования направительных морфем с вертикальной ориентацией в дагестанских языках (историко-типологический аспект) // Проблемы сравнитель-

но-исторического исследования морфологии языков Дагестана. Махачкала, 1992а. С.108-130.

208. *Сулейманов Н.Д.* Общеагульская лексика // Сравнительно-сопоставительные исследования лексики. Межвузовский научно-тематический сборник. Махачкала: Изд-во Даг. ун-та, 1992б. С.63-75.

209. *Сулейманов Н.Д.* Сравнительно-истоирческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993а. 210с.

210. *Сулейманов Н.Д.* Применение приемов релятивной хронологии при исследовании направительных превербов в группе лезгинских языков // Глагольное словообразование в иберийско-кавказских языках. Материалы Тринадцатой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп, 1993б. С.156-162.

211. *Сулейманов Н.Д.* К реконструкции правосточнокавказского корня: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИАЭ и ЯЛИ в 1992-1993 гг. Махачкала, 1994. С.83.

212. *Сулейманов Н.Д.* Некоторые аспекты сравнительно-исторического исследования словообразования дагестанских языков // Семантика языковых единиц разных уровней. Вып. I. Материалы межвузовской конференции, посвященной 65-летию Даг. ун-та. Махачкала, 1996. С.106-108.

213. *Сулейманов Н.Д.* К семантике общедагестанской морфемы **хъ* // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Материалы региональной научной конференции, посвященной 65-летию кафедры дагестанских языков Даггосуниверситета. Махачкала, 1997а. С.199-201.

214. *Сулейманов Н.Д.* О некоторых общедагестанских реконструкциях // Вопросы кавказского языкознания. Махачкала, 1997б. С.58-59.

215. *Сулейманов Н.Д.* Предварительные итоги сравнительно-исторического исследования словообразования дагестанских языков // Современные пробелмы кавказского языкознания и тюркологии. Материалы региональной научной конферен-

ции, посвященной 65-летию кафедры дагестанских языков Даггосуниверситета. Махачкала, 1997в. С.201-203.

216. *Сулейманов Н.Д.* Структура сложных имен существительных в восточнолезгинских языках // Наука и молодежь. Вып.1. Махачкала, 1997г. С. 335-339.

217. *Сулейманов Н.Д.* Основные принципы удвоения основ в дагестанских языках (Сравнительно-типологический аспект) // Девятый Международный коллоквиум Европейского общества кавказоведов: Тезисы докладов. Махачкала, 1998. С.152-154.

218. *Талибов Б.Б.* Превербы в системе лезгинского глагольного корня // Учен. зап. Института ИЯЛ. Т.5. Махачкала, 1958.

219. *Талибов Б.Б.* О некоторых окаменелых и полуокаменелых элементах в структуре лезгинского языка // Вопросы грамматики. М.; Л., 1960.

220. *Талибов Б.Б.* Система грамматических классов в цахурском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.215-226.

221. *Талибов Б.Б.* Грамматический очерк лезгинского языка // *Талибов Б.Б.*, Гаджиев М.М. Лезгинско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. С.539-603.

222. *Талибов Б.Б.* К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках // Материалы Первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969. С.80-100.

223. *Талибов Б.Б.* Сравнительная фонетика лезгинских языков. М.: Наука, 1980. 350 с.

224. *Талибов Б.Б., Гаджиев М.М.* Лезгинско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 603с.

225. *Темирубулатова С.М.* К характеристике овцеводческой лексики хайдакского, мугинского, усишинского и кубачинского диалектов даргинского языка // Отраслевая лексика дагестанских языков: Назвния животных и птиц. Махачкала, 1988а. С.75-82.

226. *Темирбулатова С.М.* Именная морфемика хайдакского диалекта даргинского языка // Морфемный строй дагестанских языков. Махачкала, 1988б. С.73-79.

227. *Топуриа Г.В.* Основные морфологические категории лезгинского глагола. Тбилиси, 1959.

228. *Топуриа Г.В.* Об отрицательном повелительном и образующей его основе в лезгинских языках // Труды Тбилисского ун-та. В.3. 142. Тбилиси, 1972.

229. *Топуриа Г.В.* Категория каузатива в лезгинских языках: Тезисы Шестой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп, 1975.

230. *ТРНСИСИИКЯ 1990* – Тринадцатая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков (Глагольное словообразование в иберийско-кавказских языках): Тезисы докладов. Майкоп, 1990.

231. *Трубачев О.Н.* Славистика на XII Международном съезде славистов (краткий обзор) // ВЯ, 1999, № 3. С.3-19.

232. *Трубецкой Н.С.* Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. 560с.

233. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Т.3. Аварский язык. Тифлис, 1889. 295с.

234. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Т.4. Лакский язык. Тифлис, 1890. 436с.

235. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Т.5. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892. 670с.

236. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Т.6. Кюринский язык. Тифлис, 1896. 639с.

237. *Услар П.К.* Этнография Каказа. Языкознание. Т.7. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979. 1070с.

238. *Хайдаков С.М.* Очерки по лексике лакского языка. М.: Наука, 1961. 199с.

239. *Хайдаков С.М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестаских языков. М.: Наука, 1973. 179с.

240. *Хайдаков С.М.* Система глагола в дагестанских языках. М.: Наука, 1975. 276с.

241. *Хайдаков С.М.* Характер функционирования послелогов, превербов и местных падежей в дагестанских языках // Система превербов и послелогов в иберийско-каказских языках. Черкесск, 1983. С.188-190.

242. *Халилов М.Ш.* Глагольное словообразование в бежтинском языке // Глагол в дагестаснких языках. Махачкала, 1980. С.23-29.

243. *Ханмагомедов Б.Г.-К.* Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков // Автореф. дис.... кандид. филол. наук. Махачкала, 1958. 21 с.

244. *Ханмагомедов Б.Г.-К.* Табасаранский язык // Языки народов СССР. Т.4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С.545-561.

245. *Ханмагомедов Б.Г.-К.* Об одной группе прилагательных в табасаранском языке // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 3. М., 1996. С.55-56.

246. *Хидиров В.С.* Основные категории глагола в крызском языке (в сравнении с соответствующими категориями глагола в лезгинском и хиналугском языках) // Автореф. дис.... кандид. филол. наук. Баку, 1964.

247. *Хидиров В.С.* Особенности глагольного словообразования в крызском языке // Морфологическая структура дагестанских языков. Махачкала, 1981. С.155-167.

248. *Цецвадзе И.И.* Андийский язык // Языки народов СССР. Т.4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С.276-292.

249. Чикобава А.С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942. (На груз. языке. Резюме на русск. языке).

250. *Чикобава А.С.* Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1948.

251. *Чикобава А.С.* Грамматические классы имен в иберийско-кавказских языках: общие вопросы системы и истории // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1978. Т.5. С.9-27.

252. *Шарашенидзе Т.С.* Типология языков, синхрония и диахрония // Вопросы современного общего и теоретического языкознания. Вып.3. Тбилиси, 1971.

253. *Шарашенидзе Т.С.* Лингвистическая теория И.А.Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX-XX веков. М.: Наука, 1980. 133с.

254. *Шаумян Р.* К анализу лезгинского числительного "сорок" // Памяти академика Н.Я.Марра. М.; Л., 1938.

255. *Шаумян Р.* Грамматический очерк агульского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 198с.

256. *Ширинова Н.К.* Лексика будухского языка // Автореф. дис.... кандид. филол. наук. Махачкала, 1997. 24с.

257. *Шмидт К.Х.* Пробелмы генетической и типологической реконструкции кавказских языков // ВЯ, 1972, №4.

258. *Эдельман Д.И.* К генезису вигезимальной системы числительных // ВЯ, 1975, №5. С.30-37.

259. *Юзбекова С.Б.* Глагольное словосочетание в лезгинском языке // Автореф. дис.... кандид. филол. наук. Махачкала, 1994. 20с.

260. *Ярцева В.Н.* "Языковой тип" среди сопредельных понятий // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980.

261. *Яхонтов С.Е.* О морфологической классификации языков // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965.

262. *Bouda K.* Beitrdge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. 3. Das Tabassaranische. Leipzig, 1939.

263. *Dumezil G.* Introduction a la grammaire comparee des langues caucasiennes du Nord. Paris, 1933.

264. *Erckert R.* Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895.

265. *Greenberg J.H.* A quantitative approach to the morphological typology of languages. International of Americal Linguistics. Vol. XXVI. 1960. №3.

266. *Hjelmslew L.* La catégorie des cas. Etude de grammaire générale (Acta Jutlandica Aarsskrift for Aarhus Universitet, IX, 2) Deuxieme partie. Kebenhavn, 1937.
267. *Klaproth H.J.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien… eine vollstandige Beschreibung der Kaukasischen Lander un ihrer Bewohner. Berlin. Bd.I, 1812; Bd. II, 1814.
268. *Trubetzkoy N.* Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen. Caucasica, f.8. Leipzig, 1931.

Содержание